Венец рабов

Расплата за грехи - 1

Дэвид Вебер
Эрик Флинт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

!!!Незаконченный!!! (32 глав из 48) перевод с http://www.woweber.com/.

- Дэвид Вебер, Эрик Флинт
  -
  - Часть I
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Часть II
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Часть III
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
  - Глава 31
  - Глава 32

Дэвид Вебер, Эрик Флинт

Венец рабов

Перевод: Uglydragon, lorien, Д.Л.Горбачёв

Часть I

Мантикора

Глава 1

- Мне правда не по себе, папа, - прошептала Берри, чуть ли не с опаской глядя на солдат в шикарной форме, выстроившихся, казалось, вдоль всего коридора, ведущего к зале для частных аудиенций королевы Елизаветы.

- Было бы с чего, - буркнул Антон Зилвицкий, невозмутимо продолжая шагать к громадным двустворчатым дверям в конце коридора. Двери, как и большая часть мебели Дворца на Королевской Горе, были сделаны из феррана. Даже со всё ещё значительного расстояния Антон без проблем узнавал как характерную текстуру древесины, так и традиционные узоры украшавшей её резьбы. Ферран был эндемиком плоскогорий его родной планеты Грифона, и в юности он немало с ним поработал. Как и большинство грифонских горцев, в тот или иной период своей жизни.

Часть Зилвицкого - рациональная, расчетливая его сторона, бывшая столь заметной составляющей его личности - была рада видеть ферран. Деревянные двери, и тем более резьба, были тонким напоминанием всем от династии Винтонов, что они ценят своих подданных с грифонских плоскогорий не меньше, чем собственно мантикорцев. Но Антон не мог не вспомнить и то, насколько ненавидел мальчишкой работу с этой древесиной. Корень слова "ферран" был достаточно прозрачным намёком на самое её выдающееся свойство, помимо привлекательной текстуры и насыщенного цвета.

Бугрящиеся на руках Антона мускулы были результатом занятий тяжелой атлетикой в зрелом возрасте; однако мускулы эти были крепкими и сильными ещё когда он был мальчишкой. Работа с ферраном - дело не для слабаков. Его древесина по твердости приближалась к железу, и её столь же нелегко было обрабатывать ручным инструментом.

Губы Антона дрогнули. То же обвинение - во всяком случае аналогичное - предъявляли и ему, и куда чаще, чем однажды. "Чёрт тебя дери, Зилвицкий! Жёсткий как скала, и такой же неподатливый!"

Вообще-то последний раз оно прозвучало этим самым утром из уст его любовницы Кэти Монтень.

- Думаю, мама была права, - прошептала Берри. - Тебе следовало надеть форму.

- Они вышибли меня на половинное жалование, - пробурчал он. - И после этого я должен носить эту дурацкую парадную

форму - самый неудобный костюм, что у меня есть? Как пудель, выпрашивающий прощение на задних лапках?

Нервные взгляды, бросаемые Берри на выстроившихся стражей, определенно стали опасливыми. Особенно взгляд на следовавших в нескольких шагах за ними четырёх солдат. Очевидно, девочка практически ожидала, что королевская Гвардия арестует их на месте за…

Если отбросить замысловатые юридические обороты, то за то, что они являются упрямым, непочтительным деревенщиной Антоном Зилвицким и его приёмной дочерью.

- Королева тебя на берег не списывала, - торопливо прошипела она, как будто это заявление могло послужить установлению её невиновности. - Именно это мама продолжала твердить тебе всё утро. Я слышала. Она делала это достаточно громко.

Первой реакцией Антона была тихая радость от того, что Берри называла Кэти Монтень мамой. Формально это, разумеется, было не так. Берри и её брат Ларс были приёмными детьми Антона, а поскольку они с Кэти не были женаты, ту следовало называть…

Его губы снова дрогнули. "Папиной подружкой", пожалуй. "Прекрасной Дамой", если хотелось выразиться красиво. Сама Кэти в соответствующей компании с удовольствием называла себя "тёлкой Антона". Бывшая графиня Тор радовалась как ребёнок при виде кривящихся лиц из благовоспитанного общества.

Для Берри и Ларса, родившихся и выросших в убожестве Старых Кварталов столицы Земли Чикаго, формальности были пустым звуком. Когда дочь Антона Хелен нашла и спасла их в катакомбах, Берри и Ларс нашли себе первую настоящую семью, которая у них когда-либо была. И Антона радовала легкость, с которой это знание укрепилось в них.

Но радость следовало отложить. Сейчас было время для суровой отеческой нотации. Поэтому Антон стёр с лица улыбку, резко остановился и вперил в дочь суровый взгляд. Проигнорировав четырёх солдат, которых внезапная остановка едва не заставила налететь на сопровождаемых.

- И что с того? - вопросил он, не пытаясь приглушить свой бас, раскатившийся по коридору. Впрочем, усилившийся грифонский акцент скорее всего сделал его слова неразборчивыми для мажордома, стоящего у далекого дверного проёма.

- Девочка моя, монарх стоит в центре всего. За это Корона получает мою преданность. Безусловную преданность, пока династия уважает права своих подданных. Но столь же

справедливо и обратное. Заметь, я не виню Её Величество за действия "её" правительства. У нас конституционная монархия, и в сложившихся на текущий момент условиях это было бы глупо. Но и восхвалений за это она тоже не получит.

Он едва не расхохотался при виде судорожно сглатывающей Берри. Для бывшей беспризорницы со дна Чикаго сила была силой, а "законы" шли к чёрту. Ни законы, ни законники не защитили её от ужасов, которые она пережила. В мире, из которого она пришла, они бы и не стали этого делать. Конец ужасам положило только неприкрытое насилие, применённое дочерью Антона Хелен, юным офицером разведки Хевена по имени Виктор Каша, и десятком бывших рабов из Одюбон Баллрум с Джереми Эксом во главе.

Однако задачей отца было учить своих детей, и Антон не собирался увиливать от этого долга, как и ни от какого другого.

Он слышал, что один из стоящих позади него солдат прочистил горло в не слишком вежливом напоминании: "Королева ждёт, ты, идиот!"

Великолепная возможность продолжить урок, решил он и ответил солдату - сержанту, командовавшему их сопровождением - своим самым устрашающим взглядом.

Взгляд был весьма устрашающим. Антон был невысок, но настолько широк и непомерно мускулист, что выглядел персонажем легенды о королях гномов. Угловатая голова и тёмные глаза - в подобные моменты становившиеся твёрже агата - только усиливали эффект. При взгляде на него солдатам в голову явно приходил вопрос, а может ли Антон гнуть стальные прутья голыми руками.

Вообще-то может. А ещё солдаты, скорее всего, внезапно вспомнили, что гротескно сложённый человек, вперивший в них сердитый взгляд, в молодости был чемпионом Звёздного Королевства по борьбе в своей весовой категории.

Все четверо отступили на полшага. Правая рука сержанта даже слегка дёрнулась к висевшей на боку кобуре.

Довольно. Антон, в конце концов, не нарывался на самом деле на конфликт. Он позволил взгляду покинуть солдат и вернуться к дочери.

- Девочка моя, я не дворянин. И ты тоже. Поэтому мы не ждём никаких придворных милостей… и не преклоняем колен. Они списали меня на берег, а королева не сказала ничего. Значит, она может жить с этим. Так же, как они или я. Именно поэтому форма висит в шкафу и останется там. Поняла?

Нервозность Берри не унималась.

- Но разве не следует мне изобразить поклон, или что-то в

этом роде?

Антон громыхнул смешком.

- А ты хоть знаешь, как "изобразить поклон"?

Берри кивнула.

- Мама показала.

Сердитый взгляд Антона вернулся во всей красе. Берри торопливо добавила:

- Не так, как она обычно это делает… в смысле делала, прежде чем стать простолюдинкой.

Антон помотал головой.

- Дочь, поклон делается на официальных приёмах. Это - неформальная аудиенция. Просто стой тихо и веди себя вежливо, этого будет достаточно, - он повернулся и продолжил движение к дверям, ведущим к Высочайшему Присутствию. - Кроме того, я всё равно не верю, что ты можешь изобразить его правильно. Уж тем более, если образец ты видела в исполнении Кэти, со всеми дворянскими ужимками и прыжками.

Губы его снова дрогнули, отмечая возвращение хорошего настроения.

- Когда она в соответствующем настроении - что бывает нечасто, признаю - Кэти своим замысловатым поклоном может любую герцогиню заставить позеленеть от зависти.

По крайней мере, к тому моменту, когда они добрались до дверей и гневно сверкающий глазами мажордом начал их распахивать, демонстрация Антоном горского своеволия, похоже, заставила Берри немного расслабиться. Вне всяких сомнений, она пришла к заключению, что Высочайшее Неудовольствие, которое вскоре должно было обрушиться на её отца, будет настолько полностью сфокусировано на нём, что она может остаться невредимой.

***

Впрочем, как ни странно, королева Звёздного Королевства встретила их улыбкой столь широкой, что её почти можно было назвать ухмылкой. Белые зубы Елизаветы ярко выделялись на фоне кожи цвета красного дерева. Насколько мог судить Антон, острозубый оскал спутника королевы Ариэля был ещё более ободряющим признаком. Антон не был экспертом по древесным котам, но знал, что на них обычно отражались эмоции людей, с которыми они установили связь. А если это отдалённо похожее на

кошку создание, небрежно развалившееся на обитой толстой тканью спинке кресла королевы, гневалось или возмущалось, по нему сказать этого было нельзя.

Несмотря на приступ своеволия, Антон не смог не ощутить тёплого чувства по отношению к королеве. В конце концов, он по-прежнему был лоялистом, хотя за годы, прошедшие после знакомства с Кэтрин Монтень, эта когда-то простая политическая философия обросла многочисленными фестончиками и завитушками. И данный конкретный монарх, если основываться на тех её действиях, что он видел с момента коронации, вызывал у него одобрение.

Впрочем, всё это знание было получено с большого расстояния. Он никогда не встречался с королевой Елизаветой, если не считать немногочисленные крупные официальные мероприятия.

Антон уловил едва заметное движение девушки, сидевшей рядом с королевой. Та коснулась маленькой консоли, прикреплённой к её креслу. Бросив взгляд в сторону, он заметил в ближней стене небольшой комнаты скрыто установленный видеоэкран. Сейчас экран был тёмен, но он подозревал, что королева и её компаньонка следили за ним всё то время, пока он шёл по коридору… а значит должны были слышать и его короткую беседу с Берри. Каждое их слово, если только микрофоны не были куда хуже того, что следует ожидать встретить во дворце самого продвинутого в плане электроники королевства галактики.

Такое открытие его не возмутило. Может в те времена, когда он работал на верфи Флота, он отнёсся бы к этому по-другому. Но многие годы работы в разведке - которую он по сути продолжал, хоть и частным порядком - привили Антону индифферентное отношение к скрытому наблюдению. Покуда в неприкосновенности оставалась его частная жизнь, под которой он понимал свои дом и очаг, его не сильно волновала возможная слежка в общественных местах. Нельзя сказать, чтобы ему никогда не приходилось заниматься тем же самым самому, а каковы бы ни были другие его недостатки, Антон Зилвицкий не был лицемером.

Кроме того, по улыбке королевы было очевидно, что та не чувствует себя оскорблённой. Уж скорее она казалась развеселившейся. Берри, когда до нёе это дошло, испытала видимое облегчение.

Но внимание Антона было приковано не к Берри. Пока они продолжали медленное движение к вычурным креслам, служившим неформальными тронами Елизавете и её

компаньонке, Антон присматривался к сидевшей рядом с королевой девушке.

Сперва он посчитал, что никогда раньше её не видел, даже на фото- или голографиях. Однако, подойдя ближе, он начал улавливать сходство черт её лица с тем, что видел на немногих фотографиях, сделанных когда та была намного младше. Достаточно скоро Антон вычислил, кто она такая.

Последней подсказкой послужил её возраст. Антон не был экспертом по высокой моде, но даже для него было очевидно, что одеяние девушки было чрезвычайно дорогостоящим. Таким, которое следовало бы ожидать увидеть на дворянке, служащей советником королевы. Но для такой должности девушка была слишком юна. Разумеется, пролонг сделал оценку возраста достаточно трудным делом, но Антон был уверен, что эта девушка недалеко ушла от подростка, которым выглядела со стороны.

Значит, она собственно из королевской семьи, или близкая родственница, а из этого круга подходящая кандидатура была только одна. Тот факт, что кожа девочки была намного бледнее стандартного для Винтонов цвета, просто поставил последнюю точку.

Итак, это Руфь Винтон, дочь невестки королевы Юдифи Винтон. Биологическим отцом Руфи был капитан масадского капера, но она была удочерена младшим братом королевы Майклом, когда тот женился на бежавшей из плена Юдифи. Если память не подводила Антона - а память у него была феноменальной - девочка родилась после побега Юдифи, так что Майкл был единственным отцом, которого когда-либо знала Руфь. Сейчас ей должно было быть примерно двадцать три года.

Из-за неудачного происхождения девочки она не входила в линию наследования трона. Однако за исключением этого она во всех смыслах была племянницей королевы Елизаветы. Антон не понимал, что она здесь делает, но вопросу этому уделил не больше секунды. В конце концов, он не представлял, что сам здесь делает, поскольку вызов королевы был для него сюрпризом. Он был вполне уверен, что достаточно скоро получит ответы.

Они с Берри достигли той точки пола, которая на взгляд Антона отмечала подобающую дистанцию от Монаршей Особы. Он остановился и вежливо поклонился. Рядом с ним Берри сделала торопливую и нервозную версию того же самого.

Торопливую, да… но всё-таки слишком вычурную на вкус Антона. В какой бы степени ни избавился он от своего сельского происхождения с тех пор, как покинул Грифон много лет назад, Антон в полной мере сохранил воинствующий

антиаристократизм горцев. Падение на колени, земные поклоны, шарканье ножкой и причудливые жесты - всем этим грешили аристократы. Антон предлагал Короне своё уважение и свою верность. И на этом, чёрт подери, всё.

Должно быть, он слегка нахмурился. Королева рассмеялась и воскликнула:

- Оставьте, капитан Зилвицкий! У девочки великолепный поклон. Возможно, пока слегка неуклюжий, но я узнаю руку Кэти. Не могу не узнать, с учетом того, в какие неприятности втравила меня Кэти в тот раз, когда мы с ней довели маэстро до бешенства, изображая балетные па вместо заданного нам упражнения. Разумеется, всё это было её идеей. Хотя нельзя сказать, что я поддержала её против своей воли.

Так уж вышло, что Антон слышал о том инциденте. Кэти как-то раз рассказала ему. Хотя она редко заговаривала на эту тему, девочками они с королевой были очень близкими подругами, пока нарастающие политические разногласия не порушили их отношения. Но даже после того между ними не было вражды на личном уровне. И не один только Антон замечал после возвращения Кэти из ссылки, что когда ей и королеве Елизавете случается встретиться, между ними всегда проявляется приглушенная теплота.

Правда, подобные встречи по-прежнему были редким делом, поскольку королева находилась в неудобном с политической точки зрения положении. Хоть сама Елизавета и разделяла враждебное отношение Кэти к генетическому рабству - как, если на то пошло, делало и собственно правительство Мантикоры, на официальном уровне - многочисленные политические враги Кэти никогда не упускали случая пошуметь о хорошо известных, хоть официально и отрицаемых связях той с Одюбон Баллрум. Несмотря на занимаемую Мантикорой по вопросу рабства позицию, Баллрум оставался в Звёздном Королевстве вне закона как "террористическая" организация, а его лидер Джереми Экс регулярно подвергался поношениям как самый безжалостный убийца галактики.

Отношение к этому Кэти и Антона - да и самой королевы, как был совершенно уверен Антон - было совершенно иным, но частное мнение одно дело, а публичная политика - другое. Соглашалась или нет Елизавета с позицией, занятой по отношению к Баллрум её правительством, это была официальная позиция. Поэтому, какими бы дружескими ни были её личные отношения с Кэти во время "случайных" встреч на публичных мероприятиях, королева тщательно избегала любого политического признания Кэти. Несмотря на то, - в этом Антон

был абсолютно уверен - что никого сильнее королевы не порадовало бы, если бы Кэти сменила графиню Нового Киева на посту лидера Либеральной партии.

Елизавета снова рассмеялась.

- Во что только она меня ни втравливала! Раз за разом. Любимой мой выходкой - той, из-за которой она была отлучена от дворца на несколько месяцев, настолько это взбесило мою мать - был тот раз…

Она резко замолчала. Улыбка поблекла, став почти искусственной, но полностью не исчезла.

- Да, знаю, капитан Зилвицкий. А теперь она снова отлучена от Дворца - хоть не лично, но политически - и по моему приказу, не королевы-матери. Так уж вышло, что из-за этого я и просила вас прибыть. В определённом смысле.

Королева сделала небольшой жест, адресованный мажордому. Тот, очевидно, ожидал его. Мажордом и один из солдат, стоявших в карауле, подхватили два из стоявших у стены кресел и поставили их напротив королевы и её компаньонки.

- Прошу, капитан, присаживайтесь. Оба.

"Интересно", - подумал Антон. Лично он раньше с дворцовым этикетом не сталкивался, но многое о нём знал. Антон знал многое о большинстве вещей, которые имели хоть какое-то отношение к заботившим его вопросам. Он наверняка был не в курсе некоторых тонкостей, но правила о сидении в присутствии монарха были достаточно прямолинейны. Вызванному к монарху человеку либо предлагали кресло сразу, как он входил в зал, либо ему предстояло стоять на протяжении всей аудиенции. Разграничение случаев было достаточно чётким и зависело либо от статуса человека, либо от благоволения монарха, либо и от того, и от другого.

Такой половинчатый приём, на его взгляд, был способом королевы обозначить сложный характер предстоящего разговора. То, что человек, не отягощённый необходимым грузом дворцового протокола, выразил бы словами "посмотрим, получится ли у нас договориться".

Чувство юмора Антона было куда более ограниченным, чем у Кэти Монтень, но это никоим образом не означало его отсутствия. Поэтому, опускаясь в кресло, он боролся с импульсом ответить "тасуйте карты, я сниму".

Как только он уселся, Елизавета указала на сидевшую рядом с ней девушку.

- Это моя племянница Руфь. Полагаю, вы это уже вычислили.

Антон кивнул. Сперва королеве, в знак подтверждения, затем королевской племяннице.

- Вы нечасто могли видеть её снимки - и ни одного сделанного в последние четыре года - потому что мы с самого начала держали её в тени. - Следующая фраза прозвучала слегка чопорно. - Между прочим, не потому - что бы там ни воображали газетчики - что Дом Винтонов хоть в малейшей степени не устраивает её происхождение, и уж тем более не потому, что он его стыдится. Поначалу целью этого было защитить её от возможного ущерба. Её отец - мне следовало бы сказать "человек, изнасиловавший её мать" - наряду со многими масадскими фанатиками бежал после того, как граф Белой Гавани захватил планету после их атаки на Грейсон. С тех самых пор они в розыске, но, и я уверена, что вы знаете это лучше меня, особых успехов на этом поприще у нас не было.

Королева поморщилась, а Зилвицкий мысленно кивнул. Непреклонное, дисциплинированное ядро масадской версии Церкви Освобождённого Человечества сумело уйти в глубокое подполье, и оставаться там. Тот факт, что они не были найдены за более чем пятнадцать стандартных лет мантикорской оккупации планеты, не мог быть по нутру любому профессионалу-разведчику. Особенно после заговора с целью убийства Королевы и Протектора Грейсона, который едва не увенчался успехом всего четыре года назад.

- Кто знает, что могли бы предпринять эти безумцы? - продолжила королева, подтверждая, что мысли их шли в одном направлении. - Это давно в прошлом, разумеется, и мы больше особо о них не беспокоимся. Но и после того…

Елизавета слегка наклонила голову к плечу и выдала в адрес Руфи небольшую кривую улыбку.

- После того мы продолжали поддерживать секретность по просьбе самой Руфи. У моей племянницы, как оказалось, - все это, право, слегка шокирует - наличествует совершенно не винтоновское желание послужить в области отличной от обычных военной, дипломатической или духовной.

Антон, переваривая слова Елизаветы, подверг девушку внимательному осмотру, припоминая всё, что о ней знал.

Выбор невесты тогда наследным принцем Майклом Винтоном произвёл определённый фурор, особенно среди самой реакционной аристократии. Закон обязывал его, как наследника, женится на простолюдинке, если жениться вообще, но ожидалось, что он просто дождётся, пока племянник не сменит его на посту наследника трона, а потом женится на ком-то из своего круга. Уж во всяком случае, никто и не помышлял, что он женится на простолюдинке-иностранке. Тем более на не имеющей за душой ни гроша беженке-простолюдинке откуда-то вроде Грейсона. И

особенно на беременной простолюдинке, которая сумеет сбежать от своих масадских тюремщиков только совершив многочисленные убийства и прихватив по дороге космический корабль.

Однако Майкл был в полной мере одарён упрямством Дома Винтонов. Возможно ещё более важным было то, что у него была искренняя поддержка сестры. Так что, нравилось это кому или нет, он женился на Юдифи и удочерил Руфь.

Не обошлось, разумеется, без специальных условий. Майкл больше не был наследным принцем, поскольку его племянник Роджер достиг возраста достаточного, чтобы быть объявленным наследником своей матери. Официальная свадьба была отложена, пока Роджер не вступил в свои права. Майкл ныне был герцогом Винтоном-Серисбургом, что делало Юдифь герцогиней, хотя титул этот был только пожизненным и к Руфи не перейдёт. Тем не менее, в акте удочерения была сделана специальная оговорка, что Руфь не будет включена в очередь наследования Короны. Титул "принцесса", с которым обычно обращались к ней, был простой вежливостью, хотя Антон сильно подозревал, что Елизавета намерена удостоить девушку собственным титулом, когда момент будет выглядеть подходящим.

Но, каково бы ни было её происхождение, Руфь Винтон была Винтоном, а Дом Винтонов, как и большинство разумных и квалифицированных королевских династий в истории, издавна придерживался традиции отправлять своих юных отпрысков на службу. Обычно выбор делался в пользу либо дипломатической, либо военной карьеры. В последнем случае преимущество отдавалось службе во Флоте, как главном виде вооруженных сил Мантикоры. Однако некоторые, у кого была соответствующая склонность, вместо того примыкали к духовенству. В Звёздном Королевстве не было государственной церкви как таковой, но члены Дома Винтонов всегда были прихожанами Католической Церкви Второй Реформации. За прошедшие века изрядное число Винтонов стали клириками. Некоторые зашли так далеко, что приняли обет безбрачия, что не было обязательно для духовенства католиков Второй Реформации, но более-менее ожидалось от тех из них, кто дослужился до чина епископа.

Множество фактов сошлись воедино в мозгу Антона.

- Она хочет стать шпионом - вы правы, Ваше Величество, это слегка шокирует - и хочет, чтобы учил её я. Последняя часть имеет смысл, хотя остальное граничит с безумием. Обучиться профессии должным образом по официальным каналам она никаким образом не сможет. Академия Флота подавится такой идеей, а Специальную Разведывательную Службу скорее всего

просто удар хватит. Вы, разумеется, можете их заставить, но они будут настолько нервозно относиться к безопасности, что у девочки наверняка в мозгах останется только каша.

Непроницаемое выражение на лице Елизаветы указывало на подавляемое ею изумление. Руфь ей прошептала:

- Я же говорила, что он - лучший.

Антон пёр дальше.

- И всё-таки это сумасшедшая идея. Заметьте, Ваше Величество - не имея в виду никакого неуважения - династии пригодился бы близкий человек, являющийся специалистом в шпионских делах. Не столько сам по себе, сколько чтобы помочь отсеять чушь и мусор, из чего скорее всего в основном и состоят так называемые "разведсводки", которые вы получаете после четырёх лет нахождения Высокого Хребта у власти. Что от РУФ* [разведуправления флота], что от СРС. Не имея в виду никакого неуважения. В смысле в отношении Вашего Величества.

Он сделал короткую паузу и добавил:

- Но вопрос безопасности всё-таки остаётся. Правда здесь, на Мантикоре, это не столь большая проблема, но моя работа зачастую уводит меня прочь с планеты. И иногда заводит в такие места, куда я не взял бы с собой дворняжку, не то что принцессу. Вообще-то, через несколько дней…

Елизавета перебила его.

- Я знаю о намечающейся у вас поездке, капитан. Фактически именно она привела к этой маленькой встрече.

Мысли Антона снова понеслись вскачь; и снова многие факты встали на свои места. В подобные моменты люди, не знающие его, приходили к выводу, что его мыслительные процессы практически нечеловечески быстры. На самом деле Антон считал себя достаточным тугодумом, никак не могущим равняться живостью мысли с Кэти. Но он был настолько тщателен и методичен в продумывании всего загодя, что как только начинал получать ключевые факты тут же распутывал сложные проблемы так, как могли только немногие. Пришедший вчера вызов королевы был совершенно неожиданным, и Антон отреагировал так, как поступал в подобных случаях всегда - проведя много часов над обдумыванием всех возможных обстоятельств, могущих иметь к этому отношение.

Он не удержался от небольшой улыбки.

- Решили ткнуть Высокого Хребта пальцем в глаз, а? Хорошо придумано, Ваше Величество.

Краем глаза он видел гневные взгляды мажордома и обоих находившихся в комнате офицеров. Слегка запоздало до него дошло, что для шпиона-простолюдина поздравлять королеву с

макиавеллевским замыслом было, скорее всего, нарушением дворцового этикета.

Хм. Скорее всего, вообще-то, серьёзным нарушением. Но Антон понял, что его это не сильно беспокоит, и не увидел причин не усугубить нарушение.

- Великолепный выстрел, если хотите знать моё мнение, и как минимум по трём мишеням разом. Напомнить всем, что Винтоны презирают рабовладение, да и к неоколониализму в стиле Лиги относятся почти также; помочь компенсировать некоторый негативный настрой к Звёздному Королевству в умах публики Лиги - бессчётных триллионов людей, хотя об этом забывают - и неявно помочь Монтень в избирательной кампании, избежав как официальных выражений поддержки, так и - о, да, это умно, Ваше Величество - необходимости официально аннулировать её отлучение от дворца и Палаты Лордов.

Следующие слова прогрохотали, как товарный поезд:

- Не говоря уже о том, что ткнуть Высокого Хребта пальцем в глаз само по себе является богоугодным делом. Не уверен, что там говорится в теологии Второй Реформации, но по моей вере одного этого достаточно для попадания в Рай.

Он прочистил горло.

- Не имея в виду никакого неуважения в адрес Вашего Величества.

На мгновение все в комнате замерли. Королева и её племянница сидели выпрямившись и уставившись на него. Мажордома, казалось, вот-вот хватит удар, да и двух присутствовавших офицеров тоже. Что касалось солдат, стоявших в карауле у дверей, те, казалось, размышляли о вероятности получить приказ произвести немедленный арест. Сидевшая рядом с Антоном Берри очевидно разрывалась между позывами спрятаться под креслом и просто бежать прочь.

А потом Елизавета расхохоталась. Не мягким, благовоспитанным смешком, а бурно, раскатисто, как подобало бы скорее в водевиле, чем в королевском дворце.

- Боже, а вы хороши! - воскликнула она, когда смех стал угасать. - У меня ушло полных два дня на то, чтобы вколотить те же самые мысли в головы моего… э-э… ближнего круга. - Она нежно сжала запястье племянницы. - За исключением Руфи, разумеется.

Упоминание Руфи подтолкнуло мозг Антона учесть и эту переменную, и на вычисление всего остального у него ушло не более двух-трёх секунд. Во всяком случае, в общих чертах. Больше всего в вызове королевы он был озадачен требованием присутствия Берри.

- Это, скорее всего, не лучший план, Ваше Величество, - резко произнёс он. - Я имею в виду часть относящуюся к вашей племяннице и Берри. Признаю, идея имеет определённую притягательность, будучи одной из самых древних уловок, которые можно найти в книгах. Однако…

Заставляя себя помнить, что обращается к монарху, Антон сумел удержаться от сердитого взгляда.

- Притягательна она или нет, и сработает или нет - и не имея в виду никакого неуважения в адрес Вашего Величества - я не соглашусь на это ни под каким видом. Отцом я стал раньше чем офицером разведки, и у меня никогда не было проблем с расстановкой приоритетов.

И снова лица мажордома и офицеров превратились в застывшие маски. Но Елизавета просто окинула Антона долгим задумчивым взглядом.

- Не было, - сказала она. - Однажды вам придётся рассказать мне все подробности того, что случилось в Чикаго, но я и так знаю достаточно о том деле, чтобы понимать главное. Две свиньи поставили вас перед выбором быть отцом или делать карьеру, и вы вбили им этот выбор прямо в глотки.

Антон отметил про себя, что обычно монарху не считалось подобающим называть "свиньями" своего посла в самой могучей звёздной нации и одного из самых высокопоставленных своих адмиралов. Хотя Елизавету это, похоже, не заботило.

- Вы вообще колебались? - спросила она.

- Ни секунды, - он изобразил лёгкое пожатие своими массивными плечами. - Бездельничать на берегу не так уж плохо, когда попривыкнешь.

- Хорошо. Полагаю, я могу доверять человеку, который не боится оказаться на мели, если придётся.

И снова он пожал плечами. На этот раз так, словно сбрасывал груз.

- Будь что будет, Ваше Величество, я всё равно не соглашусь на это. Может это и не будет так уж опасно - вообще-то, скорее всего не будет - но всё равно мы говорим о моей дочери. И…

Закончить ему не дали. Антон забыл, что Берри и сама быстро соображала. У неё может и не было привычки Антона систематически изучать каждую ситуацию, но и ей не давал покоя вопрос, зачем потребовалось её присутствие.

- Всё это дерьмо! - она залилась краской. - Э, прости папа… и, э-э, мои глубочайшие извинения, Ваше Величество. В смысле за сквернословие.

От нервозности девочки не осталось и следа.

- Но это всё равно де… э-э, ерунда. Это моя жизнь, папа, даже

если мне всего семнадцать - но я получила пролонг не так рано, как Руфь… э-э, принцесса Руфь, так что скорее всего выгляжу даже немного старше неё, да и кто бы знал о разнице, раз уж ты тоже никому не позволял опубликовать мои фотографии, основываясь на своей профессиональной парано… э-э, предельной осторожности.

Но мгновение Антону казалось, что она может даже показать ему язык. Время от времени она так делала. Но Берри сумела вспомнить где находится и повести себя так прилично, как только возможно в семнадцать лет, и закончить негромким фырканьем.

- Полагаю, из меня выйдет прекрасный двойник принцессы. Для меня это будет захватывающим приключением, а ей позволит хоть раз вырваться в мир.

Они с Руфью обменялись взаимно обожающими взглядами. Антон взглянул на королеву в поисках помощи, но Елизавета чуть ли не ухмылялась.

Его плечи поникли.

- Чёрт, - буркнул он.

Глава 2

На следующий день, когда ей пришлось снова посетить Дворец на Королевской Горе и иметь дело с королевской клиникой, положение дел радовало Берри уже намного меньше.

***

Антон с самого начала настаивал, и в конце концов смог убедить Елизавету, что первоначальный замысел королевы сделать из Берри двойника Руфи был неосуществим. Или, говоря точнее, действовал бы очень недолго и, скорее всего, вызвал бы весьма отрицательные политические последствия.

- В наше время это просто неосуществимо, - настаивал он, - Чтобы распознать обман, потребуется всего лишь проверить ДНК любой из них, и рано или поздно кто-нибудь сумеет это сделать. При современных технологиях для этого будет достаточно даже следов пота на дверной ручке. Да, разумеется, Берри родом с Земли, так что её ДНК не имеет существенных отличий от любой другой человеческой ДНК. Но Руфь имеет грейсоно-масадское происхождение, а данная генетическая вариация обладает слишком многими характерными особенностями, чтобы это не бросалось в глаза.

Королева нахмурилась.

- Капитан, я думала, что вы согласились?

Зилвицкий покачал головой.

- Вы мыслите слишком прямолинейно. На самом деле вы, Ваше Величество, не нуждаетесь в настоящем двойнике. Вам нужно всего лишь сбить всех с толку. Ни мне, ни вам, ни кому бы то ни было ещё абсолютно незачем заявлять, что "эта девушка Руфь Винтон, в вот эта - Берри Зилвицкая". Надо просто объявить, что Руфь Винтон будет сопровождать капитана Антона Зилвицкого и профессора В.Е.Б. Дю Гавела в их путешествии, целью которого является выказать уважение Антирабовладельческой Лиги к семейству и коллегам погибшего за правое дело Иеронимуса Штейна. Она направится, чтобы отдать дань уважения персонально от Дома Винтонов. И довольно. Где-то на задах - но не в официальном заявлении от имени королевского дома - мы мельком упомянём, что дочь

капитана Зилвицкого также примет участие в мероприятии.

Он поочередно посмотрел на девушек.

- Мы нарядим Берри в самый роскошный наряд, какой только сможем найти, а Руфь оденет бесформенное молодёжноё тряпьё, которое обычно носит Берри, когда не пытается впечатлить королевскую фамилию. Я бы назвал это обносками, если бы оно не обходилось мне вдвое дороже приличной одежды. - Зилвицкий проигнорировал протестующий выдох своей дочери. - Затем устройте утечку информации о времени нашего отбытия - чтобы папарацци поспели на место. Когда мы будем проходить в зону посадки, Берри будет идти рядом со мной, наряженная как принцесса, а королевские гвардейцы будут действовать так, словно охраняют её. А Руфь небрежно пойдёт сзади.

Лицо Елизаветы прояснилось.

- А. Понимаю. Мы не заявим им - никому - что Берри это Руфь или наоборот. Мы просто дадим им возможность прийти к этому заключению самостоятельно.

- Именно так. Это разрешит проблемы безопасности. И даст вам возможность сойти с крючка в будущем, когда путаница в конце концов раскроется - что это случится не стоит и сомневаться - и кто-нибудь начнёт обвинять Корону во лжи. Вы просто пожмёте плечами и заявите, что если репортёры поняли что-то не так, то вы тут совсем не при чём.

Королева покачала головой.

- Капитан, я согласна с вашими рассуждениями, однако вы упускаете из вида главную политическую проблему. Корона может ужиться с обвинениями в практичности, коварстве и закулисной игре. Честно говоря, я бы им только порадовалась. Однако обвинение в том, что ради члена королевской фамилии мы поставили под угрозу жизнь простого человека, нанесёт реальный урон. Это единственное, чего я не могу себе позволить. Особенно сейчас, когда сила Короны более чем обычно зависит от преданности простых подданных.

Антон слегка склонил голову, признавая справедливость замечания.

- Утолите моё любопытство, капитан, - продолжала Елизавета. - Да, ваш вариант позволит мне соскользнуть с крючка. Однако факт в том, что мы оба знаем, что действительно используем простого человека для обеспечения безопасности принцессы. Это вас не беспокоит? Я бы подумала, что грифонца это должно обеспокоить. Некоторые из лоялистов несомненно пошли бы на это с радостью, но вы, горцы, э-э… вздорный народ.

Антон усмехнулся.

- А что, разве не так? Причина того, что это меня не

беспокоит, заключается в том, Ваше Величество, что на этом настаивала моя дочь. - Он покосился на Руфь. Девушка была зачата человеком, который рассматривал своих жён в качестве движимого имущества. - Я сказал, что я отец, а не вонючий масадский патриарх. И пошло всё остальное ко всем чертям.

Щеки Руфи, казалось, слегка зарделись, хотя выражение её лица осталось прежним. Антон говорил без всякой задней мысли, но сейчас он понял, что прочно занял положение одного из героев принцессы и его сердце слегка похолодело. Кто-нибудь другой, может быть, получил бы удовлетворение от мысли о приобретении расположения члена королевской фамилии. Антон Зилвицкий - "Суровый Папенька", как его время от времени называла дочь Хелен - видел только проблемы и грядущие осложнения.

"Подумать только, какая безбедная жизнь была у меня раньше. Одинокий вдовец и безвестный офицер разведки КФМ, вот и всё. А теперь полюбуйтесь-ка на меня! Моя любовница - самая скандально известная политическая фигура во всём Звездном Королевстве, а теперь я добавил ко всему этому и королевскую интригу!"

- Есть еще одно, что мы можем сделать, чтобы повысить шансы на максимально долгое сохранение тайны, - добавил Зилвицкий. Мгновение он разглядывал обеих девушек. - Разумеется, если они готовы на это пойти, и, разумеется не имея намерения обидеть Ваше Величество, если вы готовы за это заплатить.

Королева Елизавета хихикнула.

- Нанотехническое преобразование? Вы уж всяко не стесняетесь потрошить королевский кошелёк, капитан Зилвицкий!

Антон ответил только лёгкой улыбкой. Это казалось лучшим ответом, чем: "Разумеется, это обойдётся в небольшое состояние… но для вас это карманная мелочь".

Елизавета окинула взглядом обеих девушек. Она выглядела несколько сомневающейся, хотя Антон был полностью уверен, что её колебание было вызвано совсем не предстоящими расходами. Биоскульптура обошлась бы дешевле, однако при биоскульптуре изменения были - буквально - поверхностными, а в данном случае требовалось большее. Хотя Берри и Руфь принадлежали к очень сходным физическим типам, если не считать тёмно-каштановых волос Берри и светло-золотистых Руфи, рост их не был в точности одинаковым. И хотя ни одну из них нельзя была назвать коренастой, Берри была заметно шире в кости Руфи. В этом не было ничего такого, что бросилось бы в глаза случайному

наблюдателю, однако разница немедленно обнаружится, если кто-нибудь решит сравнить их голографические изображения.

Разумеется, если различия не будут полностью обращены прежде, чем девушки попадут в поле зрения голокамер.

Однако у этого способа имелись и недостатки, и Елизавета прекрасно о них знала. Даже если закрыть глаза на то, что проведение необходимых процедур за то короткое время, которым они располагали, будет мягко говоря некомфортабельным, нанотехнические преобразования организма даже в наилучших обстоятельствах вызывали опасения. Хотя изменения были легко обратимы, большинство людей с опаской относилось к тому, что их тела начинают изменяться прямо на глазах. Тем более процедуре должны были подвергнуться две очень юные девушки, чьё физическое созревание было замедлено пролонгом и которые всё ещё привыкали к своим телам.

- Решение за тобой, Руфь… и, разумеется, тобой тоже, Берри, - произнесла королева. - Предупреждаю, что это будет вовсе не забавно.

- Разумеется, мы сделаем это! - тут же выпалила принцесса.

Берри же, видя, что выражение лица Руфи Винтон далеко не соответствовало уверенности её слов, мгновение колебалась. На самом деле она разбиралась в нанотехнологиях очень слабо, особенно в их приложении к человеческому организму. Однако безмолвный умоляющий взгляд принцессы покончил с её колебаниями.

- Разумеется, - согласилась она, изо всех сил стараясь говорить уверенно. И надеясь, что выражение её лица не было настолько очевидным, как у Руфи.

***

К облегчению Берри, "клиника" оказалась полностью оснащённой современной миниатюрной больницей. Не вполне к облегчению Берри оказалось, что доктор, которому её препоручили, была очень дружелюбной, однако тревожно юной женщиной. Увидев её, Берри не подумала бы, что она достаточно взрослая для того, чтобы закончить мединститут.

К её окончательному огорчению, врач страдала от недостатка подобающего медицинского такта.

- Это будет больно? - взволнованно поинтересовалась Берри, следуя за доктором по казавшемуся пустынным и неотделанным

коридору.

- Скорее всего, - беззаботно ответила доктор Шварц. Она улыбнулась Берри менее сочувственно, чем по мнению Берри могла бы. - А чего вы хотите? Полное нанотехническое преобразование организма за четыре дня! - Шварц покачала головой, как будто поражённая безумием затеи. - Вы же знаете, что мы добавим вам целый сантиметр. И укоротим принцессу на столько же.

"Улыбка определенно не такая сочувствующая, как следовало бы", - раздраженно подумала Берри. Особенно после того, как доктор продолжила.

- Когда мы начнём разбирать вас по косточкам и складывать снова, должно быть довольно неприятно, - произнесла Шварц. - Изменения в мягких тканях не так страшны, но вот кости совсем другое дело. Однако я думаю, что вы большую часть времени проведёте во сне.

Пятью секундами позже доктор Шварц ввела Берри в обманчиво заурядно выглядящую отдельную палату.

Одну из двух коек уже занимала Руфь. Она выглядела несколько спокойнее, чем чувствовала себя Берри, но ненамного, и Берри ощутила странное успокоение при виде нервозности своей компаньонки.

- Отлично. Итак, миз Зилвицкая, - бодро произнесла доктор Шварц. - Как только вы переоденетесь и ляжете в койку, так сразу и приступим к подготовке.

- Э-э… и насколько это будет больно? - поинтересовалась Берри, начиная выполнять распоряжение врача. Она признавала, что задавать данный конкретный вопрос было уже слегка поздновато, однако было похоже, что доктор Шварц не возражала.

- Как я уже сказала, - ответила врач, - модификация костей всегда связана с определенным дискомфортом. Разумеется, я понимаю, что когда врач употребляет термины вроде "дискомфорт", то пациенты обычно начинают немного волноваться, однако вам, честно говоря, не следует об этом беспокоиться. Боль - это один из самых эффективных способов для организма дать нам знак.

- Если вам это не слишком важно, - отозвалась Берри, - я бы предпочла, чтобы мой организм сообщал таким образом как можно меньше.

- Поддерживаю, - вставила со своей койки Руфь.

- Ну, конечно же, мы сделаем всё возможное, чтобы свести дискомфорт к минимуму, - заверила их Шварц. - На самом деле, процедура сама по себе не особенно сложна. Закавыка в таких делах кроется в правильном программировании наннитов, а

поскольку у нас есть полный доступ к вашим медицинским картам, то в данном случае это было довольно-таки несложно. Помню, раз мы делали срочную работу для СРС, не имея доступа к медкарте типа, под которого должны были замаскировать нашего агента. Вот тогда это была работёнка! А сейчас…

Она изобразила лёгкий беззаботный жест, затем недовольно взглянула на Берри, которая очевидно переодевалась в больничную пижаму не так быстро, чтобы её это удовлетворяло. Берри поняла намёк, и доктор удовлетворённо кивнула при виде ускорения темпа.

- В данном случае, мы, разумеется, располагаем всей необходимой информацией, - продолжила Шварц. - И проблемой является фактор времени. Как только мы закончим с вами последние подготовительные процедуры, мы внесём последние поправки в программы наннитов и введём их вам. После этого, - произнесла она тоном, который по тайному мнению Берри, был до ужаса бодрым, - нанниты начнут разбирать вас на части и складывать заново. Если бы у нас было на это несколько недель, то, наверное, вы чувствовали бы себя не намного хуже, чем, скажем, при умеренно серьёзном гриппе. Но учитывая время, которым мы располагаем, боюсь, что придётся заплатить несколько подороже.

Она пожала плечами.

- Как я уже говорила, я ожидаю, что вы обе в следующие несколько дней проведёте довольно много времени во сне. Нанопреобразование действительно имеет тенденцию расходовать много вашей энергии. Мы применим некоторые средства для уменьшения дискомфорта, однако мы должны иметь возможность контролировать ваши реакции на модификацию и не можем позволить себе забить их чем-то действительно мощным. Особенно, когда проводим изменения в таком темпе. Так что я опасаюсь, что то время, которое вы проведёте не во сне, навряд ли займёт место среди ваших любимых воспоминаний.

Она снова улыбнулась, всё с тем же раздражающим недостатком сочувствия, и Берри мрачно вздохнула. Когда она беззаботно соглашалась на всё это, оно казалось намного более простым.

Берри закончила застегивать пижаму и приостановилась. Это было не совсем колебание. Она сказала это себе весьма твёрдо. Однако пауза была смущающее близкой к этому и в районе груди, казалось, обосновалось ощущение падения.

- Ага, вижу, вы готовы! Отлично! - похвалила доктор Шварц, улыбаясь ещё бодрее, чем прежде, и ощущение падения достигло умопомрачительных масштабов. - Тогда давайте начинать, да?

***

Последующие несколько дней были намного более мучительны, чем обещали бодрые заверения доктора. Однако в действительности ощущения были далеко не настолько плохи, как те, с которыми Берри уже сталкивалась на жизненном пути. Кроме того, те же самые жизненные перипетии сделали душу Берри настолько подозрительной, хотя в самом мягком и дружелюбном смысле этого слова, что с ней мало кто мог сравниться из людей, которых она знала.

Ну… за исключением принцессы Руфи.

За эти дни Берри узнала принцессу довольно хорошо, поскольку когда они не спали, им было нечем больше заняться, кроме как разговаривать. И хотя Берри быстро пришла к выводу, что Руфь ей очень нравится, она также нашла различия между ними более чем просто забавными.

Некоторые различия были очевидны - Берри обычно держалась скромно, а Руфь привлекала к себе внимание. Однако более серьёзным различием, хотя и не сразу бросающимся в глаза, была разница во взгляде на жизнь. Да, жизнь Берри оставила ей крайне мало детской невинности, однако она тем не менее бодро смотрела на вселенную и её обитателей. Руфь же…

В конечном итоге Берри пришла к мнению, что термин "параноик" всё же был по отношению к ней неправилен. Он включал в себя боязнь, беспокойство, нетерпеливость, а характер принцессы был очень жизнерадостен. Но если бы термин "оптимистичный параноик" не был смехотворным оксюмороном, то мог бы охарактеризовать Руфь достаточно хорошо. Она, казалось, принимала как данное, что половина человеческой расы была скверна, хотя это знание её особенно и не волновало - поскольку она была уверена, что сумеет управиться со склизкими гадами, если те посмеют досаждать ей.

- И как только королеве удавалось справляться с тобой целых двадцать три года? - наконец поинтересовалась Берри.

Руфь усмехнулась.

- Я была её сообщницей. К тому времени, как мне исполнилось шесть, я поняла, что мне лучше держаться в тени. - Она высунула язык. - Не говоря уже - бэээээ - что это спасло меня от примерно миллиона часов утомительного неподвижного сидения на официальных королевских мероприятиях в потугах

выглядеть настоящей принцессой - то есть напыщенной как осёл.

- Это поэтому вся история спасения твоей матери так долго скрывалась от общественного внимания?

- О, нет. - Руфь твёрдо мотнула головой. Все жесты Руфи обычно были твёрдыми - за исключением случаев, когда были неистовыми. - Не вешай на меня этот идиотизм! Если бы они поинтересовались моим мнением - они этого не сделали, потому что тогда мне было всего несколько лет отроду, хотя им бы следовало - я бы посоветовала кричать об этом на всех углах. А так истина оставалась неизвестна общественности до тех пор, пока Звезда Ельцина не присоединилась к Мантикорскому Альянсу, после чего мантикорская публика возвела мою мать в национальные герои. Ха! То же самое произошло бы и сразу же, даже до подписания соглашения! Публикация неприкрытой, откровенной правды о жестокости, с которой масадцы относятся к своим женщинам, сделала бы тривиальным выбор в пользу союза с Грейсоном, а не масадскими безумцами.

Руфь яростно нахмурилась.

- Разумеется, именно поэтому кретины этого и не сделали. "Государственные интересы". Ха! Истина в том, что пока Министерство иностранных дел окончательно не решило пойти на союз с Грейсоном, бюрократы должны были "сохранять свободу рук" - ещё одна уклончивая фраза, запоминай - в отношениях с отсталыми варварами, которые правят Масадой! Так что, естественно, вся история должна была оставаться под сукном.

Берри фыркнула.

- Мой папочка утверждает, что ссылка на "государственные интересы" использовалась для сокрытия очевидных глупостей большее число раз, чем любое другое ханжеское высказывание. И всякий раз, когда мама - в смысле Кэти Монтень - пытается заставить его делать то, чего он не хочет, он тут же говорит, что хочет сохранить свободу рук.

- И что она отвечает?

- О, она говорит ему, что он снова увиливает. И всегда пробует привлечь меня и Хелен - если она дома, а не в Академии - на свою сторону.

Берри ханжески продолжила:

- Разумеется, я всегда соглашаюсь. Папочка может перевилять кого угодно. Хелен обычно пытается заявить, что кодекс чести Академии не позволяет ей встать на чью-либо сторону, после чего мама немедленно обвиняет её в том, что она тоже увиливает.

Теперь Берри буквально лучилась святостью.

- И, конечно же, я снова с нею соглашаюсь.

Руфь уставилась на неё со странным выражением на лице.

- Эй, полегче, - перешла в защиту Берри, - правда есть правда.

Тут она поняла, что значение испытующего взгляда принцессы было истолковано ею неправильно.

- Мы станем друзьями, - внезапно заявила Руфь. - Близкими друзьями.

Слова были произнесены твёрдо, даже неистово. Однако от Берри не укрылись скрытые за ними пучины одиночества и неуверенности. Руфь, как теперь она была уверена, испытала за свою жизнь не так много близкой дружбы.

Берри улыбнулась.

- Разумеется.

Это она и имела в виду. Берри умела заводить друзей. Особенно близких.

***

- Сэр, пожалуйста, скажите, что вы это не всерьёз, - жалобно попросила взводный сержант Королевской Гвардии Лаура Хофшульте.

- Сожалею, Лаура, - вздохнул лейтенант Ахмед Григгс и откинулся в кресле, запуская пальцы в густые рыжеватые волосы. Сержант Хофшульте управлялась с его взводом и они служили вместе почти два стандартных года. За это время они хорошо узнали друг друга и питали взаимное чувство глубокого уважения. Что, наверное, могло объяснить мученический, неверящий в… ну, предательство было не совсем правильным словом, но близко к тому… взгляд, которым наградила его Хофшульте.

- Не знаю точно, чья это была идея, - продолжил Григгс. - Судя по разговору с полковником Рейнольдсом, она исходила непосредственно от Её Величества, но мне всё-таки кажется, что это больше смахивает на выдумки принцессы.

- Её, или, может быть, Зилвицкого, - мрачно произнесла Хофшульте. - Он профессиональный шпион, сэр. Одному Господу известно, какие завихрения в мозгу он заработал за все годы службы.

- Нет, не думаю, что это он выдумал, - не согласился Григгс. - Как вы и сказали, он профессиональный шпион. И отец. Я не представляю, как такой заботливый отец может рисковать своей дочерью подобным образом. Навряд ли это была его идея.

- Однако кто всё это выдумал значения не имеет, - продолжил

он бодрее. - Вопрос в том, как мы можем заставить это работать.

- Давайте обрисуем это простыми словами, сэр, - сказала Хофшульте. - Мы направляемся на Эревон в качестве охраны принцессы, но выглядеть всё должно так, словно мы охраняем Берри Зилвицкую, которую все должны принимать за принцессу?

- Да, - при виде её лица Григгс криво улыбнулся. - И не забудьте, насколько сейчас натянуты отношения с Эревоном. Я уверен, что эревонцы пойдут навстречу нашим пожеланиям, но сейчас они настолько расплевались с нашим правительством, что их сотрудничество, вероятно, будет очень прохладным. И они также не будут так уж серьёзно воспринимать наши опасения насчет близости Хевена. Не тогда, когда половина их избирателей считает, что Звёздное Королевство решило плюнуть на Альянс ради чисто внутриполитических выгод.

Хофшульте кивнула, однако на её лице читалась определенная неловкость. Да, королевская гвардия хранила верность королеве и конституции, а не премьер-министру или действующему правительству Звёздного Королевства. Солдаты полка должны были охранять жизнь королевы и её семьи, любой ценой, и от них ожидалось, что они будут обсуждать все детали своей задачи с полной откровенностью и дотошностью. Что включало и обсуждение глупостей политики текущего кабинета, которые могли усложнить основную задачу. Тем не менее…

- Вы правда ожидаете от них проблем, сэр? - спросила она серьёзнее, и Григгс пожал плечами.

- Навряд ли, - ответил он. - Однако я ожидаю, что они не будут лезть из кожи вон, стремясь обеспечить дополнительное сотрудничество так, как они делали, когда отец принцессы Руфи посетил Эревон во время войны, - он снова пожал плечами. - На самом деле трудно их винить. Даже оставляя в стороне все мозоли, на которые мы им наступили в последние три-четыре стандартных года, принцесса намного менее вероятный объект покушения, чем тогда был герцог, и оперативная обстановка должна быть намного менее напряжённой, чем была тогда.

Они с Хофшульте мрачно переглянулись, вспоминая о множестве друзей и соратников, погибших на борту королевской яхты в ходе покушения на королеву во время её государственного визита на Грейсон.

- Ну, это достаточно справедливо, как бы там ни было, сэр, - согласилась секунду спустя Хофшульте. - С другой стороны, герцог был далеко не принцессой, простите за такое сравнение. Его было чертовски легче охранять, чем вероятно будет её.

- Знаю, - угрюмо согласился Григгс. На самом деле, Руфь охранникам королевского семейства обычно очень нравилась. Все

её очень любили, она всегда была жизнерадостна и - как и большинство Винтонов, будь то урождённых или принятых в семейство - никогда не задирала нос перед людьми, на которых была возложена её охрана. К сожалению, охранникам была известна её тяга к шпионской карьере. Присутствие Антона Зилвицкого придавало этой тяге некоторый специфический оттенок, а якшание с представителями Антирабовладельческой Лиги в такой сложной политической ситуации как похороны Штейна наверняка не было именно тем, с чем хотел бы столкнуться любой вменяемый телохранитель. Хуже того…

- Сколько, вы говорили, лет миз Зилвицкой, сэр? - поинтересовалась Хофшульте и Григгс кисло усмехнулся при подтверждении того, что её мысли шли в том же направлении, что и у него.

- Вообще-то семнадцать, - ответил он и заметил, что сержант содрогнулась.

- Замечательно… сэр, - пробормотала она. - А я-то надеялась, что она могла бы, ну, сдерживать принцессу, - добавила она скорее огорченно.

- Было бы хорошо, если бы это кто-нибудь делал, - согласился Григгс. Руфь Винтон была замечательной юной дамой, обладавшей врождённым чувством обходительности. Из-за того, что королевское семейство приняло все меры для защиты её и её собственной глубокой сосредоточенности на своих специфических интересах, её жизненный опыт был также очень ограничен. Руфь во многом являлась человеком, каких в прежние времена называли ботаниками. Блестящим, талантливым, прекрасно образованным, невероятно компетентным и уравновешенным, но всё равно ботаником и - также во многих отношениях - необычайно неопытным для своего возраста.

И никто из знавших принцессу ничуть не сомневался, что она уже деловито плетёт заговоры и интриги, чтобы по максимуму использовать свой побег из Дворца на Королевской Горе в место настолько… интересное как Эревон.

"Единственное настоящее различие между принцессой и дочерью Зилвицкого в том, что лишние шесть стандартных лет скорее всего сделали её только еще более пронырливой и хитроумной в деле уклонения от опеки", - мрачно подумал Григгс. Разумеется, они ничуть не притушили её тяги к приключениям. Чёрт бы всё это побрал.

- Ну, по крайней мере у нас будет Зилвицкий, который поможет с ними управиться, - заметил он с некоторым облегчением.

- О, это заставляет меня чувствовать себя намного спокойнее,

сэр, - фыркнула Хофшульте. - Поправьте меня, если я ошибаюсь, но разве это не тот парень, который пошёл и высвивстал Одюбон Баллрум, когда ему понадобилась небольшая неофициальная команда поддержки?

- Ну, тот самый, - сознался Григгс.

- Замечательно, - повторила Хофшульте и покачала головой. Затем она неожиданно усмехнулась.

- По крайней мере, скучно не будет, сэр.

- Определённо, скука - это единственное, по поводу чего нам не придётся волноваться, - с новым смешком согласился Григгс. - Честно говоря, сержант, я думаю, что мы все на этом заработаем "Шипящую Кису". Пасти принцессу, прикидывающуюся принцессой семнадцатилетнюю девчонку, мыслителя из Антирабовладельческой Лиги и самого скандально известного бывшего агента Звёздного Королевства посреди такого запутанного клубка интересов, как похороны Штейна на планете вроде Эревона? - Он покачал головой. - Наверняка закончится "Шипящей Кисой".

- Надеюсь, что нет, сэр, - со смехом отозвалась Хофшульте.

"Шипящей Кисой" королевские гвардейцы называли Крест Адриенны. Медаль была учреждена Роджером II для награждения гвардейцев, которые рисковали своими жизнями - или отдали их - ради спасения жизни кого-то из королевского семейства за исключением самого монарха. На кресте был изображён шипящий древесный кот (слухи гласили, что образцом послужил кот кронпринцессы Адриенны Дианкехт) и за прошедшие с момента учреждения двести пятьдесят стандартных лет им были удостоены одиннадцать человек. Девять награждений были посмертными. Разумеется, решил лейтенант, путешествие их всех на самом деле не прикончит. Только заставит себя чувствовать именно так.

- Ну, ладно, - произнёс он наконец. - Думаю, могло быть и хуже. Мы могли получить для комплекта и принцессу Джоанну. Представьте, на что бы это было похоже.

Они переглянулись, представляя, во что превратила бы младшая дочь королевы уже имеющуюся устрашающую смесь, и дружно поёжились.

Глава 3

- Адмирал Драшкович, прибыл капитан Оверстейген.

Тёмноглазая брюнетка в форме красного адмирала при объявлении дежурного оторвала взгляд от документов, скопившихся на её терминале.

- Спасибо, старшина, - поблагодарила она, возможно малость с большим энтузиазмом, чем полагалось испытывать Пятому Космос-лорду Королевского Флота Мантикоры при появлении простого капитана, и добавила: - Пожалуйста, пригласите его.

- Есть, мэм.

Дежурный вышел, и адмирал поспешно сохранила документ, который просматривала. Затем встала и подошла к дорогому журнальному столику, стоящему в уголке для переговоров. Дверь в её офис отворилась снова, и дежурный ввёл мужчину в чёрной с золотом форме капитана первого ранга КФМ.

- Капитан Оверстейген, мэм, - доложил он.

- Спасибо, старшина, - адмирал протянула руку, и приветливо улыбнулась своему гостю. - Можете оставить нас, - добавила она, даже не глядя на дежурного.

Тот снова вышел, а она крепко пожала руку капитана.

- Рада видеть вас, капитан, - тепло сказала она и указала свободной рукой на приготовленные кресла. - Пожалуйста, присаживайтесь.

- Спасибо, мэм, - поблагодарил Оверстейген, и если его и посетила мысль, что обычно полный красный адмирал не приветствует командира простого тяжелого крейсера с таким энтузиазмом, то на его лице и в поведении, когда он воспользовался приглашением, это никак не отразилось. Он устроился в указанном кресле, скрестил ноги и посмотрел на своего начальника с вежливым вниманием.

- Кажется, у меня ещё не было возможности поздравить вас, капитан, - начала адмирал, усевшись в кресло по другую сторону журнального столика. - То, что вы провернули в Тиберии, было впечатляющим.

- На мою долю просто выпало немного больше удачи, чем обычно следует рассчитывать, - ответил он спокойным и ровным тоном. - И, что ещё важнее, мне как никогда повезло на отличную команду и офицеров.

На какой-то миг Драшкович казалась немного захваченной врасплох. Но потом улыбнулась.

- Уверена, что это так. С другой стороны, даже с большим

везением и отличной командой, требуется из ряда вон выходящий капитан, чтобы покончить с четырьмя тяжелыми крейсерами солли. Даже, - добавила она, жестом останавливая его порыв возразить, - если на вышеупомянутых крейсерах силезские команды. Вы дали нам повод для гордости, капитан. Вы и ваши люди.

- Спасибо, мэм, - повторил он снова. В конечном итоге, он мало что ещё мог сказать в этих обстоятельствах.

- Пожалуйста, - ответила она. - В конце концов, видит Бог, насколько сильно в эти дни флот нуждается в любых хороших новостях! - Адмирал покачала головой. - Меня никогда не перестаёт удивлять, как быстро все забывают то, что было сделано. Полагаю, это ещё один пример из серии "Да, но что вы сделали для нас сегодня?"

- Разве это не всегда так, мэм? - слегка усмехнулся Оверстейген. - Полагаю, не так уж неразумно для обывателя слегка теряться в догадках, что именно делает для него Флот в эти дни. - Драшкович вопросительно изогнула бровь, и он снова улыбнулся, на этот раз шире. - Я имею в виду, - объяснил он, - в свете текущих споров между правительством и оппозицией о том, что Флот должен делать.

- Понимаю, что вы имеете в виду, - согласилась адмирал Драшкович, и, откинувшись в кресле, посмотрела на него с тщательно замаскированной задумчивостью. В нём было что-то сбивающее её с толку. Хотя нет… скорее смущающее. Он говорил правильные вещи, однако у неё было такой чувство, что он имел в виду не совсем то, что полагала она. Какая-то её часть практически подозревала, что он смеётся над ней, маскируя это уважительным выражением и аристократическим акцентом, но это было бы нелепо, и она это знала.

Если капитан и чувствовал какой-либо дискомфорт под её взглядом, он превосходно это скрывал. Вне всякого сомнения, у него в этом была большая практика. В отличие от Драшкович, он не только происходил из флотской семьи, но и мог похвастаться связями на самых головокружительных верхах мантикорской знати. Он, вероятно, посетил больше официальных ужинов и видел больше старших офицеров и знатных пэров, чем сама Драшкович, несмотря на почти полстолетия разницы в возрасте. И пропасть между их рангами.

На какой-то миг Джозетта Драшкович ощутила всплеск чистейшего негодования, глядя на его великолепно шитую, не вполне уставную форму и его вид превосходства. Она тяжко трудилась всю свою жизнь, зарабатывая текущие ранг и авторитет; он был рождён в мире элиты, среди привилегий и

превосходства, которые подняли его до текущего положения с неумолимостью притяжения.

Она хотела было осадить его, но затем остановилась и дала себе мысленную встряску. Как он добрался до своего положения, к делу не относилось, так ведь? В конце концов, он несомненно продемонстрировал свою пригодность командовать кораблем королевы в пошлом году в Тиберии. И что бы там кто-нибудь ни подозревал о влиянии его происхождения на карьеру до Тиберии, Флот единодушно одобрил его производство в капитаны первого ранга - и награждение Крестом Мантикоры - которые принесла ему победа в этой битве.

- Эти… "споры" между правительством и оппозицией способны запутать кого угодно, - признала она. - Особенно, когда нам приходится принимать так много трудных решений насчёт бюджета Флота. Это одна из причин того, что совершенное вами так повлияло на наше общественное мнение. Дело было крайне ярким примером подавления пиратства, что всегда было основной обязанностью Флота в мирное время.

- Как скажете, мэм, - согласился он. - Однако, в то же время, я думаю, следует обратить внимание на то, что этим пиратам и убийцам, удалось заполучить современные корабли Лиги. И мне кажется, что вопрос, как именно им удалось это сделать, заслуживает пристального внимания.

- О, в этом я безусловно согласна с вами, капитан. Адмирал Юргенсен поручил РУФ заняться этим вопросом, уверяю вас.

- Могу ли я поинтересоваться, есть ли у них какие-нибудь теории на этот счёт, мэм?

- Несколько есть, - сухо ответила она. - Большинство из них, разумеется, взаимно противоречащие.

- Разумеется, - согласился он, со слабой улыбкой.

- Очевидно, что Солли не могли просто "потерять" четыре современных крейсера, пускай даже официальная позиция их правительства "мы понятия не имеем что произошло", - продолжила Драшкович. - С другой стороны, Солнечная Лига огромна, и нам хорошо известно насколько мизерный контроль имеет её правительство над своими бюрократами, особенно военными бюрократами. Одна из теорий состоит в том, что какой-то адмирал Пограничного флота решил устроить себе прибавку к пенсии, выставив несколько своих кораблей на продажу, вместо того, чтобы отправить их на консервацию. Что было бы искусным трюком, если бы это ему удалось. Лично я сомневаюсь в этом. В первую очередь эти корабли были слишком новы, чтобы кто-либо мог избавиться от них под любым предлогом, включая консервацию, который я могла бы себе представить. И даже не

будь они настолько новы, я весьма сомневаюсь, чтобы даже снабженцы Лиги рано или поздно не обнаружили бы пропажу боевых кораблей общим тоннажем полтора миллиона тонн!

- Если только это не был кто-либо значительно выше рангом, чем обычный командующий из Пограничного флота, - задумчиво добавил Оверстейген. - Кто-либо с достаточными связями и властью, чтобы заставить исчезнуть неудобные бумаги из главных архивов, а не на нижнем уровне.

- Примерно такая же мысль посещала и меня. Я провела достаточное время, сражаясь с нашей собственной бюрократией, чтобы понять насколько легче было бы подготовить их исчезновение какому-нибудь бюрократическому проныре наверху. Особенно в местах вроде Лиги, - она пожала плечами. - Лично я считаю, что какая-то значительная персона в их эквиваленте Бюро Кораблестроения вероятно имеет где-то банковский счёт с весьма солидной суммой на нём.

- Я склонен согласиться с вами, мэм, - сказал Оверстейген. - Но меня продолжает удивлять, как кто-либо такого уровня мог вообще связаться со сворой пиратов из Силезии.

- Я сомневаюсь, что эта особа связывалась с ними - по крайней мере, напрямую, - ответила она, ещё раз пожав плечами. - Одному Богу известно, сколько посредников могли быть вовлечены в эту сделку! Вероятно, тот кто списал корабли отправил их потом какому-нибудь скупщику краденого, который через третьи или четвёртые руки и продал их тому сброду, который и уничтожили вы и ваши люди.

- Скорее всего, вы правы, - после краткого размышления сказал Оверстейген, хотя, судя по тону, он не был в этом убежден. - Но как бы они ни заполучили их, они действовали в Тиберии, слишком далеко от Силезии. И, кроме того, в не настолько богатой области, чтобы привлекать пиратов.

- Да, капитан, это действительно так, - признала она, добавляя долю холода в свой голос. - Эти мысли приходили в голову адмирала Юргенсена и его аналитиков, уверяю вас. Так же как и то, что они преднамеренно атаковали вас. Это не типично для пиратов, даже при соотношении сил четыре против одного.

- Как скажете, мэм, - Оверстейген слегка подобрался в своём кресле. - Надеюсь, я не кажусь слишком назойливым указывая на очевидное, адмирал. Просто дело в том, что, похоже, никто не нашел ответов на вопросы, которые меня волнуют больше всего. Или, по крайней мере, никто не сообщил мне эти ответы, если кто-то их и нашёл, - он пожал плечами. - А учитывая какие потери понесли мои люди, боюсь у меня далеко не праздный интерес в этом деле.

- Конечно, я понимаю это, - более дружелюбно уверила его Драшкович. - К сожалению, до тех пор пока и если РУФ не получит какие-либо более реальные зацепки, я не думаю, что кто-нибудь сможет предложить эти ответы.

Оверстейген кивнул, и в офисе ненадолго установилась тишина. Драшкович позволила ей продержаться пару секунд, затем глубоко вздохнула и выпрямилась в своём стуле.

- Очевидно, капитан Оверстейген, что произошедшее в Тиберии - одна из причин, по которым мы отправляем в Эревон именно "Стальной кулак" после окончания его ремонта.

Оверстейген ответил ей взглядом, полным вежливого внимания, и она пожала плечами.

- Вы продемонстрировали то, что у вас есть хорошее понимание обстановки в регионе Эревона. Это большой плюс. А тот факт, что вы отыскали и разобрались с пиратами, уничтожившими один из эревонских эсминцев со всей его командой - ещё один, особенно в свете текущей… напряженности в наших отношениях.

"А также, - добавила она про себя, - плюсом является и то, что ваша мать - троюродная сестра премьер-министра"

Выражение лица Оверстейгена не изменилось ни на йоту, но что-то в его глазах подсказало Драшкович, что он услышал несказанное. Впрочем, только полнейший идиот на его месте не стал бы учитывать политические соображения. Но это было нормально. На самом деле даже значительно лучше, чем "нормально". Слишком многие из офицеров, заработавших свою репутацию в сражениях с Народной Республикой Хевен, предельно ясно демонстрировали своё несогласие с политикой текущего правительства. А иметь своего собственного офицера, продемонстрировавшего, что он - по меньшей мере - ничуть ни хуже оппонентов правительства было просто Божьим даром..

- Из того, что вы только что сказали, мэм, - спросил после секундного размышления Оверстейген, - следует ли, что "Стальной кулак" будет опять действовать один?

- В свете сложившейся ситуации и того факта, что Эревон вполне способен - или безусловно должен быть способен - самостоятельно побеспокоиться о собственной безопасности, боюсь что невозможно будет обосновать более крупное военное присутствие Мантикоры в этой области, - Драшкович взмахнула рукой и слегка скривила губы. - Не знаю, насколько оно действительно помогло бы в данной обстановке, - признала она. - Не могу сказать, что обладаю особым опытом в том, что касается Эревона, но моя собственная оценка ситуации заключается в том, что текущая напряженность в наших отношениях появилась не в

одночасье. Что означает, что она и не исчезнет в одночасье, что бы мы ни делали.

- С другой стороны, - продолжила она, - вы, капитан, сейчас обладаете весьма высокой репутацией на Эревоне. Если мы не можем послать эскадру или даже две кораблей стены, мы, по крайней мере, можем отправить к ним того, кого газетчики называют "прославленным офицером".

- Понимаю, - Оверстейген очевидно был не из тех людей, которые позволяют лести кружить голову, как отметила про себя с долей удивления Драшкович. - Следует ли мне полагать, что присутствие моего корабля будет в значительной мере символическим?

- Если говорить начистоту, - ответила Драшкович, - любое появление одиночного тяжелого крейсера в области вблизи Эревона, которая уже должным образом патрулируется, неизбежно будет в основном символическим. Однако, с другой стороны, тот факт, что вы там будете единственным кораблём её Величества, будет значить, что вы столкнётесь с серьёзными и многочисленными обязанностями. Во всех смыслах, капитан, вы будете лицом Королевского Флота Мантикоры. Как старший присутствующий офицер, вы будете отвечать за защиту и опёку нашей торговли, будете сотрудничать с дипломатическими представителями её Величества на Эревоне, и будете представлять не только Флот, но и правительство, и Корону. По сути дела, вы будете ответственны за проведение - или, если понадобится, за модификацию - стратегии флота так же, как любой флаг-офицер, командующий целым флотом, или базой оперативного соединения.

На мгновение она замолкла, задумавшись, не перегибает ли палку. Всё было действительно так, как она сказала, но любому обычному капитану, чтобы действительно "модифицировать" стратегию флота, потребовалось бы намного больше отваги - и наглости - чем, вероятно, мог обладать даже кто-нибудь вроде Оверстейгена с его высокими связями.

С другой стороны, решила она, эти же самые связи скорее всего оправдывают все эти экивоки.

- Полагаю, у вас найдется более чем достаточно дел, - подвела она итог.

- Вне всякого сомнения, мэм, - согласился Оверстейген. - Хотя я подозреваю, что одним из задаваемых мне вопросов будет что же, по мнению Звёздного Королевства, произошло в Тиберии на самом деле. Это вторая из причин, по которым я затронул этот вопрос ранее, и я был бы признателен, если бы РУФ смогло устроить для меня инструктаж о текущих их соображениях по

тому происшествию. - Он снова слегка улыбнулся. - Будет неудобно, если эревонцы решат, что наш "прославленный офицер" и понятия не имеет о том, как и почему на него свалилась эта самая слава!

- Замечание учтено, капитан, - признала Драшкович. - Я попрошу старшину Дотри отправить приоритетный запрос в офис адмирала Юргенсена.

- Спасибо мэм. Однако вдобавок, в свете того, что вы только что сказали об ответственности, которая взвалится на "Стальной кулак", мне бы хотелось попросить назначения дополнительного офицера для помощи мне в анализе могущих возникнуть ситуаций.

- Дополнительного офицера? - Драшкович подняла брови. - Какого именно? Я была под впечатлением, ваша команда полностью укомплектована, теперь, когда ваш старпом вернулся к исполнению обязанностей.

- Так и есть, мэм, - признал Оверстейген. - Вот почему я прошу дополнительного офицера. Понимаю, что это немного необычно, но мне кажется, что в сложившейся ситуации "Стальному кулаку" вероятно потребуется кто-нибудь с лучшим пониманием положения вещей и особенностей ведения дел в Эревоне. И, если начистоту, есть вероятность возникновения ситуаций, в которых нам будет выгодно иметь своего собственного "шпиона" для консультации.

- Вы правы - это необычный запрос, - протянула Драшкович. Она слегка нахмурилась, но выражения её лица и голос были скорее задумчивыми, чем осуждающими. Офицер с достижениями Оверстейгена - и связями, напомнила она себе - мог позволить себе время от времени такие необычные запросы. - Обычно мы не приписываем офицеров разведки командирам ниже эскадренного уровня.

- Мне это известно, мэм, - Оверстейген, как заметила Драшкович, никак не отреагировал на вполне очевидную причину её последнего замечания. - В случае одиночной миссии это обычно вменяется в обязанности тактика. Коммандер Блюменталь, мой тактик, превосходный офицер, и я полностью уверен в нём и как в тактике, и как в исполняющем обычные функции разведчика. Но моя оценка текущего отношения Эревона к Звёздному Королевству предполагает, что ситуация не является вполне обычной. При этих обстоятельствах, было бы желательно назначить на корабль кого-либо более информированного в Эревонской политике и военных возможностях. На самом деле, с вашего позволения, у меня уже есть конкретная кандидатура.

- Вот как? - удивилась Драшкович, и Оверстейген кивнул в

ответ. - Ну что же, капитан, как вы знаете, по традициям Флота мы стараемся выполнять персональные запросы командиров кораблей всегда, когда это возможно. Могу ли я предположить, что у вас есть причина полагать, что этот офицер, которого вы имеете в виду, свободен для назначения на ваш корабль?

- Так и есть, мэм.

- И кто бы это был?

- Лейтенант Бетти Гёр, - ответил Оверстейген, и Драшкович нахмурилась снова, на этот раз более мрачно, так это имя пробудило в ней неясную тревогу. - Ей немного не повезло, - продолжил капитан. - Она сама начала как тактик, потом перешла в разведку, чтобы пополнить своё резюме. На момент прекращения военных действий она отвечала за контакты нашей разведки с Эревонским Флотом.

- Гёр, - повторила Драшкович, и её глаза внезапно сузились. - Это случайно не та лейтенант Гёр, что написала ту статью о методиках допроса для "Вестника"?

- Действительно, та самая, - признал Оверстейген, и Драшкович нахмурилась ещё сильнее. Она не помнила деталей статьи, но основное она запомнила чётко, учитывая шумиху поднявшуюся в определённых кругах.

- Я не уверена, что назначение на политически чувствительную позицию офицера, который публично поддержал использование пыток в качестве метода получения информации, будет хорошим шагом, - возразила она через мгновение с отчётливыми нотками льда в голосе.

- На самом деле, адмирал, лейтенант Гёр, никогда не призывала к использованию физического воздействия, - вежливо поправил ей Оверстейген. - Она всего лишь написала, что распространение программ кондиционирования военного персонала на устойчивость к традиционным медикаментозным методам допроса существенно ограничило возможности разведчиков по добыванию информации. Она рассмотрела пытку, как одно из возможных решений проблемы, и отметила, что в определённых условиях она может быть довольно эффективна. Однако она также подчеркнула, что в большинстве случаев пытка проявляет свою печально знаменитую ненадёжность, не говоря уже о её морально предосудительной природе, и продолжила в изрядных подробностях обсуждать другие доступные допрашивающим средства. Её формулировка своих мыслей возможно была немного неудачной, поскольку некие случайные читатели не поняли, что она анализировала и отвергала определенные методики, а не рекомендовала их. Однако протесты и истерия, вызванные её статьёй, по моему мнению,

были вызваны исключительно тем, что её цели и аргументы были неправильно истолкованы.

Драшкович жестко на него посмотрела. Он мог быть и прав, подумала она, признавая, что сама лично не читала эту статью. Но что бы эта лейтенант Гёр, не имела в виду на самом деле, "протесты и истерия", о которых только что упомянул Оверстейген, были… ожесточёнными. Идея, что лейтенант предлагает использование пыток офицерами Её Величества, что было прямым нарушением, по меньшей мере дюжины межзвёздных соглашений, подписанных Звёздным Королевством, поразила газетчиков словно лазерная боеголовка. Сопутствующий ущерб грозил захлестнуть начальство лейтенанта, что и было причиной того, что Второй Космос-лорд Юргенсен отказался защищать её. Лично Драшкович это вообще не волновало; дело касалось Юргенсена и РУФ, и не было её проблемой. Но то эффектное пике, которое совершила карьера Гёр, превращала её назначение на "Стальной кулак" в каверзную задачу. Возможность публичного скандала была достаточно очевидной, но если Юргенсен решит, что Драшкович собиралась за его спиной реабилитировать офицера, которого он лично уволил…

- Даже если её аргументы были неправильно поняты, капитан, - наконец сказала адмирал, - факт заключается в том, что лейтенант Гохр находится на половинном жаловании именно из-за разногласий, которые вызвала её статья.

- Совершенно верно, мэм, - спокойно согласился Оверстейген, и даже улыбнулся ей. - Именно поэтому я и уверен, что лейтенант Гёр свободна в данный момент.

- Понимаю, - Драшкович внимательно посмотрела на него сузившимися глазами. Он давит на неё, решила она. Определённо давит… чёрт его дери.

- Верю, что вы осознаёте, - сказала она через пару секунд, - что возвращать офицера разведки на службу в качестве аналитика без одобрения адмирала Юргенсена после отправки на половинное жалование из-за подобного скандала будет гораздо более чем "немного необычно".

- В обычных обстоятельствах - разумеется, мэм, - признал Оверстейген, тактично соглашаясь с намёком Драшкович, что Юргенсен никогда не согласится на возвращение Гёр на службу. - Однако лейтенант Гёр на самом деле не является офицером РУФ. Она тактик, со второй специализацией в психологии боевых действий, которая была приписана к подразделению "Лондон Пойнт", чтобы проработать с морпехами различные способы сопротивления насильственным техникам допроса… таким как пытка. Она была переведена в РУФ после того, как адмирал

Гивенс просмотрела несколько её статей по этому предмету.

- Что не отменяет того факта, что она была приписана к РУФ, когда последствия её статьи произвели такой бум, - указала Драшкович.

- Я имел в виду не совсем это, мэм, - возразил Оверстейген. - Что я предлагал, это что её можно назначить - по крайней мере, формально - на "Стальной кулак" в качестве тактика, а не разведчика. Как я и сказал, я вполне удовлетворён коммандером Блюменталем, но мой помощник тактика готов к повышению. Я бы хотел предложить освободить его от обязанностей на борту "Стального кулака" и назначить на место, более подходящее ему по выслуге, а взамен назначить на "Стальной кулак" лейтенанта Гёр.

- Понятно, - Драшкович молча рассматривала его в течение нескольких секунд, оценивая тот явно прозрачный фиговый листок, который он предлагал. Имелась незначительная вероятность того, что он действительно верил, что она настолько глупа, чтобы не понять в какую трясину он предлагает ей шагнуть. Хотя вряд ли, учитывая то, что ни один офицер не смог бы добится того, что он совершил на Тиберии, не будь у него крепких мозгов.

Она уже собралась категорично отказаться от его предложения, но остановилась. Если Юргенсен узнает об этом, то посинеет от злости. Конечно, маловероятно, что он пойдёт на открытый конфликт с ней. Он был слишком стар и опытен в бюрократических распрях для чего-либо настолько глупого и грубого. Конечно, нет. Он найдет свой, намного более хитрый способ, чтобы отомстить. Но Джозетта Драшкович даже в лучшие времена не испытывала к Фрэнсису Юргенсену нежных чувств. А ещё надо было учитывать тот факт, что Оверстейген сейчас был любимцем всего флота. Не говоря уже о его тесных семейных связях с самим премьер-министром.

Кроме того, подумала она, учитывая то, что "Стальной кулак" направляется на Эревон, вполне возможно, что этот идиот даже не узнает об этом. Или, по крайней мере, не узнает до тех пор, пока не будет слишком поздно убеждать даже Яначека, что Оверстейген вообще не имел права просить её об этом…

- Хорошо, капитан, - сказала она наконец. - Я займусь этим и посмотрю, что можно будет сделать.

- Спасибо, адмирал, - произнёс Оверстейген и улыбнулся.

Глава 4

- В этом наряде я чувствую себя нелепо, - пробурчал В.Е.Б. Дю Гавел, пока Кэти Монтень вела его по широкому коридору своего городского особняка к ещё более широкой лестнице, ведущей на первый этаж.

- Не морочь мне голову, Веб, - Кэти окинула его тучную фигуру взглядом, балансирующим на грани сарказма. - Вот когда ты пытаешься изобразить из себя Махатму Ганди, тогда и выглядишь по настоящему нелепо.

Дю Гавел хихикнул.

- "Минус четверка", так он, кажется, назвал свой наряд? Когда появился в Лондоне, не имея на себе ничего кроме знаменитой набедренной повязки?

Он опустил взгляд на свой объёмистый живот, затянутый в костюм, при взгляде на пестроту красок которого, заплаченные за ткань немалые деньги казались напрасно выброшенными на ветер. Преобладал красный цвет, но были также и довольно заметные участки оранжевого и черного - и всё это подчеркивали ярко-синий кушак, идущая от левого плеча к правому бедру лента с белой и золотой полосами, и чуть более узкие ленты тех же цветов, изображающие лампасы на брюках. Брюки были также синими; однако, по некой неведомой Дю Гавелу причине, как минимум на два тона темнее кушака.

Не стоило и говорить, что туфли были золотыми. И, чтобы довести смехотворность общего ансамбля до максимума, заостренные их носки задирались вверх и заканчивались ярко-синими кисточками.

- Я чувствую себя цирковым клоуном, - пробормотал он. - Или пляжным мячом.

Он скептически взглянул на Кэти.

- Ты же не пытаешься устроить розыгрыш со мной в главной роли?

- Ну что ты за долбаный параноик, а?

- Ну, по крайней мере, твой язык со времени проведённого на Земле не изменился. Полагаю, это уже что-то.

Они почти дошли до лестницы, выйдя на открытый участок, где левую стену сменила балюстрада, за которой, внизу, простирался огромный зал, казавшийся переполненным людьми. Дю Гавел начал замедлять шаг.

Кэти протянула руку назад, ухватила его за локоть, и потащила вперёд.

- Расслабься, ладно? В этом году мода на стиль "нео-комедия" бушует в полный рост. Я заказала этот костюм специально для тебя, именно для такого случая, у второго лучшего портного Лэндинга.

Значит, ничего не поделаешь. Дю Гавел решил смириться с ситуацией. Они начали медленно спускаться по лестнице. Идущая рядом Кэти делала вид, словно сопровождает посетившего её с визитом члена королевской семьи.

Дю Гавел, пытливый разум которого никогда не дремал, прошептал:

- А почему у второго лучшего?

Его порадовала улыбка на лице Кэти. А точнее выражение "хорошей девочки на официальном мероприятии". Оно, наверняка, использовалось ею нечасто, но получилось у Кэти так же хорошо, как почти всё, за что она бралась всерьёз. Она даже сумела прошипеть ответ, не испортив своей улыбки:

- Я нынче пытаюсь ладить с Елизаветой. Она была бы вне себя, если бы подумала, что я пытаюсь стянуть у неё любимого портного.

Несколько секунд, которые ушли у них на спуск по длинной расширяющейся лестнице, он переваривал этот ответ. К тому моменту, когда они почти спустились, казалось, что взгляды всех находившихся в зале - как и многих вытесненных во множество прилегающих комнат - направлены на него. Хотя он уже две недели был гостем в городском особняке Монтень - название "карманный Версаль" подошло бы ему больше - Дю Гавела всё еще приводили в замешательство его лабиринты. По какой-то загадочной причине его поразительный интеллект никак не мог подняться выше "средне-глупого" уровня в том, что касалось ориентации в пространстве.

- Не может же королева Мантикоры быть настолько мелочной?

На предпоследней ступени Кэти остановилась, придержав Дю Гавела за локоть и заставив его тоже остановиться. Он понимал, что она делает это специально, давая собравшейся толпе полюбоваться сегодняшним особым гостем.

Тем не менее, её официальная улыбка даже не дрогнула.

- Не глупи. Елизавета вовсе не мелочна. Дело не в самом факте, а в его спортивном значении. Когда мы с ней были детьми, то постоянно тырили друг у друга то одно, то другое. Это было что-то вроде соревнования.

- И кто победил? - прошептал он.

- Я была далеко впереди по очкам, когда королева-мать - она тогда ещё была королевой - отлучила меня от дворца. Полагаю,

Елизавета до сих пор имеет на меня небольшой зуб. Так что я не вижу смысла через столько лет тыкать ей этим в нос.

Вперёд вышел мажордом и громогласно объявил:

- Кэтрин Монтень, бывшая графиня Тор! И её гость, доктор наук, достопочтенный В.Е.Б. Дю Гавел!

Из задних рядов раздался высокий голос. Молодой женский голос, который Дю Гавел тут же признал. Его взгляд немедленно выхватил из толпы высокую фигуру Хелен, дочери Антона Зилвицкого.

- Лентяйничаешь, Герберт! Сколько у него докторских степеней?

По толпе пробежал смешок. Мажордом позволил ему утихнуть, прежде чем продолжить.

- Слишком много, гардемарин Зилвицкая! В моём немощном мозгу полный список не укладывается! Могу припомнить только…

И он принялся оглашать перечень академических степеней и наград Дю Гавела - как отметил Веб, мало что упуская - закончив неизбежным:

- … лауреат премии Нобеля-Шакры за гуманитарные достижения и Солнечного Медальона!

- Вы, девчонки, это подстроили, - пробормотал Дю Гавел. Улыбка Кэти только стала шире.

Однако, против собственной воли, Дю Гавел не мог не ощутить искреннюю гордость, слушая перечисление этого длинного списка. Правда, часть степеней была почётными. Но только меньшая часть - и даже эти степени никогда бы не были ему предложены, если бы не его собственные достижения.

Воистину, неплохо для человека, появившегося на свет в рабском бараке "Рабсилы" под именем J-16b-79-2/3.

***

В течение получаса Дю Гавел сумел расслабиться. К счастью, Кэти оказалась права насчет его нелепого костюма. Если уж на то пошло, он был довольно неброским по сравнению с тем, что надели многие гости званого вечера. И хотя Дю Гавел не был привычен к роли официального почётного гостя гигантского собрания бомонда звёздной нации, застенчивой мимозой его тоже никак назвать было нельзя. Как и любой опытный и заслуженный университетский преподаватель, он был непревзойдённым

мастером болтовни.

Кроме того, как он практически мгновенно осознал, шутливая перепалка между мажордомом и Хелен Зилвицкой сдобрила его представление высшему обществу Мантикоры как раз соответствующей порцией юмора. Он был вполне уверен, что Кэти специально планировала такой эффект.

Вообще-то, его это весьма впечатлило. Он давно знал, что у Кэти есть все задатки превосходного политика. Но во время тех долгих лет изгнания на Земле, когда он впервые встретился с этой женщиной, она ни разу не использовала их по-настоящему. Он подозревал тогда - и считал сейчас подозрение подтвердившимся - что главной причиной этого было потрясение от изгнания из кругов мантикорской аристократии. Неважно, как бы она ни отрицала важность этого для себя, мало кому удаётся с легкостью пережить отторжение общества, в котором он вырос. Даже если внешне это и было незаметно, её уверенность в себе была подорвана на подсознательном уровне.

Наблюдая за ней сейчас, видя легкость и грацию, с которыми она движется сквозь толпу, он понимал, что она полностью оправилась. Оправилась и пошла дальше, поскольку годы изгнания тоже не прошли даром. Больше не было упрямой молодой женщины, чихавшей на тактику с недосягаемых высот принципов. Была достигшая средних лет женщина, вступившая в пору расцвета своих способностей, восстановившая уверенность в себе и закалённая годами учёбы и политической борьбы.

"Берегись, Мантикора", - с улыбкой подумал Дю Гавел.

На этом он вернул своё внимание беседе с пожилым джентльменом и двумя его спутницами. Его сёстрами, если Дю Гавел правильно помнил, как их представляли.

Он не был в этом вполне уверен. Все трое несли полную чушь, и он особо не прислушивался к их словам. Только в той степени, чтобы, пользуясь опытом многих лет посещения академических мероприятий, быть в состоянии делать необходимые глубокомысленные кивки и издавать поощряющие звуки через подобающие интервалы.

К счастью, Дю Гавел научил себя терпимости к подобным людям. Это было нелегко. От природы ему не была дана способность переносить дураков.

Тут он услышал очередное громкое объявление мажордома.

- Капитан Майкл Оверстейген, кавалер "Креста Мантикоры", медали "За отвагу", "Золотой звезды", знака "За отличие в службе", командир космического корабля Её Величества "Стальной кулак"!

Высокий, стройный мужчина в мантикорской флотской форме вошёл в зал. Дю Гавел не обратил на него особого

внимания, пока не заметил определённого снижения уровня шума, производимого толпой. Словно в большинстве бесед внезапно наступила заминка, или говорившие понизили голоса.

К счастью, этот эффект охватил и его собеседников. Дю Гавел выцепил взглядом стоявшую неподалёку Хелен Зилвицкую и завершил разговор с Болтливой Троицей гладкой и ничего не значащей вежливой фразой.

- Кто это? - прошептал он на ухо Хелен, добравшись до неё. Девушка его до этого не замечала, поскольку её взгляд был прикован к мантикорскому офицеру. Как и у почти всех остальных - а Дю Гавел уже заметил, что Кэти пробирается через толпу к новоприбывшему гостю.

- А, привет, Веб. Это Оверстейген. Тот самый Оверстейген. Кэти его приглашала, но и подумать не могла, что он покажется. Как и я.

Дю Гавел улыбнулся.

- Давай-ка начнём с начала, ладно? Имя "того самого" Оверстейгена может что-то значить для тебя. Но как для того, кто прибыл в Звёздное Королевство с Земли две недели назад, для меня оно, боюсь, не значит ничего.

Глаза Хелен расширились, как у тинейджера, напоровшегося на потрясающее открытие, что далеко не все разделяют его собственные интересы.

- Он - тот самый капитан, который выиграл битву у Тиберии, - ответила она и помотала головой при виде его непонимания. - Ту, где его корабль в одиночку уничтожил четыре других крейсера, - добавила она полунегодующим тоном, словно оставляя непроизнесённым "Как ХОТЬ КТО-НИБУДЬ может не знать об этом?"

- А, да. Припоминаю, читал в своё время об этом инциденте. Год или около того назад, верно? Но у меня сложилось впечатление, что его противниками были всего лишь пираты, а не регулярный флот.

Глаза Хелен расширились ещё сильнее. Дю Гавелу пришлось бороться с желанием усмехнуться. Девятнадцатилетняя девушка была слишком вежлива, чтобы сказать такое вслух, но для него было очевидным, что в мыслях она спрашивает: "Как ХОТЬ КТО-НИБУДЬ может быть таким идиотом?"

Она, однако, сумела удержать большую часть негодования при себе. И только дважды сбилась на гневную скороговорку.

- Это же были крейсера типа "Гладиатор", во имя… - она притормозила и продолжила более спокойным тоном. Словно мать, сдерживающая раздражение при виде проказ карапуза. - Записи сенсоров "Стального кулака" доказывают это не оставляя и

тени сомнения.

Дю Гавел вопросительно поднял бровь. Хелен Зилвицкой снова пришлось сдерживаться.

- Как можно быть?.. Кхм. "Стальным кулаком" назывался корабль Оверстейгена. Точнее называется.

Следующие слова были произнесены медленно, словно матерью, объясняющей ребёнку прописные истины.

- "Гладиаторы", Веб. Самый современный тип тяжёлых крейсеров Флота Солнечной Лиги. На них установлено самое современное оружие и оборудование РЭБ* [радиоэлектронной борьбы], скорей всего ничем не уступающее тому, что есть у нас. Корабли стены Лиги ничего особенного из себя не представляют - если не учитывать их численности - поскольку Лига не участвовала в настоящей войне веками. Но их лёгкие корабли всегда оставались намного ближе к передовым технологиям, поскольку именно они выполняют всю настоящую работу ФСЛ.

Взгляд её стал слегка отстранённым, как будто она вспоминала далёкое прошлое… или задумалась над далёким будущим.

- Никто не наносил поражения тяжёлому крейсеру Лиги в открытом бою на протяжении более полувека, Веб. И никто никогда не уничтожал четыре таких крейсера разом, имея только один корабль классом ниже дредноута… а уж тем более другой крейсер. Во всяком случае, такого нет в базах данных Академии. Я это знаю. Я проводила разбор боя "Стального кулака" для курса, который только что закончила. Частью задания было провести сравнительный анализ.

Она вперила в Дю Гавела укоряющий взгляд.

- Так что с того, что там были "пираты"? Даже шимпанзе были бы опасны на "Гладиаторах", если бы знали, как управлять ими.

- Как же пиратам вообще удалось их заполучить?

Хелен нахмурилась.

- Хороший вопрос… и не думайте, что все остальные не задаются им же. К сожалению, среди выживших пиратов были только простые боевики, которые ничего не знали.

Она поколебалась какое-то мгновение.

- Наверное, мне не стоило бы этого говорить, но… какого чёрта, тут нет ничего, о чем бы уже не судачили в новостях. На самом деле заполучить такие корабли они могли единственным способом, Веб. В чем бы ни была причина, за этой "пиратской операцией" должен был стоять кто-то из Лиги, обладающий большими деньгами и не меньшим влиянием. Ни у кого из известных мне людей нет ни малейшей идеи, чего же они

добивались, но почти все - включая меня - считают, что за операцией должна была стоять "Рабсила". А может даже и Меза в целом.

Хелен помрачнела.

- Если бы мы могли доказать это…

Дю Гавел перевёл взгляд обратно на мантикорского капитана, о котором шла речь. Теперь с гораздо большим интересом. Как бы велика ни была дистанция, в терминах интеллектуальных достижений и общественной известности, между ним и большинством прочих бывших рабов, одно у Дю Гавела и любого из них было общим.

Он до глубины души ненавидел "Рабсилу". И хотя по политическим причинам Дю Гавел возражал против тактики насилия, используемой Одюбон Баллрум, он не испытывал ни капли сочувствия к жертвам этого насилия. Не было ни единой замешанной в дело личности из этой порочной галактической корпорации - ни единой, если на то пошло, на всей планете Меза - которую Веб Дю Гавел не опустил бы собственноручно в чан с кипящим маслом.

Пританцовывая и распевая осанну при этом… если бы считал, что этим чего-то добьется.

Он сделал глубокий вдох, подавляя внезапный приступ гнева. И повторяя себе, пожалуй в миллионный раз за свою жизнь, что если бы необузданной праведной яростью можно было бы добиться чего-то стоящего, росомахи давным-давно владели бы галактикой.

- Не представишь ли… - он осекся, внезапно осознав запоздалость просьбы. Кэти Монтень уже вела капитана Оверстейгена к нему.

Однако пока они доберутся, пройдёт какое-то время, судя по густоте толпы, и тому, что некоторые люди подходили и пожимали капитану руку. Веб торопливо прошептал:

- Просто чтобы я не ляпнул что-то не то, почему вы с Кэти были так удивлены, увидев его? Он же был приглашён, так?

Он расслышал испущенный Хелен тихий фыркающий звук. Словно благовоспитанная девушка ещё раз подавила взрыв возмущения.

- Просто взгляните на него, Веб. Он же вылитый барон Высокий Хребет в молодости.

Должно быть, на лице Дю Гавела отразилось непонимание. Дело было не в имени - он знал о мантикорской политике достаточно, чтобы понимать, что Хелен имеет в виду нынешнего премьер-министра - а в нюансах, которые скрывались под поверхностью.

Хелен поджала губы.

- Я полагала, что вы считаетесь лучшим экспертом галактики - ну, ладно, входящим в десятку лучших - в теории политики? Так как же получилось, что вы ни черта… э-э, простите, не хотела грубить.

Он ухмыльнулся, наслаждаясь утратой девушкой светских манер. Учитывая рабское происхождение Дю Гавела и его нынешний высокий статус, большинство людей в общении с ним проявляли чрезмерную вежливость. Очевидно, цепенея от мысли, что заденут какое-нибудь глубоко упрятанное больное место, наличие которых у него явно подразумевалось во множестве.

Так уж вышло, что Веб Дю Гавел по натуре был толстокож - и мало что доставляло ему такое же удовольствие, как возможность засучить рукава и ринуться в интеллектуальную схватку, в которой пощады не дают и не просят. Что и было причиной, по которой они с Кэтрин Монтень сильно сблизились много лет тому назад. Это случилось в первую же их встречу, меньше чем через час после взаимного представления на приёме, устроенном Антирабовладельческой Лигой на Земле.

Дискутируя с Дю Гавелом, Кэти заявила ему, в своей обычной громогласной и цветистой манере, что он - чёртов лизоблюд со складом ума домашнего раба. Он, в свою очередь, объяснил собравшейся толпе - столь же громогласно, хоть и не так цветисто - что она представляет собой типичную тупицу из привилегированного класса, якшающаяся с угнетёнными следуя моде, но не могущей испечь ломтя хлеба, не романтизируя страдания муки и благородную грубость дрожжей.

Дальше - больше. К концу вечера они были друзьями не разлей вода. Как и сам Дю Гавел, Кэти Монтень была одной из тех беспощадных интеллектуалов, которые воспринимают свои идеи всерьёз - и никогда не доверяют другому интеллектуалу, не устроив своего рода варварского ритуала. Продемонстрировав интеллектуальные раны, поделившись идеями - и обменявшись насмешками - так же точно, как впервые встретившиеся воины древности смешивали кровь из нанесённых самим себе ран.

- Остынь, Хелен, - сказал он, усмехаясь. - Подлинной проблемой здесь является твой провинциализм, не мой. Изнанка политики здесь, на Мантикоре, только потому кажется тебе имеющей галактическую важность, что ты родилась здесь. Твой мирок кажется половиной вселенной только потому, что ты не представляешь, насколько на самом деле велика вселенная. Теоретически представляешь - но это понимание не вошло в плоть и кровь.

Он сделал паузу и снова взглянул в сторону медленно

приближающегося капитана. Времени ещё достаточно, решил он, чтобы продолжить образование девушки.

- Звёздное Королевства является государством, состоящим из пяти заселённых планет в трёх звёздных системах. Это после аннексии Звезды Тревора и считая, что Медузу вообще можно называть "заселённой планетой". Даже если считать Сан-Мартин, ваше общее население не превышает шести миллиардов. В одной только Солнечной системе живёт впятеро больше людей - как и в Центавре, или Тау Дельты, или Митре, или в любой из нескольких десятков внутренних систем Солнечной Лиги. "Старой Лиги", как это называют в народе. В Солнечной Лиге в целом официальное членство имеют 1784 планеты - не считая тех сотен, что находятся под управлением Лиги, являясь протекторатами - расположенные в регионе космоса в три или четыре сотни световых лет диаметром. В пределах этого неимоверного объёма расположено больше звёзд, буквально говоря, чем ты можешь видеть ночью невооружённым глазом. Ни у кого нет представления, каково может быть общее население Лиги. Только в Старой Лиге зарегистрированное население составляет почти три триллиона человек, судя по данным последней переписи - а эти данные здорово занижают численность населения. Ни один серьёзный аналитик никогда не пытался заявить, что знает, сколько ещё триллионов людей живёт в мирах так называемой "Окраины" или в протекторатах. Я даже не говорю уже о бессчётных тысячах - скорее даже миллионах - искусственных поселений, разбросанных по тысячам звёздных систем. И каждое из этих звёздных государств имеет свою историю, собственную сложную политику и собственные особенности общественного и экономического устройства.

Капитан и Кэти были уже довольно близко. Пора было завершать импровизированную лекцию, поскольку ему всё ещё нужно было знать причины удивления Хелен появлением Оверстейгена.

- Позволь мне закончить вот на какой мысли, Хелен. Лишь только тогда, когда человечество расселилось по тысячам миров, политическая наука стала заслуживать названия науки… и всё равно это ещё молодая и неточная наука. Иногда она напоминает мне палеонтологию во времена Копа и Марша и их "костяных войн" из-за останков динозавров. Даже если не считать прочих проблем, доминирование Лиги в жизни человечества искажает все данные. Но, по крайней мере, теперь у нас есть набор данных, позволяющий сделать серьёзный сравнительный анализ, что было совершенно невозможно до Расселения. И именно этим занимаются подобные мне люди. Поиском шаблонов и

повторений, если хочешь. Количество звёздных систем, с деталями политического устройства которых я знаком, представляет собой лишь крошечную долю общего их числа. По правде говоря, я знаю намного больше о древней истории Земли, чем об истории большинства ныне населённых планет. Потому, что до сих пор именно эту общую историю мы используем в качестве грубой первоначальной мерки.

Должным образом пристыженная, девушка кивнула.

- А ты всё ещё не объяснила - понятным мне языком - почему вы с Кэти были столь удивлены появлением капитана Оверстейгена. Или, если на то пошло - и учитывая ваше удивление - почему она вообще пригласила его.

- А. Это потому, что он похож на Высокого Хребта не случайно. Он принадлежит к Ассоциации Консерваторов, этой толпе грязных… кхм… скажем так, к группе нелюбимых мною деятелей. Кэти искренне ненавидит их. Он является родственником королевы - отдалённым - по отцовской линии, но его мать - троюродная сестра Высокого Хребта. Что по его внешности ясно любому, взглянувшему на него!

Дю Гавел кивнул, картина в его сознании прояснялась. Он, естественно, был знаком с политической жизнью Мантикоры ближе, чем с большинством систем. Даже если не учитывать Кэтрин Монтень, Мантикора играла в Антирабовладельческой Лиге намного более весомую роль, чем можно было бы представить исходя из её населения. Он, безусловно, достаточно неплохо понимал природу и логику Ассоциации Консерваторов. В конце концов, подобное явление было старым и хорошо ему знакомым феноменом, настолько же старым, как и любая политическая формация в человеческой истории. Группа людей, занимающих весьма престижные и роскошные места в данном обществе, реагирующие с возмущением и негодованием на всё, что потенциально может поколебать их положение - словно блага и привилегии достались им по некоему закону природы, столь же фундаментальному, как и законы физики. Короче говоря, группа жирных свиней у весьма обильной кормушки, пытающихся облагородить процесс набивания желудков выхрюкивая слово "консервативный".

Учитывая то, что сам В.Е.Б. Дю Гавел считал себя, в общем и целом, консервативным политическим теоретиком - в широком значении слова "консервативный" - он находил данное явление не только понятным, но и отвратительным.

- Название "толпа грязных свиней" вполне им подходит, Хелен. Но не следует путать личность и группу. Входит ли сам Оверстейген в Ассоциацию Консерваторов? А если входит, почему

Кэти его пригласила? И, если входит, и она всё равно его пригласила, почему он решил прийти? - он быстро обвёл толпу взглядом. В основном присутствовали несгибаемые члены либеральной партии… а кроме них только те, не считая немногочисленные исключения, кто вышел из рядов либералов, чтобы сдвинуться в политическом спектре дальше влево. - Я бы счёл это столь же вероятным, как согласие пуританина на посещение шабаша ведьм.

- Кто такой "пуританин"? - спросила она. - И зачем ведьмам - глупейшая концепция, надо сказать - устраивать сбор на… ладно, неважно. - Кэти и капитан практически добрались до них. Хелен торопливо прошептала: - Не думаю, что он входит в Ассоциацию. По правде говоря, я мало что знаю о его личных взглядах. И не думаю, что много кто знает. Но…

И последняя торопливая фраза:

- Простите. Полагаю, остальное вам придётся выяснять у него самому.

***

Секунду спустя Кэти представила их друг другу. И Веб Дю Гавел начал получать свои ответы.

Разумеется, он был вне себя от радости. Если не считать того, что уже через несколько минут он снова принялся клясть про себя свой наряд.

Засучить его рукава было абсолютно невозможно!

Глава 5

- Давно хотел с вами встретиться, - заявил капитан, растягивая слова в манере, которую Дю Гавел немедленно признал. Не конкретно, разумеется, - число распространенных в галактике диалектов и маньеризмов речи в добрый десяток раз превышало число языков и населенных миров. Однако он знал феномен как таковой, поскольку он был столь же древним, как и сами привилегии. Представители элиты - пусть даже "элитой" их считали только они сами - неизменно вырабатывали специфический стиль речи, который должен был выделять их из общей толпы.

Оверстейген с тонкой улыбкой быстро окинул взглядом толпу.

- Это единственная причина, по которой я согласился принять участие в Вальпургиевой ночи этих балаболящих политических язычников.

Он обратился к Кэти со слегка расширившейся улыбкой.

- Разумеется, к присутствующим это не относится. Я давно испытываю зависть и восхищение по отношению к графине - бывшей графине, наверное следовало сказать. С той самой речи, которую она закатила в Палате Лордов, и из-за которой её вышвырнули вон. Так вышло, что я тогда присутствовал в Палате в качестве наблюдателя семейства, поскольку моя мать чувствовала себя неважно. И скажу вам начистоту, имей я в то время такое право, я бы и сам проголосовал за её изгнание из Палаты, просто потому, что она на самом деле нарушила давно существующий порядок. Заметьте, это даже при том, что я был согласен со сказанным ею, пожалуй, на девяносто процентов. Однако правила есть правила.

Кэти улыбнулась в ответ.

- Правила созданы для того, чтобы их нарушать.

- Ничего не могу возразить, - немедленно отозвался Оверстейген. - Это действительно так. При условии, однако, что нарушитель готов за это расплачиваться, и что цена нарушения взыскивается сполна.

Он отвесил Кэти глубокий кивок, почти поклон.

- Как и было в вашем случае, леди Кэтрин. Я восхищался тогда вами за это - вообще-то, сделал это прямо за семейным обедом тем вечером. Моей матери после этого стало заметно хуже; она снова рухнула в постель, обвиняя меня в неблагодарности. Мой отец тоже остался не слишком доволен. А

я всё равно восхищаюсь вами.

Оверстейген вернулся к Дю Гавелу:

- В противном случае нарушение правил становится уделом избалованных детишек, а не героев. Самым быстрым путём из приходящих мне в голову, чтобы превратить серьёзную политику в ссору в песочнице. Цивилизованное общество нуждается в совести, а совесть не может быть воспитана без мучеников - реальных мучеников - по которым цивилизация может измерять свои преступления и грехи.

Дю Гавел резко приободрился. Конечно же, он понял логику доводов Оверстейгена. Противное было бы удивительно, поскольку это был парафраз - и, учитывая его вынужденную краткость, неплохой - основного тезиса одной из книг Дю Гавела.

Оверстейген тут же подтвердил его предположение.

- Должен вам сказать, что считаю книгу "Политическая ценность жертвы" одной из самых блестящих прокламаций принципов консерватизма в современной вселенной. Сказав это, я также чувствую себя обязанным заявить, что считаю аргументы, которые вы выдвинули в работе "Весы правосудия: перья против камней" - в лучшем случае! - прискорбным потоком слезливого либерализма. Принципы есть принципы, доктор Дю Гавел. И уж кому-кому, а вам это должно быть известно. Так что было печально видеть, как вы переползаете от одного компромисса к другому, жертвуя определенностью ради немедленной выгоды. Прискорбно, прискорбно. Вы фактически одобрили социальную инженерию, вот что вы сделали.

"Аллилуйя!" Дю Гавел начал ощупывать рукава в тщетных поисках пуговиц, расстегнув которые рукава можно было бы закатать.

- Социальная инженерия, да? Ха! Растолкуйте мне, капитан Оверстейген, как так получается, что так называемые "консерваторы" - прошу заметить, таковыми отнюдь не являющиеся; просто динозавры с претензиями - начинают протестовать против социальной инженерии только тогда, когда она угрожает пройтись по их собственным - неизменно пышным и заботливо ухоженным - грядочкам? Хотя они же не возражали против социальной инженерии, когда она использовалась для создания этих самых грядочек?

Оверстейген слегка вытянулся и стал казаться еще выше прежнего. Дю Гавел азартно - мешали только рукава; где же, чёрт подери, пуговицы? - накинулся на него.

- Если хотите, рассмотрим вашу собственную мантикорскую аристократическую систему. Социальная инженерия в чистом виде, капитан. Грубая до невозможности. Шайка богатеев создала

конституцию, специально предназначенную - если даже не с преступными намерениями, то в целях обогащения - для того, чтобы поставить себя и своих потомков в блаженно привилегированное положение. Или вы намерены пытаться доказать, что аристократические принципы просто сами собой выросли в силу природных условий чуждой тогда планеты? Если и так, то выросли они как сорняки - что, кстати, является довольно точной аналогией для любой разновидности кастовой системы из всего их разнообразия. Сорняки, мнящие себя розами.

Оверстейген усмехнулся, признавая пропущенный удар. Великолепный интеллектуальный боец, ликующе отметил Веб, которого ничуть не беспокоят разлетающиеся брызги крови. Дю Гавел практически вцепился в свои рукава.

- По этому вопросу я с вами, доктор, спорить не буду. Всё именно так. Боюсь, что даже не могу похвастаться тем, что мои предки были наилучшими убийцами, грабителями и насильниками, как мог бы похваляться в свое время какой-нибудь подлинный норманнский барон. Просто толстый кошелек и более ранняя дата прибытия, вот и всё. Прискорбно, не правда ли, до чего современную аристократию довёл гнёт социальной совести? Тем не менее, я голосую за аристократию.

Его длинный хрящеватый нос испустил пронзительное ироническое фырканье.

- Не потому, что я хоть сколько-то верю в бред Ассоциации Консерваторов относительно хорошей родословной, а тем более в откровенное суеверие насчёт хорошего происхождения. Нет, проблема не в личной ценности отдельных представителей любой данной аристократии. Дело просто в социальном преимуществе, которое дает нации наличие какой бы то ни было аристократии. Да назначайте аристократов хоть жребием, мне всё равно. Однако сам факт их наличия даёт нации массу выгод.

Вмешалась Кэти.

- Веб, эти рукава невозможно закатать. Стиль этого не предусматривает.

Дю Гавел пронзил её взглядом.

- Вот как? Хммм. Ну, смотри.

Дю Гавел принадлежал к J-линии рабов "Рабсилы". Эта линия предназначалась - в теории; как обычно, заявления менеджеров имели мало общего с реальностью - для технической работы, и для этого упор был сделан на интеллектуальный потенциал, по крайней мере в пределах необходимого для простейших механических работ. Вместе с тем, поскольку J-линия ориентировалась в основном на прикладную работу, её представители были довольно сильны. Веб не был особенно

высок, а долгие годы сидячего умственного труда обременили его тело тридцатью килограммами жира. Но само тело всё еще было крепко.

Так что продемонстрировать силу он мог, что и подтвердил звук рвущейся ткани.

- Ох. Вот так будет лучше. Позвольте мне начать ответ, капитан, с указания на то, что вы перефразируете - вообще-то недурно, как ни верти - аргументы, которые приводит Ютта в своей работе "Барьеры, необходимые для прогресса". Очень умно с вашей стороны. В целом замечательная книга, даже с учётом того, что Ангелине по моему мнению слишком уж не хватает гибкости. Однако позвольте мне заметить, что эти барьеры - я предпочитаю определять их как "пределы" или "рамки" - сами по себе являются продуктом социальной инженерии. В полной мере это относится и к программе, которую так превозносит Ютта… нигде не упоминая о том, что это был целенаправленный проект создания общества, соответствующего замыслам его основателей. Я, разумеется, говорю о конституции древних Соединённых Штатов. Фактически это была мечта её создателей. Тщательно сбалансированное разделение полномочий; ограничения на демократию, которые сами по себе были абсурдны - просто как пример, чего ради представители малых провинций должны обладать той же самой властью, что и представители более крупных и важных? и даже если и так, то почему этот принцип распространялся только на одну палату парламента, а не на все? - куда ни посмотри, если они могли приложить свою руку, то делали это. Пытались, вынужден уточнить, поскольку, как и следовало ожидать, где-то половина их построений обрушились в течение жизни нескольких поколений. К примеру, официальное разрешение рабовладения.

К этому времени вокруг них, что было естественно, образовалась большая толпа. В этой толпе, что также было естественно, нашёлся свой неизбежный всезнайка.

- Быть того не может, - нахмурившись, решительно заявил этот человек. - Я знаю древнюю историю, так вот, Соединенные Штаты - вы же говорите о Соединенных Штатах Америки, да? - возникли задолго до генетического рабства. - Он почти насмехался. - И даже задолго то того, как люди впервые услышали о ДНК. Шайка дикарей.

Дю Гавел на мгновение зажмурился. "Боже, дай мне силы пережить общение с дураками".

Увы, он был атеистом.

- Разве я что-то говорил о генетическом рабстве? Рабство существовало с самой зари цивилизации, ты…

По счастью, какая-то женщина перебила его раньше, чем он успел начать вызывать недовольство толпы.

- Но… на каком основании?

Дю Гавел удивлённо воззрился на неё.

- Я хотела сказать, - активно продолжила та, - что они, конечно же, не могли просто обращать в рабство всех подряд. Для этого должно было иметься хоть какое-то генетическое обоснование.

Дю Гавел наконец-то её узнал. Сьюзен - или Сюзанна, он не мог вспомнить - Зекич. Один из региональных лидеров либеральной партии, ранее вертевшаяся вокруг графини Нового Киева, а в последнее время тяготеющая к Кэти Монтень. Не из-за каких-то принципов, а потому, что, похоже, имела талант чувствовать, куда ветер дует.

Кэти с ней была вежлива, даже любезна. Долгие годы изгнания по крайней мере научили Кэти идти на тактические компромиссы. Даже если в приватных разговорах она и называла её "эта шлюха Зекич".

Веб Дю Гавел тяжко вздохнул. Он не испытывал любви к дуракам, вроде того жалкого тупицы, который высокомерно просветил его насчет того, что рабство не могло появиться раньше генетики. Но он знал разницу - знал всегда, ещё со времен рабских бараков - между раздражающим болваном и врагом.

Эта женщина была врагом, а не просто дурой. Может не сегодня, но в будущем точно. Она принадлежала к тем "широко мыслящим прогрессистам", которые осуждали генетическое рабство как таковое, однако сами разделяли все предрассудки относительно рабов. И которые, увидев в один прекрасный день разбивающих свои цепи и клетки восставших рабов, принялись бы истерично требовать наведения порядка в зоопарке.

- Конечно же, - произнёс он с легкой улыбкой, - конечно же, мэм, у них были основания. Заметьте, рабство - древний социальный институт, возникший задолго до эпохи, о которой я говорю, и которая всего на несколько веков предшествует Расселению. Первоначально рабство не имело никакой связи с различием в геноме. Однако в рассматриваемое нами время люди уже основывали систему рабовладения на генетике, как они её понимали. Ключевой концепцией в то время являлось понятие "расы".

Многие в толпе - явно из тех, кто немного разбирался в генетике или истории - задумчиво насупились, несомненно пытаясь понять, как такое неопределенное этнологическое понятие как "раса" может быть связано с политической системой. Однако большинство окружающих просто выглядели

озадаченными.

- Вам следует помнить, - пояснил Дю Гавел, - что это было задолго до Расселения. До него оставалось ещё несколько веков. В то время генетические вариации в пределах человеческой расы были не только относительно просты, но ещё и в значительной степени аллотропны. Давно сформировавшиеся генетические пулы, основная часть которых характеризовалась несколькими простыми и легко различимыми физическими отличиями, только недавно вступили в регулярный тесный контакт друг с другом. В результате те из них, которые объединяла недавняя мутация, вызывавшая альбинизм и ещё несколько других внешних особенностей, оказались в то время доминирующей "расой", начавшей порабощение остальных. Особенно одной из них. Генетической вариации, обосновавшейся в то время в Африке. "Чёрных" людей, как их тогда называли. Согласно постулатам генетической псевдонауки того времени, они считались особенно приспособленными к рабскому существованию. Эти постулаты, если отбросить суеверную бессмыслицу, основывались всего лишь на том, что эти люди имели тёмную кожу, что в сочетании с…

Дю Гавел продолжил общее краткое описание фенотипа африканцев того времени. К тому времени, когда он завершил, лица большинства присутствующих отличались довольно напряжённым выражением. Даже Зекич отступила от него на шаг, словно пытаясь дистанцироваться от внезапно оказавшегося среди них цареубийцы.

Ну, "цареубийца" всё-таки было не тем словом. Дю Гавел попытался покопаться в своей основательно забытой латыни. Хм. Какое бы слово подходило для описания человека, предлагающего порабощение королевской фамилии?

Оверстейген же выслушал всю импровизированную лекцию улыбаясь всё шире и не выказывая ни малейших признаков замешательства. Капитан явно был разносторонней личностью, пришел к выводу Дю Гавел. Слишком многие интересующиеся политической теорией люди совершенно не питали должного интереса к историческим корням этой теории, особенно, если они лежали в такой древности как земные варварские, доиндустриальные социальные институты времён до Расселения. Оверстейген явно ими интересовался. Поскольку его лицо, в отличие от лиц большинства присутствующих, выражало только чистое искреннее веселье.

- Занятно! - воскликнул он. - Хотел бы я видеть, как вы обсуждаете этот вопрос с Елизаветой! - Оверстейген, улыбаясь, покачал головой. - Насколько я припоминаю, она действительно дала вам аудиенцию. Два дня тому назад, если не ошибаюсь, и

довольно продолжительную, если репортёры не наврали. Конечно же, обсуждаемый вопрос должен был бы всплыть на ней.

Вид большинства присутствующих стал ещё более страдальческим. Некоторые из них даже принялись буравить Оверстейгена взглядами. Дю Гавел нашёл это интересным, но не удивительным. Несмотря на обычное для них шумное публичное осуждение королевы, даже члены Либеральной партии разделяли общие воззрения большинства мантикорцев. Их разделяли даже члены левого крыла этой партии, составлявшие большую часть окружающей толпы.

Да, королева была жестоко обманута своими советниками. Особенно этими бряцающими оружием империалистами из числа центристов и лоялистов.

Но всё же.

Она была королевой!

- Не могу в это поверить, - прорыдала одна из женщин, очень трагично хватаясь за горло. - Это… это же описание королевы Елизаветы!

- Если задуматься, то всего Дома Винтонов, - рявкнул стоявший рядом с ней мужчина и оглянулся вокруг. - Не говоря уже о доброй части присутствующих. Я знал, что у предков было полно сумасшедших предрассудков, но это… - он кинул на Дю Гавел взгляд, который самую малость не доходил до испепеляющего. - Вы уверены, что всё было действительно так?

Дю Гавел пожал плечами.

- Это очень упрощённая картина. Надо понимать, что сделали с генетическими вариациями человечества два тысячелетия Расселения. Произошёл невообразимый демографический взрыв и на смену, грубо говоря, десятку миллиардов человек, живущих в условиях горстки региональных ландшафтов пришли неведомо сколько триллионов, живущих на тысячах разнообразнейших планет, климат на многих из которых намного более экстремален, чем всё, с чем человеческая раса сталкивалась на родной Земле. Учтите ещё фактор взаимного смешения представителей биологического рода, не говоря уже о намеренных изменениях генома…

Он пожал плечами ещё раз.

- Королева Елизавета в лучшем случае только приблизительно физически похожа на древних африканцев - и то, если ограничиться сравнением только внешних признаков, вроде цвета кожи. Я, например, вполне уверен, что если бы вы сравнили характеристики её крови с характеристиками древних так называемых "рас", то они имели бы мало общего с

характеристиками крови тогдашних африканцев. А цвет кожи в качестве генетического индикатора вообще бессмысленен, поскольку это внешняя особенность, быстро адаптирующаяся к окружающей среде. Посмотрите, скажем, на крайний альбинизм, присущий сейчас жителям одной из двух планет системы Мфекане - если я правильно помню, Ндебеле - несмотря на то, что их предками были банту.

Дю Гавел припомнил, как выглядела королева во время их недавней встречи. Воспоминаний было много, поскольку капитан был прав - аудиенция действительно была долгой. Они с Елизаветой Винтон поговорили на славу.

- Во-первых, её волосы несколько отличаются. Очень кудрявые, это верно, но далеко не так сильно завитые, как у большинства тропических народов в древности. Далее, её лицо - особенно нос - намного ближе к типу, который наши предки называли "европеоидным", чем к называвшемуся "негроидным". И хотя её кожа действительно очень смугла, в действительности это не тот оттенок, который был присущ прежним африканцам. С одной стороны он слишком светел, а с другой этот тёмный оттенок красного дерева на самом деле ближе к цвету кожи "индейца" - как тогда называли туземцев Северной Америки - а не африканца.

Толпа, похоже, расслабилась. За исключением Кэти, внимательно следившей за Дю Гавелом. В отличие от остальных, она знала, сколько ярости кипело в его душе.

Для людей, лично этого не испытавших, - или никогда серьёзно об этом не задумывавшихся - "рабство" было всего лишь абстрактной несправедливостью.

- Но никакого значения это не имело бы, - продолжил Дю Гавел, пытаясь удержаться от рычания. - За исключением специфических видов насилия, которым она бы подверглась. Уверяю вас, её внешности было бы вполне достаточно. За исключением того, что её отнесли бы к так называемым "мулатам". С учётом её юности и привлекательной внешности она скорее всего оказалась бы наложницей своего хозяина, предназначенной согревать его постель вместо работы в поле. В то время это было обычной долей всех "мулаток". Тех, кто не был продан в публичный дом в проститутки.

Напряжённые взгляды вернулись. Дю Гавел приветствовал их возвращение ухмылкой, которая, как он к сожалению был слишком уверен, была слишком уж кровожадной, чтобы в данном случае соответствовать приличиям. Однако сдержать её он не мог. И без того он с огромным трудом сдерживался от того, чтобы продемонстрировать свой язык в манере, в которой это делали

убийцы Баллрум, когда загоняли рабовладельцев в угол, и предъявить толпе генетические маркеры, которыми инженеры "Рабсилы" пометили его ещё до рождения.

- О, да. Не сомневайтесь. Чтобы найти образчик фенотипа, владелец которого был бы обречён на потогонный труд, нам надо посмотреть на королевскую… - капитан, кто она? Вы ведь, кажется, в родстве с королевским семейством? - сколько-то юродную сестру, полагаю. Я имею в виду Мишель Хенке. На аудиенции я был представлен и ей. Я не разобрал её чина - прошу прощения, я не настолько знаком с мантикорской табелью о рангах, чтобы разбираться в таких деталях - но полагаю, что он был весьма высок. И вдобавок мне кажется, что этот чин получен ею за личные заслуги, а не в результате протекции или давления семейства.

Оверстейген фыркнул.

- Она - двоюродная сестра. Мать Мишель - тётя королевы. Пятая в линии наследования, после убийства её отца и брата. Она коммодор. - Капитан вновь фыркнул. Это фырканье по своему было столь же кровожадно, как и ухмылка Дю Гавела. - И я не знаю на Флоте ни одного офицера - уж точно, ни одного находящегося на активной службе офицера - который считал бы, что она получила свой чин по протекции.

- Да, это она. Если не ошибаюсь, её фенотип намного типичнее для Дома Винтонов, чем фенотип королевы. Кожа очень тёмная, почти чёрная. И волосы полностью соответствуют. Может быть, черты лица соответствуют не полностью, хотя довольно похожи. Но с таким цветом кожи это вообще не имело бы значения. В нынешней вселенной ей не задумываясь доверяют командовать флотами. Предки отправили бы её делать неквалифицированную работу служанки. И если бы она оказалась неспособной избежать внимания надзирателя, то была бы изнасилована в лачуге, а не в господском доме.

На мгновение повисла тишина. Дю Гавел сделал глубокий вдох, пытаясь сдержать свой гнев.

Капитан пришёл ему на помощь.

- Пожалейте бедного ублюдка, который попытался бы изнасиловать Мику Хенке! - фыркнул он. - Или саму Елизавету, если на то пошло. С её-то характером? Ха! Может ублюдок с этим и справился бы, но в течение дня оказался бы с перерезанной глоткой. Всё равно что затащить в постель разозлённую гексапуму.

По толпе пробежал смешок. Грубые, но точные замечания Оверстейгена напомнили всем, что сейчас всё-таки не полные диких предрассудков древние времена.

Тем не менее - к большому облегчению Дю Гавела - неловкости хватило на то, чтобы заставить большую часть толпы потихоньку удалиться. Почётный он был гость или нет, многие из присутствующих пришли к выводу, что непосредственное соседство с В.Е.Б. Дю Гавелом слишком уж похоже на соседство с пантерой. Положим, пантерой с привязанным к хвосту длинным внушительным списком академических званий и престижных наград. Однако всё равно пантерой - и если не сказать, чтобы определённо злобной, то, похоже, довольно несдержанной.

- Стало малость свободнее, не правда ли? - хитро улыбаясь, произнёс капитан. - Отлично. Осмелюсь предположить, что будет меньше глупых реплик, - он потёр руки. - Возвращаясь к нашему спору, доктор Дю Гавел…

- Веб, если хотите, капитан. Академические титулы утомительно многоречивы.

Оверстейген кивнул.

- Значит Веб, - он наморщил лоб. - Никогда не задумывался об этом… Прошу прощения за вопрос, но что означают буквы В.Е.Б.? Я только что понял, что всегда видел только инициалы и больше ничего.

Дю Гавел покачал головой.

- Дело в том, что это просто инициалы и ничего больше. В тот момент, когда инспектор иммиграционной службы на Насере потребовал, чтобы я назвал ему имя для заполнения бумаг, я и понятия не имел, что скрывается за этими инициалами. Я бежал всего несколько месяцев тому назад и моё знание истории было ещё довольно слабым, - он пожал плечами. - Я просто объединил имена двух древних деятелей, о которых немного читал и кто произвел на меня впечатление достойных людей. В.Е.Б. Дю Бойса и Вацлава Гавела. А когда до меня это наконец дошло - следующей ночью, потому что мои сотоварищи по побегу захотели узнать, как ко мне обращаться теперь, когда "Ками" больше не годилось - я не смог придумать ничего, кроме имени Веб.

***

Остаток вечера прошёл замечательно. Капитан монополизировал общение с Дю Гавелом, к полному восторгу последнего. Для человека, проведшего большую часть сознательной жизни, совершенствуясь в замысловатых и зачастую

загадочных для непосвящённых обязанностях флотского офицера, Оверстейген впечатляюще разбирался в политической науке галактики.

Пусть он был слишком уверен в правильности своих идей. Пусть он имел склонность не знакомиться глубоко со взглядами тех, кто был с ним не согласен, и отвергать их слишком легко и быстро. Пусть даже всё его мировоззрение было отчасти искажено: во-первых, неизбежными предубеждениями его социального слоя и, во-вторых, - Дю Гавел полагал, что это было намного более существенно - столь же неизбежными предубеждениями человека, вся жизнь которого прошла под прессом длительной жестокой войны.

Однако в целом Оверстейген был замечательным собеседником. И в конце вечера Дю Гавел расстался с капитаном с явной неохотой.

- Если бы это зависело от меня, я бы предложил вам встретиться в ближайшее же время, - произнёс он, пожимая руку Оверстейгена. - Увы, боюсь, что максимум через неделю я улетаю на Эревон. В компании отправляющегося туда же капитана Зилвицкого, чтобы выразить соболезнования семье Иеронимуса Штейна и его спасшимся коллегам по Ассоциации Ренессанса.

Казалось, во взгляде Оверстейгена что-то мелькнуло.

- Понимаю. В любом случае, я и сам покидаю систему. Вообще-то, завтра утром. Но как знать? Если нам суждено, то мы, Веб, можем встретиться вновь.

Он отвесил Дю Гавелу короткий сухой кивок, затем кивнул Кэти Монтень, хотя этот кивок уже не был ни коротким, ни сухим.

- Доктор Дю Гавел, леди Кэтрин, счастлив был встретиться с вами.

И удалился.

***

- Что тут такого забавного? - поинтересовался Дю Гавел у Хелен Зилвицкой, которая всё время его продолжительной беседы с Оверстейгеном вертелась вокруг, хотя и не произнесла ни слова. Веб подозревал, что гардемарин втайне боготворила капитана, даже если предпочла бы умереть, но не сознаться в этом.

Хелен усмехнулась.

- Знаете, Веб, вам иногда нужно отрываться от ваших учёных книг и читать колонки новостей. Объявление в разделе флота

появилось как раз сегодня. Капитан Оверстейген и "Стальной кулак" переводятся на Эревон. На антипиратское патрулирование, как это называется. Корабль уходит с орбиты завтра.

- О. - Немного смутившись, Веб опустил глаза. Вид разорванных рукавов усугубил его неловкость.

- О. Хм. Боюсь, что ваши гости, Кэти, подумали, что я варвар.

Усмешка Кэти была ещё шире усмешки Хелен.

- Ну и что с того? Веб, сегодняшнее общество на самом деле не мои друзья. Во всяком случае, основная его часть. Она состояла по большей части из вожаков Либеральной партии, пользующихся удобным случаем проверить, куда ветер дует, без риска открыто щёлкнуть графиню Нового Киева по носу.

- Да, я знаю. Именно поэтому я несколько обеспокоен тем, что мог произвести неправильное впечатление.

Кэти пожала плечами.

- Это зависит от того, что считать "неправильным", не так ли? Вот что я вам скажу, Веб. Пока вы предоставляете мне заниматься грязной тактикой, я оставляю всю теорию вам. Меня ничуть не обеспокоит, если большинство аристократических приспешников Либеральной партии будет убеждено, что я единственный человек, который знает, как управляться с варварами из низших классов.

***

Когда они поднимались по лестнице особняка, направляясь к запутанному комплексу спален, - к счастью, Кэти вела Дю Гавела к его собственной спальне, - он задал ещё один вопрос.

- А кстати, где этим вечером был Антон? И, раз уж мы об этом заговорили, Берри?

При виде выражения на лице Кэти Дю Гавел фыркнул.

- Что? Очередной случай, когда мне следовало читать новости?

- Навряд ли! Если только…

Она покачала головой.

- Не берите в голову, Веб. Секретность и всё такое. Достаточно скоро вы всё узнаете. А сейчас вы можете спокойно отойти ко сну в блаженной уверенности, что вскоре вам снова представится случай оскорбить сливки общества.

- Замечательно, - отозвался Дю Гавел. - Я и в самом деле очень рад, что не напортил вам.

- Ну, как раз насчёт возможности этого я сомневаюсь. Во-первых, как твердит мне Антон, сливки общества не так-то легко оскорбить. Во-вторых, мне всё равно на них насрать.

- Вам действительно не мешает следить за своим языком. Особенно теперь, когда вы превратились из скандалиста в политического деятеля.

- Не глупите, Веб. Это часть моей харизмы. Личности, можно сказать. Когда толпа начнёт буйствовать, то кого ещё либералы смогут выдвинуть вперед, как не человека, который может ругаться подобно матёрому космическому биндюжнику?

- У вас коварный ум, Кэти Монтень. Я бы опасался за вашу душу, если бы верил в эту концепцию. Боюсь, однако, что нет ни малейшего свидетельства в её подтверждение.

Они добрались до спальни Дю Гавела. Он начал было открывать дверь, но остановился.

- Ладно. Я готов допустить, что вашу дочь Берри можно посчитать таким свидетельством. Иначе действительно трудно объяснить, почему она выросла именно такой.

- Разве она не сокровище? - с энтузиазмом подхватила Кэти. - Иногда я думаю, что она - самый здравомыслящий человек из всех, кого я когда-либо встречала. Почти в любой ситуации, готова поклясться.

- Хорошо сказано. - Дю Гавел грустно покачал головой. - Когда я уеду, то буду без неё скучать. Конечно же буду.

Входя в спальню и закрывая дверь, он мельком взглянул на всё ещё стоявшую в коридоре Кэти. Казалось, её глаза загадочно светились. Скорее всего, материнской гордостью.

Глава 6

Посадка на корабль несколькими днями спустя оказалась для Антона настоящим кошмаром. Королева Елизавета тянула с "утечкой" новостей до последней минуты, но папарацци Звёздного Королевства обладали молниеносной реакцией, присущей этой породе повсюду в Галактике. К тому моменту, когда Антон со своей свитой добрался до выхода на лётное поле, где их ожидал орбитальный шаттл, окрестности кишели репортёрами.

Хотя он сам всё это и спланировал, Антона ситуация бесила. К тому же он настолько привык действовать втихаря, что совершенно упустил из вида, какой активный интерес будет провялен к нему. Количество папарацци, стремившихся заполучить его голоизображение, казалось не меньшим, чем нацелившихся на принцессу.

Антон мрачно представлял себе крикливые заголовки в бульварных газетах.

"Изгнанный с позором офицер отправляется в загадочное путешествие с членом королевской фамилии!"

"Капитан Зилвицкий бросает графиню ради принцессы!"

"Кэтрин Монтень убита горем! "Мой любовник бросил меня ради бабы помоложе!"

"Очередной скандал в скандальной карьере!"

И совсем не поспособствовало улучшению положения, когда Берри, взволнованная обстановкой, чмокнула его прямо перед скопищем репортёров. Для всех стоявших поблизости должно было быть совершенно очевидно, что это поцелуй дочери, а не любовницы. Однако кордон полиции держал папарацци на расстоянии, и все их тщательно подретушированные голоизображения покажут, как привлекательная, наряженная как принцесса девушка виснет на шее намного более зрелого мужчины.

Испытываемое им неудобство, вероятно, оказалось заметно. Зилвицкий услышал за спиной весёлый шепоток принцессы Руфи:

- Ну, капитан, бросьте переживать. Солидные информационные агентства дадут официальную версию церемонии отбытия. Кто обращает внимание на писанину жёлтой прессы?

"Около двух третей населения Мантикоры, - мрачно подумал Антон. - А на Грифоне и все девяносто процентов. Я больше никогда не смогу и носа показать в горах".

Несмотря на теперешние неприятности, он был доволен

Руфью. Юная принцесса сыграла свою роль в спектакле в совершенстве. Она небрежно шла в нескольких шагах позади, полностью поглощённая беседой с Вебом Дю Гавелом, если не считать отпускаемых в адрес своего "отца" шпилек. Типичный образчик умной и не слишком почтительной дочурки.

Как бы там ни было, при виде неимоверного множества скопившихся на лётном поле папарацци Антон не сумел унять дрожь. Они кишели подобно саранче в поле.

"Замечательно, просто замечательно. Отныне я буду медийной фигурой сам по себе. Скандально известный Капитан Зилвицкий, гроза космических путей".

Современная технология создания голографического изображения не нуждалась в резких фотовспышках древних времён. Однако сейчас Антон чувствовал себя так, словно на нем сосредоточились лучи прожекторов всей вселенной.

***

После того, как они добрались до орбиты и перешли с шаттла на борт "Ручья потаватоми", предоставленного для путешествия Антирабовладельческой Лигой, настроение Антона ничуть не улучшилось. Разумеется, никакой физической проблемы выход на лётное поле не представил. Папарацци давили на полицейской кордон, чтобы поближе подобраться к объектам охоты, но даже они не настолько сошли с ума, чтобы связываться с телохранителями из Королевской Гвардии. Лейтенант Григгс и его солдаты, выделенные полком для охраны принцессы во время путешествия, были хорошо вооружены и смотрели на папарацци так свирепо, как только могут смотреть хорошо вышколенные и дисциплинированные солдаты, одним своим видом внушая абсолютную уверенность в том, что пристрелят любого прорвавшегося сквозь кордон полиции. Пристрелят и, скорее всего, в назидание прочим вспорют брюхо.

Проблема заключалась совсем в другом. Принцесса Руфь оказалась именно настолько падка до разговоров о политике, как и ожидал Антон, основываясь на её увлечённости работой разведчика. Так что, едва взойдя на борт корабля, она ринулась к головизору кают-компании и включила его. Даже после ухода корабля с орбиты оставалось время застать вечерние программы новостей до того, как они выйдут из зоны приёма.

Антон ничуть не удивился тому, что Руфь включила

престижное ток-шоу "Звёздное Королевство сегодня". Ведущий шоу, Яэль Андервуд, владел талантом преподносить серьёзные события в захватывающей публику манере. Лично Антон полагал, что Андервуд был далеко не таким блестящим интеллектуалом, как ухитрялся создать впечатление. Однако Антон с готовностью подтвердил бы, что тот является опытным шоуменом и его программа действительно содержательнее обычных гонок за жареными новостями.

Он услышал окончание вопроса, заданного Андервудом группе приглашённых.

- … полагаете, что слухи относительно романтической связи межу капитаном Зилвицким и принцессой Руфью полностью необоснованны?

- Ну, ради Бога! - воскликнула одна из приглашённых. Антон узнал постоянную участницу передачи Андервуда, даму по имени Гарриет Джилла, которая в незапамятные времена была преподавателем неведомо какой науки, однако давным-давно сменила это занятие на более доходную карьеру Профессиональной Говорящей Головы.

- Даже жёлтая пресса будет обсасывать это не больше дня или двух, - согласилась она. - Поскольку нужно быть совершенным шизиком, чтобы попытаться утверждать такое и одновременно крутить ролики, которые добыли у особняка Монтень. Я слышала, что папарацци кишели там лишь слегка пожиже, чем вокруг лётного поля.

Андервуд улыбнулся зрителям свой патентованной всезнающей улыбкой. Это была потрясающая улыбка, демонстрирующая сочетание проницательного разума и такта владельца с подобающим оттенком слегка саркастического юмора.

- Гарриет, я бы сказал, что вы правы. На самом деле… - Его взгляд на мгновение скользнул в сторону, как будто он согласовывал нечто с находящимся за кадром техником. - Да. Давайте посмотрим маленький ролик, отснятый около особняка.

До того, как появилась картинка, у Антона оказалось время поразмыслить насчёт происхождения специфического термина "ролик", несмотря на свою полную бессмысленность, повсеместно используемого в новостной индустрии по отношению к записи изображения.

- Чёрт их дери, - прорычал он. - Да осталась ли в мире хоть немного приватности?

- Так занятно слышать это от тебя, папочка, - уколола Берри. - Мистер Супершпион.

Антон молчаливо признал правоту её замечания. Однако это

не заставило его чувствовать себя хоть немного лучше при виде собственных прощальных жарких объятий - и поцелуя тоже, причём слишком уж страстного и, как было обычно для Кэти, произведённого с абсолютно наплевательским отношением к возможным взорам, хотя когда это её заботило? - с бывшей графиней Тор и нынешней кандидаткой в парламент. Выставленных сейчас новостными агентствами Мантикоры на обозрение несчётных миллионов людей.

Тем не менее…

С профессиональной точки зрения, сейчас, когда он мог наблюдать сцену со стороны, Кэти сработала безупречно. Ещё Антон почувствовал успокоение от того, что вид их объятий и поцелуя, который она подарила ему на пороге их дома, разумеется должен был заставить отбросить саму мысль, что он желает другую женщину.

Если соблюдать объективность, Кэтрин, действительно, наверное была не так уж физически привлекательна. Антон считал иначе, однако был готов признать, что тут немалую роль играют его чувства. Кэти была слишком худа и, если её лицо и было привлекательно, большинство людей едва ли отнесли бы его к эталону женской красоты.

Однако всё это не имело значения, в чём Антон, смотря последние известия, мог убедиться лично. Поцелуй Кэти был поцелуищем, а её нога, обхватившая его бедро в ходе объятий, ясно дала понять миллионам мантикорских зрителей, что какие бы проблемы ни имелись у капитана Зилвицкого, постельных среди них не было.

- Чёрт возьми, Берри, твоя мать такая сексуальная, - прошептала Руфь. - Держу пари, она только что заполучила ещё двадцать тысяч голосов.

Антон в подобающей отцу манере проигнорировал первую часть замечания. Что касается второй…

Насчёт второй уверенности он не испытывал. Практикуемый Кэти Монтень в личной и политической жизни стиль "живи нараспашку и пошли к чёрту все ханжи" был обоюдоострым оружием. Он мог с легкостью нанести ей урон - что, в действительности, и произошло, когда её изгнали из палаты лордов. С другой же стороны, если он совпадал с настроением публики…

"Да, наверное. Всем известно, что Кэти - дуновение свежего ветерка в мантикорской политике. Никто не верит, что у Нового Киева мужества найдётся хотя бы столько же, сколько мозгов у её супруга. А если барон Высокого Хребта, политический партнёр Нового Киева, и обладает хоть каким-то мужеством, то очень

тщательно это скрывает".

Профессионал в нём, однако же, в первую очередь интересовался остальной частью показанного. Закончив обнимать Антона, Кэти одарила столь же энергичным объятием принцессу Руфь. Разумеется, в этом случае объятия были материнскими, а не романтическими. Однако Антон был уверен, что ни они из десятков миллионов зрителей ни на мгновение не усомнится в том, что неряшливо одетый очевидный подросток, которого обнимала Кэти, является никем иным, как её псевдоприёмной дочерью Берри. Точно также, им ни за что не догадаться, что горячее, но гораздо более сдержанное рукопожатие, которым она обменялась с Берри, было приветствием принцессе королевского дома.

- Бесподобно! - воскликнула, хлопая в ладоши, Руфь и улыбнулась Антону. - Это сработает в точности так, как вы и говорили.

Её горячее восхищение подействовало даже на Антона. Однако удовлетворение Зилвицкого было мимолётным, поскольку на его челе стала проступать озабоченность. Ну, по крайней мере, мысленно.

Антон с запозданием понял, что в легкости, с которой Андервуд вёл обсуждение данного вопроса, было что-то неправильное. Естественно, Андервуд не пренебрегал погружением в вызывающие широкий интерес вопросы ради поддержания популярности "Звёздного Королевства сегодня". Однако он всегда тщательно увязывал подобные вопросы с чем-то более глубоким. Или, хотя бы, обеспечивал такую глубину сам.

Сейчас же…

На мгновение на экран появился общий вид студии, и Антон впервые смог увидеть всех участников сегодняшнего шоу. Его взгляд немедленно привлёк человек, сидящий с правого края. Точнее говоря, тот прямо бросился Антону в глаза.

Дочь сидела рядом с Антоном и отследила его взгляд.

- Кто это? - поинтересовалась Берри.

- Понятие не имею, - ответил Антон, покачивая головой. - Но могу сказать. Это никакая не Говорящая Голова. И, если я не ошибаюсь…

"Чёрт… чёрт… чёрт…"

- Он из разведки. В крайнем случае, из близких кругов.

***

Никаких сомнений. Потратив минуту или около того на опрос аудитории в студии и добившись выражения общего согласия насчёт того, что поездка капитана Зилвицкого и принцессы Руфи на Эревон есть что угодно, но не романтическая эскапада, Андервуд позволил своей вышколенной команде перейти к эрудированному (но не слишком заумному) анализу сопряжённых с нею политических нюансов.

Ничто из услышанного Антона не удивило. Всё было в точности так, как предсказывала королева Елизавета и как, не без помощи Антона, она замыслила и подстроила.

- … я считаю то, что правительство официально игнорирует похороны Стейна, скандалом. О чём, во имя Господа, только думает Новый Киев? По-моему, в этом вопросе она должна порвать с политикой кабинета и, по крайней мере, высказаться публично. Стейн многие десятилетия был кумиром Либеральной партии и если она не хочет…

- … не могу сказать, что согласен с вами, Гарриет, если только вы не думаете, что Новый Киев готова немедленно подать в отставку. А шансы на это, я думаю, не больше, чем у снежка в аду. Вы правы, конечно, что по этому вопросу она проиграет Монтень.

- … мне гораздо любопытнее способ, которым королева послала так много сигналов разом. Первый - простой и незамысловатый - выбором любовника Кэтрин Монтень в качестве неофициального сопровождающего принцессы Руфи…

- … абсолютно согласен! Я хочу сказать, действительно, разве королева не могла предоставить для путешествия на Эревон собственное судно?

- … именно! Правда, бывшая графиня Тор всё ещё формально числится в королевском Чёрном Списке, но я бы сказал, что эта отговорка становится всё смешнее. Несмотря на все их знаменитые столкновения - которые, могу добавить, намного более знамениты, чем часты; и не забудьте, по какому множеству вопросов королева и Монтень находятся в согласии - разве есть хоть кто-то, у кого есть хотя бы половина мозга, кто не считает, что королева запрыгает от радости, если Монтень заменит Новый Киев в качестве…

- … хотя это случится ещё очень нескоро. Новый Киев всё еще прочно контролирует руководство Либеральной партии. Неважно, сколько бы её рядовых членов ни были недовольны её молчанием в вопросе со Стейном. Что мне кажется более интересным, так это то, как королева использовала данный повод для того, чтобы послать сигнал непосредственно жителям Солнечной Лиги. До

сих пор никто не приписал себе славу - если можно так выразиться - убийцы Стейна, однако все придерживаются того мнения, что, похоже, за этим стоит Меза или, по крайней мере, "Рабсила". Чем ещё можно объяснить отказ самой Лиги начать расследование? Этот сектор Солнечной Лиги находится в кармане Мезы и это все знают. Поэтому семья Стейна была вынуждена для организации похорон бежать на Эревон. И кого же королева Звёздного Королевства выбирает на роль сопровождающего принцессы Руфи, которая послана выразить её соболезнования? Того самого типа, который во всех смыслах близок с самым известным из мантикорских лидеров Антирабовладельческой Лиги, вот кого. И вы спрашиваете меня, как королева…

Антон затаил дыхание. Всё это он мог с лёгкостью, хоть и без удовольствия, пережить. Но кем был тот сидящий справа неуместный приглашённый? Он до сих пор не произнёс ни слова, и Антон задавался вопросом, зачем Андервуд вообще его пригласил? Его не покидало гнетущее чувство, что он узнает это скорее, чем хотел бы.

Андервуд изящно вставил в болтовню аудитории замечание, после чего Многомудрые Головы с изяществом великолепно выдрессированных тюленей плавно затихли. (Затихли, не заткнулись. В их манере зарабатывать свою пайку не было ничего вульгарного или неприкрыто раболепного).

- Сдаётся мне, что во всех этих вызванных рассматриваемым вопросом бесконечных разговорах о капитане Зилвицком недостает самого главного - сколь-нибудь серьёзной оценки главного действующего лица. А именно самого Зилвицкого. Всё говорят о нём только в связи с обсуждением кого-нибудь другого.

"Ничего другого я и не желал, - мрачно подумал Антон. - У меня плохие предчувствия насчёт всего этого".

- Любовник Кэти Монтень, сопровождающий принцессы Руфи и так далее и тому подобное, - продолжал Андервуд. - Но кто он такой? Откуда он взялся? Как он достиг такого положения? Что есть такого в человеке по имени Антон Зилвицкий, из-за чего одна из тридцати самых состоятельных женщин Звёздного Королевства разделила с ним своё богатство и чувства, а самая состоятельная женщина Звёздного Королевства доверила ему свою племянницу?

Увенчанная стильной причёской голова Андервуда развернулась к Таинственному Участнику шоу, подобно тому, как деликатная пушка могла бы развернуться к своей цели. Или, точнее, к своим боеприпасам.

- Мистер Райт, вы пока что молчали. Тем не менее, если я не ошибаюсь, вы можете поделиться с нами некоторыми уместными

сведениями по этому вопросу.

Таинственный Участник откашлялся.

- Кто этот "мистер Райт"? - пристала Берри. - Папа, ты когда-нибудь о нём слышал?

- Нет, - буркнул Антон. - И если "Райт" его настоящее имя, то я съем диван, на котором мы сидим. - Он сделал глубокий вдох и протяжно выдохнул. - Но я вполне уверен в том, что он из себя представляет… - Антон сделал короткую паузу, вглядываясь в землистое лицо человека на экране. - Это один из бывших аналитиков разведки, зуб даю, в настоящее время занимающийся частной практикой. Вероятно из СРС. Разведывательное Управление Флота имеет наклонность возводить в фетиш физические кондиции, а этот тип выглядит так, как будто ему и бокал с мартини поднять тяжело. Штатские шпики, похоже, считают такой имидж особенно благопристойным.

Он умолк. "Мистер Райт" наконец-то начал говорить.

***

Последующее оказалось кошмаром, и прежде чем оно закончилось, Антон посулил Яэлю Андервуду тысячу жутчайших смертей. Это было хуже, - намного хуже - чем Антон предполагал. Он ожидал, что "мистер Райт" как максимум выложит некоторые доселе неизвестные факты относительно выявившейся причастности Антона к нашумевшему "Инциденту с "Рабсилой" на Старой Земле несколько лет тому назад. Вместо этого скоро стало понятно, что выступление Райт являлось лишь частью досконального и хорошо спланированного залпа сенсаций, который Андервуд, должно быть, готовил многие месяцы. Теперешняя шумиха вокруг принцессы Руфи только дала ему повод всё это выплеснуть.

Аудитория, по сути, получила Жизнеописание Таинственного Капитана Зилвицкого.

Целиком и полностью. Проведённое в горах Грифона детство. Начало карьеры во Флоте. Его таланты борца, отмеченные многократными победами в чемпионатах. Его брак с Хелен…

В этом месте к горлу Антона подкатил комок. Андервуд совершенно не стремился очернить Зилвицкого. Рассказ о его биографии скорее склонялся в строну безудержного восхваления. И Андервуд, один из наилучших шоуменов, когда-либо стоявших за рампой, умел оценить хороший кадр, когда тот ему попадался.

Так что зрители получили хорошую порцию самой Хелен Зилвицкой, вплоть до подробного разбора последней битвы, в которой она пожертвовала своей жизнью, защищая Антона и их дочь Хелен от превосходящих сил рейдеров хевов.

Эта часть шоу завершилась картиной медленно уплывающей во тьму Парламентской Медали "За доблесть", которую посмертно получила Хелен. Комок в горле Антона достиг размеров хорошего кулака.

Смутно он ощутил, как Берри сжала его руку. Когда изображение вновь появилось, на экране был человек, дающий Андервуду интервью. Ролик явно был отснят некоторое время тому назад.

Антон его узнал, смутно, хоть и не сумел вспомнить имя. Это был один из офицеров "Карнарвона", судна, на котором Зилвицкий и его дочь находились во время гибели Хелен.

- Да, я никогда этого не забуду. Дитя заходилось слезами, сидя у него на коленях. А сам Зилвицкий… - Офицер покачал головой. - Когда экран показал, что корабль его жены уничтожен - ни малейших шансов, чтобы хоть кто-нибудь выжил - я видел его лицо. Если человек когда-либо обращался в камень, то это был Антон Зилвицкий в тот момент.

- Ну и бред! - завопила Берри. Её рука крепко стиснула могучую лапищу Антона. - Папа, это же дураки.

Весьма странно, но её слова вырвали Антона из мрачности. По крайней мере, в достаточной степени, чтобы он смог досмотреть остаток шоу с обычной аналитической и объективной отрешённостью.

Большая его часть, разумеется, была посвящена "Инциденту с "Рабсилой". К тому времени, когда они добрались до половины истории, Антон оказался в силах немного расслабиться.

- Насколько всё это верно? - полушёпотом поинтересовалась принцесса, не отрывая глаз от экрана. - Да, мы во Дворце получили часть этого, но только самые отрывочные сведения.

Антон покачал головой.

- Часть этого довольно близка к реальности. Вообще-то, значительная часть. Но у этого все обычные слабости анализа, произведённого технарями. Чтобы действительно что-то понимать, ничто не может заменить агентурной работы.

"Какого чёрта, - посетила его странная мысль. - Поскольку моя шпионская карьера после этого шоу прочно села на мель, я вполне могу начать новую в качестве Королевского Учителя Шпионов".

- Никогда этого не забывайте, Руфь. Королева сказала мне, что вы на короткой ноге с компьютерами, и это хорошо. Я и сам

их не чураюсь. Однако шпионаж похож на проституцию. Это две древнейшие профессии и обе в конечном итоге связаны с телом. Вы не можете заняться сексом без партнёра и точно так же не можете выведать ничего стоящего, не привлекая настоящих живых шпионов.

Веб Дю Гавел хихикнул. Сидящая рядом с ним принцесса тоже.

- Я это запомню.

Внимание Антона снова вернулась к экрану. Мистер Райт наконец-то стал закругляться.

- … полагаю, никто никогда не узнает, как именно Зилвицкий это провернул. Наиболее загадочным аспектом остается участие хевов. Несомненно, они были каким-то образом вовлечены. Однако как именно…

Андервуд перебил его.

- То есть вы не считаете, что слухи насчёт того, что за похищением дочери Зилвицкого стояли хевы, верны?

Райт уверенно кивнул.

- Абсолютно неверны. О, не поймите меня неправильно. В другом месте и в другое время я бы учитывал возможность того, что старый режим Хевена выкинет подобный номер. Но на Земле? В том году? Абсолютно невозможно. Ключевой момент, как вы можете видеть, заключается в том…

Одна из участниц шоу, явно огорчённая долгим молчанием, оказалась достаточно смела, чтобы вмешаться.

- Из-за Парнелла, конечно же. После того, как он прибыл, чтобы раскрыть Солнечной Лиге глаза на преступления хевов…

Её голос ослаб, а на лице проступило страдальческое выражение, свидетельствующее, что она внезапно поняла, что совершила Смертный Грех Говорящей Головы. Самодовольства на лицах Райта и Андервуда было достаточно, чтобы продемонстрировать, что её Эрудированное Понимание сейчас будет бито.

- Разумеется, фактор Парнелла сыграл свою роль. Однако, как я уже говорил, ключевым фактором являлась личность человека, который командовал охранявшими посольство хевов морпехами. Могу добавить, что этот тот же самый человек, который несёт такую же очевидную ответственность за кровавое избиение персонала "Рабсилы", как и боевики Баллрум.

Мистер Райт взял драматическую паузу.

- Хевы - прошу прощения, новая Республика Хевен - хорошо поработали, заметая все следы. Но после тщательного расследования нам теперь известно, что замешанный в этой истории неизвестный полковник хевов был никто иной, как Кевин

Ушер. Который, как полагаю, мне не нужно напоминать присутствующим, в настоящее время занимает пост руководителя главного полицейского учреждения Республики. И который является бывшим Апрелистом и вероятно наиболее близким другом президента Элоизы Причарт.

Вот это было сенсацией, и до жути умная компания Говорящих Голов была совсем не так тупа, чтобы притворяться, что это не так. После мгновения тишины Гарриет Джилла мотнула головой, словно отряхиваясь, и рявкнула:

- Действительно невозможно! Отдадим должное даже дьяволу. Совершенно невозможно, чтобы Кевин Ушер - да любой настоящий Апрелист - был замешан в таком деле.

- Кроме как в качестве спасательной команды, - мрачно заметил другой участник шоу. Кстати, бывший генерал морской пехоты. Он бросил в сторону "мистера Райта" ровный взгляд. - Короче говоря, вы считаете, что пара коррумпированных мантикорских официальных лиц вступила в сговор с "Рабсилой"…

На мгновение на экране показались изображения бывших посла Хендрикса и адмирала Юнга, которые когда-то на Земле были начальниками Антона. Он был счастлив увидеть их в новеньких тюремных робах.

- … чтобы использовать дочь Зилвицкого для каких-то собственных махинаций - одному Господу известно, что за безумие они замыслили, и я не думаю, что мы когда-либо об этом узнаем - и Зилвицкий порвал им глотки. После того, как его отстранили от дела, он сколотил неофициальный альянс с участием хевенитского Апрелиста и боевиков Баллрум, разгромил логово "Рабсилы" на Земле и отправил этих двоих ублюдков за решётку. И, разумеется, вернул свою дочку в целости и сохранности. Точнее говоря, всех своих детей, поскольку он взял в семью мальчика и девочку, которых попутно спасла его дочь Хелен.

Мистер Райт глубокомысленно кивнул.

- Примерно так это можно суммировать. - И добавил с тонкой улыбкой: - И я полагаю, что мы можем более или менее представить себе, каким образом Кэтрин Монтень получила свои знаменитые таинственные досье, при помощи которых множество людей с тех пор оказалось за решёткой по обвинению в работорговле.

Антон посмотрел на часы. До завершения времени, отведённого "Звёздному Королевству сегодня", оставалось совсем немного. Как обычно, настал черёд ведущего подвести итоги сегодняшнего разговора.

Камера переместилась на Андервуда. Его улыбка была как

обычно вежлива, но сегодня, казалось, в ней было нечто слегка хулиганское.

- Что ж, вы сами всё слышали. И вот что я думаю о происходящем. Да, королева послала многим людям много сигналов. Но я думаю, что самый важный из сигналов предназначен тем людям - кто бы это ни был - которые убили Иеронимуса Стейна. Вы хотите играть грубо, да? Замечательно. Так вот вам крепкий орешек.

На экране появилась реклама.

Антон содрогнулся.

- Боже, как это слащаво. Не говоря уже о том, насколько по-детски глупо.

Берри захлопала в ладоши.

- Замечательно, сейчас самое время, чтобы и тебя оценили по заслугам!

Принцесса Руфь явно разделяла восторг Берри, но стремилась сохранять рассудительность.

- Разумеется, это сильно повредит разведывательной карьере капитана. После этой передачи он станет одним из известнейших людей Королевства.

- Вот это меня ничуть не волнует, - не сдавалась Берри.

- Эта передача, - пробурчал Зилвицкий - заодно отправила ко всем чертям все наши планы относительно теперешнего путешествия. Как я должен…

Его прервало появление в салоне лейтенанта, командующего охраной Руфи. Тот гневно посмотрел на Антона.

- Проблемы с кораблём, лейтенант Григгс? Мне показалось, что мы ушли с орбиты так плавно, что лучше и пожелать нельзя.

- С кораблём всё замечательно, капитан Зилвицкий. Я пришёл, чтобы выразить свою глубочайшую обеспокоенность его командой. Я со своими людьми провел осмотр, и мы твёрдо убеждены, что добрая треть команды состоит из террористов Одюбон Баллрум.

Дю Гавел явно боролся с собой, пытаясь сдержать усмешку. Антон вздохнул и потёр лицо.

К его изумлению, вмешалась Руфь.

- На самом деле, семьдесят три процента. По крайней мере, мне так кажется. Шестьдесят восемь процентов совершенно точно. В нескольких я не уверена. Практически весь экипаж, за исключением начальников служб и наиболее подготовленных рядовых. И я совершенно уверена, что капитан использует этот корабль так же, как и остальные шесть кораблей Антирабовладельческой Лиги. В качестве учебных кораблей для подготовки будущих каперов Баллрум.

Рука Антона упала. Челюсть тоже. Это был один из немногих случаев в его жизни, когда он был удивлён до глубины души.

Принцесса обернулась к нему с взволнованной, извиняющейся улыбкой.

- Я вчера хакнула ваши базы данных. Ладно. Не ваши личные. Не думаю, что их вообще возможно взломать. Я отскочила как резиновый мячик. Но системы безопасности АСЛ намного податливее ваших.

- Чтоб мне провалиться, сэр, - начал орать лейтенант, - если…

Принцесса оборвала его.

- Лейтенант Григгс, не глупите! Ни за какие коврижки в мире члены Баллрум не причинят мне вреда, и вы это прекрасно знаете. Скорее наоборот. Так зачем тратить время на формальные вопли и нытьё? - и резко добавила: - Вы получили приказы. Идите и выполняйте их.

Григгс заткнулся, на какое-то мгновение вытаращился на Руфь, а затем выскочил из салона. Антон был впечатлён. Хотя девушка и не имела генов Винтонов, она совершенно очевидно обладала винтоновским авторитетом. Разумеется, учитывая способ, которым её мать вообще приобрела мантикорское гражданство…

Однако Антона ещё больше впечатлил - и довольно сильно - другой талант Руфи. Даже учитывая качество обучения, которое, как он был уверен, она получила, и то, что хакерство зачастую являлось сильной стороной молодёжи, то, что она сумела залезть в базы данных АРЛ, было достижением для любого, не только для девушки двадцати трёх лет от роду. Да, их системой безопасности занимался не лично Антон, и он знал, что специалисты АРЛ имели склонность несколько расхлябанно относиться к безопасности. Тем не менее…

- Интересно, - заметил он. - Вы сказали королеве о том, что узнали?

- Конечно же нет! Тётя Елизавета ужасно мнительна. - Руфь снова улыбнулась Антону своей взволнованной, извиняющейся улыбкой. - Вы же знаете. Если бы я сказала ей, что большинство команды корабля, на котором я должна лететь, состоит из шайки террористов с лапищами по локоть в крови, она бы наверное из-за этого расшумелась. А то и не позволила мне лететь.

- Это могло бы сработать, - пробурчал Антон. Капитан Зилвицкий, гроза космических путей в отставке. А ныне наставник королевского дома. Одна из принцесс которого сама готовится порезвиться. Во всяком случает, начало неплохое. На взломе и вторжениях она руку набила, это точно.

Часть II

Эревон

Глава 7

Путешествие от Мантикоры до Эревона был не прямым, но и не трудным. Терминала, соединявшего Звёздное Королевство с системой Эревона напрямую, не существовало, но была связь через Скопление Феникса, не очень аккуратное название, данное состоящей из трёх звёздных систем республике (чисто формальной), в которой находилась Туннельная Сеть Феникса. В сравнении с Мантикорской Сетью эта едва ли заслуживала такого звания. Терминал Феникса мантикорской сети находился в системе Хеннеси, а "Сеть" Феникса - состоящая всего из двух терминалов и соединяющая Скопление с Эревоном - располагалась в системе Терра Ауте. Чтобы попасть туда, "Ручью потаватоми" пришлось сперва совершить переход на Хеннеси через мантикорскую сеть, а потом отправиться в пятидневное путешествие в гипере через двадцать пять световых лет, отделявших их от Терра Ауте. Поскольку переход через сеть был фактически мгновенным, именно участок пути от Хеннеси до Терра Ауте определял практически всю продолжительность путешествия.

Разумеется, если бы Феникс был настроен проявить придирчивость, "Потаватоми" ещё шесть стандартных месяцев назад вообще бы не удалось воспользоваться сетью Феникса. Скопление закрыло свою сеть для всех военных кораблей с того момента, когда разразилась война между Звёздным Королевством (и его эревонскими союзниками) и никем не поминаемой добрым словом Народной Республикой Хевен. В отсутствии официального мирного договора между Мантикорой и Хевеном Феникс отказывался снимать этот запрет вплоть до последнего времени. По слухам инициативу в снятии запрета проявил Эревон, не Феникс, но даже источники Зилвицкого не могли сказать наверняка.

Тем не менее, Антон мог получить разрешение на переход и до этой перемены в политике. В конце концов, у него было частное судно, а не военный корабль, состоящий на службе у королевы. Но это не меняло того факта, что "Потаватоми" был аналогом фрегата - фактически и был во всём, кроме названия, фрегатом, сконструированным и построенным на одной из мантикорских верфей, немало потрудившейся для флота. Состояние семьи Тор сделало Кэти одной из немногих людей, способных оплатить строительство "Потаватоми". Вообще-то, даже она не могла позволить себе такое, но ей удалось собрать

достаточные начальные инвестиции, чтобы запустить подписную кампанию, зачерпнувшую средства из глубокого колодца мантикорских противников генетического рабства - колодца, ставшего только глубже от распространившегося в народе возмущения тем, как Высокий Хребет сумел смягчить последствия обнародования досье Монтень.

Среди этих противников, как ни странно, оказался Клаус Гауптман. Безоговорочно самый богатый человек Звёздного Королевства, Гауптман был не из тех, кто стал бы иметь дело с "террористами", как бы благородны их цели ни были. Но у него хватало своих причуд, и одной из них было глубокое отвращение к генетическому рабству. Поддержка его искоренения была сделана им одним из главных направлений работы Фонда Гауптмана, основанного его отцом семьдесят стандартных лет назад и председателем совета директоров которого сейчас являлась его дочь Стейси. Лично Гауптман напрямую в кампании не участвовал, в отличие от Стейси, сделавшей это с соблюдением всех предосторожностей. Однако сделанное им было куда ценнее: ему принадлежала верфь, на которой строились фрегаты Антирабовладельческой Лиги, и он распорядился выполнять все работы по себестоимости, не получая прибыли и не делая обычных для военных проектов накруток.

При всей дороговизне, фрегаты были слишком малы, чтобы в современных условиях представлять собой какую-то реальную ценность для флотов звёздных наций. С другой стороны, эти корабли имели удачную конструкцию и были хорошо оснащены для разборок с работорговцами и пиратами, являвшимися для них естественным объектом охоты.

Соответственно, одной из сильных сторон "Потаватоми" была скорость. Однако, учитывая, кто находится у него на борту, Антон не видел оснований подниматься выше дзета-полосы гиперпространства, так что корабль двигался в достаточно неспешном для себя темпе.

***

Зато трёх курьеров, также направлявшихся к Эревону, подобные соображения не смущали. Фактически, два из них, хотя и покинули Мантикору несколькими часами позже "Потаватоми", преднамеренно собирались добраться до Эревона раньше Антона, и для этого у них было всё необходимое. Состоя, по сути, из

гипергенератора, пары парусов Варшавской и импеллерного движителя, они были созданы для движения вдоль нестабильной границы тета-полосы, что давало им почти сорок процентов превосходства в скорости над "Потаватоми". Поэтому, хотя они и совершили переход от Мантикоры к Хеннеси позже корабля Антона, на участке Хеннеси-Терра Ауте они его быстро обошли и оставили позади.

Люди на борту третьего курьера о намерениях Антона не имели никакого представления. Но это судно совершало переход в гиперпространстве напрямую с Хевена, а естественные привычки экипажа хевенитского курьера, пересекающего формально враждебное пространство - Мантикора и Республика официально продолжали находиться в состоянии войны, хотя боевые действия и были приостановлены - означали, что они не собирались мешкать.

В результате, к тому времени, когда Антон Зилвицкий и его спутники добрались до Эревона, весть о его грядущем прибытии его опередила, - сопровождаемая записью программы Андервуда, - и несколько заинтересованных сторон занимались изучением полученных материалов.

***

Хевениты вообще ничего не знали о поездке Антона, пока не оказались на Эревоне на день раньше него. Двигаясь из Республики на Эревон напрямую, они не проходили через Мантикорскую Сеть, и поэтому не видели передачи. Но новость их заинтересовала не меньше, чем прочих.

Мягко говоря. Виктор Каша даже выругался, что для него было редким делом.

- Что за долбаная ситуация, - прорычал он после того, как Джинни остановила воспроизведение. - Антон Зилвицкий! Последний, кого мы хотели бы видеть здесь.

Вирджиния Ушер откинулась на спинку стоявшего в их номере дивана, скрестила свои красивые ноги и пожала своими красивыми плечами - красота которых только подчёркивалась выставляющим их напоказ сари. Одеяние её только отдалённо напоминало стиль, родившийся тысячелетие назад в южной Азии. Сари Джинни не было настолько же откровенным, как то, что она носила раньше, когда работала проституткой после побега от "Рабсилы". Но оно находилось на самой грани того, что ещё

можно было бы назвать подходящим для приличной компании.

Виктор окинул её наряд кислым взглядом.

- И вообще, зачем ты продолжаешь представление? Здесь нет никого кроме нас двоих.

Джинни ответила своей фирменной улыбкой. Как и сари, улыбка не была столь же похотливой, как та, которой она встречала потенциальных клиентов, но недалеко от неё ушла.

- Ой, да хватит дуться. Кевина удар хватит, если он узнает, что я нарушила легенду на задании. Что, если кто-нибудь постучит в дверь - горничная, к примеру? Увидь кто меня в спортивном костюме, который я обычно ношу дома, и мой образ шлюхи пойдёт ко всем чертям. И это после всех трудов Кевина по его созданию! Да и моих тоже, если на то пошло.

Виктор помотал головой. Кое-что в его начальнике и учителе никак не укладывалось у него в голове. В частности веселье, с которым Кевин Ушер заставил свою жену прикидываться потаскушкой. Да, отчасти это могло объясняться феноменальной самоуверенностью Кевина, но в основном, по убеждению Виктора, дело было в его причудливом чувстве юмора. Кто ещё кроме Кевина Ушера стал бы потешаться над тем, как люди смеются над его личной жизнью? (У него за спиной, разумеется, никак не в открытую.)

Когда Кевин Ушер после переворота Тейсмана вышел из тени и принял предложение администрации Причарт возглавить новую полицейскую службу Хевена, перед ним встала проблема, как защитить жену. До того, его стараниями, о её существовании вообще знали не более горстки состоящих в заговоре против Пьера апрелистов. Теперь же…

Хранить это в секрете больше не удастся никаким образом, учитывая публичность должности Кевина как главы нового Федерального Следственного Агентства. И это сильно портило Кевину нервы. Да, Элоиза Причарт была одним из самых старых и самых близких друзей Кевина, - хотя даже она не знала до того о Джинни, поскольку надобности в том не возникало, - а она ныне была президентом новой Республики. Он полностью ей доверял, и был склонен так же относиться и к Томасу Тейсману, адмиралу, чей военный переворот привёл её к власти. Кевин разделял их стремление восстановить власть закона и традиции мирной передачи власти в Республике. Но если Кевин Ушер и научился чему-то за всю свою жизнь, так это тому, что политическая власть в Республике Хевен была коварным зверем. Никогда не знаешь, когда он кинется на тебя, и, пока на нём не будет надёжного намордника, доверять ему нельзя.

Поэтому Кевин решил проблему в обычном для себя духе -

сочетая прямоту и хитрость, и не испытывая ни малейшего беспокойства по поводу собственной репутации. Он прикинулся напоказ рогоносцем, так же, как в своё время прикидывался пьяницей. Если случится худшее и Кевин резко впадёт в немилость, что было обычным делом для хевенитской политики - и что, судя по истории двух последних веков, вполне может закончиться для него встречей с расстрельной командой - по крайней мере Джинни скорее всего избежит подобной судьбы. Никто, в конце концов, не воспринимает гулящую жену угрозой кому бы то ни было, кроме её мужа.

Виктор мог оценить профессиональный артистизм этой затеи. "Стиль Ушера", как он это называл. Что он не оценил - ни в малейшей степени - это что Кевин и Джинни моментально (и с радостью) назначили Виктора главным наставителем рогов. Юным подчинённым-протеже, отплатившим доверчивому начальнику, закрутив интрижку с его женой.

- Это классика, - выдала Джинни.

- Это заставляет меня выглядеть последней свиньёй!

- Ну, да, - согласился Кевин, улыбаясь Виктору. - Просто считай это частью своей учёбы, вундеркинд. В любом случае, что это за глупая любительщина для шпиона, беспокоиться о своём "имидже"?

- Мы больше не "шпионы", - проворчал Виктор.

- Не будь в этом так уверен, - пожал плечами Кевин. - Кто знает, с чем нам придётся столкнуться в грядущем?

Виктор всё равно мог отказаться от такой роли, если бы Джинни не припёрла его к стенке.

- Пожалуйста, Виктор, - взмолилась она в своём неподражаемом полукомическом-полусерьёзном стиле, - это сделает мою жизнь намного проще. Ты - единственный известный мне мужчина, которого мне не придётся отшивать наедине после того, как я публично строила ему глазки.

Это было достаточно справедливо. Виктор никоим образом не был иммунен к влечениям плоти, и временами считал столь тесную близость с Джинни чрезвычайно неудобной. Но за прошедшее с момента их встречи на Земле время их отношения на эмоциональном уровне пришли к варианту "младший брат - старшая сестра". Нельзя сказать, что он не замечал зачастую слабо прикрытой женственной фигуры Джинни. Но это на самом деле не так уж отличалось от его детских лет, когда он рос в тесноте трущоб кварталов долистов Нового Парижа, когда ему на глаза также часто попадались полуобнажённые фигуры матери и трёх сестёр.

Правда, ни его мать, ни сёстры не могли похвастаться

пышностью форм Джинни, не было у них и её навыков соблазнения мужчин - в чём Джинни, будь проклято её чёрное сердце, настойчиво практиковалась на Викторе.

И всё-таки…

Виктор признавал, что, в собственном гротескном стиле, этот гамбит работал как по нотам. Назначив себе, Джинни и Виктору яркие и хорошо всем знакомые роли - старого мужа, глупого и безумно влюблённого; юной жены-нимфоманки, изменяющей мужу направо и налево прямо под его носом; бессовестного и вероломного юнца - Кевин обеспечил жене и своему протеже реальную защиту на случай, если политические процессы Республики Хевен снова свернут не туда.

А поскольку Кевин никогда не упускал случая убить двух зайцев одним выстрелом, этот же гамбит позволял ему использовать Виктора и Джинни как специальную неофициальную следственную команду. Он мог послать их куда угодно и когда угодно, с любой задачей - и все, кроме горстки посвящённых людей, при виде этого только бы усмехнулись.

***

Это объясняло, что Виктор и Джинни делали в гостиничном номере в Мэйтаге, столице Эревона. Убийство Иеронимуса Штейна поставило нового президента Хевена в весьма неудобное в политическом смысле положение, и, как это часто бывало в её жизни, Элоиза Причарт обратилась к Кевину Ушеру за советом и помощью.

- Давай пошлём Джинни и Виктора, - немедленно предложил он. - У Джинни есть прекрасная мотивировка для визита с выражением соболезнований, поскольку она сама была рабыней.

Элоиза его перебила.

- Что ты думаешь, Кевин? Ты согласен, что за убийством стоит "Рабсила"? Таково, похоже, общее мнение, но нюх подсказывает, что что-то тут не то.

Он пожал плечами.

- Кто знает? Да, все шансы за то, что это была "Рабсила". Если бы мне пришлось ставить деньги на один из вариантов, на этот я бы и поставил. С другой стороны…

Сидевший в кресле по другую сторону стола от президента Кевин изменил позу, как будто испытывал дискомфорт.

- Вполне может быть, что твоё чутьё в чём-то право, Элоиза.

Вся операция была проведена слегка… слишком напоказ, чтобы меня самого ничего не цепляло. Существование корпорации "Рабсила" - всей планеты Меза, если на то пошло - является настолько удобным для столь многих сил в Солнечной Лиге, что им долгое время удавалось процветать, просто стараясь не привлекать к себе излишнего внимания публики. Зачем рисковать нарушить столь хорошо установившуюся и выгодную ситуацию, делая нечто настолько гарантирующее гигантское возмущение среди публики Лиги, как убийство лидера Ассоциации Ренессанса?

- И это ты спрашиваешь? - Элоиза усмехнулась. - Кевин, если ты не заметил, в последнее время по "Рабсиле" пришлось несколько неслабых ударов - и одним из них был тот, что устроил им ты в Чикаго. Знаешь, даже хладнокровные работорговцы могут сорваться.

Кевин пожал плечами.

- Разумеется. Но к чему срывать зло на Штейне и Ассоциации Ренессанса? - Элоиза открыла было рот, но Кевин упредил её реплику подняв руку. - Да-да, я знаю, Штейн и АР были основным рупором общественности в Солнечной Лиге, осуждающим генетическое рабство, если не считать собственно Антирабовладельческую Лигу. И что с того? Штейн делал всё то же десятилетиями, а "Рабсила" просто отмахивалась. Они не хуже нас с тобой, или кого угодно другого с половиной мозга, знают, что так называемая "демократия" Солнечной Лиги является фикцией чистой воды, во всяком случае выше уровня некоторых планет-членов. Лигой управляют - от и до - бюрократы и промышленные синдикаты, а эти свиньи-у-кормушки в большинстве своём считают наличие поблизости "Рабсилы" и Мезы просто удобством. А поскольку те всегда были достаточно умны, чтобы не покушаться сильно на личные свободы граждан Лиги на Земле и в старейших, развитых колониях, проповеди о морали Ассоциации Ренессанса и Антирабовладельческой Лиги ни разу даже не поколыхали проводимую Лигой политику.

Элоиза какое-то мгновение пристально разглядывала его.

- А что насчёт тебя? Не боишься, что он могут сорвать своё раздражение на тебе персонально?

Кевин расплылся в улыбке.

- Только не после того, как Зилвицкий превратил их команду, атаковавшую Кэти Монтень на Мантикоре, буквально в котлету.

Причарт фыркнула. В этом звуке смешались сарказм и нечто очень похожее на злорадное веселье. Как и все апрелисты старой закалки, Элоиза питала отвращение к "Рабсиле" и всему, что та собой представляла. Да, у неё имелась вражда по отношению к

Звёздному Королевству, но каков бы ни был список острых разногласий Причарт и королевы Мантикоры Елизаветы, ненависть к генетическому рабству в него не входила.

Поэтому Элоиза и сама испытала хищную радость, когда попытка "Рабсилы" расквитаться с Монтень привела к настолько обратному результату. Все те годы, что прошли после возвращения Монтень на Мантикору с Земли с новообретённым любовником, капитан Антон Зилвицкий, уволенный из флота Звёздного Королевства, посвящал свои силы и время созданию того, что публике было представлено как "охранное агентство". Такое определение, учитывая ловкость Зилвицкого в наведении тумана, было принято с достаточной готовностью. Он даже сумел сохранить эту маску в неприкосновенности после срыва попытки убийства Монтень.

Что было… сложно, если вспомнить, что поместье Тор было усеяно трупами. Ни единого человека из большой и хорошо организованной команды убийц не осталось в живых.

Ходили слухи, что их тела - во всяком случае фрагменты тел - были доставлены попутными транспортами в несколько крупных вербовочных центров на родной планете "Рабсилы" Мезе. Работорговля была не единственным доходным бизнесом Мезы. Планета также была крупнейшим в галактике центром подготовки независимых наёмников.

Всё это было успешно представлено публике неясным, загадочным делом. Через несколько дней в Звёздном Королевстве интерес к данному эпизоду полностью угас; в Солнечной Лиге он вообще не был особо отмечен, поскольку там всегда наблюдалась тенденция с безразличием относиться ко всему, что происходило вне её исполинских границ. Корпорация "Рабсила", естественно, не взяла на себя никакой ответственности за произошедшее. И, по разным причинам, ни "Безопасность Зилвицкого" и Кэтрин Монтень, ни - в особенности! - правительство Высокого Хребта не желали привлечения к этому делу особого внимания. Однако достаточно вскоре все серьёзные разведслужбы населённой части галактики выяснили правду. Кэтрин Монтень ныне использует своё состояние и таланты своего нового любовника чтобы наконец покончить с беззубостью Антирабовладельческой Лиги… и Антон Зилвицкий только что показал новые зубы в деле.

С тех пор, по всем признакам, "Рабсила" держалась подальше от Монтень. Как минимум по той причине, что после того, как Зилвицкий перемолол две ударные команды - одну в Чикаго и вторую на Мантикоре - профессиональные наёмники того типа, что предоставляли свои услуги "Рабсиле", должны были требовать астрономических гонораров за участие в дальнейших подобных

проектах.

Элоиза улыбнулась.

- Следует ли мне сделать вывод, Кевин, что ты со своей стороны тоже подготовил ловушку, на случай если "Рабсила" решит устроить нападение на тебя? Знаешь, я не уверена, что здесь нет противоречия с духом закона о твоём Федеральном Следственном Агентстве.

- Противоречие ещё то, - согласился Кевин. - С другой стороны, это поддерживает моих людей в тонусе… и заставляет "Рабсилу" держаться подальше.

Элоиза не стала углубляться в этот вопрос. Она прекраснейшим образом знала, что никакая сила не удержит Кевина Ушера на новом посту от прогулок в "серой" в смысле законности зоне. В конце концов, его нынешняя профессия главного полицейского Хевена была всего лишь мундиром, надетым на старого и опытного заговорщика. Но пока он не нарушает новые законы впрямую и воздерживается от "черных" операций, она будет смотреть на это сквозь пальцы.

Поэтому она вернула обсуждение к имевшей непосредственную важность теме.

- Передо мною тут стоит проблема, Кевин.

- Можно и так сказать, - невесело усмехнулся он. - Ассоциация Ренессанса пригласила Республику Хевен прислать официальных представителей на похороны, точно так же, как и все остальные правительства галактики. Если нас не будет, то все наши проповеди насчёт политической безнравственности станут выглядеть не более чем своекорыстной болтовнёй. Но если мы всё-таки появимся там, то тем самым гарантированно - в лучшем случае - вызовем раздражение большинства тех сил в Солнечной Лиге, на кого продолжаем надеяться в плане передачи технологий.

Причарт нахмурилась.

- Будь проклят Высокий Хребет. Если бы мантикорцы просто подписали мирный договор, я бы с радостью послала этих подонков из Лиги куда подальше, - она тяжко вздохнула. - Не думаю, что Форейкер сможет…

- Об этом надо спрашивать Тома Тейсмана, - отозвался Ушер. - Но я весьма сомневаюсь, чтобы даже Шэннон Форейкер могла продолжать совершенствовать наши военные возможности без значительного вливания технологий солли.

Он склонил голову к плечу, и внимательно посмотрел на Элоизу.

- Именно поэтому я предлагаю послать Джинни. Разумеется, это всё равно будет "частной" реакцией, не официальной.

Однако…

Он сделал паузу, на мгновение задумавшись.

- Может и получиться. Во всяком случае, достаточно неплохо. Все знают, что мы с тобой близкие друзья, а поскольку Джинни - моя жена, то не потребуется особо напрягать мозги, чтобы понять, что ты тем самым демонстрируешь собственное отношение к данному событию… избегая жестов, которые могут быть восприняты солли как публичное оскорбление.

- Дело не только в этом, Кевин. Мы в последнее время получаем кое-какие странные - и весьма интересные - сигналы с Эревона. Как через людей Джанколы, так и через Федеральную Разведывательную Службу.

Она, в свою очередь, склонила голову к плечу.

- Вижу, что тебя это нисколько не удивляет. Ха! Трудно избавиться от старых привычек, и всё такое, - и насмешливо-строго продолжила: - Кевин Ушер, ты больше не должен заниматься внешней разведкой. Ты теперь полицейский, помнишь?

Он не потрудился ответить на это обвинение чем-либо кроме широкой улыбки.

- Полицейский, полицейский. Но этот честный полицейский ни на йоту не доверяет твоему госсекретарю Арнольду Джанколе - как и ты сама, Элоиза - и хотя я не испытываю недоверия к Вильгельму Траяну, он… э-э, как бы это сказать…

- Он - трудяга, - отрезала Причарт. - Вовсе не болван, заметь, хотя я и хотела видеть его во главе Федеральной Разведывательной Службы в основном потому, что знала, что он не станет использовать этот пост для политических махинаций в духе старого Хевена. Так как это делает Джанкола в госдепартаменте, черт бы его побрал.

Она запустила пальцы в свои длинные платиновые волосы в жесте, в котором раздражение мешалось с усталостью.

- Мы с тобой, Кевин, оба знаем, что ты был бы вдесятеро лучшим главой ФРС, чем Вильгельм. Но главное, что мне было нужно, нужнее всего остального, это поставить кого-то, кому я полностью доверяю, руководить нашим новым агентством внутренней безопасности. Глава ФРС может сколько угодно заниматься махинациями, но не сможет организовать переворот. Для этого нужен контроль над силами, занимающимися внутренней безопасностью.

Кевин понимал её логику. Понял её в тот самый момент, когда Элоиза впервые предложила ему эту работу. Нельзя сказать, что он не был согласен с Причарт. И всё же это оставляло Хевен с разведкой… не дотягивавшей до должного уровня. Одним из

первых дел Томаса Тейсмана после устроенного им против Оскара Сен-Жюста переворота был разгром старой Госбезопасности, служившей диктатуре Пьера/Рэнсом/Сен-Жюста и режиму Законодателей до того. Каким бы благом это ни было с точки зрения политической гигиены Хевена, работу его разведки оно ввергло в полнейший хаос. Все сотрудники Госбезопасности, хотя бы слегка замаранные в преступлениях Сен-Жюста и пережившие период боёв, когда был низвергнут их господин, при удаче отделались немедленным увольнением. Некоторые из худших всё равно были казнены, после скрупулёзно честного суда и только в случае осуждения за реальное нарушение собственных "законов" Госбезопасности. Но подавляющая их часть сейчас отбывала длительные сроки заключения. Единственной причиной сдержанности Тейсмана в смысле количества казней была озабоченность тем, чтобы не выставить новый режим столь же жестоким и кровожадным, как предыдущие.

- Жаль, воистину жаль, - пробормотал Кевин, словно сам себе. - Мог бы назвать как минимум семерых уродов, сидящих за решёткой, которых с радостью пристрелил бы лично.

Элоиза без труда отследила затейливый ход его мыслей, и лицо её расцвело улыбкой.

- Только семерых? Боже, какую затворническую жизнь ты вёл! Уверена, что могла бы назвать по меньшей мере тридцать имён, даже не напрягаясь.

На мгновение два давних товарища-апрелиста обменялись полными удовлетворения взглядами. Они достаточно легко переживут несбывшуюся месть. Фактом оставалось то, что ублюдки в конечном итоге оказались за решёткой.

- Там им самое место, - прорычала Элоиза. - И там они и останутся на ближайшие шестьдесят стандартных лет… если только нас не свергнут.

Ушер сумел удержаться от комментария. С Элоизой Причарт это было сложно как практически ни с кем другим. Их дружба была очень близкой и очень давней.

Однако…

Он знал, что Элоиза полна непреклонной решимости уберечь новый Хевен, в котором она была президентом, от ошибок и преступлений предыдущих режимов. Решимости столь воистину непреклонной, что, по мнению Кевина, та заставляла Элоизу совершать ошибки. Их было немного, но они были. Поэтому, там и сям, частным порядком и не ставя её в известность, Кевин втихаря принимал меры там, где это требовалось.

"Не бойся, Элоиза. Одной из задач ФСА является охрана тюрем строгого режима. Что бы ни случилось, я позаботился,

чтобы единственным способом досрочно покинуть тюрьму для главарей Госбезопасности было вперёд ногами. У каждого из них в камере скрытно установлены ёмкости с отравляющим газом".

Он подавил в себе мрачное удовлетворение от знания этого факта. Элоиза была бы недовольна, если бы он ей рассказал. В конце концов, строго говоря, эти потайные орудия казни являлись нарушением закона, который он поклялся защищать.

Поэтому он оставил рот на замке. И вернулся к стоящей на повестке дня теме.

- Я знаю об эревонских… "сигналах", как ты это назвала. И не трудись говорить мне, что знать этого я не должен был. Твои реакции, Элоиза, не настолько нечитаемы, - он также запустил пальцы в волосы, тёмные в противоположность её платиновым. - И думается мне, что мои подозрения в точности совпадают с твоими выводами. Высокий Хребет обращается с ними как со слугами, эревонцы засомневались в необходимости союза с Мантикорой, а теперь, когда у Хевена новое правительство, они начинают присматриваться к нам.

Она кивнула. Кевин поджал губы.

- На Эревоне у нас в послах Гатри, и это нехорошо. Он в лучшем случае посредственность. Вообще-то, не могу сказать о нём ничего плохого, но и ничего по-настоящему хорошего тоже. Это человек, которого волнует только собственное положение, который при виде подобного представляющегося шанса в первую очередь обеспокоится тем, как это может повредить его карьере.

Причарт снова кивнула.

- А командир тамошней миссии ФРС - Жаклин Паллер, не думаю, что ты её знаешь - ничем не лучше, поверь мне. Даже Вильгельм Траян разочарован ею, а Вильгельм и сам не отличается молниеносными рефлексами. Эта парочка, Гатри и Паллер, насколько я могу судить, сумела уклониться от каждого из посланных в нашу сторону сигналов с ловкостью девственниц, уклоняющихся от объятий распутника. К настоящему времени эревонцы скорее всего считают нас компанией имбецилов.

Ушер ухмыльнулся.

- Странно, что ты выбрала такое сравнение. С Джинни, разумеется, отправится Виктор, а временами я гадаю, не является ли он всё ещё девственником.

- Опять ты и твои махинации! Скажу тебе только одно, Кевин Ушер, ты - единственный известный мне мужчина, которому чихать на образ своей мужественности в глазах окружающих, - её губ коснулась легкая, нежная улыбка. - Хоть тебе и не нужно беспокоиться об этом, что я первая бы и подтвердила.

На мгновение Ушер ответил ей такой же улыбкой. Время от

времени, на протяжении множества лет, которые они были знакомы, отношения Кевина и Элоизы включали в себя заметное количество времени, проведённого в постели вместе. В этом не было особой романтики, и ныне такие отношения для них были в прошлом, поскольку оба нашли свою любовь. Но они придавали их дружбе дополнительный оттенок; свободу отношений людей, между которыми было мало секретов.

Они посмаковали этот момент, но не стали его затягивать. Несколько секунд спустя Элоиза снова села выпрямившись, и её привлекательное лицо было омрачено слегка хмурым видом.

- Ты думаешь, Каша справится? Я знаю, что он - твой любимчик, Кевин, но для подобного дела он жутко юн.

Кевин пожал плечами.

- "Юн" и "неумел" - разные понятия. Признаю, что паренёк до сих пор похоже нервозно относится к сексу, но во всём, что касается его профессиональных навыков… Он хорош, Элоиза. Он вдумчив, что чертовски редко встречается у оперативников, но, когда требуется, Виктор может быть настолько твёрдым и безжалостным, насколько вообще кто-либо бывает. Не забывай, насколько замечательно он справился с ситуацией на Ла Мартине, а с тех пор к его опыту добавились ещё несколько лет. Разумеется, он всё ещё юн… и что с того? Каждый боксёр "слишком юн", пока не оказывается на ринге чемпионата. Виктор готов к такому заданию. Я не могу предложить кого-либо, кто мог бы справиться лучше, а у него есть преимущество готовой легенды прикрытия.

Причарт всем весом оперлась на расставленные по столу руки. Кевин узнал характерную позу. В том, что касалось твёрдости, Элоиза сама могла дать фору кому угодно.

- Пойдёт. Остановимся на Каша. Однако!..

Теперь она грозила ему пальцем.

- Ты удостоверишься, что он понимает - и что ты сам это понимаешь, Кевин, - что мне тут не нужны сорвиголовы. Никакой бесшабашной ушеровской тактики, слышишь меня? А раз уж ты вспомнил про Ла Мартин, позволь напомнить тебе, что в тот раз тактика Каша была такой бесшабашной, что дальше, пожалуй, некуда. Я же хочу, чтобы на этот раз всё делалось по правилам.

Кевин ответил смирённой улыбкой.

Во всяком случае, он надеялся, что улыбка выглядела смирённой. Поскольку был весьма уверен, что нарушит её указание и не оставит от правил камня на камне.

***

- Черт подери, Джинни, - пробурчал Виктор, когда они забирались в кровать, - я не понимаю, почему ты так безразлично восприняла присутствие Антона Зилвицкого здесь, на Эревоне. Этот человек слишком уж умён. В одном его мускулистом большом пальце ноги мозгов больше, чем могло бы наскрести у себя всё местное мантикорское посольство.

Джинни пощекотала его под подбородком.

- Я не безразлична к этому факту, я просто не вижу смысла терять сон из-за чего-то, повлиять на что мы всё равно не можем, - она лениво зевнула, протянула руку и притянула его к себе. - Побеспокоиться об этом можно и завтра. Тебе нужно отдохнуть, любовничек.

- И ещё это! Как мне заснуть, если ты развалилась на мне? Да ещё и в этом… как это вообще называется? Этот носовой платок, притворяющийся ночнушкой.

- Это "тедди", - проворковала она, уткнувшись ему в грудь. - И не стоит иронизировать. Кевину оно обошлось недёшево, поскольку я купила его прямо перед вылетом в одном из самых шикарных бутиков Нового Парижа, - и радостно добавила: - Уверена, что там было как минимум два шпиона, и одному только Богу ведомо, сколько шпионских камер. Как, скорее всего, и в этой комнате. Невозможно быть слишком осторожным.

"Вряд ли, - подумал Виктор, - если вспомнить про оборудование, которое я привёз с собой. К настоящему моменту от всех имевшихся в этой комнате жучков остался только прожаренный мусор".

В подтверждение своих слов Джинни провела обнаженной и весьма хорошо сложённой ногой по его бёдрам. Которые, со вздохом отметил Виктор, прикрыты были только самой тонкой пижамой, что у него была. Другого бы Джинни ему одеть не позволила.

И всё-таки он не стал настаивать, чтобы Джинни спала на своей половине кровати. Часть его сознания, тщательно отгороженная от остальных, находила ощущение прикосновения её тела… волнующим. Но к настоящему времени он к этому привык. Они с Джинни, в конце концов, далеко не первый раз оказались в одной постели. Также не впервые на Джинни была "ночнушка" больше походящая на наряд стриптизёрши, чем на что-то ещё.

Более важным было то, что Виктор давным-давно понял, почему Джинни настаивает на продолжении этой до некоторой степени глупой практики. Да, между ними нет и не было ни романтических отношений, ни секса. Но Виктор понимал, что в

каком-то своеобразном смысле стал для Джинни семьёй, которой у неё никогда за всё время взросления в рабских бараках "Рабсилы" не было. Наконец у неё появился младший брат, которого она не могла обнять весь тот долгий темный период.

Это было очень тёплой мыслью, и, не в первый раз, она придала Виктору силы и решимости. Он обхватил рукой её голову, притянул к себе и нежно поцеловал её в волосы.

Несколько минут спустя он смог отбросить свои тревоги и волнения и погрузиться в сон. Засыпая с вопросом, сможет ли когда-либо найти женщину, которая будет ему дорога так же, как Джинни.

Он считал, что скорее всего нет. Виктор был совершенно убеждён, что романтика была тем, чего у него в жизни не будет. По правде сказать, он был совершенно убеждён в этом с тех пор, как ему исполнилось четырнадцать и он решил посвятить себя революции. Единственное, что изменилось после того, как он встретил Джинни, было то, что теперь это знание вызывало у него недовольство.

Глава 8

Кое-кому другому заснуть этой ночью оказалось гораздо труднее. В набитом флотскими офицерами номере отеля, расположенного недалеко от того, в котором остановились Виктор и Джинни, грянул взрыв проклятий и ругательств. Офицеры только что закончили просмотр записи шоу Андервуда, привезённой первым из прибывших курьеров.

- Этого нам только не хватало, - пожаловалась одна из них, в форме коммандера Флота Солнечной Лиги. - Будь прокляты так называемые "специальные операции". Зачем вообще утруждаться делить их на "серые" и "чёрные"? Воняет одинаково.

Невоздержанное замечание адресовалось начальнику офицера, капитану того же флота. Капитан, безупречно сложённый мужчина невысокого роста, лениво улыбнулся в ответ.

- Мир несовершенен, Эди. Хочешь, чтобы я сделал его ещё хуже повторением надоедливых замшелых афоризмов? "Что положили в тарелку, то и ешь". "Какая карта пришла, такой и играй". Предупреждаю, я могу так распинаться часами. Мой отец обожал эти треклятые фразы.

Капитан говорил достаточно громко, чтобы быть услышанным всеми, и в результате царящее в комнате настроение заметно повеселело. Существенной составляющей харизмы капитана Луиса Розака было его естественное и свободное чувство юмора. Если бы его не было, агрессивная амбициозность этого человека отталкивала бы людей от него, вместо того, чтобы притягивать как магнитом. А так необычно быстрому восхождению Розака во Флоте Солнечной Лиги - тем более необычное тем, что родом он был с отдалённой системы, а не с одной из старых колоний, поставлявших ФСЛ большинство старших офицеров - изрядно поспособствовал его талант собирать вокруг себя способных и преданных людей. Вместо того чтобы возмущаться его превосходством, подчинённые капитана находили работу с этим человеком одновременно приятной и полезной. Розак отвечал на верность верностью, и восходя по служебной лестнице не забывал позаботиться, чтобы его последователи делали то же самое.

Разумеется, в этом он просто следовал проверенной временем традиции Флота Солнечной Лиги, в котором фаворитизм и построение собственных империй почитались чуть ли не законом природы. Что не умаляло того факта, что Розак делал это с той же непревзойдённой сноровкой, что и всё остальное. Ни один

амбициозный офицер не мог подняться в ФСЛ не выстроив сеть патронажа, причем как среди военных, так и среди гражданских. Это было данностью. Но только весьма незаурядный офицер мог подобно Розаку настолько полностью преодолеть своё изначально неблагоприятное положение и создать сеть такую, какая имелась у него. Возможно самым лучшим было то, что он сделал это не тыкая постоянно последователей в их подчинённый статус - что также было в традициях ФСЛ, но этого Розак похоже без особых проблем избегал.

Он даже доказал свою одарённость в проведении "специальных операций", что до сих пор до какой-то степени поражало его собственных последователей. Как правило, таланты и навыки, требовавшиеся для такой работы, подходили военному человеку примерно так же, как седло подходило корове.

Так что, хотя все собравшиеся в гостиничном номере подчинённые Розака были раздражены увиденным в передаче, никто из них не испытывал подавленности, а уж тем более паники. Да, это было неудачным поворотом событий. Но они были вполне уверены, что Розак найдёт способ сделать конфетку из чего угодно. Он уже делал это у них на глазах, и неоднократно.

- Дело не так плохо, как выглядит, Эди. Разумеется, нам придётся найти способ вывести Зилвицкого из игры. И чертовски быстро.

- Так ли он хорош на самом деле, как показано? - спросила лейтенант Карен Георгос, указывая тонким пальцем на ныне тёмный экран головизора. - Я имею в виду, что у виденного нами есть все признаки шоу. Такой ушлый ведущий, как Яэль Андервуд, не станет тратить столько времени, чтобы вогнать зрителей в скуку изложением унылых и пресных реалий.

Капитан Розак скосил взгляд на одного из находящихся в комнате офицеров, давая ему знак ответить.

Лейтенант-коммандер Джири Ватанапонгсе, ссутулившийся в кресле у дальней стены номера, выпрямился. Просмотр записи испортил ему настроение сильнее, чем прочим, и он до сих пор явно боролся с приступом меланхолии.

- Да, он действительно так хорош, - Джири бросил сардонический взгляд на головизор. - О, конечно же они в полной мере воспользовались романтическими аспектами его судьбы. Героическая смерть жены, стоический вдовец, отважная дочь, новая любовь, найденная в неожиданных обстоятельствах, и так далее, и тому подобное. Красавица и Чудовище, всё что хотите. Андервуд всё это вытащил на свет. Но не обманывайтесь. Гарантирую, что в эту самую секунду…

Второй его сардонический взгляд достался окну. Где-то там,

по другую сторону штор и электронных щитов, установленных людьми Розака как только они сняли этот номер, возвышалась башня "Рынка Мыльца", самого старого и всё ещё самого высокого строения Мэйтага, эревонской столицы. "Мыльце", как его называли эревонцы, было странным заведением. Оно совмещало функции самого престижного отеля Мэйтага, самой его крупной торговой биржи, набора самых дорогих бутиков… и, если не в теории то на практике, было подлинным центром политической жизни Эревона.

Большинство людей считали, что "Мыльце" в его названии, равно как и собственно название столицы, были памятью о малоизвестных личностях из ранней истории Эревона. Бесстрашных первопроходцах, вне всякого сомнения. Эревонских Льюисе и Кларке* [Мериузер Льюис (Meriwether Lewis) и Уильям Кларк (William Clark) в период 1803-1806 г.г. провели первую американскую (и третью в целом) экспедицию к тихоокеанскому побережью северной Америки].

Ватанапонгсе, отвечавший у Розака за разведку, провёл исследование и знал правду. Люди, основавшие колонию на Эревоне несколько веков назад, по всей видимости обладали извращённым чувством юмора. Поэтому, откопав давно забытые термины из древней истории Земли* ["Мэйтаг" (Maytag) - название фирмы (по фамилии основателя) в США, очень долгое время занимавшейся производством стиральных машин], они роздали названия, которые должны были стать уколами для покинутого ими респектабельного общества Лиги, даже если это самое общество об этом и не догадывалось.

В настоящее время Эревон был не менее респектабельной планетой, чем любая другая в галактике, хотя и сохранял некоторые странные обычаи, оставшиеся от основателей. Но основан он был консорциумом успешных лидеров организованной преступности, искавших способ для "отмывания денег" - выражение это всё ещё использовалось, хотя мало кто из современных людей понимал его происхождение.

Но не это, однако, было причиной сардонического взгляда Ватанапонгсе. А тот факт, что он знал, какая странная компания собралась для совещания одновременно с ними, только - чёртовы дурни - сделала это в шикарной обстановке, вместо того, чтобы, как они с Розаком, предпочесть скромную и не такую широко известную гостиницу.

- Оставим мезанцам, - фыркнул он, - страсть к золотым унитазам.

По комнате пробежал короткий злой смешок. По обычным стандартам никого из собравшихся в этом номере мужчин и

женщин нельзя было назвать особо отягощенным приверженностью к морали. Но презрение, испытываемое ими к Мезе и всему с нею связанному, не было чувством прожжённых вояк из не подверженного сантиментам общества. Даже для них Меза была олицетворением безнравственности.

- Наш курьер обогнал их на пути сюда. И поскольку у нас были сенсоры военного образца, и мы были здесь первыми, то смогли засечь их сразу после перехода через сеть, и подтвердить, что это то самое судно "Джессик Комбайн", которое покинуло Мантикору незадолго до нашего.

Он дал им секунду на переваривание информации. "Джессик Комбайн" была одной из гигантских корпораций, господствовавших в системе Мезы. Другой, и обладавшей намного более худшей репутацией, была "Рабсила", главный торговец генетическими рабами галактики. Впрочем, ни одну из этих корпораций нельзя было назвать "этичными", а "Джессик", в частности, была тесно, хоть и неформально связана с "Рабсилой". Связь эта была достаточно отдалённой - достаточно неявной, правильнее сказать - чтобы "Джессик" не была поставлена Мантикорой вне закона так, как "Рабсила". Но никто из бывших в курсе людей ни на секунду не сомневался, что где бы вы ни встретили доставляющего информацию курьера "Джессик", "Рабсила" получит её так же быстро.

- Могу гарантировать, - продолжил Ватанапонгсе, - что собравшиеся там люди получили от просмотра этой записи ещё меньше удовольствия, чем мы. Намного меньше. Они уже сталкивались с Зилвицким в бою, чего нам не доводилось.

- И не доведётся, если всё пойдёт нормально, - твёрдо добавил капитан Розак, обводя комнату более жёстким чем обычно взглядом. - Надеюсь, это понимают все. Нам не из-за чего ссориться с Антоном Зилвицким, а только дурак - чему имеется наглядное подтверждение - станет затевать с ним ссору на пустом месте.

Каким бы мягким и обычно добродушным он ни был, Луис Розак также был боссом, что никем не подвергалось сомнению. Его карие глаза снова прошлись по комнате, вызвав волну кивков.

- Замечательно, - буркнул он, а потом добавил, расслабляясь: - Я признаю, что это головная боль для нас, так что придётся придумать способ её облегчить. Но никаких прямых действий, люди. Последнее, что нам нужно, это привлечь внимание этого человека к нам.

На мгновение его лицо приняло почти такое же кислое выражение, что раньше было на лице коммандера Эди Хабиб. По правде говоря, капитан Розак любил заниматься "чёрными"

операциями не больше любого из своих подчинённых, хоть и был в этом намного лучше большинства военных. В конечном итоге это всегда было грязным делом, сколько духов на него ни лей. И хотя Луис Розак в погоне за амбициями вполне был готов запачкать руки, он предпочитал пачкать их в земле, а не в содержимом канализации.

Повернув голову, капитан уставился на самого младшего офицера в комнате. Танди Палэйн была единственным лейтенантом морской пехоты в группе, и, даже по прошествии года, казалось продолжала испытывать потрясение от того, что была выбрана капитаном Розаком для его внутреннего круга. Как младший офицер с отсталой планеты пограничья она предполагала, что карьера её будет в лучшем случае медленной, и достаточно скоро полностью застопорится. К такой перспективе она относилась с покорностью, поскольку даже раннее увольнение из морской пехоты Лиги было неимоверно лучше любой жизни, какой она смогла бы жить оставаясь на родной планете. Ндебеле по-прежнему оставалась под контролем УПБ* [управление пограничной безопасности], что значило - на практике, если и не в официальной теории Солнечной Лиги - что там она бы оставалась крепостной бюрократов Лиги и дружественных им промышленных конгломератов.

Последнее, чего ожидала Танди Палэйн, было приглашение присоединиться к команде одного из самых прославленных быстротой карьеры капитанов ФСЛ. Да, было что-то - вообще-то, даже больше чем "что-то" - от "чужака" в самом Луисе Розаке. Но была у него и аура успеха. Розак уже отслужил несколько сроков командиром корабля, и сейчас обладал престижным статусом офицера Центрального Штаба, откомандированного в один из важных провинциальных секторов Солнечной Лиги. К чёрту старшинство. Как только оставались позади самые низкие уровни, гражданские связи начинали значить для дальнейшего продвижения по службе как минимум не меньше, чем официальное старшинство, а Луис Розак ныне был вторым по рангу офицером сектора Майя. Он может и не был флаг-офицером - пока - но большинство коммодоров и немалое число адмиралов ФСЛ отдали бы глазной зуб за такую близость к системному губернатору Оравилу Баррегосу и его главе администрации и заместителю Ингемару Кассети.

Розака забавляли очевидные усилия, которые приходилось прилагать Палэйн, чтобы встретить его взгляд. Он знал, что рано или поздно ему придётся принять меры, чтобы преодолеть эту робость. Ему были нужны последователи не просто послушные, но уверенные в собственных силах. Розак даже обдумывал

вариант с соблазнением девушки, чего обычно в отношении подчинённых избегал, в надежде, что роман с боготворимым шефом сможет частично избавить её от неловкости в общении. В том, что ему удастся её соблазнить, он нисколько не сомневался. Розак был статным мужчиной, обладал харизмой, а лейтенант демонстрировала все признаки девушки, втюрившейся в обаятельного начальника. Однако он пришёл к выводу, что подобный образ действий скорее повредит, чем поможет в том, что касалось дальнейшего роста Палэйн, даже если не принимать во внимание очевидные угрозы, которые он нёс для общей дисциплины.

К этому выводу, по правде говоря, он пришёл не без сожаления. Лейтенант была весьма привлекательной женщиной, тем более привлекательной, что генетические характеристики народа, из которого она происходила, достаточно сильно выделялись на фоне по большей части перемешавшегося ныне человечества, чтобы затронуть любовь Розака к экзотике. Но одной из причин быстрого возвышения Луиса Розака была его железная самодисциплина. Он ничему не позволял встать на пути его амбиций, ни отвращению к чёрным операциям, ни предвкушению от удовольствия близости с прекрасной девушкой.

- Как насчёт твоих Амазонок, Танди? Они могли бы заняться этим.

Он заметил её колебания, и вынужден был сдержать вздох. Даже после месяцев работы в близком контакте с Розаком, лейтенант Палэйн продолжала испытывать дискомфорт от идеи возразить начальнику.

К счастью, у Эди Хабиб были все инстинкты и умения превосходного старпома, кем она и была, когда Розак командовал кораблём.

- Да ладно, Танди, выкладывай. Обещаю, что капитан не откусит тебе голову.

По комнате пробежал ещё один короткий смешок, хотя на этот раз и не злой. Большинство из находившихся в этой комнате мужчин и женщин в своё время побывали на месте Танди, и не могли ей не посочувствовать. Стиль командования Розака был довольно необычным для вооружённых сил Солнечной Лиги, где большинство старших офицеров без всякой благожелательности относились к подчинённым, которые им возражали. К этому требовалось привыкнуть.

Однако колебания Танди были недолгими. Это лейтенант Палэйн успела выучить: что гарантировано навлекало гнев капитана на твою голову, так это подобострастие, или попытка сказать ему то, что он по твоему мнению хочет услышать.

- Это не лучшая идея, сэр. В смысле, по моему мнению, - торопливо добавила она.

Розак наклонил голову, предлагая ей развить мысль.

- Дело в том, что мои… э-э, "Амазонки", как вы их назвали, если разобраться в таких делах ни уха, ни рыла, - она сверкнула улыбкой, которая при всей своей торопливой нервозности была такой ослепительной, что снова заставила Розака пожалеть, что тот решил соблюдать в отношениях с нею дистанцию. - В этом смысле они мне здорово напоминают меня саму.

Снова раздался смех, к которому присоединился Розак. Танди, теперь явно менее зажатая, продолжила.

- Так что проблема в том, что хотя я не сомневаюсь, что если мы покажем их Зилвицкому, то привлечём его внимание - особенно учитывая присутствие одной из его дочерей…

- Уж точно! - воскликнул один из флотских лейтенантов, сидевший развалившись у стены. Звали его Джерри Мэнсон. - Стоит Зилвицкому учуять Кощеев на Эревоне, и у него шерсть на загривке дыбом встанет.

Розак заметил хмурый взгляд Танди и прочистил горло. Мэнсон был проблемой, и Розак решил, что его будет полезно осадить.

- Лейтенант Палэйн уже однажды просила, чтобы мы воздерживались от употребления этого термина в отношении её подразделения. Как вы можете помнить, я с ней согласился. Лидер, который насмехается над собственным войском, - или позволяет делать это кому угодно другому, - попав в трудную ситуацию, остаётся с голым задом.

Краска, залившая лицо Мэнсона, в сочетании с благодарным взглядом Танди, ясно показала, что Розак добился своей цели. Нескольких целей, вообще-то, не последней из которых было напомнить всем, что хотя капитан был мягок и добродушен, он всё-таки являлся капитаном.

Добившись своего, Розак не видел нужды дальше сыпать соль на раны.

- Не собирался спускать на тебя собак, Джерри. Это промах из тех, что легко совершить, но мы всё равно должны следить за собой, - он дружески улыбнулся Палэйн. - Если на то пошло, полагаю, мне следует перестать называть их "Амазонками".

Танди помотала головой.

- Не думаю, чтобы это их хоть сколько-то задевало, сэр. В сущности, если бы они знали, что это значит, это скорее бы им польстило. Просто…

Видя, как девушка борется с собственными мыслями, пытаясь

найти способ выразить их словами, Розак решил сделать это за неё. По правде говоря, он был весьма доволен инстинктивной защитой Палэйн своего отряда, и прекрасно понимал, откуда что берётся. В отличие от многих офицеров ФСЛ - вообще-то, большинства - у Розака был боевой опыт. Также он питал изрядные надежды на лейтенанта-морпеха. Там, куда Розак собирался забраться за предстоящие ему годы, ему будут нужны хорошие боевые офицеры. Штабных офицеров, даже способных, вроде Мэнсона, он мог набрать десятками.

- Это идёт из древности, лейтенант Палэйн. Называется командным духом, esprit de corps, если использовать цветистое древнее выражение. В истории не было армии, которая стоила бы хоть чего-то и при этом стыдилась бы сама себя. Так что, учитывая их происхождение, я прекрасно понимаю, почему твои… э-э, дамы…

Снова раздался смех, на этот раз громкий… и громче всех смеялась сама лейтенант.

- … не хотят, чтобы их называли Кощеями, - он обвёл комнату твёрдокаменным взглядом. - И на этом завершим эту тему. Пожалуйста, продолжайте, лейтенант.

Когда его взгляд вернулся к Танди, он увидел огонёк у неё в глазах. И, в очередной раз, вынужден был решительно подавить предательский порыв. Лейтенант действительно была необычайно привлекательна. Эти сверкающие глаза - и тем более ослепительная улыбка - прекрасно смотрелись бы на фоне подушки.

- Дело в том, сэр, что я не вижу для них шанса вытянуть игру. Прямой штурм - это одно дело. Но подобные хитрые танцы… Если Зилвицкий хоть наполовину так умен, как его изображают, он почует фальшь. А потом начнёт задумываться, от чего его должен был отвлекать этот ложный след.

Розак решил, что она скорее всего права. По сути дела, девушка демонстрировала большую сноровку в использовании того извращённого стиля мышления, который требовался для тайных операций, чем он ожидал.

"Определённо не стоит упускать её из виду. Так что держи штаны застёгнутыми, Луис. Если на то пошло, секс и купить можно".

- Что ж, логично, - согласился он и перевёл взгляд на Мэнсона.

Что бы в Мэнсоне ни вызывало недовольство Розака, как штабной офицер лейтенант был выше всяких похвал. Он ожидал этого взгляда, и отозвался немедленно.

- Да, сэр, возможно удастся добиться этого при помощи

информации о Командорской.

На какое-то мгновение Розак мог видеть у него на лице борьбу взаимно противоречивых импульсов. Желание угодить боссу - бывшее сразу после выговора сильнее обычного - боролось с его собственным мнением.

Борьба, однако, длилась не дольше долей секунды, и разрешилась к удовлетворению Розака. Поэтому, в очередной раз, он решил оставить Мэнсона при себе, а не избавиться от него. Да, лейтенант страдал излишком подобострастия и излишком готовности клюнуть товарища по команде. Но пока он держал это под контролем и ставил амбиции Розака впереди собственных, капитан готов был с этим мириться. Как он и сказал Хабиб, мир несовершенен.

- Однако если честно, мне не хочется так поступать. Да, скорее всего это достаточно надолго отвлечёт Зилвицкого… чёрт подери, на всё время пути на Курящую Лягушку и обратно, даже если не учитывать время, которое ему придётся провести там, разгребая завалы. Но…

Розак хрипло рассмеялся.

- Господи помоги, мы все начинаем думать как шпионы. Но тебе противна мысль о трате так называемого "ресурса", правильно? Хотя ни у тебя, ни у меня, ни у кого бы то ни было ещё в этой комнате нет прямо сейчас никаких идей насчёт того, как бы ещё мы могли его использовать.

Шутливый тон ясно показывал, что его слова не были колкостью. Поэтому Мэнсон просто улыбнулся и кивнул, принимая дружеский выпад.

- Примерно так, сэр. Как вы и сказали, у меня нет идей, что бы нам сделать с этим заманчивым кусочком информации. Просто противно отдавать его только для того, чтобы вывести из игры кого-то, на присутствие кого здесь мы вообще не рассчитывали. Почему-то это кажется расточительностью.

Впервые за эту ночь заговорил второй из находившихся в комнате морпехов.

- Богом клянусь, - прорычал подполковник Хуан, - любым богом, мне всё равно, я предпочёл бы, чтобы все мы снова оказались на Бонифации. Даже тридцать процентов потерь лучше, чем эта…

Его могучие руки сделали разгребающее движение перед лицом.

- Эта вонючая, грязная, беспорядочная мешанина.

Никто не рассмеялся в ответ, хотя немало лиц искривили гримасы. Не улыбки, надо заметить. Слишком многие из этих людей были с Розаком, когда тот возглавил последний штурм

оплота мятежников на Бонифации. Это было хорошо известным эпизодом недавней истории Флота Солнечной Лиги, который ввел Розака в список капитанов на несколько лет раньше ожидаемого. Причиной же известности этого эпизода было то, что мятежники были вооружены куда лучше обычного для мятежников из пограничья, а также более фанатичны. Потери сил Лиги составили тридцать процентов…

И сто процентов невосполнимых потерь были понесены мятежниками. Восстание было спровоцировано грабительским поведением контролировавшего Бонифаций конгломерата - так уж вышло, что это был "Джессик Комбайн" - вышедшим далеко за пределы даже тех широких границ, что устанавливали обычно для себя на контролируемых УПБ планетах подобные конгломераты. Поскольку региональный инспектор УПБ в той кампании был его прямым начальником, а силы Пограничной Безопасности уже были перемолоты мятежниками, у Розака не было другого выбора, кроме как подчиниться его приказу.

"Я хочу, чтобы все они были мертвы, Розак. Вплоть до кошек и собак".

Розак ни на мгновение не думал, что приказ инспектора был отдан в гневе. Жадный свинтус несомненно получил гигантскую взятку от "Джессик", и был полон решимости ликвидировать всех свидетелей их деятельности на Бонифации.

Бонифаций в конечном итоге оказался откровенной бойней. Но Розак был со своими войсками в течение всей кампании, даже после того, как бой переместился на поверхность планеты, и выполнил приказ в точности и даже стильно. Проявляя то милосердие, которое мог себе позволить. По его приказу ему принесли последнее домашнее животное, остававшееся в городе, и Розак лично вышиб коту мозги, после того, как зверька привязали к столбу для казни. И это тоже стало частью легенд о Бонифации, излюбленной морпехами, на долю которых пришлась большая часть боёв и смертей. Он был командиром, не побоявшимся запачкать руки и сумевшим выразить презрение к бюрократам одновременно с тем, как выполнял их распоряжения. "Стоит приглядеться к нему, мальчики и девочки. Этот… другой".

Розак позволил воспоминанию о Бонифации повиснуть в комнате, но ненадолго. Да, его люди имели право гордиться тем, как они сражались. Но в конечном итоге это всё равно было скверной памятью, не тем, вкус чего стоило бы смаковать.

- Не могу сказать, что я действительно согласен с тобой, Као, - и добавил с быстрой улыбкой: - Хотя не могу не симпатизировать твоей позиции. Но давайте на мгновение взглянём на это со светлой стороны.

В любом случае было пора заканчивать совещание, поскольку вопросы касавшиеся информации о Командорской лучше было обсудить с лейтенантом Мэнсоном наедине. Поэтому Розак сел прямо и выдал очередную ободряющую речь, какими обычно завершал эти полуофициальные совещания своей команды.

- Да, мы получили от губернатора плохое задание. От Кассети, следовало бы сказать. Очень сомневаюсь, чтобы губернатор Баррегос о нём даже слышал. Но лучшие команды всегда получают худшие задания. Так было со времён Ашшурбанипала, люди, так что нет смысла на это жаловаться. Единственное, что изменилось, это что мы теперь идём в бой на более быстрых и снабжённых кондиционером колесницах. Так что мы выполним это дело хорошо, как всё и делают лучшие команды. Понятно?

Немедленно последовала волна кивков, но они были свободными и непринуждёнными. Розак считал, что у него лучшая команда - внутренний круг, если называть вещи своими именами - во всём Флоте Солнечной Лиги. И было вполне очевидно, что его команда разделяла это мнение.

- Тем временем, как я и сказал, взглянем на светлую сторону. По крайней мере, на этот раз, если всё пойдёт так, как следует, мы закончим резнёй свиней, а не телят.

В сопровождавшей эти слова улыбке не было заметно веселья.

- Аминь, - пробормотал Хуан. Коренастый подполковник-морпех вовсе не улыбался. Как и непропорциональная доля внутреннего круга Розака - и большинство принимавших участие в реальных боевых действиях частей вооружённых сил Солнечной Лиги - сам Хуан был родом с пограничной планеты. За время службы ему неоднократно случалось слышать презрительное слово "сипаи" из уст старших офицеров с внутренних планет Лиги.

И никогда от Розака, разумеется. Сам капитан не был собственно "сипаем", поскольку был родом с планеты, которая по крайней мере не находилась под контролем УПБ. Но его положение было достаточно близким. Кроме того, что было более важно, Розак изучал историю. Именно капитан, в тот день, когда рекрутировал Хуана в свою команду, рассказал ему о событии в древней истории, которое называлось Восстанием сипаев. "Только на этот раз мы всё сделаем правильно".

- Аминь, - повторил подполковник.

***

Далее последовала серия разговоров наедине, после которых Розак завершил долгий день коротким разговором с Хабиб. Коммандер была с Розаком практически с самого начала его карьеры, и каким бы словом ни называлась впоследствии должность женщины, она всегда была для него старпомом.

- Что ты думаешь, Эди? Есть ли хоть один чёртов шанс, что вся такая умная затея Кассети не сойдёт с рельсов до того, как преодолеет половину пути?

Хабиб пожала плечами.

- В основном это зависит от того, насколько хорошо мы сделаем наше дело. И взглянем на светлую сторону, если позволишь позаимствовать одно из твоих любимых выражений. Мы не хотим, чтобы эта заковыристая конструкция доехала до конца. Только достаточно далеко, чтобы похоронить Кассети под своими обломками, когда всё рухнет. Оставшуюся часть пути мы легко можем преодолеть на своих двоих. После такого крушения губернатор примет нас с распростёртыми объятиями.

Розак холодно улыбнулся.

- Умеешь ты играть словами, старпом. Я тебе это когда-нибудь говорил?

- Нет. Может быть, я смогу сделать карьеру поэта, после вашего красочного падения.

Они дружно усмехнулись. У Розака действительно были неплохие шансы рано или поздно закончить падением. Но в таком случае можно было быть уверенным, что Хабиб рухнет рядом.

- Резня свиней, а не телят, - пробормотала Хабиб. - Ты и сам, Луис, умеешь играть словами. Мне понравилось, как это прозвучало.

- Я так и думал, что тебе понравится, - Розак взглянул на зашторенное окно, за которым находился "Рынок Мыльца". - Если на то пошло, мы попутно перебьём также немало змей и скорпионов.

- Аминь.

Глава 9

Заходя в гостиничный номер, в котором расположилось её специальное подразделение, лейтенант Танди Палэйн тоже думала о змеях и скорпионах. Посещение этого помещения напоминало ей визит в гнездо этих опасных тварей.

Но, закрыв за собой дверь, она усилием воли выкинула эту аналогию из головы. Она знала, что несправедлива, что так скорее проявляется её дурное настроение, чем что-то связанное с её…

Ха, "дамами".

Шутка Розака вызвала у неё лёгкую улыбку и, одновременно, ещё сильнее испортила настроение. Одним из множества вещей, нравившихся ей в капитане, было его чувство юмора.

"Да брось, Танди. Ты можешь целый час провести за перечислением всех положительных качеств Луиса Розака, после чего - опять - прийти к выводу, что он самый сексуальный из окружающих тебя людей, и закончится это тем, что ты окажешься в постели - опять - одна и полная разочарования".

Хуже всего было то, что она знала, что Луис Розак также считает её сексуально привлекательной. Капитан был очень хорош в сокрытии своих чувств, и Танди была практически уверена, что никто, кроме, возможно, старпома, этого не замечал. Но у неё самой не было никаких сомнений, что она возбуждает капитана. Она не была тем, что можно было бы назвать опытной роковой женщиной, но не была и наивной девственницей. Подобные создания на её родной планете Ндебеле не водились.

Закрыв дверь и убедившись, что она заперта, Танди оперлась на неё спиной, скрестила руки на груди, и тяжко вздохнула.

Вообще-то это не было худшим. По-настоящему хуже всего было то, что она понимала - во всяком случае испытывала в этом изрядную уверенность - почему Розак не делает попыток приударить за ней. Что только усиливало её влечение к этому человеку, поскольку, по сути, он поступал так, заботясь о её собственном благе.

О своём тоже, разумеется. Танди прекрасно сознавала, что Розак был чрезвычайно амбициозен и вполне способен быть настолько безжалостным, насколько потребуется для удовлетворения этих амбиций. Кое-кого из девушек - скорее всего большинство девушек - подобное знание могло оттолкнуть. Но эти девицы не родились и не выросли в одном из самых кошмарных гадюшников контролируемого УПБ пространства.

Мужчины на Ндебеле были либо хладнокровно-амбициозны, либо, что было справедливо для девяноста процентов, были забитыми созданиями, принуждёнными вести жизнь фактически крепостных крестьян. С женщинами было также, хотя процентное соотношение было ещё хуже. К шестнадцатому своему дню рождения Танди пришла к выводу, что чтобы ещё с ней ни приключилось, жизнь илота УПБ не для неё.

Поэтому, не видя других путей, она завербовалась в армию. В вооружённые силы Солнечной Лиги, а не в одну из вспомогательных военизированных структур, финансируемых Лигой, вроде Пограничной Стражи. Она не хотела иметь ничего общего с УПБ, несмотря на то, что в таких структурах условия приёма были проще. Кроме того, Танди выделялась умом и занималась в школе, так что рассчитывала на карьеру офицера, а не просто рядового. Регулярные вооруженные силы Солнечной Лиги с достаточной готовностью принимали кадетов с планет-протекторатов, хоть особой карьеры им и не светило. В силах УПБ это было невозможно.

Даже с учётом её ума и оценок провернуть подобное не было лёгким делом для кого-то с её происхождением. Не удивило её то, что пришлось удовольствоваться морской пехотой вместо Флота, что она лично предпочла бы. Не удивило и то, что ей пришлось спать с вербовщиком ФСЛ все те недели, что заняли необходимые процедуры, чтобы тот согласился приложить усилия для успешного завершения процесса.

Нельзя сказать, чтобы она особо возражала. Это был не первый раз, когда ей приходилось расплачиваться подобным образом, поскольку это было широко распространённой практикой во многих находящихся под юрисдикцией УПБ протекторатах. Уж точно на Ндебеле. По крайней мере, вербовщик был довольно приятным человеком, старавшимся вести себя по джентельменски - чем сильно отличался от звероподобного управляющего фабрики, который, ещё когда она была подростком, сделал её своей наложницей в обмен на разрешение ходить по вечерам в школу вместо того, чтобы работать. Он также избил её парня до бессознательного состояния, когда тот попытался возразить.

При воспоминании о бывшем её парне, сложенные на груди руки Танди напряглись. Усилием воли она задвинула это воспоминание подальше. Да, он был милым парнем. И к восемнадцати годам стал должным образом забитым илотом.

Всё это она оставила позади себя. Такого человека, как Луис Розак, никаким образом нельзя было назвать "милым", каковы бы ни были прочие его положительные качества. К тому же, не был

они ни забитым, ни походил хоть сколько-нибудь на илота. Танди достаточно легко принимала его хладнокровную безжалостность потому, что альтернатива была намного хуже.

Проблема была в том, что капитан был не просто безжалостен, но ещё и умён. И умён настолько, насколько - по крайней мере по очевидно ограниченному опыту Танди - мало кто из безжалостных людей бывает. Он мог думать как шахматист, а не просто как акула в человеческом обличье. И при всей его очевидной уверенности в собственных силах, он был даже достаточно умён, чтобы понимать, что сам по себе сможет забраться не так уж высоко. Поэтому он был одним из очень редких людей, кто мог относиться с безжалостностью не только к другим, но и к самому себе, и кто заботился о том, чтобы собрать вокруг себя сильную команду, вместо того, чтобы ослаблять её по мелочам.

И поэтому, вздохнула она, ещё одна ночь пройдёт в одиночестве. Очень жаль, но…

"Повзрослей, девочка. Это просто влюблённость, забудь её. Если так уж невмоготу, нельзя сказать, чтобы ты не могла найти другой выход".

Их было в избытке, если на то пошло. Капитан никоим образом не был единственным мужчиной в округе, кто находил её высокую и атлетичную фигуру весьма соблазнительной. Просто он был единственным, кто не предпринимал никаких шагов к сближению… и, увы, единственным, кто вызывал интерес у неё самой.

- Опять хандрим, да? Должно быть проблемы с мужчинами, подруги.

- Глупости. Если тебе нужен мужчина, кайя, просто возьми его.

- Если нужна помощь, мы его подержим, пока ты не кончишь.

Танди подняла сердитый взгляд. Временами ей нравился грубый юмор её подчинённых. Иногда же - как в данном случае - нет. Нисколько.

Под её обжигающим взглядом женщины, вышедшие в гостиную комнату номера из спален, подались назад на шаг-другой. Стремительность, с которой они сделали это, слегка развеяла дурное настроение лейтенанта Палэйн. Отчасти потому, что грациозность этого движения демонстрировала их собственный атлетизм, что не могло не нравится в своих бойцах любому командиру пехотного подразделения. В основном же, однако, причиной этого было то, что стремительность их реакции была абсолютным доказательством того, что ни у кого из этих женщин давно не было никаких сомнений, что Танди Палэйн,

если захочет, сможет сделать из них отбивную.

Суперлюди они там или нет. Когда она закончит, они будут отбивной котлетой.

- Это просто шутка, кайя, - извинилась одна из них.

Танди расплела руки и отмахнулась от извинений.

- Неважно, Лара. Проблемы с мужчинами, как ты и сказала. Но с каких это пор мужчины стали стоить беспокойства?

Присутствующие разулыбались. Танди ничего не могла с собой поделать, ей всегда нравились их улыбки. По крайней мере после того, как несколько поединков в полный контакт - и несколько сломанных костей - убрали из них все намёки на ухмылку. В конце концов, это было неподходящее выражение лица для змей и скорпионов.

- Моя собственная полуприручённая волчья стая, - пробормотала она про себя. А затем, поражённая внезапной мыслью, спросила вслух: - А есть ли такое выражение "волчичья стая"?

***

Как и предсказывал лейтенант-коммандер Ватанапонгсе, поселившиеся в "Рынке Мыльца" мезанцы обрадовались новости о прибытии Зилвицкого ещё меньше солли.

- Это волчья стая, Унзер, чего вы хотите? - Хайчэн Рингсторфф взмахом руки указал на закрытую дверь, через которую они вышли. - Вот только волки не умеют лгать. Так что…

Помощник Рингсторффа, Георг Литгоу, уже плюхнулся в кресло. Рингсторфф направился к другому и сделал то же самое.

- Говорят ли они правду? Как я могу знать? Всё, что я могу утверждать, это что я уж точно не отдавал приказа пришить Штейна.

Унзер Дим вперил гневный взгляд в своего формального подчинённого.

- Выбирайте выражения, Хайчэн. Какого черта вы вообще думали, когда допустили кощеев до обеспечения безопасности? Мы всегда соблюдали осторожность и держали их на расстоянии.

Рингсторфф воздержался от усмешки, но выражение его лица ясно показало, что он не хуже Дима понимает, что его подчинённый статус был в основном фикцией. Если оставить в стороне бессмысленные формальности, Рингсторфф отвечал по существу за все мезанские операции по обеспечению

безопасности в пространстве Эревона и окрестностях. Он отвечал перед Советом Координаторов Мезы, а не перед какой-то конкретной компанией из представленных в этом совете. И хотя пост Унзера Дима как представителя "Джессик Комбайн" на Эревоне - более точно было бы называть его "бродячим аварийщиком" - означал невозможность отмахнуться от него или в открытую его проигнорировать, реальная его власть над Рингсторффом была фактически нулевой. Тем более что Рингсторффа поддерживала "Рабсила", а "Джессик" фактически, хоть и неявно, являлся дочерним предприятием "Рабсилы". Сведения о владельцах, разумеется, держались в строгой тайне, и формально две корпорации ничего не связывало. На практике же "Джессик" служил "Рабсиле" удобным способом прятать существенную часть своих доходов от внимания публики.

- Мне это тоже не нравится, Унзер. Но, если вы не заметили, - в этом месте он слегка скривил губы, - я действую вне пределов Солнечной Лиги. Хорошо это тем, что мне нет нужды так уж заботиться о внешних проявлениях своей деятельности, а плохо тем, что мне приходится обходиться тем, что я могу получить. Вы не хуже меня знаете, что большинство мезанских подрядчиков не подпишутся на длительную работу за пределами территории Лиги или Силезской Конфедерации. И чертовски точно не станут это делать после того фиаско, что было у нас со "Стальным кулаком".

Дим скривился и опустился в кресло напротив Рингсторффа.

- Да, знаю. И всё-таки… Кощеи, ради всего святого! Просочится слух…

- К кому просочится? - вопросил Рингсторфф. - Мы достаточно далеко от Лиги, чтобы здесь было чертовски мало людей, хоть что-то помнящих из древней истории Земли. "Последняя Война" для них просто выражение из школьного учебника. В действительности оно для них ничего не значит, тем более не вызывает в памяти детали. Тех, кто хотя бы вспомнит термин "Кощеи" вообще можно по пальцам пересчитать.

Он саркастически фыркнул.

- Правда в том, что гораздо рискованнее держать на жаловании масадцев. Эти фанатики действительно разозлили немало людей в этой части галактики - и сделали это не далее нескольких лет тому назад. Поскольку именно масадцы привели кощеев, то избавиться о них можно только избавившись от масадцев. Что - поверьте! - я с радостью сделаю в мгновение ока, если так скажет Совет. Вообще-то нанять масадцев было их идеей, не моей.

Дим нахмурился. Он, как и Совет, считал, что услуги

масадцев были слишком ценны, чтобы от них отказаться. Религиозные фанатики брались за такие дела, на которые обычные подрядчики даже бы не взглянули. В конце концов, масадцы не были наёмниками. Во всяком случае, в полном смысле этого слова.

Именно поэтому, разумеется, Рингсторфф и возражал против их найма. Масадцы были обоюдоострым клинком, поскольку их наниматель не мог быть до конца уверен, не выйдут ли фанатики за пределы, официально устанавливаемые для любой операции. А с такой проблемой, в другом обличье, Рингсторфф недавно свёл близкое и болезненное знакомство в этом самом углу галактики.

Всё это было полной неразберихой. Дим потёр лицо и вздохнул.

- Ладно, замечательно. Так скажите, что вы по этому поводу думаете. Кто убил Штейна? Точнее, кому это понадобилось.

Рингсторфф пожал плечами.

- Не имею представления. Я уж точно не отдавал такого распоряжения. Зачем бы? Штейн вопил уже десятилетиями, эка невидаль. Если это хоть сколько-то вредило бизнесу, никто этого не замечал.

- Кто тогда ещё?

- Откуда мне знать? Галактика велика! Лицемерные крикуны типа Штейна заводят врагов направо и налево - а у него на это было полвека. Это может быть практически кто угодно.

- Но обвиняют-то нас!

Рингсторфф выпрямился в кресле.

- Вы что, вчера родились? Унзер, Мезу обвиняют во всём подряд. И что с того? Если хотите знать моё мнение, это только добавляет романтической ауры планете. Мы слишком полезны для слишком многих людей с реальными властью и влиянием, чтобы хоть кто-нибудь хоть когда-нибудь хоть что-нибудь сделал. Тем временем наша репутация только привлекает бизнес к нам.

Дим гневно уставился на него и процедил сквозь зубы:

- Для того, кто должен быть "специалистом по безопасности", у вас тараканьи мозги. Кто-то убил Штейна, Рингсторфф, и в этом обвиняют нас. Вам не приходило в голову - хоть раз! - что быть может это и было их целью?

Рингсторфф ухмылялся уже в открытую.

- Не увлекайтесь, Дим. Подобных причудливых маневров не бывает за пределами голодрам. Правило Безопасников Номер Один: не приписывай хитрому заговору то, что может быть объяснено глупостью. Штейн был убит потому, что кто-то наконец-то спустил собак на это ничтожество. Туда и дорога. Ему поставят часовню, и через десять лет о нём никто и не вспомнит,

а мы по-прежнему будем грести деньги лопатой.

Дим поднялся.

- Продолжать это бессмысленно. По возвращении я представлю Совету письменный протест.

Рингсторфф пожал плечами.

- Как пожелаете.

- Именно. Тем временем, могу я надеяться, что вы по крайней мере удержите этих своих волков на сворке?

- Ради всего святого, Дим, вы же стояли рядом со мной, когда я отдавал им приказ! "Даже не смотреть в сторону Антона Зилвицкого. Он под запретом". Вы же слышали, что они поклялись не делать этого. Поклялись именем их собственного Бога, когда я потребовал. Одно хорошо в этих маньяках. Они не нарушат такой клятвы.

***

В гостиной соседнего номера "Рынка Мыльца", куда специальное подразделение Рингсторффа удалилось после разговора с ним и Димом, их лидер приостановил воспроизведение.

- Все её запомнили? - вопросил он.

По комнате пробежала волна кивков. Один из присоединившихся к масадцам кощеев кивнул в сторону двери.

- Мы им подчинимся?

Гидеон Темплтон собирался было продолжить воспроизведение, но вопрос заставил его погодить. С некоторым усилием он сумел не нахмурится. Большинство неофитов Церкви Освобождённого Человечества (в изгнании) до сих пор страдало пробелами в понимании теологии. Гидеон был достаточно честен, чтобы признавать - наедине с самим собой, если не перед кем-то ещё - что часть проблемы заключалось в том факте, что его секта была новой, основанной его отцом Эфраимом не так много лет назад, когда тот был вынужден бежать от преследования на самой Масаде. В результате доктрина новой церкви не во всём была ясной, поскольку Эфраим не успел оговорить все моменты до своей смерти.

И всё-таки… удержаться от сердитого взгляда было непросто. Ответ на этот вопрос, в конце концов, должен был быть очевидным. Не в первый уже раз Гидеон столкнулся с той проблемой, что некоторые укоренившиеся привычки неофитов

ставили под сомнение успешность их приобщения к церкви. Даже Гидеон, временами, находил проблематичным не думать о них как о "кощеях", хотя именно он запретил использование этого термина среди Избранных.

- Мы поклялись именем нашего Бога, - отрывисто произнёс он, практически выплёвывая слова. - Подобная клятва не может быть нарушена.

Если Кощей - Гидеон заставил себя поправиться; "Избранный в Войне Против Нечестивых" - и был хоть в малейшей степени смущён выговором, по нему этого было не сказать. Со всем непроизвольным высокомерием генетически сконструированной породы он просто улыбнулся Гидеону и слегка пожал плечами. Было достаточно очевидно, что жест обращён к его товарищам-неофитам. Словно говоря им: "это вроде как глупо, на мой взгляд, но мы не будем возражать".

Гидеон решил оставить это без последствий. Как бы часто они не раздражали его небрежным отношением к доктрине, неофиты были слишком ценны, чтобы рисковать вызвать их отчуждение чрезмерно жёсткими и частыми поучениями. В очередной раз он заставил себя успокоиться.

- Мы подчинимся приказу держаться подальше от Зилвицкого, - повторил он. - Мы связаны клятвой. Но - но! - как и все подобные клятвы, она конкретна. Поскольку мы не язычники, мы будем считать, что ограничение распространятся на всех Зилвицких. Даже на его ублюдочную дочь, - он обвёл всех присутствующих в переполненной комнате пристальным взглядом, тщательно ничем не выделяя неофитов. - Это понятно?

У одного из его людей - на это раз у давнего Истинного, а не у неофита - на лице появилось болезненное выражение. Понимая причину этого, Гидеон холодно улыбнулся.

- Учитывая то, что конкретно её имя не упоминалось, я полагаю, что мы можем позволить себе в отношении неё некоторую свободу, если того потребуют тактические соображения. Она не должна пострадать, во всяком случае, серьёзно…

У одного из неофитов на лице появилась лукавая улыбка. Понимая и причину её появления, Гидеон вперил в него гневный взгляд.

- Это относится и к овладению, Зинграм!

Кощей - избегать этого термина было весьма сложно, особенно в мыслях - отреагировал тем же небрежным пожатием плеч. На этот раз Гидеон решил не спускать вопрос на тормозах. Он был готов терпеливо относится к проблемам с доктриной, но не с дисциплиной.

- Не играй со мной, - прорычал он. - Мы не признаём языческую концепцию "изнасилования", это верно. Но поскольку язычники признают, а клятву мы дали язычникам, мы не будем заступать за эту границу. Не из уважения к язычникам, но потому, что не занимаемся крючкотворством перед лицом Бога. Ты понял?

Он дождался кивка неофита.

- Замечательно. Итак, девчонка не должна серьёзно пострадать, и ею нельзя овладеть. За исключением этого, однако, я не вижу причин, по которым мы были бы обязаны держаться в стороне от неё с тем же тщанием, как должны делать в случае Антона Зилвицкого. Если случится так, что она будет там, когда настанет момент, уверен, несложно будет просто оттолкнуть её в сторону. Если в результате этого она заполучит несколько синяков, быть по сему.

Он подобрал пульт дистанционного управления головизором.

- В настоящий же момент сосредоточимся на том, что важно.

Фигурки голозаписи снова ожили. Горящий взгляд Гидеона впился в одну из них.

- На моей сестре, - прошипел он, - зачатой обманом, рождённой и выросшей среди почитающих шлюх безбожников. Как только Зилвицкого не будет поблизости…

Глава 10

- "Галактический караван", мы предупреждаем последний раз, - заявил грубый голос в коммуникаторе. - Остановите двигатели и подготовьте шлюзовые камеры, или мы разнесём вас на кусочки.

- Неужели во вселенной действительно встречаются такие тупицы? - пробормотала про себя лейтенант Бетти Гёр, наблюдая за своим дисплеем.

- Похоже на то, - ответил кто-то, и она резко оглянулась. Очевидно, она говорила не настолько тихо, как ей казалось. Коммандер Джоэль Блюменталь, тактик "Стального кулака" криво усмехнулся.

- Простите сэр, - извинилась она. - Просто… это, наверное, ущемляет моё чувство профессионализма, видеть кого-то, пускай даже пирата, поступающим настолько глупо. Я привыкла считать, что для того чтобы понимать, какие кнопки нажимать на мостике, требуется хотя бы малость интеллекта.

- Он действительно выглядит самую малость не блестяще, - признал Блюменталь. - С другой стороны, мы всё-таки делаем всё возможное, чтобы заставить его ошибаться.

- Я понимаю, - ответила Гёр. - Но всё равно, сэр…

Её голос затих, но Блюменталь понял, что именно она имела в виду.

КЕВ "Стальной кулак" даже близко не претендовал на установление рекорда скорости путешествия от Мантикоры до Эревона. Чьей именно идеей было озадачить крейсер охраной неофициального конвоя, капитан не обсуждал ни с кем из офицеров. Насколько знал Блюменталь, Оверстейген мог сделать это сам. После всех потерь, которые они понесли на Тиберии, не говоря уже об обычных перемещениях, которые всегда негативно сказывались на команде корабля, когда он попадал на верфь для капитального ремонта или переоборудования, им было необходимо всё возможное время для тренировок и притирки. Так что для капитана было вполне разумно организовать - или по крайней мере с радостью принять - приказ осуществить такой длинный, медленный, и окольный путь вместе с полудюжиной медлительных грузовиков. Несомненно, это дало им уйму времени для тренировок!

"А возможно он счёл торговцев сыром для мышеловки, - подумал про себя Блюменталь. - Особенно, если у него до сих пор столько же вопросов, сколько и у меня, о том, что произошло во время последнего нашего визита в этот регион".

Если именно это и задумал капитан, то, пожалуй, оно сработало… в каком-то смысле. По крайней мере, они похоже поймали пирата, хотя судя по излучению, которое отслеживала секция Блюменталя, кто бы это ни был, он не был тем, кто посылает тяжелые крейсера выполнять грязную работу.

- Мы получаем более четкие данные, сэр, - доложил он, разворачивая своё кресло к командирскому месту в центре мостика "Стального кулака". - Судя по сигнатуре импеллера, БИЦ оценивает его тоннаж в диапазоне от восьмидесяти до девяноста пяти тысяч тонн. Излучение его радаров кажется также вполне соответствующим кораблю такого размера. Впрочем, судя по получаемым нами данным, его сенсорное оборудование достаточно близко к совершенно устаревшему.

- Насколько близко? - переспросил капитан Оверстейген.

- Практически наверняка уступает довоенному оборудованию хевов, - ответил Блюменталь.

- В таком случае, сэр, - вставила коммандер Уотсон, - назвать его "устаревшим" слишком слабо.

- Склонен согласиться, - пожал плечами Оверстейген, после нескольких секунд изучения своего экрана. - Если его сенсоры настолько плохи, полагаю не стоит винить его в том, что он так легко поддался на нашу уловку. С другой стороны, даже самые плохие сенсоры во Вселенной смогут пробиться через наши системы РЭБ, если он подберется намного ближе.

- Сэр, - доложил связист, - кто бы это ни был, он вызывает нас снова. Практически тоже самое требование, что и раньше. Мне продолжать водить его за нос?

- Он до сих пор себя не идентифицировал? - голос Оверстейгена казался практически безразличным, но его взгляд не отрывался от красной иконки на его экране.

- Нет, сэр.

- Что ж, это несомненно доказывает, что он не является чьим-либо официальным представителем, не так ли? - протянул капитан.

Так и есть, подумала лейтенант Гёр. Конечно тот факт, что "Кулак" - "Галактический караван", как считал другой корабль - до сих пор отказывался подчиняться его приказам, должен был бы любого с мозгами больше чем у курицы навести на мысль, что он был не тем, за кого себя выдавал. Пиратский корабль находился внутри зоны досягаемости ракет "Кулака" уже больше двадцати минут, и всё это время Оверстейген упрямо отказывался подчиниться. Вместо этого он продолжал "убегать" всё глубже внутрь гравитационного колодца системы Шадвелл, оттягивая другой корабль всё дальше и дальше от составлявшего двадцать

световых минут гиперпредела системы класса G5. Любой подлинный торговый шкипер старался бы наоборот вырваться за гиперпредел, поскольку его единственной надеждой обогнать меньший и более проворный корабль было сбежать обратно в гипер. Но настоящие торговцы в из конвоя Оверстейгена пересекли гиперпредел через полчаса после "Кулака", и явно самоубийственный курс корабля должен был отвлечь пирата от них, в то время как лейтенант Чени, офицер связи, прекрасно имитировала попытку перепуганного шкипера торговца заговорить зубы пиратам.

Если бы этим пиратом командовала Гёр, она либо давно уже открыла бы огонь по "Кулаку", чтобы показать серьёзность намерений, либо отказалась бы от преследования вообще, полагая, что только военный корабль, преследующий пиратов, стал бы намеренно напрашиваться на ракетную атаку, отказываясь выполнять приказы. Конечно, системы РЭБ "Кулака" были без сомнения лучше чего угодно, что мог представить себе пират, что помогало объяснить, как он может быть таким неосторожным, но даже так…

- Ну что ж, канонир, - наконец сказал Оверстейген. - Полагаю, пришло время убедить этого джентльмена в ошибочности избранного им пути.

- Так точно, сэр! - с намного большим энтузиазмом ответил Блюменталь. Оверстейген тонко улыбнулся, но потом покачал головой.

- С учётом обстоятельств, - сказал он, - я думаю, что это подходящий случай для нашего помощника тактика опробовать её силы в охоте на пиратов. Ваши возможности мы, полагаю, уже полностью оценили.

- Как скажете, сэр, - Блюменталь допустил в голос лишь слабую нотку разочарования, а лейтенант Гёр внезапно напряглась в кресле, почувствовав, как взгляд капитана остановился на ней.

- Итак, лейтенант, - спокойно сказал он, - я хочу отучить этого приятеля от нападений на торговцев. Я намерен дать ему возможность сдаться. Если, однако, он откажется, я хочу решить вопрос окончательным образом. Как вы посоветуете нам действовать?

- Заинтересованы ли мы в захвате или изучении этого корабля, если он откажется, сэр? - услышала она собственный голос, отвечающий ему в таком же спокойном тоне.

- Пожалуй нет, - ответил капитан. - Вряд ли адмиралтейство будет заинтересовано в его покупке, и ещё менее вероятно, что мы узнаем что-нибудь полезное из его записей.

- В таком случае сэр, я рекомендую сделать всё быстро. С вашего позволения, я подготовлю сдвоенный бортовой залп. На такой дистанции, учитывая паршивое оборудование, которое очевидно на нём стоит, этого должно быть достаточно. Пара птичек может даже оказаться лишними, но это несомненно должно оказаться настолько окончательным решением, насколько можно желать.

- Очень хорошо, лейтенант, - сказал Оверстейген. - Готовьте залп и будьте готовы к запуску по моей команде.

- Есть, сэр, - пальцы Гёр запорхали над клавиатурой, пока она вводила команды на своём пульте. Тяжесть капитанского взгляда подталкивала её поторопиться, но она потратила время на перепроверку. Введя последнюю команду, она быстро пробежалась взглядом по всей последовательности. Выглядит нормально, решила она, и нажала клавишу "подтвердить".

- План ведения огня введен и зафиксирован, сэр, - отрапортовала она.

Оверстейген где-то секунду ничего не говорил, и Гёр осознала, что он просматривает введённые ею команды. После краткой паузы, когда он дошёл до конца, она услышала одобрительный звук с капитанского мостика. Хорошо, что она предусмотрела не только активацию противоракетной обороны, на случай если пират успеет выпустить парочку своих ракет, но и запрограммировала десяток последующих залпов, на тот весьма маловероятный случай, если вражеский корабль переживёт первоначальные бортовые залпы "Кулака".

- Очень хорошо, лейтенант, - одобрил Оверстейген. - Готовность открыть огонь по моей команде.

- Есть готовность, сэр, - подтвердила она, и капитан обернулся к лейтенанту Чени.

- Прямой канал, связь, - приказал он.

- Вы… в эфире, сэр, - доложила Чени, и Оверстейген неприятно улыбнулся.

- Пиратский корабль, - ровно произнёс он, - это капитан тяжелого крейсера Её Величества "Стальной кулак" Майкл Оверстейген. Немедленно опустите клин и сдавайтесь, или будете уничтожены!

На такой короткой дистанции задержка передачи была ничтожной, и все на мостике "Кулака" смотрели на тактический дисплей, ожидая реакции пирата. Затем, внезапно, красная иконка поменяла свой курс, бросившись в паническое бегство от "Стального кулака" и вращаясь при этом в жалкой попытке поставить клин между собой и крейсером.

- Пиратский корабль, - резкий голос Оверстейгена был

жестким словно броня, - немедленно опустить клин. Это последнее предупреждение, которое вы получите.

Единственным ответом пирата стало ещё более увеличившееся ускорение. Должно быть, он ускорялся на самой грани отказа компенсатора, подумала Гёр, смотря на экран дисплея в каком-то ледяном бесстрастии. Прошло ещё двадцать бесконечных секунд.

- Лейтенант Гёр, - прозвучал официальный приказ капитана Оверстейгена, - открыть огонь.

***

- На самом деле, полагаю, она справляется достаточно хорошо, сэр, - заявила коммандер Уотсон. Майкл Оверстейген откинулся в кресле своего рабочего кабинета на борту "Стального кулака" с выражением, приглашающим старпома продолжить, и Уотсон улыбнулась.

- Ладно, признаю, - продолжила старпом со смешком, который мало кто из офицеров Оверстейгена мог бы себе позволить в его присутствии. - Когда вы впервые высказали идею запросить "шпика" на должность помощника тактика, я решила… что это не лучшая из ваших идей. Но лейтенант Гёр похоже не забыла, с какого конца пусковой вылетает ракета.

"Некоторое преуменьшение, - подумала она. - Конечно, для начала, тот бедный хрен едва ли соответствовал нашему уровню, но Гёр была несомненна права насчёт количества залпов, необходимых для того, чтобы уничтожить его".

- Я рад вашему одобрению, - пробормотал Оверстейген, и потрясающие светло-голубые глаза Уотсон весело заблестели. Капитан рад был это видеть. Старпом получила критическую рану в Тиберии, и по началу, честно говоря, он сомневался, что лейтенант-коммандер Вестман, корабельный врач, сможет спасти её. И даже хотя Вестману это удалось, Мантикорской медицине потребовалось даже больше времени, чтобы восстановить Уотсон, чем верфям - восстановить "Стальной кулак". В конце концов им это удалось, и они даже смогли спасти левую ногу старпома, но у Оверстейгена имелись тщательно подавляемые опасения насчёт того, в какой форме она вернётся. Уотсон была погребена под обломками резервного командного поста почти сорок пять минут, прежде чем команды медиков и спасателей смогли вытащить её. Сорок пять минут без анестезии, пока она медленно истекала

кровью.

Когда она вернулась на службу Оверстейген ожидал увидеть в её глазах хоть какие-то призраки случившегося. Видит Бог, пережить то, что пережила она, было более чем достаточно, чтобы закончить боевую карьеру многих офицеров. Но если Линду Уотсон и преследовали какие-то кошмары или внутренние переживания, она скрывала их достаточно хорошо. Настолько хорошо, что даже Оверстейген, знавший её буквально с самой Академии, не смог их заметить.

- Разумеется… довольны, я имею в виду, - ответила она на это. - Не то, чтобы вас взволновало, даже будь это не так.

- Ну разумеется не взволновало бы, - согласился он. - С другой стороны, сохранять хорошее настроение старпома всегда высоко стоит в списке приоритетов любого капитана, у которого всё в порядке с головой. Есть так много мелких способов, которыми тот может выразить своё неудовольствие, не правда ли?

- Уверена, что мне ничего подобного не известно, - заверила его Уотсон.

- По моим наблюдениям, сфинкцианцы по какой-то причине не очень хорошие лжецы, - заявил ей Оверстейген. - По крайней мере, не такие искусные, как мы - урожденные мантикорцы. Тем не менее, возможно ты захочешь поработать над этим.

- Буду иметь это в виду, - пообещала она.

- Хорошо, - он подарил ей улыбку, при виде которой она всегда жалела, что он готов её показать только очень немногим людям, затем по привычке мотнул головой, что означало мысленное переключение на другой вопрос.

- Теперь, когда мы закончили с лейтенантом, - произнёс он, - и раз уж у вас было время разобраться с выданными нам инструкциями, что вы об этом думаете?

- При всем возможном уважении, я думаю, что правительство вашего почтенного родственника должно было действительно долго и усердно поработать, чтобы собрать такую кучу идиотов в одном месте, - ответила она, и Оверстейген едва удержался от смеха. Никто из остальных его офицеров не посмел бы так прямо выразить своё мнение об изъянах правительства Высокого Хребта, с приязнью подумал он. Даже Блюменталь.

- Должен ли я предположить, что вы имеете в виду состав министров текущего правительства, нежели качество персонала назначенного на "Стальной кулак"? - переспросил он после короткой паузы, убедившись, что сможет удержаться от смеха.

- О, разумеется! В конце концов, бесподобный список нашей команды является работой Адмиралтейства. У правительства даже не было реального шанса испортить её.

- Понимаю, - он окинул её внимательным взглядом. - И кто именно из министров моего почтенного кузена вызвал такой комментарий?

- Все они, - прямо ответила она. - В данном случае, однако, признаюсь, что в первую очередь имела в виду Декруа и Яначека. Она очевидно и малейшего понятия не имеет, в каком чертовски шатком положении уже находятся наши отношения с Эревоном. А Яначек с радостью помогает ей порвать к чертям всё, что ещё осталось, - она покачала головой. - Говоря начистоту, ваш кузен в вопросах дипломатии глух на оба уха, а назначение человека вроде Декруа на пост министра иностранных дел только всё ухудшило.

- Вряд ли это подобающий офицеру на активной службе способ описания своих политических начальников, - сухо заметил Оверстейген, и она усмехнулась.

- Ещё скажите, что одобряете текущую политику - флотскую или дипломатическую, - фыркнула она, и он пожал плечами.

- Конечно же одобряю. С другой стороны, я ведь, кажется, только что упоминал, насколько хороши урождённые мантикорцы во лжи, так ведь?

- Да, кажется упоминал, - согласилась она, но затем собралась, и лицо её посерьёзнело.

- Оставим шутки, Майкл, - она позволила себе назвать его по имени, поскольку посторонних не было. - Нам следовало бы лезть из кожи вон, чтобы вернуть расположение эревонцев, и ты это знаешь. За последние пару лет мы ухитрились настроить против себя практически каждого члена Мантикорского Альянса, и Эревон пожалуй единственный из них, кто разгневан на нас сильнее, чем Грейсон! Но разве похоже, что хоть кого-нибудь из правительства это хоть сколько-то волнует? Если бы волновало, они послали бы демонстрировать флаг - и минимальное уважение - по крайней мере дивизион СД(п) вместо одного-единственного крейсера. И задолго до этого заменили бы Фрейзер!

- Хотел бы указать, что графиня Фрейзер является ещё одной из очевидно бесконечного числа моих родственников, - вставил Оверстейген.

- Вот как? - нахмурилась Уотсон. - Всё равно, я остаюсь при своём мнении. Полагаю, в каждой семье есть своя доля идиотов.

- Верно. Таково уж моё везение, что в данный момент большинство идиотов из моей семьи похоже очутились у руля власти.

- Может быть. Но если быть честной по отношению к Декруа, я полагаю, что она вообще-то довольно правильно оценивает способности Фрейзер. Что делает факт её назначения на Эревон

только подчеркивающим то, как фатально провалилось правительство в оценке того, насколько же плоха здесь обстановка. Очевидно, Декруа считает, что это достаточно малозначимый пост, куда можно пристроить полностью некомпетентного человека с важными связями.

- А кузен Высокий Хребет с ней согласен, - признал Оверстейген.

- Что во всей этой ситуации беспокоит меня больше всего, с нашей собственной эгоистичной перспективы, - заявила Уотсон, - так это то, что мы должны поддерживать Фрейзер как официального представителя Звёздного Королевства. И, честно говоря, тебе будет не хватать влиятельности, чтобы… помочь сформировать курс её действий, в отличие от кого-то с адмиральским рангом. В результате у нас вероятно не останется другого выбора, кроме как помогать ей ухудшать положение если - или когда - что-то пойдёт не так. А ты не хуже меня знаешь, что что-нибудь обязательно идет не так как надо. И что министерство иностранных дел всегда в таких случаях возлагает вину на Флот.

- Как указала адмирал Драшкович, я являюсь старшим офицером в Эревоне, - подчеркнул Оверстейген. - И, согласно инструкциям, старший офицер должен координировать свои действия с послом Её Величества. При этом в инструкциях никак не оговаривается, является ли вышеупомянутый старший офицер зелёным адмиралом или энсином.

- О, это же совершенно меняет дело! - снова фыркнула Уотсон, на этот раз резче. - Я знаю тебя, Майкл Оверстейген. Единственная вещь, которую я не смогла понять - это почему же Яначек и премьер министр не сознают, насколько тупой ты считаешь их политику.

- Должно быть я по какой-то причине забыл послать им уведомление, - ответил Оверстейген. - Хотя, если говорить совершенно начистоту, Линда, у меня нет принципиальных возражений против их основной внутриполитической цели.

Она посмотрела на него с очевидным недоверием, и он покачал головой.

- Я сказал их основной внутриполитической цели. Которой, если докопаться до сути, является сохранение Палатой Лордов текущей конституционной позиции. В этом смысле я всё-таки консерватор, - он усмехнулся при виде выражения её лица, затем посерьёзнел. - Я не согласен с теми методами, какими они пробуют достичь этой цели. Ну, и ещё неприкрытыми взяточничеством и коррупцией, с которыми по ходу дела они готовы мириться и даже поощрять. Как бы важно ни было сохранить текущий конституционный баланс сил, важнейшей

заботой правительства - и с моральной, и с прагматической точки зрения - должна быть защита в первую очередь Звездного Королевства в целом и его граждан. И мне хотелось бы думать, что мы могли бы сделать это, сохраняя хотя бы чуточку порядочности.

Уотсон разглядывала его в течение нескольких секунд. Она всегда знала, что несмотря на его изысканность и сознательно надеваемую маску пресыщенного миром цинизма, в Майкле Оверстейгене продолжал жить романтический идеалист. Старпом знала насколько сильно раздражающей может быть его манерность, - та достаточно часто злила её, а Уотсон знала его намного лучше, чем кто-либо ещё - и, несмотря на это, за ней скрывался человек, который искренно верил в то, что привилегии аристократии несут за собой и ответственность. Именно эта вера заставила его много лет назад надеть мундир, и каким-то образом она сохранилась до сих пор, несмотря на близость по рождению и крови к паразитам власти вроде Высокого Хребта. И она боялась, что однажды, несмотря на такую близость, его вера в то, что долг превыше самосохранения и ответственность важнее прагматизма разрушит его карьеру. Последующая шумиха также вероятно затронет и его старших офицеров, но…

"Что ж, даже если и так, то я буду в хорошей компании", - подумала она.

- Не уверена, что понятие "порядочность" можно отнести к графине Фрейзер, - сказала она вслух. - Что возвращает нас к вопросу о цели нашей миссии. Полагаю, у нас будет весьма неустойчивая позиция - со множества точек зрения. Если честно, то я просто не представляю, как мы можем приготовиться к любому возможному дипломатическому скандалу. Так что предлагаю сконцентрироваться на более прагматических проблемах.

- Согласен. Очевидно нашей главной задачей будет демонстрация флага, но в рамках этого я хочу сделать всё возможное для восстановления наших отношений с эревонским флотом. Или, по крайней мере, для минимизации дополнительного ущерба. А так как "Стальной кулак" похоже пользуется определенной репутацией после произошедшего в Тиберии, давайте планировать использовать это. Я хочу провести полный набор портовых визитов и разных общественных мероприятий. И хочу чтобы все наши люди - от рядовых до офицеров - были осведомлены о том, что я буду весьма… разочарован, если они сделают хоть что-то усугубляющее положение.

- О, думаю, я смогу об этом позаботиться, сэр, - заверила его

Уотсон.

- Моя уверенность в вас безгранична. В дополнение, однако, не будем забывать, что "Стальной кулак" - корабль королевы. Мы можем быть единственным мантикорским кораблём в эревонском пространстве, но это делает только более вероятным, что когда произойдет что-то плохое мы обнаружим себя замешанными в это по самые уши. Так что я хочу продолжить наши учения по графику, который мы обсуждали. Но также хотелось бы сделать упор на менее стандартных операциях. В частности, думаю, нам надо подготовиться к исполнению полицейских функций.

- Конечно, сэр, - воспользовавшись сделанной им паузой согласилась Уотсон, испытывая некоторое удивление. Разумеется им нужно было готовиться к полицейским задачам - это и было причиной того, что они находились здесь в кажущееся, по крайней мере, мирным время.

- Я имею в виду, - пояснил он, - что хочу, чтобы майор Хилл думал не только об обычных операциях таможенной проверки. И, - его глаза сузились, - в особенности я хочу, чтобы мы завели свои собственные контакты - на всех возможных уровнях - вместо того, чтобы полагаться исключительно на разведданные посольства. Линда, что бы там ни думало о происходящем РУФ, здесь происходит нечто весьма необычное. Может быть уничтожение тех "пиратских крейсеров" положило этому конец, но мне почему-то так не кажется. И, как и вы, я не питаю горячего уважения ни к графине Фрейзер, ни к оценкам разведывательных данных, которые человек вроде неё может побудить делать своих подчиненных.

- Понимаю, - сказала она и кивнула. - Я как можно скорее обсужу это с Хиллом. И посмотрю, не удастся ли мне подключить к разговору также и лейтенанта Гёр.

- Замечательно, Линда. Я знал, что могу положиться на вас, - одобрил Оверстейген.

Глава 11

- Это называется похороны? - с сомнением переспросила Берри. - Если бы не знала, решила бы, что это карнавал.

- Так и есть, в каком-то смысле, - отозвался Антон, медленно сканируя взглядом чудовищную толпу. - С момента смерти Штейна прошли месяцы, так что даже у его семьи было время на то, чтобы по большей части отгоревать своё. Теперь же…

- Время делать бизнес, - закончила фразу Руфь. - Мне представляется, что, если вдуматься, этого бы желал и сам Штейн.

Антон кивнул.

- Выдоить из события всё, что получится. Был Штейн святым или нет, я оставляю судить другим. Что я точно знаю, так это что он был ловким политиком и превосходным шоуменом, - он взглянул вверх, на накрывавший их полог и улыбнулся. - Ему бы это понравилось. Цирковой купол и всё такое.

Берри и сама изучала полог.

- Неужели эти штуки действительно когда-то делали из ткани?

- Именно так, если вернуться в достаточно давнее прошлое. Цирк, знаешь ли, является древний видом развлечений. Нынче мы возводим подобные временные сооружения используя антигравы вместо палаточных шестов, но оригинальные "купола" по сути являлись гигантскими палатками.

Берри всё ещё сомневалась.

- А как они крепили трапеции, канаты и прочую всячину? - она сделала короткую паузу, наблюдая за акробатом, осторожно идущим по подвешенному в выси канату. - И как они вообще работали под куполом до изобретения антигравитации?

Антон объяснил. Её глаза распахнулись во всю ширь.

- Жуть.

Он пожал плечами.

- Люди, знаешь ли, до сих пор собираются поглазеть на аварии. Кстати, о глазении. Думаю с нас достаточно, - он кивнул в сторону кучки людей, собравшихся на большом помосте по другую сторону толпы. - Пришла пора для выражения соболезнований.

Берри и Руфь немедленно сместились ему за спину. Мгновение спустя то же сделал Веб Дю Гавел.

- Веди, - скомандовал его дочь. - Ты шире всех. Кроме того, твой фирменный сердитый взгляд скорее всего раздвинет толпу

сам по себе.

Зилвицкий бросил взгляд на солдат из Королевской Гвардии, на мгновение испытав искушение приказать им расчистить дорогу. Но эту идею он тут же отбросил. Отделение лейтенанта Григгса даже не обращал на него внимания, постоянно сканируя окрестности в поисках угроз. Их задачей было охранять принцессу - что они не могли делать шагая впереди неё.

Что ж, значит помощи не будет. Антон нахмурился. Стоявшая рядом с ним троица незаметно отодвинулась подальше.

- И почему мне вечно достаётся роль Моисея?

***

По другую сторону толпы, Виктор и Джинни решали ту же проблему.

Точнее говоря, Виктор решал.

- Я всё-таки думаю, что у тебя это получалось бы лучше, - проворчал он, пытаясь подвинуть кого-то не вызвав скандала.

- Не глупи, - возразила Джинни, теснее прижимаясь к его спине. - Я слишком мала и - что важнее - слишком скромно одета. Если бы ты позволил мне надеть то сари, которое я хотела…

- То нас бы обоих арестовали - тебя за домогательства, а меня за сутенёрство, - его хмурый взгляд мог бы на равных потягаться со взглядом Антона. - В том наряде тебе даже говорить ничего не надо было бы, чтобы это выглядело непристойностью.

- Фью, - Виктор слегка подскочил, когда Джинни его пощекотала. - Ты просто безнадёжный ханжа. В Солнечной Лиге тот наряд едва заслуживал бы лишнего взгляда. Ну, может быть двух.

Ловким финтом Виктор ухитрился обогнуть кучку людей, пробивавшихся наружу. Ещё несколько метров позади.

- И, в любом случае, ты так хорошо справляешься. Я обязательно расскажу об этом Кевину, чтобы он мог добавить это в твоё досье.

- Большое спасибо, Джинни. Огромнейшее тебе спасибо.

***

- Слава Богу, мы пришли заранее, - прошептала Наоми своему дяде, наклонившись для этого в кресле к нему. - От одной мысли тошно, что мы могли бы пробиваться сквозь эту толпу, чтобы поприветствовать царственное семейство, вместо того, чтобы с самого начала быть здесь, на помосте.

Вальтер Имбеси не позволил и тени веселья испортить торжественное выражение своего лица, отвечая также шёпотом.

- Позволяет по-новому оценить понятие броуновского движения, верно? Но постарайся всё-таки, пожалуйста, не увлекаться остротами, - он изобразил едва заметный кивок в сторону Джессики Штейн и её свиты. - Не думаю, что бы им сильно понравилось то, что их называют "царственным семейством".

Самоконтроль племянницы Вальтера не был столь совершенным, поэтому едва заметный оттенок неприязни у неё на лице был очевиден. Во всяком случае тому, кто хорошо её знал.

- Уверена, что нет, проклятые позеры. Иеронимус Штейн может и был достойным святым и аскетом - у меня есть сомнения, но я готова признать, что это сказывается мой цинизм - но его дочь под это определение не подходит никоим образом, - она бросила беглый взгляд на женщину, о которой шла речь, и собравшихся вокруг неё людей. - А уж тем более её прилипалы.

- Будь снисходительнее, Наоми. Они терпеливо ждали долгое время.

- В этом нет их заслуги. Пока Штейн был жив, им приходилось быть терпеливыми. Теперь же… - она бросила ещё один взгляд, на это раз на мужчину, говорящему что-то, наклонившись к Джессике Штейн.

- Не нравится мне он. Даже больше, чем она.

Пожатие плечами Имбеси было таким же минималистским, как и кивок.

- Мне тоже. Вообще-то, поскольку я знаю о нём куда больше тебя, я уверен, что мне он нравится значительно меньше твоего. Но вопрос нашего с тобой отношения к нему к делу не относится. Ингемар Кассети является правой рукой губернатора ближайшего провинциального сектора Солнечной Лиги. Что делает его просто ещё одним рифом, вокруг которого нам придётся лавировать.

- Бедный, бедный Эревон. Попал между молотом и наковальней, вот только молотов что-то много.

Имбеси снова изобразил свой едва заметный кивок.

- И правда много. А в качестве наковальни Господь Всемогущий своим неисповедимым промыслом предназначил нам нынешнее мантикорское правительство.

Он бы вздохнул, но Вальтер Имбеси не вздыхал на публике с

восьми лет. Порка, которую ему устроил отец после того случая, это гарантировала. Неофициальная муштра, которой подвергалась молодёжь главных семей Эревона, была суровой, притом, что не касалась банальных вопросов, на которых были зациклены большинство элит галактики.

Нравы в отношении секса были одной из этих банальностей, что Наоми немедленно и продемонстрировала.

- Так кого из этих клоунов ты хочешь, чтобы я соблазнила? - спросила она. Едва уловимая улыбка у неё на лице говорила, что вопрос был задан отчасти в шутку.

Отчасти.

- Полагаю, действуют твои обычные правила?

- Определённо. Молот и наковальня там или нет, но положение Эревона ещё не настолько отчаянно. Я не настаиваю на Адонисе или Венере, но соблазняемый должен быть хоть немного привлекателен для меня.

Имбеси позволил себе лёгкую улыбку. Раскованность Наоми имела тенденцию раздражать большинство членов их семьи, но он в их число не входил. Возможно потому, что был признанным главой семьи и не мог себе позволить игнорировать любые активы.

- В таком случае, подозреваю, что тебе предстоят весьма целомудренные похороны. Если здесь и есть мужчина, стоящий соблазнения, переспать с которым тебе бы понравилось, то мне в голову не идёт, кто бы это мог быть. То же самое, если на то пошло, относится к женщинам.

Взгляд Наоми на мгновение ушёл в сторону. Проследив его направление, Имбеси очень коротко - но очень резко - мотнул головой племяннице.

- Что бы ты ни делала, девочка, держись как можно дальше от Луиса Розака. Неважно, насколько он симпатичен. С тем же успехом можно тащить в постель кобру.

Глаза Наоми слегка расширились.

- Дядя, ты похоже слишком резок. На мой взгляд он менее - даже, вообще-то, намного менее - злобен, чем остальная толпа солли.

- Кто тут хоть что-нибудь говорит о "злобности"? Кобры не злобны. Они просто смертоносны, - его голос покинули все следы добродушного подшучивания. - Просто поверь мне на слово, юная леди. Держись подальше от Луиса Розака. Это приказ.

- О'кей, о'кей. Не стоит из-за этого входить в роль главы семейства.

Её взгляд медленно прошелся по небольшой толпе, собравшейся на помосте. По ходу дела глаза её сужались.

- Тьфу. Думаю, ты прав. С тем же успехом можно прямо сейчас собираться в женский монастырь.

Небольшое движение в стороне - возмущение в окружающей помост толпе - привлекло её внимание. И глаза Наоми снова начали расширяться. Затем другое возмущение, практически на противоположной стороне заставило её посмотреть и туда.

- А это кто такие? Два весьма интересных на взгляд джентльмена, как из-под земли появились. Пожалуйста, дядя, не говори, что они тоже под запретом.

Имбеси посмотрел в одном направлении, потом в другом. На этот раз ему пришлось прикладывать настоящие усилия, чтобы удержаться от улыбки. Вообще-то даже от откровенной ухмылки.

- Удачи, вампирочка. Слева ты можешь видеть Антона Зилвицкого, бывшего капитана мантикорского Флота. Признаю, что ты выглядишь намного лучше - да и намного моложе - его подружки, но все твои сбережения у неё не сошли бы и за завалявшуюся в кармане мелочь. Кроме того, по всем докладам Зилвицкий выглядит воплощённой верностью.

Он перевёл взгляд в другую сторону и слегка сузил глаза.

- На другой стороне… Хм. Не уверен. Зовут его Виктор Каша, и мы мало что о нём знаем. По всей видимости, он любимый агент директора федеральной полиции Хевена. То есть Кевина Ушера, а значит Каша должен быть жуть как хорош, чтобы заслужить его одобрение, учитывая его юный возраст. С другой стороны…

Ему не пришлось заканчивать предостережение. Наоми уже заметила идущую за Каша женщину.

- О, жизнь так несправедлива. Как я должна конкурировать с этим?

Имбеси собирался было съязвить в ответ, но колкость умерла не родившись. Как только он задумался об этом…

- Кевин Ушер по-настоящему хорош, Наоми.

Он заговорил ещё тише чем раньше, хотя и питал изрядную уверенность, что устройства защиты от подслушивания, имевшиеся у них с Наоми, делали невозможным услышать их беседу с расстояния больше метра. Не думал он и что какая-то из сил, собравшихся на этом приёме, была так уж заинтересована в информации о происходящем внутри семьи Имбеси. Определённо не настолько, чтобы держать очень редкое и очень дорогостоящее шпионское оборудование нацеленным на них.

Имбеси официально являлись частью политической оппозиции Эревона, а не одной из представленных в действующем правительстве семей. Практически для всех не-эревонцев это выводило их из списка движущих факторов

политики. Неформальные методы, которыми господствующие семьи Эревона осуществляли управление, были просто слишком чуждыми для представителей других политических систем, не имевших эревонской истории и традиций. Дело было не столько в их неформальности, - методы элит Солнечной Лиги были, в конце концов, печально известны повсюду, - сколько в честности. Да, верно, Эревон был основан шайкой воров. Но воры эти добились своих успеха и богатства потому, что, каковы бы ни были прочие их грехи, они держали своё слово… и никогда не забывали древнюю поговорку: "от сумы и от тюрьмы не зарекайся".

Всё это означало, что семьи, правившие Эревоном в настоящее время, предусмотрительно сохраняли тесные связи с семьёй Имбеси. И также, на случай если Имбеси вернутся к власти, что было не так уж маловероятно, тщательно следили, чтобы ни в коем случае кто-либо не нанёс им смертельного оскорбления. Или даже, если на то пошло, вообще не вызвал их раздражения. "Смертельность" в этом контексте среди эревонцев не было абстрактным понятием.

Наоми прекрасно поняла ход мыслей своего дяди.

- Довольно болтовни, - промурлыкала она и бросила на Виктора Каша последний взгляд. Как раз достаточный, чтобы удостоверится, что она узнает его в толпе, но ничего большего. Наоми не была такой уж завзятой соблазнительницей, как любила себя считать, но основы этого дела она изучила давным-давно. И одного взгляда на его напряжённое молодое лицо ей было достаточно, чтобы ей стало ясно, что соблазнение Виктора Каша потребует от неё находчивости.

- Мой девиз, никакой бестактности.

Имбеси решил, что может себе позволить рассмеяться на публике. Слишком много чопорности, в конце концов, само по себе было ошибкой.

- С каких это пор? Как насчёт того раза… и не пытайся притвориться, что забыла бассейн перед статуей в Сирзе… на что мне только тогда не пришлось пойти, чтобы прикрыть это…

- Не будь бестактен сам, дядюшка. Я тогда была молода и глупа. Кроме того, сейчас я не пьяна - и капли во рту не было. И вообще, этот парень представляет собой вызов, а Фредди Гавличек был просто мил. Так что тот раз не считается.

***

Прочие сидевшие на помосте знатные персоны Эревона не были столь осторожны. Они тоже заметили Виктора, как только тот выдрался из толпы. Правильнее было бы сказать, что они заметили Джинни, и провожали её взглядами, пока она подходила. В случае как обоих мужчин, так и женщины, фигура Джинни имела отношение к проявленному ими интересу. Но, по правде сказать, небольшое. Три семьи, в настоящее время управлявшие политикой Эревона, уже на протяжении месяцев пытались установить приватные контакты с новым правительством Хевена, и всех их занимал вопрос, не является ли…

Ответ не заставил себя ждать.

- Это молодой любовник Вирджинии Ушер, - прошептал Джек Фуэнтес Алессандре Гавличек.

Та на публике поддерживала обычную эревонскую невозмутимость, но в её ответном шёпоте были презрительные нотки.

- Никакого вкуса, и он доказательство этому. Со мной бы и то ей было бы куда лучше, чем с этим… Господи, да судя по его виду, я готова спорить, что он и в туалете сидит по стойке смирно.

Сидевший по другую сторону от неё последний из троицы более или менее правившей планетой сам был неплохой иллюстрацией сидения по стойке смирно. Томас Холл незаметно, но выразительно взглянул на одного из офицеров Лиги, собравшихся вокруг Кассети. Заметив этот взгляд, лейтенант Флота отделился от компании и подтянулся поближе.

Вторым взглядом Холл указал лейтенанту на Джинни и Виктора. Увидев их, лейтенант Мэнсон насмешливо скривил губы.

- Ха! Полагаю, это один из способов этой шлюхи устроить себе каникулы с любовником. Просто назвать это визитом с выражением соболезнований памяти святого.

- Вы уверены?

Мэнсон пожал плечами. Как и насмешка, жест этот показался эревонцам преувеличенным.

- Мы провели собственное расследование. Каковы бы ни были навыки Ушера - я не настолько ими впечатлён, как большинство - они чертовски точно не распространяются на его личную жизнь. Его жена повсюду выставляет его дураком.

Холл кивнул, и Мэнсон двинулся дальше. По крайней мере, перемещения лейтенанта не были демонстративными. Любой наблюдатель решил бы, что офицер Лиги просто походя обменялся любезностями со знатным эревонцем на публичном

приёме. Во всяком случае, Мэнсон был достаточно осторожен, чтобы не дать никому понять, что он берёт у эревонцев деньги в качестве побочного заработка.

Что ни в коей мере не заставляло эревонцев доверять ему. Однако - по крайней мере пока что - информация Мэнсона оказывалась достаточно надёжной.

- Что думаете? - тихо спросил Фуэнтес. Как и Имбеси, троица сидевших рядом эревонцев вполне была уверена в своей аппаратуре защиты от подслушивания. Но осторожность была для них привычкой, въевшейся с детства.

- Примем за чистую монету, - заявила Гавличек.

- Склонен согласиться, - сказал Холл. Про себя он не в полной мере разделял уверенность Гавличек. Алессандра обычно была очень умна, но её сексуальная ориентация временами подталкивала её к поспешным умозаключениям. В частности, как он замечал и раньше, она была склонна неприязненно относится к слишком откровенно демонстрирующим гетеросексуальность красивым женщинам, махом записывая их в глупые красотки. И всё-таки…

Он понаблюдал за не слишком замаскированными ласковыми прикосновениями Вирджинии Ушер к её спутнику-мужчине, пока те приближались к помосту. Если это было игрой, то определённо искусной.

- Я склонен согласиться, - повторил он и подавил вздох, что вышло у него так же легко, как и у Имбеси. - Неужели в новом правительстве Хевена нет хоть кого-то, у кого мозгов хватило бы на термита?

***

- Вот же идиотизм, - прошипел Анри Гатри. Посол Хевена на Эревоне не пытался скрыть свой гневный взгляд на Вирджинию Ушер.

- Чей именно? - фыркнула Жаклин Паллье. - Её, или её мужа?

- Обоих. Она лезет в ситуацию, которая и без неё достаточно запутана… а у него хватает дури позволять ей это.

Вирджиния Ушер к этому моменту добралась до ведущих на помост ступеней, и Гатри отвернулся. Он решил сделать вид, что не обращает на неё внимания, что выглядело достаточно правдоподобно, поскольку они никогда лично не встречались. Он знал как она выглядит только по голограммам, привезённым тем

самым курьером, который доставил эту идиотку сюда. Будь всё проклято, посол Гатри не собирался позволить развлечениям проститутки помешать ему исполнять свой долг.

- Ради всего святого, - проворчал он, - мантикорцы и так поднимают шум по каждому мельчайшему поводу, что мы им даём. Стоит им прослышать, что здесь жена Кевина Ушера…

Паллье пожала плечами.

- На мой взгляд, вы беспокоитесь зря. Во-первых, потому что местный мантикорский персонал состоит из тупиц; во-вторых, потому что даже тупицы не могут не видеть, что здесь нет ничего кроме старой шлюхи, доказывающей, что ей в своём деле больше нечему учится.

***

- Вижу, лейтенант Мэнсон опять принялся за своё, - проворчал Розак. Капитан только что воспользовался удобным случаем, чтобы вместе с Хабиб отделиться от собравшейся вокруг Джессики Штейн толпы.

- Ага, я заметила, - кисло отозвалась Хабиб. Коммандер не особо старалась говорить тихо. Она всецело доверяла оборудованию защиты от подслушивания, которое было при ней и при Розаке, поскольку это было лучшее оборудование из доступного в Солнечной Лиге. Скорее всего, оно даже было не хуже того, что производилось на Мантикоре.

- Хотите, чтобы я наконец спустила на него собак? Поверьте, сделаю это с удовольствием.

Розак мотнул головой.

- Нет-нет. Среди нас неизбежно будет ненадёжный, падкий на деньги человек. Пока мы знаем кто это, мы можем контролировать ущерб… и даже извлекать из этого знания выгоду. Что мне хотелось бы знать, так это почему эревонцев так заинтересовала Вирджиния Ушер?

- Мы же уже это обсуждали, Луис. В данный момент, на мой взгляд, они готовы хвататься за любую соломинку, которую им предложит Хевен. Хотя называть жену Ушера "соломинкой" скорее всего является оскорблением честной соломы.

Розак снова мотнул головой.

- Пожалуй, мы поторопились с выводами. Так мне кажется теперь, когда я увидел его вживую.

Хабиб нахмурилась.

- Кого "его"?

Каким-то образом, даже не взглянув в их направлении и не сделав в их сторону никакого жеста, Розак дал понять, что говорит о Вирджинии Ушер и её спутнике.

- Её любовника, Эди. Точнее, так называемого "любовника". Когда выдастся случай - не сейчас - по-настоящему внимательно присмотрись к нему. Парень - молодой волк, какого ещё поискать, а не жиголо.

У Хабиб не было навыков Розака в прискорбно невоенной сфере "спецальных операций", но она не была ни глупой, ни несообразительной. Так что она даже не взглянула в сторону поднимавшейся сейчас на помост пары. Просто нахмурилась ещё сильнее, пытаясь припомнить всё то немногое, что разглядела на лице юного офицера ФСА.

- Не могу вспомнить, - призналась она. - Присмотрюсь к нему попозже, когда праздник пойдёт своей чередой. Есть что-то ещё, что вы хотите от меня до того?

Розак мгновение поколебался, а затем сказал:

- Да. Скажите лейтенанту Палэйн подойти ко мне. Убедитесь, что она понимает, что сделать это нужно естественно.

***

- Вы хотели поговорить со мной, сэр?

Розака впечатлила искусность лейтенанта. Большинство молодых офицеров, получив распоряжение "выглядеть естественно", перебарщивали бы. Танди Палэйн же сумела сделать так, чтобы всё выглядело по-настоящему естественно - словно она просто случайно наткнулась на своего командира и обменивалась с ним ничего не значащей болтовнёй.

Он всегда знал, что Ндебеле была адской дырой, даже по стандартам УПБ, и подозревал, что лёгкость, с которой девушке давались подобные уловки, могла быть одним из побочных эффектов.

- Я хочу попросить тебя, Танди, сделать кое-что, но прежде чем начать, позволь пояснить, что дело это сугубо добровольное. Если тебе оно покажется противным, просто скажи об этом. Отказ тебе не повредит, ни в каком смысле. Обещаю.

Высокая девушка-офицер какое-то мгновение смотрела на него. Затем, не вполне справившись с тем, чтобы сдержать вздох, отвела взгляд.

- Ответ "да", капитан, что бы то ни было. Я догадываюсь что. Хотелось бы только… - она слегка мотнула головой. - Неважно.

Когда она снова повернулась к нему, лицо её было собранным.

- Что вам нужно, сэр? Точнее, полагаю, я должна была бы спросить "кто"?

Розак криво улыбнулся.

- Если я никогда раньше не говорил, что восхищаюсь твоим умом, лейтенант Палэйн, позволь мне исправить этот недосмотр здесь и сейчас.

Он сделал незаметный кивок в направлении пары, беседующей сейчас с Джессикой Штейн.

- Он. Молодой человек, сопровождающий Вирджинию Ушер.

Палэйн бегло взглянула на указанного человека.

- Крутой маленький ублюдок, - пробормотала она.

- Я не прошу, чтобы ты спала с ним, Танди. Делать это или нет - исключительно твоё дело. Если не хочешь, не надо. Что я хочу знать, это просто могла бы ты.

Она выглядела слегка сбитой с толка.

- Что…

- Давай просто считать, что мы проверяем легенду прикрытия, хорошо?

Палэйн снова взглянула на пару, о которой шла речь. На этот раз задержав взгляд дольше, поскольку никто из них не смотрел в её сторону. Определенно на время достаточное, чтобы не упустить то, как женщина поглаживает спину молодого человека.

- Говорят, что он - её игрушка. Выясни для меня, так ли это.

Глаза Танди расширились. Затем, впервые с начала этого разговора, на её лице появилась улыбка.

- Совершеннейшее дерьмо. Простите за выражение, сэр. Если забыть про цвет кожи и черты лица, этот… как я назвала его?.. крутой маленький ублюдок мог бы появиться здесь прямо с улиц Мзиликази. И это не илот. С подобным парнем никто находящийся в здравом рассудке не станет играть в игры, не важно насколько он его больше.

Она ещё раз кинула взгляд на крутого маленького ублюдка. На этот раз определённо более долгий и пристальный. Затем на её лице промелькнула быстрая, яркая улыбка.

- Разумеется, капитан. С удовольствием.

***

После её ухода, капитан и сам окинул человека, о котором шла речь, пристальным взглядом. В данном случае завистливым.

- Помни о дисциплине, Розак, - сказал он сам себе. - О жертвах командира и всём таком.

Он не пытался подавить собственный вздох. Как и Хабиб, он был вполне уверен в своём оборудовании защиты от подслушивания.

Глава 12

Джессика Штейн производила какое-то неприятное впечатление. Антон никак не мог понять, почему. Он был уверен, что отчасти его реакцию вызывали окружающие её люди. Хотя лидеры Ассоциации Ренессанса, составлявшие личную свиту Иеронимуса Штейна, казались не более отталкивающими, чем обычно выглядят люди подобного типа, самодовольство и ханжество которых не лучшим образом служат прикрытием для амбиций. Однако вид солли, который намертво приклеился к Джессике Штейн, заставил Антона заскрежетать зубами.

Не то, чтобы этот мужчина не производил впечатления любезного и радушного человека. Антон был совершенно уверен, что никто и никогда не мог обвинить вице-губернатора Кассети в неотёсанности и невежестве. Однако, поскольку то же самое можно было сказать в отношении любого обходительного шакала, Антон обращал на такое мало внимания. А об Ингемаре Кассети он знал более чем достаточно, чтобы испытывать уверенность в том, что его интуитивная реакция имела под собой веские основания.

Однако и помимо этого в самой Штейн было нечто вызывающее у Антона беспокойство. Может быть, неосязаемое впечатление того, что её скорбь о смерти отца сильно уступает восторгу от новообретённых власти и влияния. Джессика Штейн была не просто дочерью; она на протяжении как минимум двадцати лет была ближайшим помощником и соратником Иеронимуса Штейна. Теперь, когда основатель РА был мёртв, она быстро и уверенно подхватила его скипетр.

И…

Антон достаточно ясно представлял, как она поступит, получив власть. Если бы у него и имелись сомнения, то они развеялись при виде очевидного взаимопонимания между Джессикой Штейн и Ингемаром Кассети. Ассоциация Ренессанса уже многие годы была расколота подспудной межфракционной войной, ничуть не менее жестокой от того, что велась она без пролития крови. Приближённо ей можно было охарактеризовать как конфликт между "голубями" и "ястребами"… или, наверное более точно, между людьми, предпочитающими, чтобы продолжительная, терпеливая, просветительская и нравоучительная кампания преобразовала всё общество Лиги, и теми, кто надеялся на нечто менее обширное, зато быстрое и надёжное. Мягкость и неспешность против быстроты и жёсткости.

Наиболее очевидным способом для проведения подобной "быстрой и жёсткой" кампании для АР было заручиться поддержкой - в обмен на собственную - одного из влиятельных секторальных губернаторов Солнечной Лиги. Вуаля* [Вот и всё (франц.)]…

Ингемар Кассети был политическим "человеком для неприятных поручений" некоего Оравила Баррегоса, губернатора небольшого, однако промышленно высокоразвитого и богатого Сектора Майя. Который также являлся одним из губернаторов, прославившихся - точнее говоря, не так опозорившихся как прочие - своими сравнительно высокими этическими стандартами и отсутствием продажности. Из всех губернаторов секторов Солнечной Лиги Баррегос был наиболее сочувственно настроен по отношению к Ассоциации Ренессанса и по крайней мере формально поддерживал программу АР, так называемые "Шесть Основ".

Насколько искренне он это делал, оставалось, конечно же, под вопросом. Антон был совершенно убеждён, что Баррегос не слишком симпатизировал, если симпатизировал вообще, первым трём из этих "Шести Основ": призывам АР к созданию подлинно федеральной структуры правительства Солнечной Лиги, принятию антитрестовых законов и учреждению представительного органа для осуществления всенародного контроля над бюрократической системой. Назначение Кассети вице-губернатором говорило достаточно много о личных амбициях Баррегоса, а человек такого склада навряд ли искренне поддержит нечто, способное ослабить его собственную власть. С другой стороны, он вероятно благосклонно относился к трём другим основам: отмене различных степеней гражданства, ликвидации Управления Пограничной Безопасности и искоренению генетического рабства.

Сектор Майя был для Солнечной Лиги аномалией. Центральная планета сектора под названием Курящая Лягушка обладала промышленностью и экономикой развитой не хуже, чем у любой другой планеты галактики, а большинство других населённых миров сектора немногим ей в этом уступали. С точки зрения социальной структуры сектор больше походил на автономные внутренние миры Лиги, а не на внешние колонии. Он имел мало общего с большинством секторов, всё ещё находящихся под контролем назначенных Управлением Пограничной Безопасности губернаторов. Для Сектора Майя резкая социальная стратификация, характерная для большей части Лиги за исключением внутренних миров, не была ни необходима, ни экономически выгодна - а политические

ограничения являлись чрезвычайно раздражающими.

Несмотря на то, что он сам был первоначально назначен УПБ, губернатор Баррегос уже многие годы возглавлял всё расширяющееся движение за изменение статуса Сектора Майя. УПБ противилось этому со своей обычной тяжеловесной грубостью, однако (во всяком случае, пока что) не рисковало сместить популярного губернатора. Это, пожалуй, могло бы даже вызвать открытое восстание. И хотя УПБ обычно не слишком беспокоилось относительно восстаний на периферии, поскольку на отсталых планетах, где они вспыхивали, восстания легко было подавить, восстание в Секторе Майя могло быть…

Опасным. Если оно не будет быстро сокрушено, одна даже Курящая Лягушка обладала ресурсами, достаточными для создания довольно внушительного флота. Не такого, что мог бы выстоять против отмобилизованного Флота Солнечной Лиги, однако достаточно мощного, чтобы последствия привлекли внимание публики Лиги к приведшей к подобному фиаско политике УПБ.

По своей природе УПБ являлось ночным хищником. Подвернуться тщательному изучению их деятельности при свете дня было последним, в чём нуждались управлявшие им бюрократы - и ещё меньше это было нужно являвшимся их неофициальными партнёрами коммерческим трестам.

Поэтому Баррегос оставался на своём посту; поэтому размах требований о предоставлении Сектору Майя независимого статуса продолжал расти; поэтому УПБ продолжала реагировать подобно мезозойскому динозавру. Это была ситуация, напоминавшая Антону бурление воды в закупоренном котле.

***

Пока Антон предавался этим размышлениям, устойчиво текущий поток посетителей мягко, но настойчиво вынес его на край помоста, после того как он выразил свои соболезнования. Тут, когда они оказались вне пределов слышимости Джессики Штейн и её приближённых, Руфь облекла в слова то, о чём думал Антон.

- Сунь Ятсен умер. Да здравствует Чан Кайши.

Антон был поражён. Он не ожидал от столь юной девушки такой искушённости в истории. И ещё раз предостерёг себя от недооценки принцессы.

Дю Гавел кивнул.

- Как и любая историческая аналогия, - произнёс он, - эта не слишком точно соответствует ситуации. Однако… да. Я и сам об этом подумал, хотя мне всё это больше напоминает эпизод из истории Индии. Ганди и всё, что было после него. Но аналогия с Гоминьдан тоже неплоха. Вообще-то, наверное даже лучше моей. Как и АР, Гоминьдан начался как общество идеалистов. А затем, после смерти Сунь Ятсена, превратился по существу в фасад для генералов-милитаристов. Которые оказались столь же жестоки и коррумпированы как и императорские мандарины - и намного хуже образованны.

Антон хотел было что-то добавить, однако ощутил чьё-то приближение, прервался и поднял взгляд. И застыл.

Застыл настолько резко, что Берри и Руфь в него врезались. Обе девушки с любопытством высунулись из-за плеч Антона, чтобы взглянуть на неведомое явление, вызвавшее столь необычную реакцию. Капитан Зилвицкий, мягко говоря, не славился избытком впечатлительности.

Стоящий перед Антоном молодой человек кашлянул, прочищая горло.

- Добрый вечер, капитан Зилвицкий. Не ожидал встретить вас здесь.

Антон прочистил горло с намного большим шумом.

- Добрый вечер, гражд… хм, как теперь звучит ваше звание?

Улыбка на лице молодого человека очень походила на само лицо: рубленное, слегка измождённое и состоящее в основном из углов и граней.

- Просто "специальный агент Каша", - произнёс он. - Я больше не занимаюсь, хм, материями внешней безопасности. Теперь я полицейский, а не шпион.

Самообладание Антона вернулось к нему.

- Ясно. Значит, Ушер взял вас собой.

Каша кивнул.

- Однако я забываю об учтивости. Джинни… - молодой человек полуобернулся и фактически оттащил невысокую женщину от одного из гостей. - Капитан Зилвицкий, могу ли я представить вам Вирджинию Ушер, супругу нашего нового директора Федерального Следственного Агентства? Вирджиния, это капитан Королевского Флота Мантикоры в отставке Антон Зилвицкий.

Подтащенная женщина оказалась стройна и привлекательна, а её улыбка была даже великолепнее её наряда.

- О, Виктор! - рассмеялась она, протягивая Антону руку. - Я совершенно уверена, что капитан Зилвицкий прекрасно знает, кто

я такая. Даже если я ухитрилась остаться вне поля его зрения во время нашего маленького приключения на Земле.

Последнее замечание заставило глаза Берри и Руфи широко раскрыться.

- О! - выдавила Берри, уставившись на Каша. - Вы тот самый…

Она замолкла, подбирая слова. Антон, несмотря на то, что большая часть его разума одновременно кляла судьбу и вслушивалась в завывания тревожных сирен, решил, что следует проявить прямоту.

- Да, это он. Спаситель моей дочери Хелен… и, скорее всего, Берри. - он глубоко кивнул, почти поклонился Каша. - У меня тогда не было настоящей возможности поблагодарить вас должным образом. Пожалуйста, позвольте мне сделать это сейчас.

Каша выглядел смущённым. Вирджиния Ушер опять рассмеялась.

- Смотрите, он покраснел! Это меня всегда поражает, сколько бы раз я не видела. Единственное из того, что делает Виктор, что может заставить его выглядеть на свой возраст, а не, - тут она игриво ткнула его под ребро пальцем, - безумным хладнокровным убийцей.

Теперь на лице Виктора была обида.

- Джинни, выражение "безумный хладнокровный убийца" - это самый глупый оксюморон, который мне когда-либо доводилось слышать.

- Чушь! - Она улыбнулась Антону. - Капитан, вы были там. И каково ваше мнение?

На какое-то мгновение память Антона вернула его в причудливо освещённый грот в подземельях под руинами древнего Чикаго. Он прибыл туда чуть позднее и сам всего не видел, однако позже Джереми Экс всё ему рассказал. Антон без всякого труда ему поверил, поскольку лично видел результат побоища. Того, где юный офицер Госбезопасности по имени Виктор Каша, ведомый частичным безумием, что, по мнению Антона было объяснимо - более или менее, - встал и хладнокровно расстрелял в упор десяток кощеев и головорезов Госбезопасности, охотившихся за Хелен. Со стороны Каша это было откровенным самоубийством; даже если, что крайне удивительно, Каша в конечном итоге оказался весь залит кровью, среди которой не было ни капли его собственной.

- Виктор Каша не убийца, - внезапно произнёс он. - Уж в этом я уверен. С другой стороны…

Он пожал плечами.

- Сожалею, специальный агент Каша. Мне кажется, что если и

существует человек, который когда-либо делал нечто одновременно и безумное, и хладнокровное, то это вы. Оксюморон это или нет.

- Видишь! - торжествующе заявила Вирджиния и покачала пальцем перед носом Каша. - Заметь, что ты не сможешь найти более компетентного мнения, чем мнение капитана Зилвицкого! Кстати говоря…

Вирджиния в свойственной её быстрой и неописуемо привлекательной манере снова повернулась к Антону. Её улыбка была как никогда заразительна.

- … чем вы здесь занимаетесь, капитан? Я имею в виду, помимо того, что прикидываетесь, как и мы сами, что выражаете соболезнования не так уж и опечаленной дочурке?

- Джинни! - поперхнулся Каша.

- Пфуй! Капитан Зилвицкий конечно же не собирается верить нашей легенде - довольно смешное слово - так зачем утруждать себя ерундой? Мы выполняем здесь некое отчаянное и рискованное секретное задание - кстати, когда ты соберешься рассказать мне, в чём оно заключается? - и можно быть уверенным, что капитан занят тут тем же самым. - Она с большой симпатией взглянула на Руфь и Берри. - Уверена, что вам он тоже не рассказал. Разве мужики не свинтусы?

Берри и Руфь издали какие-то тихие звуки, имеющие подозрительное сходство со сдавленным смехом. Антон нахмурился. Во всяком случае, попытался это сделать; он и сам боролся со смехом. Он хотел было пройтись насчёт распускания языка в общественном месте, однако жена Ушера оборвала его.

- Ой, да не надо глупить. Мантикорское оборудование защиты от прослушивания наилучшее во всей галактике, как и почти вся ваша электроника. Именно поэтому у нас с Виктором оно при себе. Мой супруг - да будет он благословен - где-то его спёр.

Наконец она умолкла, пристально смотря на Антона и бодро улыбаясь. Тем не менее, ожидая ответа.

Тот не смог удержаться от смеха.

- Чёрт меня подери, миз Ушер…

- Называйте меня Джинни.

- Хорошо, Джинни. Мантикора и Хевен всё ещё официально находятся в состоянии войны. Так что я не собираюсь рассказывать жене шефа полиции республики Хевен о своей секретной миссии, - он снова откашлялся с шумом; его слова даже ему самому казались идиотскими. - Если бы я вообще был здесь на секретной миссии. Что не так, и тем более не при чём тут риск и опасность.

Он отечески опустил руки на плечи девушек.

- Разве взял бы я с собой собственную дочь и одну из принцесс королевского дома, если бы занимался чем-то подобным?

- Разумеется, - мгновенно последовал ответ. - Это прекрасное прикрытие, - палец Джинни снова воткнулся Каша под рёбра; на этот раз щекоча его. - Вроде того, как мы с Виктором притворяемся пылкими безумными любовниками. Работает как по волшебству.

Каша попытался избавиться от пальца. На мгновение они с Антоном обменялись взглядами, исполненными взаимной симпатии. Затем, оказавшись не в состоянии найти какую-либо иную осуществимую тактику, Антон перешёл к беспорядочному отступлению.

- Боюсь, девочкам давно пора спать, - Руфь и Берри насупились. - Ладно, ладно, мне давно пора спать. Мы должны идти. Был раз снова вас увидеть, специальный аге… э-э, Виктор. И вас тоже, миз Уш… э-э, Джинни. Это была приятная встреча, действительно приятная.

***

Как только они выбрались наружу, Берри громко расхохоталась. Дю Гавел вслед за ней.

- Не припомню, чтобы я хоть когда-нибудь видела, как ты несёшься с такой скоростью, папочка.

- От этой дамочки у меня зубы ноют, - пробурчал Антон.

Берри оглянулась назад на цирковой купол.

- Ладно, так что ты думаешь? Она говорила правду или просто насылала зубную боль на Виктора? Судя по её энергии, готова спорить, что он хорошо если сумеет выбраться живым из её постели.

Антон сделал медленный вдох. Частью сознания он уже обдумывал этот вопрос.

И опять Руфь озвучила его собственную предварительную оценку.

- Нет. Она говорила правду. Слухи о ней и её так называемом "любовнике" настолько широко разошлись, что явно кто-то должен был специально их распускать. Мы только что появились тут, а я уже случайно слышала их от трёх разных источников. Даже слухи не распространяются настолько быстро… а всем

известно, что мерзкие мелкие умишки слишком ленивы, чтобы быть настолько методичными.

Антон кивнул.

- Я тоже так думаю. Кроме того…

Он оборвал себя и проницательно взглянул на Руфь.

- У вас есть способности, юная леди. Так давайте проверим, насколько хорошие. Какова другая причина того, что эти слухи бессмысленны?

Глаза принцессы прищурились и губы сжались в размышлении.

- Ну… я мало что знаю об Ушере, так что не уверена. Но если он настолько умён, как считается…

- Настолько, - произнёс Антон. - На Земле он умудрился… ладно, неважно. Просто прими как данное, что в нашей чокнутой работёнке Кевин один из лучших.

- Отлично. Другая причина, по которой эти слухи бессмысленны, заключается в том, что Ушер никоим образом не может не знать, что его жена его обманывает. Что оставляет нам два варианта: или это не так, или у него экзотические предпочтения в сексе. Вуайеризм, или что-нибудь в этом роде. - Она пожала плечами. - Конечно, такой вариант возможен, но даже в этом случае что может помешать ему использовать случившееся в своих профессиональных интересах, поскольку его лично это не задевает? Если он действительно настолько хитроумен, как считается.

- Прямо в точку, - нежно произнёс Антон. - Прямо в точку. Так в чем заключается их отчаянное и рискованное секретное задание на Эревоне?

Они с Руфью понимающе переглянулись. Берри скорчила гримаску.

- Ну почему я чувствую себя единственной дурой во всей компании? - пожаловалась она.

- Всё не так скверно, - с улыбкой произнёс Дю Гавел. - Я тоже не понимаю, почему они так ухмыляются друг другу, а я лауреат премии Нобеля-Шакры, что должно означать, что я являюсь гением в теоретической политике.

Руфь безмятежно улыбнулась Берри.

- Всё пучком, Берри. У тебя просто не такой грязный склад ума, вот и всё. А Веб не знает деталей. Однако должна сказать, что для тех из нас, кто обладает грязным складом ума и знает детали, ответ является очевидным.

- И правда, та ещё "новость", - горько согласился Антон. - Высокомерная политика Высокого Хребта по отношению к союзникам Маникоры обозлила их всех. И Эревон наверное

больше чем кого бы то ни было ещё за исключением Грейсона… а у Эревона долгая история проведения той политики, которую имеют обыкновение называть Realpolitik. Так что, как ни прискорбно, Виктор Каша - и жена Ушера тоже, ни на мгновение не поверю, что она не в курсе - находятся здесь для того, чтобы сыграть роль адвоката дьявола.

Он вздохнул.

- Завтра я пойду и попробую переговорить с нашим послом. - Он снова вздохнул, ещё тяжелее. - И после того, как она не проявит никакого внимания, буду попусту тратить время, разговаривая с шефом отделения СРС.

- Вы говорите о графине Фрейзер и Чарльзе Врангеле, - произнесла Руфь. - Напрасная трата времени.

Антон кивнул.

- Фрейзер и Врангель против Каша и Ушер. Не о чем и говорить.

- Ладно, давайте посмотрим на дело со светлой стороны, - весело заметила Берри. - По крайней мере в одном миз Ушер - я хотела сказать, Джинни, и, народ, она мне действительно нравится - ошиблась. Мы тут не заняты никакой секретной и рискованной и опасной миссией.

К тому времени они дошли до края окружавшего цирк пространство. Освещение тут, в месте, представлявшем собой гигантскую импровизированную автостоянку в поле за границами Мэйтага, было ощутимо тусклым. Реагируя на это обстоятельство, солдаты Королевской Гвардии придвинулись ближе и теперь, при виде появившегося из темноты мужчины, встали ещё плотнее.

Человек слегка развёл руки, всего лишь ненавязчиво демонстрируя, что он безоружен. Это и то, что на нём была форма Флота Солнечной Лиги, заставило охранников немного расслабиться.

- Капитан Зилвицкий, - произнёс мужчина мягким приятным голосом. - Я - лейтенант Мэнсон, состою при штабе капитана Розака. Хотел поинтересоваться, не могли ли бы мы с вами переговорить наедине?

- Почему мне кажется, что я попал в кошмар? - пробормотал, выдыхая, Антон.

Однако вслух он произнёс только:

- Разумеется, лейтенант. Веб, Берри, принцесса Руфь, - он специально кивнул всякий раз не той девушке, - пожалуйста, подождите минуточку тут.

***

Когда Антон снова вынырнул из тени, он упредил вопрос Руфи кратким:

- Потом.

Глава 13

Хотя им никак не удалось бы сопоставить свои впечатления, реакция Виктора Каша на Джессику Штейн была примерно такой же, как и у Антона Зилвицкого.

- В этой женщине есть что-то отталкивающее, - проворчал он Джинни после того, как они выразили соболезнования Скорбящей Дщери и Соратникам Мученически Убиенного, и неторопливо спустились с помоста.

- И что бы это было? - фыркнула Джинни. - То, как она в мгновение ока с точностью до миллиграмма взвесила политическое значение наших соболезнований? То, как она не уделила нам даже лишней наносекунды? То, как она натужно хихикала над не такими уж остроумными замечаниями Кассети? Или просто то, что когда она смеялась над его глупыми шутками, было видно, что её передние зубы слишком велики?

Джинни ухватила Виктора за локоть и решительно потащила его к приближавшейся роботележке.

- Мне нужно выпить. Что касается меня, отторжение вызвали её босоножки. Называй меня старомодной, если хочешь, но мне не кажется, что босоножки на высоком каблуке - подходящая обувка для похорон.

Виктор бросил взгляд на ноги Джинни.

- А как ты назовёшь это?

- Я - не скорбящая дщерь, - решительно отрезала Джинни, хватая два коктейля с проходящей мимо роботележки, и вручая один из них Виктору. - Вот, попробуй. Не имею понятия, что это, но по мозгам точно даст.

Виктор с сомнением попробовал напиток.

- Фу. Вкус как у…

- Спирта. Разумеется. Из чего это по большей части и состоит. Тебе, Виктор, не нравится вообще никакая выпивка, если не считать производимый трущобными пивоварнями Нового Парижа так называемый эль, который ты лакаешь на пару с Кевином. Как ты собираешься быть знаменитым на всю галактику великим шпионом, не поднабравшись по дороге лоска?

Виктор сделал ещё один осторожный глоток.

- Во-первых, выражение "знаменитый на всю галактику великий шпион" является оксюмороном. Великие шпионы не бывают знамениты. Во-вторых, я больше не шпион. Я теперь полицейский, помнишь?

- Виктор, через поколение-другое в Республике Хевен может и

будет какая-то разница между "шпионом" и "полицейским". Однако сегодня же это то же самое, что настаивать на различии между наполовину полным и наполовину пустым стаканами.

- Не вздумай только сказать это при президенте Причарт, - Виктор отодвинул зажатый в руке коктейль подальше, словно это было нечто ядовитое. - Что бы это ни было, оно по-настоящему отвратительно. Могу я куда-то это деть, не выглядя глупо?

Последние два предложения прозвучали чуть громковато. К его удивлению, откуда-то слева-сзади ему ответили.

- Конечно. Давайте сюда, - мгновением позже в поле его зрения появилась женская рука и ловко выдернула у него стакан. Рука была обнажённой, слегка веснушчатой и вполне элегантной, хоть и самую малость пухловатой.

Виктор повернулся и увидел улыбавшуюся ему молодую женщину. Лицо её было подстать руке: милым, слегка полноватым и курносым, зелёноглазым, медноволосым, розовокожим и покрытым весьма обаятельной россыпью веснушек.

Ещё одним ловким движением женщина осушила стакан.

- Фу. Это то самое чёртово пойло, которое они состряпали как "специальный пунш" для праздне… э-э, в смысле торжественных мероприятий. Кажется, у них даже хватило духу назвать это "мемориальным мартини Штейна", отчего сам Штейн наверняка перевернулся бы в гробу, если бы тот у него был. Всё-таки от его тела кроме нескольких фрагментов так больше ничего и не нашли.

Против собственной воли Виктор понял, что не может сдержать профессиональный интерес.

- Я слышал, что его убили при помощи бомбы. Но мне казалось, что взрыв был достаточно локализован.

Выражение, появившееся на лице женщины, нельзя было безоговорочно назвать ухмылкой. В изгибе её губ было слишком много естественного веселья, чтобы использовать это определение. Но оно было близким к истине.

- Так было заявлено АР для публики. Не вполне уверена зачем. На их месте я бы раструбила тот факт, что убийца Штейна был достаточно бессердечен, чтобы заложить заряд, который не только разнёс Штейна на молекулы и развеял их по всему кварталу, но ещё и прикончил трёх его помощников, двух секретарей, и… - в этом месте все следы веселья испарились, - двух пятилетних детей, игравших на улице у офиса АР. Чистое везение, что все жители соседнего дома сумели выбраться из него живыми.

К тому моменту, как она закончила, интерес Виктора к этой

женщине перешёл из категории "случайная непреднамеренная встреча" в категорию "максимальное профессиональное внимание". По незаметному стороннему глазу изменению осанки Джинни он мог заключить, что это было справедливо и для неё.

Джинни закинула пробный шар.

- Навскидку могу предположить, что АР хотела удержать фокус события исключительно на Штейне. Есть разница - правда небольшая, но всё-таки есть - между заказным убийством и неприцельным терактом. С точки зрения пиара первый вариант определённо предпочтительнее.

- Да, верно, - произнесла женщина, - и да, на мой взгляд вы скорее всего правы, - она кивнула в сторону помоста. - Я так понимаю, вас не больше моего впечатлило изображение скорби.

Улыбка её стала шире, глаза прищурились. Даже с учетом возбудившейся профессиональной осмотрительности Виктор обнаружил, что она начинает ему нравиться.

- Кстати, меня зовут Наоми Имбеси. Уверена, вы уже догадались, что в нашей встрече было столько же случайности, как и в подстроенной жеребьёвке. Но мне всё-таки кажется, что для посторонних глаз я провернула это достаточно неплохо.

Ответная улыбка Джинни была столь же широка и столь же радостна.

- По-моему проделано это было великолепно. И наряд у вас замечательный. Он - кстати, что это? какой-то вариант костюма для верховой езды? - идеально подчёркивает вашу фигуру. Бюст так и просится в бронзу. Впрочем, как и бедра и ягодицы.

- Я бы назвала это джодпурами и жилеткой, если бы не боялась помереть со смеху… и не думайте, что мне это не грозит, при моём-то телосложении да в таком наряде, - она с достаточно самодовольным видом окинула взглядом саму себя.

Виктор из последних сил постарался не последовать её примеру. У Наоми Имбеси был как раз тот тип пышной фигуры, который современным обществом официально критиковался за "излишний вес", притом, что заметная часть этого самого общества при виде такой фигуры исходила слюной.

Острый локоть Джинни вонзился ему в рёбра.

- Деревенщина! После всех трудов этой бедной женщины ты не хочешь даже взглянуть? Вы должны простить его, Наоми. Он правда славный парень - честно - но утончённости в нём хватит только на черепаху. И никакого такта.

Джинни подняла стакан и сделала глоток. Потом оглянулась по сторонам.

- Но кто я такая, чтобы это говорить. Раз уж речь зашла о такте, мне лучше приниматься за главную задачу сегодняшнего

вечера.

Виктор должно быть слегка нахмурился, пытаясь поспеть за ходом мыслей Джинни. Завидев выражение его лица, она ласково улыбнулась.

- Ужраться в стельку, болван. До коматозного состояния. Как ещё мы можем убрать в сторону мешающую любовницу, чтобы дело могло двигаться?

С той же улыбкой она повернулась к Наоми.

- Это не займёт много времени. Я крайне плохо переношу алкоголь.

И мгновение спустя она уже двигалась прямо к ближайшей роботележке.

Когда Виктор снова взглянул на Наоми, то увидел, что она изучает его. Правда, продолжая улыбаться, но теперь у неё во взгляде была скорее расчётливость, чем веселье.

Впрочем, что бы там она ни разглядела, это укрепило её в намерениях, так что веселье достаточно быстро вернулось.

- Не бойся, Виктор. Это не больно.

Наконец поняв, он слегка покраснел и подавил желание сказать вслух: "Мне, знаешь ли, случалось подвергаться соблазнению раньше". На мгновение ему отчаянно захотелось осушить кружку эля трущобных пивоварен Нового Парижа. "Ну, ладно, один раз, когда мне было шестнадцать, и одна из подруг моей сестры… а, неважно".

Джинни прокладывала себе дорогу сквозь толпу обратно, победно подняв над головой четыре стакана.

- Три для меня и один для Наоми, - объявила она по возвращении. - Тебе, Виктор, не достаётся ничего, поскольку ты тоже не слишком хорошо переносишь алкоголь. Мы же не хотим спустить такой шанс, - она передала один из стаканов Наоми. - Хм. Похоже не самый удачный выбор слов.

Наоми и Джинни дружно расхохотались. Виктор снова залился краской, смиряясь с…

Ну, по правде сказать, скорее всего с перспективой весьма приятно провести ночь. Однако он испытывал мрачную уверенность, что в дальнейшем насмешкам не будет конца.

И по мере того, как Наоми и Джинни продолжали щебетать, он всё глубже и глубже погружался в мрачное предчувствие того, насколько же частыми будут насмешки, и сколько времени они будут продолжаться. В том, что касалось подколок, Джинни была трудно выносима и сама по себе. Теперь же, когда она, похоже, нашла другую близкую по духу женщину, которая разделяла её вульгарное чувство юмора…

***

Виктор был достаточно глубоко погружён в угрюмые раздумья, чтобы столкновение оказалось для него полнейшим сюрпризом. От падения наземь его удержала только жесткая и очень сильная кисть, ухватившая за предплечье.

Тут включились наработанные бесконечными часами тренировок рефлексы. За последние несколько лет, под безжалостным руководством Кевина Ушера, Виктор стал пусть не специалистом по рукопашному бою, но довольно хорошим бойцом. Он повернул предплечье, выкручивая его из захвата, и продолжил это движение ударом локтем назад, одновременно нанося удар пяткой, и…

Пинок был заблокирован ударом ступни по щиколотке, а захват невидимой кисти переместился на запястье, удерживая его в положении, которое, как совершенно был уверен Виктор, в любой момент могло привести к перелому локтя.

Его локтя. Щиколотке тоже было больно. Блокировавшая удар ступня была столь же тверда, как и кисть.

Но он уже снова думал, а не просто реагировал. И хотя Виктор не был особо опытным рукопашником, он отличался быстротой мысли. Так что долю секунды спустя до него дошло, что целью захвата было только обездвижить его, а удар по щиколотке, каким бы болезненным ни был, не причинил никакого реального вреда. Что до сих пор невидимая личность, нанесшая его, могла бы сделать с лёгкостью.

В голову лезли мысли об огре. Как же иначе. Захват был могучим. Поэтому Виктора весьма удивило, когда монстр заговорил меццо-сопрано.

- Эй, полегче, ладно? - в голосе слышался отзвук смеха. - Это была просто случайность.

Его кисть отпустили и он почувствовал, что монстр слегка сдвинулся назад. Виктор шагнул в сторону и обернулся.

Перед ним была ещё одна женщина, на этот раз в форме Флота Солнечной Лиги. Точнее морской пехоты, поправился Виктор. Форма на ней сидела… замечательно. У Виктора отчасти голова кругом пошла в причудливом веселье от того факта, что его окружали три женщины, каждая из которых по-своему представляла архетип женской красоты. Нечасто с ним такое бывало!

Джинни была маленькой и изящной; Наоми была чувственной; а эта женщина была…

"Какое для этого вообще есть слово? "Изваяние" не подходит.

Статуи не двигаются, а я готов спорить, что эта женщина двигается как львица".

Она была на добрый десяток сантиметров выше Виктора, её плечи и бёдра были шире, ноги длиннее, а талия уже - всё это подчёркивала кричащая форма морской пехоты - и при этом она всё равно ухитрялась выглядеть женственной. Что являло собой загадку, поскольку Виктор был совершенно уверен, что подкожного жира у неё было куда меньше нормального для женщины.

Женщина примирительно подняла руки.

- Я пришла с миром. Точнее, я вообще не приходила. Просто наткнулась на какого-то торопыгу, заступившего мне дорогу.

Виктор ни на мгновение ей не поверил. Да, торопыга мог заступить ей дорогу. После чего растянулся бы на земле, а лейтенант-морпех продолжила бы свой путь с той же невозмутимостью, что и львица, задевшая по дороге мышь.

Очевидно, Джинни разделяла его мнение.

- Бог ты мой, - пробормотала она. - Как хорошо, что я вне игры.

Она одним махом осушила один из трёх своих стаканов - тот что был в правой руке, - плюхнула пустой стакан на проезжающую мимо роботележку, перераспределила по рукам оставшиеся два, и принялась за следующую порцию напитка.

- Ты можешь не пережить эту ночь, - прошептала она Виктору. - Я прослежу, чтобы Кевин разместил в штаб-квартире ФСА памятную табличку в твою честь. Геройски погиб при исполнении, хм, долга.

Шёпот в исполнении Джинни Виктор скорее бы назвал разговором "вполголоса". Наверное в миллионный раз в своей жизни он проклял краску, залившую его лицо.

К счастью, ни одна из двух других женщин похоже этого не заметила. Они слишком были заняты друг другом, сцепившись взглядами, словно вышедшие на ринг боксёры-профессионалы.

К некоторому удивлению Виктора первой отвела взгляд новоприбывшая. Отвела, перевела его на Виктора и улыбнулась.

Улыбка полностью преобразила её. Она стала выглядеть намного моложе - Виктор внезапно осознал, что она немногим старше его - и скорее проказливой девчонкой, чем двуногой тигрицей. Кстати, улыбка была очень широкой и практически ослепительной. Кожа женщины была очень бледной, почти чисто белой - что выглядело немного странно в сочетании с широкими чертами лица и очень полными губами. Волосы также представляли собой странное сочетание: густая шапка кудряшек, но настолько белокурых, что казались практически серебристыми.

Глаза её были очень светлыми карими, единственно улыбка заставила их выглядеть теплее и темнее.

Цвет кожи, в сочетании с телосложением женщины и очень характерными волосами и чертами лица, заставил прозвенеть звоночек в сознании Виктора. Но прежде чем он успел собраться с мыслями, заговорила Джинни.

- Вы с одной из планет Мфекане, верно?

Женщина кивнула.

- С Ндебеле, худшей из двух. Это было справедливо даже до того, как нас подгребло под себя УПБ, - она слегка поклонилась Джинни. - Меня зовут Танди Палэйн. Первый лейтенант Корпуса Морской пехоты ФСЛ, в настоящее время состою при штабе капитана Луиса Розака. Удивлена, что вы знакомы с нашими мирами. Они достаточно мало известны.

Естественным движением, как она это делала, и которое продолжало нервировать Виктора, Джинни высунула язык и продемонстрировала генетический маркер "Рабсилы". Увидев его, Палэйн напряглась.

Виктор собирался было возмутиться, но тут до него дошло, что реакция лейтенанта была вызвана гневом, а не отвращением.

- Вонючие свиньи, - прошипела она и поджала губы, словно ощутила какой-то мерзкий вкус.

Джинни протянула ей один из своих стаканов.

- На, отхлебни. На вкус почти так же мерзко, но это просто выпивка.

Палэйн приняла стакан и опрокинула в себя половину одним глотком. Виктор, однако, обратил внимание на то, что в процессе взгляд её не отрывался от их компании, ни на секунду - что было непросто, делая такой глоток - не оставляя её уязвимой для атаки. Это подтвердило его предварительную оценку, что она была мастером рукопашного боя. К чёрту молодость; эта женщина была опасна.

Опустив стакан, она сказала Джинни:

- Выходит, вы видели немало таких как я. Мне говорили, что наша порода пользуется спросом у "Рабсилы".

- Не совсем так. Они уже несколько поколений не занимаются собственно отловом рабов, так что исходная кровь Мфекане подверглась разбавлению. Но да, вначале у них было немало ваших сородичей. Они предпочитают использовать эту генетическую линию в продуктах, предназначенных для боя или тяжёлой работы.

- Угу, следовало ожидать, - Палэйн снова скривилась словно от неприятного вкуса. - Не могу определиться, кто же был хуже. Основатели "Рабсилы" или мои предки. "Второе Великое

Переселение Банту", ха. Можете поверить, что эти кретины для нового дома подбирали планеты с высокой гравитацией? Для того чтобы, по их словам, "улучшить чистую, истинно изначальную человеческую породу". Благодаря высокой детской смертности, высокой общей смертности и нехватке ресурсов, типичной для большинства планет с высокой гравитацией - не говоря уже о том, что при всех их претензиях основатели были сущими голодранцами - к тому моменту, когда наши миры были открыты заново мы дошли до ручки.

Она подняла руку и посмотрела на неё. Сквозь кожу цвета слоновой кости слегка просвечивали вены.

- Словно для того, чтобы ирония ситуации была полной, на Ндебеле - на Зулу это так сильно не проявилось - низкий уровень солнечной радиации привел к отбору на недостаток меланина. Банту бледнее викингов, вот так! Но результатом действительно стала генетическая вариация, подошедшая к пределу нынешних физических возможностей человеческой расы. Тоже мне достижение. Просто сделало нас первосортным мясом в мясорубке УПБ, вот и всё.

Виктор был слегка удивлён слышать, как офицер ФСЛ столь открыто выражает свою враждебность к УПБ, но не слишком. Он знал, что довольно высокая доля рекрутов морской пехоты Лиги приходит из миров-протекторатов, что объясняет, почему УПБ использует их только в крайних случаях. Ему был известен как минимум один случай, когда батальон Охраны УПБ во время кампании по умиротворению был перемешан с землёй морпехами Лиги, которые должны были осуществлять их поддержку. Официальной версией было "случайный удар по своим", без каких-либо объяснений, как "случайный удар" мог привести к шестидесяти процентам потерь в батальоне.

Палэйн перевела взгляд с Джинни на Виктора.

- Вы - Виктор Каша, если не ошибаюсь. Не помню вашего звания, но вы из людей Кевина Ушера, - взгляд её снова вернулся к Джинни. - Что, если я права, должно означать, что вы - Вирджиния Ушер.

Впервые с тех пор, как в их узкий круг вторглась Палэйн, подала голос Наоми Имбеси.

- Ваша маска простого солдата криво сидит, лейтенант, - пробормотала она. Сказано это было с заметной злобой, что вызвало у Виктора раздражение. В реплике не было ничего кроме язвительности, и хотя он понимал, что сам и является причиной этого - надо сказать, такое случалось нечасто - ему всё равно было неприятно. Ему никогда особо не нравился тот факт, что женщины обычно его игнорируют. Теперь он открыл для себя, что

ещё меньше ему нравится, когда они из-за него дерутся.

К счастью, Палэйн похоже не была настроена на конфронтацию.

- В этом нет секрета, - весело произнесла она, делая ещё один глоток из стакана. - Я служу в разведывательном подразделении капитана Розака, так что знать подобные вещи является моей работой, - на мгновение она опустила взгляд на зажатый в руке стакан. - Не могу сказать, что она нравится мне больше этого пойла, но долг есть долг, и привередничать не приходится. А вы должно быть Наоми Имбеси, я полагаю, одна из родственниц Вальтера Имбеси. Племянница, кажется.

В последних словах Палэйн слышался отзвук триумфа, словно она выложила козырную карту. Виктор отметил тот факт, что она сумела передать мысль "твоя язвительность тебя выдаёт" не сказав этого вслух. Похоже внушительной девушке-лейтенанту была присуща и тонкость.

Он понял, что всерьез хочет увидеть улыбку Палэйн в полную силу. Фактически это желание было достаточно сильным, чтобы удивиться. Точнее призадуматься, как и был Виктор склонен относиться к своим эмоциональным реакциям.

На этот раз долго думать не пришлось. Причина того, что его настолько сильнее тянуло к офицеру Лиги чем к эревонской светской львице для него самого была достаточно очевидна и не имела ничего общего с физической привлекательностью той или другой.

На мгновение он встретился взглядом с Палэйн. На её лице не было ничего, кроме милого веселья, но Виктор понял значение этого взгляда. Они вышли из одной среды - по крайней мере в общем смысле - и оба это знали. Плебеи среди патрициев; уважаемые плебеи, ныне, но всё равно плебеи.

Палэйн осушила остатки выпивки.

- Полагаю, я и так слишком надолго прервала вашу беседу, так что позвольте откланяться, - она слегка кивнула Джинни; не сделала того же в отношении Наоми; а Виктору достался просто ещё один взгляд. - Приятного вечера.

И ушла, широко шагая. Она ещё не успела удалиться далеко, как прямо перед ней потерял равновесие один из многочисленных в толпе пьяных людей. Не сбившись с шага, Палэйн подхватила его под мышки и поставила на ноги с лёгкостью женщины, управляющейся с ребёнком. Мгновением позже её высокая фигура исчезла в толпе.

- Случайность, как же, - пробормотала Наоми. И снова её слова были окрашены злобой; и снова это вызвало у Виктора раздражение.

Глава 14

Как только они добрались до своего номера, Антон рухнул в кресло и тяжко перевёл дух.

- Прошу прощения за резкость. Однако я не мог довериться оборудованию защиты от подслушивания, которое достаточно мало для того, чтобы его мог унести человек. - Он бросил взгляд на стоящий в углу стационарный скремблер, обеспечивающий защиту их апартаментов, проверяя наличие зеленого огонька, свидетельствующего о том, что тот работает. Дополнительная проверка вызывалась скорее привычкой, чем какими-либо другими соображениями. Это устройство, оплаченное из средств Кэти, было наилучшим из доступных в галактике.

- И что такое стряслось? - с пылом поинтересовалась Руфь.

Сомнение, написанное на лице Берри, позабавило Антона. В отличие от Руфи, она не была обучающейся шпионскому ремеслу принцессой, и, очевидно, совсем не была уверена, что хочет услышать то, что Антон узнал от офицера Лиги, что бы то ни было. Берри ещё не решила, какую карьеру она желала избрать, однако это совершенно точно не был шпионаж.

- Одного шпиона в семье более чем достаточно, - заявила она однажды за обедом. - Если заведётся ещё один, то мы все свихнёмся.

К чему Кэти немедленно присовокупила:

- Храни нас от этого Господь.

А доченька Хелен - о, неблагодарность детей хуже змеиного яда - её поддержала:

- Не уверена, что мы уже не свихнулись. Папенька, в углу не робот-убийца, а всего лишь мой пёс, который виляет хвостом, выпрашивая какую-нибудь подачку, правда-правда. Прошу тебя, не надо рубить его напополам.

Антон всё еще не имел представления, на какой из областей человеческой деятельности в конечном итоге остановится Берри. Девушка страдала ментальным отклонением, которое, хотя вероятно и сказывалось наилучшим образом на здравости её рассудка, являлось в современном обществе серьёзной помехой: она интересовалась всем, однако ни одно из увлечений не довлело над ней. Природный универсал, а не специалист. Антон до сих пор втайне поражался, учитывая ужасы, которые ей пришлось пережить в детстве, её эмоциональной уравновешенности, но Берри до сих пор не продемонстрировала никаких особенных талантов в какой-либо из сфер деятельности.

Сама Берри время от времени пошучивала по этому поводу. Антон улыбнулся, припомнив давнишний разговор за обедом. Который, вообще-то, имел место всего несколько месяцев назад, во время каникул, когда Хелен наслаждалась своим первым длительным отпуском из Академии Флота на Острове Саганами.

- Это же очевидно, папа, - заявила Берри. - Есть только два занятия, к которым у меня имеется способность. Первое, это быть домохозяйкой - к вопросу о вымерших профессиях - или, это второе, быть королевой. - Берри глубокомысленно поджала губы. - Пожалуй, конституционная монархия подошла бы лучше всего. Уверена, что в качестве деспота я облажаюсь. Я слишком добродушна.

- Иди в адвокаты, - вступила Хелен в промежутке между поглощением пищи. - Насколько мне известно, сейчас свободных корон нигде нет, а став адвокатом, ты по крайней мере сможешь повсюду совать свой нос.

- Я никуда не сую свой нос, - чуть рассерженно отозвалась Берри.

- Ага, не суёшь, - последовал ответ Хелен, - даже учитывая, что тебе всегда все доверяют. Это значит, что ты можешь стать великим адвокатом.

Родная дочь Антона на мгновение замолкла, загружая в рот яства в объёмах, которые, по мнению Антона, просто не могли в ней поместиться. Где-то у неё в животе просто обязан был жить демон.

Обмен веществ Хелен слегка устрашал. В четырнадцать лет она была коротышкой. Сейчас, четыре года спустя, её рост уже превышал сто семьдесят пять сантиметров и она продолжала расти. Девушка обладала мускулатурой Антона, но со всей очевидностью унаследовала рост, который был нормой в роду её матери - пусть даже та им и не обладала.

- Я не желаю быть адвокатом.

- Конечно, нет. Ну и что с того? Ты и домохозяйкой или королевой быть не очень-то хочешь. Кроме того, в роли домохозяйки ты бы померла со скуки - ты слишком здраво мыслишь для того, чтобы ограничится кудахтаньем над младенцами - а на вторую роль, как я уже сказала, нет никаких вакансий. Так что, - завершила Хелен торжествующе, приканчивая одну тарелку и нагребая следующую, - будешь адвокатом. Метод исключения.

Кусок, ещё кусок. Антон начал опасаться, выдержит ли стол.

- Я услышала о нём в Академии, в этом семестре, в курсе по вводной логике.

Кусок, ещё кусок. Стол, как и большая часть мебели в

особняке Кэти, являлся предметом антиквариата. Потрясающий стол, ничего не скажешь. Однако Антон предпочёл бы, чтобы Хелен можно было кормить за конструкцией из строительных балок.

- Препод обожал цитировать одного древнего философа: "Отбросьте всё невозможное, и то, что останется, как бы…" хм, как же он говорил?

Хелен на мгновение прервалась, чтобы ублажить демона.

- Не могу вспомнить точно. Кажется "как бы невероятно". Всё равно… - она снова прервалась. Демон явно всё ещё бушевал в полную силу. - Что останется, как бы нелепо оно ни было, и будет правильным ответом. Так что, Берри, быть тебе адвокатом. Запомни мои слова.

***

Судя по лёгкой улыбке на губах Берри, Антон подозревал, что она вспоминает тот же самый разговор.

- Берри, я бы предпочел, чтобы ты это услышала, - сказал он. - Какое бы решение я ни принял - мы ни приняли - ты окажешься вовлечена. - Он посмотрел на Дю Гавела и добавил: - Я бы хотел узнать и ваше мнение.

Дю Гавел кивнул.

- Если от него будет польза. Предупреждаю вас, Антон, я теоретик, а не приземлённо мыслящий шпион.

К этому времени Руфь уже балансировала на краешке кресла. Она весьма очевидно не разделяла опасений Берри. Или, если на то пошло, беззаботной расслабленности Веба Дю Гавела. Казалось, что принцесса сейчас начнёт подпрыгивать от нетерпения.

- Этот лейтенант Лиги хотел сказать мне, что может дать мне в руки ниточку, при помощи которой можно раскрыть - во всяком случае, попытаться это сделать - происхождение таинственной Элейн Командорской.

Имя явно ничего не значило для обеих девушек или Веба. Антон был бы удивлён обратному. Насколько ему было известно, даже имя это было известно лишь очень немногим в городском полицейском управлении Лэндинга. И никто из знавших его не догадывался, в отличие от Антона, что в конечном счёте произошло с его носительницей.

- Она больше этим именем не пользуется. Сменила некоторое

время тому назад. В настоящий момент она известна как Джорджия Юнг, в девичестве Джорджия Сакристос.

Это имя девушкам было известно, пусть даже Дю Гавел его и не знал. Глаза Берри расширились; глаза Руфи распахнулись до размеров блюдца.

- Супруга графа Северной Пустоши, - продолжал Антон. - Человек, которого масса людей, в том числе и я, считает таинственным неизвестным - по крайней мере, когда речь идёт о грязных делах - стоящим за нынешним правительством Звёздного Королевства, - он посмотрел на принцессу. - Можете прибавить её имя к имени Кевина Ушера в списке наилучших шпионов галактики.

Руфь потёрла горло.

- Она контролирует тайные досье Северной Пустоши, да?

Антон угрюмо кивнул.

- Да, это так. Во всяком случае, с практической точки зрения. Эти треклятые досье, собранные старым графом Северной Пустоши, использовались для шантажа большего числа политиканов Мантикоры, чем мне хочется даже думать. И, ни капли не сомневаюсь, именно с их помощью Высокий Хребет и его приспешники парировали урон, который должны были понести после того, как мы с Кэти предоставили досье, полученные в ходе "инцидента с "Рабсилой" на Земле.

- Кем эта "Командорская" была? - поинтересовалась Берри.

- Во времена своей славы Элейн Командорская была одной из самых печально известных преступниц Лэндинга - во всяком случае, известной среди полицейских, даже если её имя ничего не скажет большинству граждан Мантикоры. Само собой, она не была простой бандиткой. Она специализировалась на вещах вроде промышленного шпионажа и мошенничества; в особенности на финансовых преступлениях. Помимо этого полиция уверена, что она виновна убийстве двух человек и причастна к "самоубийству" ещё одного, с целью сокрытия следов своих преступлений.

- Но… - Берри покачала головой. - Если ты смог бы доказать, что теперешняя леди Юнг была…

Антон потряс головой.

- Без толку. Да, при помощи анализа ДНК можно доказать, что Джорджия Юнг и Элейн Командорская одно и то же лицо. Но Командорской никогда не было предъявлено ни одного обвинения, несмотря на то, что она являлась объектом удивительного множества полицейских расследований. Полицейские глубоко убеждены, что она совершила большинство тех преступлений, в которых подозревалась, однако они не могут

это доказать.

- Так что - пожатие плечами - максимум, что мы можем выжать из этого дела в его теперешнем состоянии, это публично оконфузить режим Высокого Хребта. Великое дело. Пока в руках Высокого Хребта находятся эти самые секретные досье, он может нажать там, где надо, и оставить всё под спудом. Точно так же, как он поступил с расследованием по "Рабсиле".

Быстрый ум Руфи уже шёл дальше.

- Я так понимаю, полиция не смогла узнать, откуда появилась Командорская.

- Да. И я тоже. Она просто… внезапно объявилась в Лэндинге, причём с достаточными для начала своих махинаций средствами. И, замечу, её махинации велись на широкую ногу.

- Так что, если бы вы сумели узнать, откуда она появилась, то могли бы получить возможность вскрыть её делишки.

- Разумеется. Но…

Руфь перебила Антона.

- Да, я понимаю, вопрос очевиден. Зачем младший офицер Флота Лиги преподнёс вам этот лакомый кусочек? И на кого он работает? Вы можете быть абсолютно уверены - ладно, на девяносто девять процентов абсолютно уверены - что он сделал это не из-за альтруизма. Что, насколько я могу судить, означает одну из трёх возможностей.

Антон откинулся в кресле. Ему было интересно понаблюдать, насколько далеко девушка могла протянуть эту логическую цепочку.

Принцесса начала загибать пальцы.

- Первая, - для нас наилучшая - заключается в том, что некто имеет на Командорскую зуб, однако по какой-то причине не в состоянии действовать сам. Поэтому он выбрал капитана Зилвицкого в качестве орудия своей мести.

- Замечательно, - хмыкнул Антон. - А теперь скажи мне, что в этом сценарии не так.

Руфь нахмурилась. Это заставило её тонкое лицо - ладно, тонкое лицо Берри, если Антон желал быть настолько точным - казаться напряжённее обычного. Ссутулившаяся в кресле, с упёртыми в колени локтями, с голубыми глазами, усиленно разглядывающими пол, с раскинувшимися по плечам длинными тёмными волосами, она показалась Антону юной ведьмой, обдумывающий своё первое серьёзное колдовство. Очень юной ведьмой и довольно симпатичной, это верно; но ведьмой бесспорной и подтверждённой.

Антон, как уже было много раз после нанотехнического преобразования, испытывал изрядное замешательство. То, что

Руфь теперь выглядела как Берри и наоборот, он мог вынести. Однако их характеры остались прежними и это частенько вызывало у него смущение. Напряжённая - почти натянутая как струна - "Берри" прямо вступала в противоречие с мирозданием.

- Это всё-таки… возможно, - подумав несколько секунд, произнесла Руфь. - Но, наверное, не очень вероятно. Я бы сказала, что отследить развитие карьеры Командорской должно быть ещё труднее, чем восстановить её истоки. Что оказалось настолько тяжело сделать - я имею в виду, последнее - что ни вы, ни полиция Лэндинга не оказались на это способны.

Всё еще держа голову склонённой, она вопросительно подняла на Антона глаза. Тот одобрительно кивнул.

- Да. Если есть деньги - а они у Командорской были, судя по размерам мошны, которой она располагала, когда объявилась в Лэндинге - очень легко замести практически все следы прежней жизни и начать новую с чистого листа. Галактика огромна, огромна даже та небольшая её часть, которую люди исследовали и заселили.

- Так я и подумала. И в этом случае любой, кто её отслеживал из-за того, что у него имелись претензии, которые хотелось удовлетворить, должен был и сам обладал огромными ресурсами. Надо полагать, вполне достаточными, чтобы самим осуществить месть, - она снова сделала небольшую паузу. - Это значит, что кто бы ни установил эту связь, намного вероятнее, что он наткнулся на неё случайно.

- Не обязательно "случайно", - возразил Антон. - Они могли, по каким-то собственным причинам, расследовать нечто, во что оказалась вовлечена Командорская. Однако с твоим основным аргументом я согласен. Совершенно не выглядит вероятным, что они искали именно её.

Он чуть махнул рукой.

- Продолжай. Каков следующий вариант?

- Ну, это очевидно. Кто-то имеет зуб против вас и использует Командорскую как наживку в ловушке. - На этот раз, смотря на Антона, она подняла голову. - И вам было бы тяжело на это не клюнуть, не так ли?

Челюсти Антона сжались.

- Всё силы ада не удержат меня, чтобы я не клюнул на это, разве только я буду чертовски уверен, что в этом нет ничего кроме западни. Ничто не может так освежить политическую атмосферу Звездного Королевства как устранение Джорджии Юнг и этих зловонных досье Северной Пустоши.

Теперь настала очередь Берри схватиться за горло.

- Но… папочка… ты же не можешь…

Антон покачал головой.

- Расслабься, Берри. Дело в том, что по моему мнению это самый маловероятный вариант. Да, не невозможный, но…

Тут он снова махнул рукой Руфи.

- Объясни ты, если можешь.

Принцесса не колебалась ни секунды.

- Это маловероятно просто потому, что слишком хитроумно. Проблема с очернением капитана, - она улыбнулась Антону, - заключается в том, что тут мало что можно сделать, кроме как вымазаться самому. По большей части грязная работа в политике подразумевает угрозу подорвать чью-то репутацию, а… хм…

Антон усмехнулся.

- Моя репутация и без того ниже плинтуса. Чем мне можно угрожать? Крахом карьеры на Флоте? Было. Раскрытием внебрачной связи со скандально известной графиней? Было. Обвинением в якшании с опасными радикалами? Было.

Тут Берри хихикнула.

- Тебя нельзя даже обвинить в том, что ты неведомо где подобрал сирот-хулиганов. Было.

- Что оставляет только прямое нападение на самого капитана, - подытожила принцесса. - А это достаточно рискованное предприятие, как недавно выяснила некая профинансированная "Рабсилой" группа налётчиков. Хотя, если кто-то собирается попробовать ещё раз, полагаю имеет смысл выманить капитана подальше от организованной им системы безопасности. Заманить на чужую территорию.

Антон покачал головой.

- Не слишком много в этом смысла. Если не считать собственно Мантикору - и Землю, на которой у меня всё ещё осталась масса связей - Курящая Лягушка - последнее место, где кому-либо стоило бы пытаться играть со мной в свои игры.

Непонимающие лица девушек заставили Антона припомнить, что он кое-что недоговорил.

- О, простите. Забыл. Ниточка лейтенанта ведёт на Курящую Лягушку, в Сектор Майя. Именно там та, кто позже стала графиней Северной Пустоши, создала личность Командорской. Если задуматься, то это разумно. Курящая Лягушка - развитая в техническом смысле планета. Тамошние биоскульпторы не уступают любым другим в галактике, может быть за исключением земных или беовульфианских.

Руфь всё еще выглядела озадаченной.

- Однако я по-прежнему не понимаю, почему она не может быть хорошим местом для того, чтобы заманить вас в засаду.

Дю Гавел хихикнул. Антон посмотрел на него и произнёс.

- Объясните ей, Веб.

Академик жёстко улыбнулся.

- Это плохое место для того, чтобы пытаться обижать Антона - учитывая его тесные связи с Одюбон Баллрум. Ни на одной планете галактики не проживает столько членов Баллрум, как на Курящей Лягушке. После того, как Баррегос стал губернатором, их даже больше, чем на Земле. Антон сразу же после прибытия может обеспечить себя такими телохранителями, с которыми никто не осмелится шутить.

Дю Гавел пожал плечами.

- Беглым рабам нужно где-то жить и всегда есть место, которое - по своим собственным мотивам - предоставляет им убежище. Отчасти по идеологическим мотивам, но по большей части просто для того, чтобы досадить каким-нибудь влиятельным силам, которые им не нравятся. Баррегос и Меза являются открытыми врагами, так что Баррегос ничего не теряет, превращая Сектор Майя вообще и Курящую Лягушку в частности в современный эквивалент конечной станции Подземной Железной Дороги в Бостоне.

- Что ещё за Бостон? - поинтересовалась Берри и стиснула виски ладонями. - У меня голова болит.

Антон заметил колебание принцессы и понял, что она вполне чётко представляет следующий вариант.

- Ну, да, - произнёс он, его глубокий голос звучал резче обычного. - Наиболее вероятным вариантом - который будет "третьим" у Руфи - заключается в том, что некто пытается выманить кого-то вместе со мной на Курящую Лягушку. Мне было бы не так легко защитить спутника, как себя.

Берри, всё еще сжимая руками голову, потрясла ею.

- Папа, это бессмысленно. Конечно, я твоя теперь дочь, но это никого не затрагивает… о.

Её голова вскинулась; она повернулась к Руфи.

- Это они до тебя добираются!

Принцесса пожала плечами.

- Как знать? Но, да, я полагаю, что это наиболее логичное объяснение, - она повернулась к Антону. - Я права?

- И да, и нет, - на это раз жестом Антона было шевеление пальцами. - Ход твоих мыслей правильный. Однако…

Он пытался найти наилучший способ объяснить то, что хотел.

- Принцесса, ты хороша. Очень хороша. Однако ты всё ещё молода и страдаешь от классического синдрома начинающего агента. Ты уделяешь окружающему слишком много внимания. Ты слишком доверяешь логике, а это значит, что можешь слишком упростить картину для того, чтобы заставить ситуацию иметь

смысл. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

Он чуть ли не смеялся. Юная ведьма хмурилась; удивлялась, почему её старая карга-наставница настаивает на использовании грязных ушей летучей мыши и жабьей крови, когда в гримуаре ясно сказано…

- Просто поверь мне, девочка. Мир намного грязнее и мрачнее, чем тебе кажется. Тренировать логику хорошо, однако не следует на неё слишком полагаться. Это дикое и опасное животное, если только на неё не надеть намордник и не посадить на цепь фактов. Которых…

Антон опустил руки на колени и выпрямился.

- Которых у нас пока недостаточно. Так что вот как мы поступим: я полечу на Курящую Лягушку - этот ключик потенциально слишком ценен, чтобы от него отказаться - однако вы, вы обе, останетесь на Эревоне, - он кинул взгляд на дверь, за которой бдительно несла стражу Королевская Гвардия. - Под опекой гвардейцев и эревонских секретных служб вы должны находиться в достаточной безопасности. Если только кто-то не готов пойти на риск крупного дипломатического инцидента - а я не могу представить, кому он тут нужен - вы должны находиться в достаточной безопасности до моего возвращения.

Берри и Руфь переглянулись. Было вполне очевидно, что в них боролись два стремления. С одной стороны, всякий сколько-нибудь энергичный юнец не мог не прийти в восторг от перспективы ощутить на некоторое время самостоятельность. С другой стороны…

- Ты улетишь надолго? - тихо поинтересовалась Берри.

- Наверное, на месяц. В зависимости от того, как там пойдут дела. Разумеется, я полечу на фрегате. Отсюда до Сектора Майя всего около пятидесяти световых лет - где-то неделя перелёта в эта-полосе, если мы немного поторопимся, - а Курящая Лягушка находится в где-то пяти с половиной световых годах внутри границ сектора. Скажем, ещё день или около того. Так что шестнадцать дней на дорогу и пара недель на месте на работу, что бы там ни пришлось раскапывать. Стандартный месяц, около того.

- Ну, четыре недели не так плохо, - во взглядах, которыми обменялись Берри и Руфь, теперь уже ничего не боролось.

- Никаких диких вечеринок, - прорычал Антон. - Никаких оргий. Особенно никаких диких оргий. Если я вернусь, и эта гостиница не будет стоять - причём учтите, не в руинах! - то…

Правда, Берри никогда не была настолько бойкой, как родная дочь Зилвицкого, Хелен. Такого темперамента у неё не было. С другой стороны, четыре года, проведённые рядом с Хелен, тоже

не прошли для неё даром.

- Что за глупости, папочка! Я?! И принцесса Руфь? - Каким-то образом она сумела изобразить негодующий рывок, не вставая с кресла. - Никогда не слыхала ничего нелепее…

Дальше - больше. Само собой разумеется, что Руфь добавила заламывания рук и негодования. Дальше - больше. Антон мрачнел с каждой секундой.

Дю Гавел ни капли не помог.

- Вот оно, - улыбаясь, заметил он. - Антон, вот мы и раскрыли их хитроумный план. Тебя выманивают с Эревона, чтобы галактика наконец-то осознала всё безумие юных дам.

- Я рассчитываю, что ты поможешь держать их в узде, - прорычал Антон.

- Не глупи. Я - рассеянный профессор. Они обведут меня вокруг пальца в мгновение ока.

Глава 15

К тому времени, когда Виктор и Наоми сумели уложить Джинни в постель, раздражение Виктора в адрес эревонки почти развеялось. Племянница Вальтера Имбеси могла быть язвительной и неприятно агрессивной в присутствии лейтенанта морской пехоты Солнечной Лиги. Но затем Наоми была само очарование и добродушие… особенно пока Виктор справлялся с неприятной задачей оттащить упившуюся в стельку Вирджинию Ушер прочь от толпы, пока та не устроила сущий ад в деле нарушения приличий и публичного скандала.

Джинни не шутила, когда сказала, что плохо переносит спиртное. Раньше Виктор никогда не видел её пьяной, и теперь, когда увидел, страстно надеялся, что никогда больше этого не увидит.

Дело было даже собственно не в том, что её стошнило. Хотя, несмотря на все усилия Кевина и Джинни Ушер в последние несколько лет, в его поведении ещё сохранялась определённая чопорность, Виктора никак нельзя было назвать ханжой. Долистские трущобы Нового Парижа были, в конце концов, плохой средой для воспитания ханжества. Нельзя сказать, что он никогда не видел, как кого-то выворачивает наизнанку, или что с ним самим не случалось подобного.

Но он никогда не видел, чтобы кто-либо делал это так, как Джинни, целенаправленно выбрав себе мишень. В то же мгновение, как лицо её внезапно приобрело зелёный оттенок, а глаза расширились, - Виктор мгновенно опознал несомненное выражение "сейчас меня вывернет", - Джинни принялась лихорадочно сканировать толпу.

Наоми распознала признаки столь же быстро, как и он.

- Сюда, - со смехом сказала она Джинни, - держись за мою руку. Я знаю, где ближайший женский туалет.

Джинни мотнула головой.

- Расточительство, - процедила она сквозь зубы, водя взглядом туда-сюда по толпе, пока тот за что-то не зацепился.

Точнее за кого-то.

- Вот… классно!

Несмотря на явно испытываемую ею тошноту, в этих словах было что-то ликующее. В следующее мгновение Джинни уже ковыляла с предельной целеустремлённостью, каким-то чудом умудряясь двигаться прямо к цели, хотя её мотало из стороны в сторону. Она даже ухитрилась - едва-едва - удержаться на ногах

когда, споткнувшись, потеряла одну из туфель. Но для этого ей пришлось сбросить и вторую, что заставило Виктора потерять несколько мгновений на то, чтобы подобрать брошенную обувь.

Этих мгновений ему и не хватило для того, чтобы остановить Джинни прежде, чем та устроила Серьёзный Дипломатический Инцидент Менее Значимой Разновидности. Наоми продолжала более или менее удерживать Джинни за руку. Но, не зная Джинни настолько же хорошо, как он, не догадывалась, что у той на уме, пока дело не было сделано.

- О, Боже, - прошипел Виктор, подобравший пару босоножек стоя на колене. Он как раз поднял голову и увидел, куда направляется Джинни.

К стоявшему в стороне столу, за которым сидела официальная делегация Солнечной Лиги. Поголовно состоящая из младших служащих посольства, выделяющихся характерными одеждами дипломатов и тем, что они явно старались вести себя как можно неприметнее. Очевидно, им поставили задачу "изобразить присутствие для протокола"… и ничего сверх того. Виктор время от времени погладывал в их сторону, и видел, что ни один из них даже взгляда не бросил в сторону Джессики Штейн, не говоря уже о том, чтобы подойти к ней с соболезнованиями.

При всём при том, что сам он не испытывал особо тёплых чувств к Штейну, его возмутило это умышленное оскорбление. Да, он всегда считал проповеди Ассоциации Ренессанса до некоторой степени фарисейскими и бессодержательными. Но по крайней мере Иеронимус Штейн всё-таки обличал многочисленные злодеяния, совершаемые под прикрытием "демократии и социальной справедливости в Солнечной Лиге", что уже было больше, чем можно было сказать о ком бы то ни было из правящих кругов самой Лиги, если не принимать во внимание редкие фигуры типа Оравила Баррегоса. Виктор знал, какую ярость испытывает по отношению к Лиге Джинни, которая сама являлась одной из жертв этого официального равнодушия.

Он вскочил на ноги и предпринял отчаянную попытку перехватить её. Никакого прока из этого не вышло, если не считать того, что Виктор оказался достаточно близко, чтобы полюбоваться надвигавшимся спектаклем во всех деталях.

Джинни добрела до стола, стукнулась о него, опёрлась на столешницу вытянутыми руками и одарила собравшихся за столом шестерых дипломатов улыбкой на зеленоватом лице.

Все они уставились в ответ на неё, насупившись, как и следовало дипломатам в присутствии невежи.

- Не думаю, чтобы нас представляли, - выдавила из себя

Джинни. Слова у неё уже шли на вес золота, иссякая как вода, отступающая от пляжа. - Меня от вас тошнит.

Тут и объявилось цунами, окатившее пятерых из шести, прежде чем уняться. Какой-то отдалённый уголок сознания Виктора пришёл к выводу, что он стал свидетелем чуда. Вообще-то даже двух чудес: во-первых, что хоть кто-то из шестерых дипломатов не попал под раздачу, учитывая объём и вулканическую энергию извергнувшегося потока; во-вторых, что женщина настолько миниатюрная как Джинни вообще смогла произвести подобный поток.

Потрясённая Наоми выпустила руку Джинни и отшатнулась. Потрясённые до глубины души дипломаты вскочили на ноги и сделали то же самое, попутно поопрокидывав свои стулья.

Нисколько не потрясённый Виктор ухватил Джинни за локоть, развернул её, и потащил прочь.

- Простите, - бросил он через плечо теперь-то уж точно выделяющимся своим внешним видом дипломатам Лиги. - Она слегка перебрала, - неловко добавил он в адрес пялящейся на них толпы, сам считая своё заявление смехотворным. Всё равно, что во время бури заявить, что погода слегка испортилась.

- Погодите-ка! - донеслось до него гневное восклицание одного из дипломатов.

- Легко, - прошипела Джинни. - Я кого-то пропустила? - она принялась вырываться из захвата Виктора, явно исполненная решимости вернуться и исправить упущение.

При всей своей миниатюрности, слабой Джинни не была. Так что, даже хотя к этому моменту Наоми держала её за другую руку, Виктор понимал, что ему придётся побороться. Он уже было собирался бросить туфли, чтобы ему ничто не мешало во время отчаянной борьбы, когда в дело вмешалось знакомое меццо-сопрано.

- Возмутительно! Немедленно убирайтесь!

Мгновением позже пара сильных рук крепко ухватила его за ворот и Джинни за заднюю часть сари. И неумолимо потащила их…

Прочь от дипломатов. Виктор оглянулся, и убедился, что улыбка лейтенанта была именно такой ослепительной, как ему это представлялось.

- Не пропустила бы такое зрелище ни за какие коврижки, - прошептала Танди Палэйн. - Но нам лучше побыстрее отсюда убираться, пока она не вызвала настоящую войну.

***

Как только они благополучно выбрались из-под купола и оказались в относительно темном месте за его пределами, лейтенант отпустила их, и сделала шаг в сторону. Рядом с ними была и хмурящаяся Наоми. После нового появления Палэйн добродушие Имбеси, похоже, улетучилось.

Но мгновение Виктор испугался, что вернётся её неприятная язвительность. Но Палэйн предотвратила это, снова покинув их компанию.

Она встала по стойке смирно лицом к Джинни, и отточено ей отсалютовала.

- Мадам Ушер, я салютую вам. Морская пехота Лиги салютует вам.

Сверкнув Виктору своей быстрой улыбкой, она сказала:

- Но сейчас вам лучше исчезнуть.

Повернулась на каблуках и промаршировала обратно к цирковому куполу. Казалось, что её широкие плечи слегка вздрагивают, словно она пыталась сдержать смех.

***

К счастью, Джинни во время поездки на такси назад в гостиницу не выкинула ничего из ряда вон выходящего. Ещё более удачно было то, что поездка была достаточно короткой, чтобы она смогла сдержать рвотные позывы, пока они не добрались до своего номера. И уже там, отбросив прежние причуды, она провела положенное время в обнимку с унитазом.

Виктор помог ей чем мог. Но в этой ситуации, в отличие от женского соперничества, Наоми доказала, что является сокровищем. Отпрыск семьи Имбеси достаточно очевидно не была чужда последствиям необузданных вечеринок и перебора с потреблением алкоголя. И, что более важно, к ситуации она относилась с мягким, терпеливым юмором, что принесло Джинни куда больше пользы, чем щепетильность Виктора.

- Ладно, девочка, - заключила Наоми, поднимая Джинни на ноги, когда в той больше не могло ничего остаться. - Пора в кроватку.

Наоми была выше Джинни и заметно тяжелее, так что ей не составило труда практически протащить её потребные несколько шагов без помощи Виктора. Но когда они приблизились к двери в спальню, Джинни снова начала сопротивляться.

- Нет! На диван.

Наоми заколебалась. Повернувшись в её захвате, Джинни улыбнулась ей снизу вверх.

- Дурочка, спальня понадобится тебе. Кроме того, диван всё равно никогда не использовался по назначению, а это неправильно, в такой-то роскошной гостинице.

Она дернулась в обнимающих её руках по направлению к дивану.

- Мне там будет замечательно.

Наоми скосила взгляд на Виктора. Тот пожал плечами и махнул рукой в сторону дивана.

- Почему бы и нет. Если ты этого ещё не заметила, она упряма как мул.

Несколько секунд спустя Джинни растянулась на диване. Ещё через несколько секунд она погрузилась в сон. Но до того сумела пробормотать несколько слов.

И в них не было ни капли юмора. Закрыв один глаз, она вперила холодный взгляд второго в Наоми.

- Будь с ним ласкова, слышишь? Я люблю Ви-ик-тора. Убью тебя если что, клянусь.

Глаз василиска закрылся, и Джинни отрубилась.

***

К тому времени, когда Палэйн разыскала капитана Розака, Штейн и её клика больше даже не пытались поддерживать видимость того, что происходящее было чем-то иным кроме политического мероприятия. Спиртное лилось рекой, а большой участок пространства под куполом был превращён в танцевальную площадку. Так что лейтенанту пришлось потратить некоторое время на поиски местонахождения Розака и его людей.

Однако не такое уж большое, стоило только ей понять, что столы были сдвинуты на оставшуюся часть подкупольного пространства. Она просто принялась искать самый большой стол. Люди Розака действовали эффективно в любом деле.

Самого Розака за столом не было. Он стоял неподалёку, погрузившись в беседу с лейтенантом Мэнсоном.

Танди заколебалась. Ей не хотелось перебивать приватный разговор капитана. Также, если на то пошло, ей не особенно нравился лейтенант Мэнсон. Но капитан, должно быть, увидел её, поскольку Палэйн заметила, как он кинул в её сторону взгляд.

Едва различимое изменение выражения его лица ясно дало понять, что он не возражает против нарушения приватности беседы.

Стараясь не улыбаться, Танди направилась к нему. Не последней из неприятных привычек Мэнсона была склонность подлизываться к начальству. Палэйн подозревала, что "частная беседа" между Розаком и Мэнсоном уже выродилась в поток нежеланной лести.

Розак не был безразличен к лести. Точнее, не возражал против неё… при условии, что она ограничивалась разумным минимумом. Но он был одним из тех в высшей степени уверенных в себе людей, кому не нужны были заверения нижестоящих в том, что он велик. Он и так это знал.

Когда подошла Танди, Мэнсон прервался и бросил на неё недружелюбный взгляд. Такой короткий и неприязненный, как взгляд одного из соперников на другого… что, по мнению Танди, отдавало абсурдом, поскольку их с Мэнсоном карьерные пути были совершенно различны. Он был штабным офицером флота, она - боевым лидером морской пехоты. За исключением совещаний штаба их дороги едва ли когда-то пересекались.

Но это, пожалуй, было неизбежно. Постоянные мелочные попытки Мэнсона подкопаться под "соперников" были рефлекторными в той же степени, что и навязчивый подхалимаж перед начальством. Дело было скорее в инстинктах, чем в логике.

Розак прочистил горло.

- Лейтенант Палэйн делает для меня кое-какую работу, лейтенант Мэнсон.

Неприязнь немедленно исчезла с лица Мэнсона, сменившись вкрадчиво-показной вежливостью.

- А. Тогда я исчезаю.

- Нет, вообще-то задержитесь. Скорее всего, это касается вас.

Палэйн была слегка удивлена слышать это, но не сильно. Мэнсон всё-таки выполнял для капитана основную часть разведывательной работы, хотя Розак обычно назначал более деликатные задачи Эди Хабиб или Ватанапонгсе.

- Ну, Танди? Какова твоя оценка? О, прости мне моё невежество. Напитки на столе.

Она мотнула головой.

- Спасибо, капитан, не стоит. Прямо сейчас последнее, что меня интересует, это выпивка. Только что видела впечатляющую демонстрацию пагубных последствий её употребления.

Взгляд Розака сказал Палэйн продолжать, и она кратко описала недавний эпизод с участием Вирджинии Ушер.

Когда она закончила, Розак улыбался, а Мэнсон хмурился.

- Эта женщина - идиотка, - заявил Мэнсон. - Последнее, что может себе позволить Хевен…

Танди решила, что с неё довольно.

- Не глупи, - перебила она его. - Хевениты получают технологии посредством частных сделок с индустриальными концернами. Что для "Троммп Энтерпрайзес" - исключительно для примера - может значит кучка обрыганных мелких чиновников? Кроме того, если персонал местного консульства Солнечный Лиги такой же слепо-глухо-тупой как обычно, они даже не знают кто она такая.

Лицо Мэнсона напряглось. Танди поняла, что только что сотворила себе врага из человека, кто до того копал под неё исключительно по привычке. Поразмыслив об этом ещё секунду-другую, она также осознала, что её это нисколько не волнует. После года на службе у Розака Танди больше не была столь же неуверенна в собственном статусе, как раньше.

А Мэнсон её откровенно раздражал. Ей нравилась Вирджиния Ушер. Вообще-то, даже очень нравилась, насколько возможно было судить по их короткой встрече.

Розак, как обычно невозмутимо, разрядил напряжение. Как обычно невозмутимо разъяснив Мэнсону что есть что.

- Должен сказать, что здесь я согласен с лейтенантом Палэйн, Джерри.

Если бы она не видела этого раньше, Танди бы поразила моментальность, с которой Мэнсон перешёл от гнева к дружелюбию. Она была вполне уверена, что он едва не устроил ей выволочку за неуважительное отношение к старшему офицеру. А вместо того он ухмыльнулся и с сожалением покачал головой.

- Ну… да. Если где-то в галактике и есть консульство Лиги, персонал которого может нашарить обеими руками собственную задницу, я такого пока не встречал.

Танди решила, что не помешает слегка притушить накал и с её стороны.

- Я согласна, что ей не следовало этого делать, лейтенант Мэнсон. Но… она, знаете ли, из бывших рабов "Рабсилы". Тем работникам консульства повезло, что единственное, что в них полетело это рвота.

По изумлённому лицу Мэнсона было очевидно, что он не знал этого. Изумлённому… а потом застывшему. По-видимому, флотский лейтенант разделял общее предубеждение в отношении генетических рабов.

- Интересно, - задумчиво произнёс Розак. - Я и сам не был в курсе этого факта. Однако он определённо многое объясняет, верно?

Последнее адресовалось Танди, полностью игнорируя Мэнсона, несмотря на то, что обращался он к ним обоим. Мэнсон, разумеется, глубокомысленно кивнул, но было предельно очевидно, что у него нет ни малейшего представления, о чём говорит капитан.

- Да, объясняет, - отозвалась Танди. Поскольку Розак оставил Мэнсона, и сейчас не делал попыток исключить его из разговора, Танди решила, что тот был посвящён в эту информацию.

Она загнула первый палец.

- Во-первых, это может объяснить, почему Кевин Ушер прибег к таким ухищрениям, чтобы создать для неё историю прикрытия на случай неблагоприятного развития событий в Республике. О… да, сэр, это всё-таки история прикрытия. Каковы бы ни были отношения между Вирджинией Ушер и Виктором Каша, они близки, но адюльтером там и не пахнет. Я в этом уверена. Во-вторых, это кое-что говорит о Кевине Ушере, - она даже глазом не повела в сторону Мэнсона, но была уверена, что Розак понял, что она имеет в виду. "В отличие от некоторых, Ушер не является нетерпимым болваном". - В третьих, это позволило президенту Хевена послать частным образом знак поддержки АР, поскольку можно быть уверенным, что уж они-то знают о происхождении Вирджинии Ушер. В четвёртых…

- Думаю, остальное мы обсудим позже, лейтенант Палэйн, - непринуждённо заметил Розак и, приняв деловой вид, повернулся к Мэнсону.

- Если хевениты здесь не увеселения ради, а по делу - на что похоже, судя по словам лейтенанта Палэйн, - это слегка меняет ситуацию. Во всяком случае, мне так кажется.

На этот раз согласный кивок Мэнсона был искренним, а не просто знаком поджалимажа. Танди напомнила себе, что Мэнсон несмотря ни на что в основном всё-таки был весьма способным офицером разведки.

- Согласен, сэр. И первым делом это усложняет то, что и без того выглядело кошмарным клубком. Но возможно более важно то, что это может предоставить нам альтернативный вариант…

Он заколебался, бросив взгляд на Танди.

Розак сухо хмыкнул.

- Мало смысла хранить это в секрете от неё, разве не так? Кому, по-вашему, предстоит возглавить штурм, если до этого вообще дойдёт?

Мэнсон снова кивнул. И снова это было искренним жестом.

- Достаточно справедливо, - скупо улыбнулся он. - Бой в замкнутом пространстве определённо не является моей специализацией.

"Бой в замкнутом пространстве? О чём это они?"

Заинтересованность Танди резко пошла вверх. Она предполагала, что под "специальной операцией", ради которой Розак был отправлен сюда, и большая часть которой по-прежнему была для неё тайной покрытой мраком, подразумевались просто шпионаж и двурушничество. То, что может потребоваться вести боевые действия, было для неё новостью.

Видя её очевидный интерес, Розак улыбнулся.

- Танди, ты правда думала, что я поставил тебя во главе "Амазонок" только ради их социальной реабилитации?

Она действительно задумывалась над этим, но… В конце концов, причинам, по которым Розаку мог рано или поздно пригодиться неофициальный ударный отряд, не было числа.

- Но об этом также позже, - твёрдо заявил Розак. - Всё это может и не случится. С учётом присутствия хевенитов есть ещё как минимум один возможный вариант, - он оживлённо потер руки. - В настоящий момент давайте сконцентрируемся на ближайшем будущем.

Остатки неформальности в общении были отброшены. Теперь перед ними был командир, отдающий приказы.

- Лейтенант Мэнсон, боюсь, сейчас я должен попросить вас покинуть нас. Информация ограниченного распространения и всё такое.

Мэнсон кивнул и немедленно удалился. Как бы поперёк души это ни было амбициозному лейтенанту, в чём Танди была уверена, он достаточно давно работал на Розака, чтобы знать, когда не следует возражать.

Как только он вышел за пределы действия аппаратуры защиты от подслушивания, Розак повернулся к Танди. Голос его стал жёстче.

- Так, лейтенант, думаю пора ввести вас в курс дела. Начать можем с того факта, что лейтенант Мэнсон является вероломным подонком, продающим информацию… черт, кто знает кому именно? Но уж эревонцам-то точно.

Танди напряглась, борясь с позывом взглянуть вслед удаляющемуся Мэнсону.

- Вы хотите, чтобы я?..

- Нет-нет. Во всяком случае, пока нет, - улыбка Розака была абсолютно безрадостной. - Известный предатель может представлять собой ценность, лейтенант. Посвятил я тебя в это для того, чтобы ты была начеку. Поскольку что ещё обычно представляет собой предатель, так это чёртова дурня. И что меня сейчас беспокоит, так это что я больше не испытываю такой как раньше уверенности, что Мэнсон держит под контролем то, что

должен держать.

Танди выжидала. Она была в полнейшем недоумении, но была довольно уверена в том, что Розак его развеет. По крайней мере, в достаточной степени.

Улыбка капитана стала шире и слегка теплее.

- Славно, славно. Те масадцы, за которыми вы приглядывали издалека, лейтенант. Сократите дистанцию. Мэнсон должен был сам позаботиться об этом, но я больше не верю, что он может не облажаться. Когда придёт время - и предупреждаю, решение на этот счёт в основном придётся принимать тебе самой…

***

Десятью минутами спустя Танди была можно сказать в шоке. Не потому, что не понимала, чего хочет от неё Розак, но просто потому…

На то, чтобы справиться с шоком у неё ушло четыре часа. К тому времени она давным-давно вернулась в свой номер гостиницы и стояла, глядя в окно на уснувший Мэйтаг.

Шок уступил место… ну, не совсем печали. Скорее некой пустоте. Она с малых лет знала, что вселенная является холодным и суровым местом. Но, по-видимому, в её душе всё ещё сохранялся некий уголок - некий юный, девичий уголок - который был способен испытывать боль, когда ему об этом напоминали.

Она изо всех сил старалась взглянуть на ситуацию со светлой стороны. По крайней мере, теперь она знала, что её ночи не будут отравлять тщётные мечты насчёт капитана. Да, Луис Розак по-прежнему оставался привлекательным и харизматичным лидером. Но как мужчина, вблизи и без прикрас…

Это было бы всё равно, что мечтать о кобре. Танди поймала себя на том, что вспоминает лицо юного офицера-хевенита. Да, чопорное и до какой-то степени официальное, но за этим фасадом чувствовалось присутствие хорошего человека. Что более важно, она видела как к нему прикасается Вирджиния Ушер. Адюльтер был прикрытием, в этом она была уверена, но теплота тех прикосновений всё равно должна была быть искренней.

Тут Танди смогла тихо рассмеяться. Вселенная была сколь жестока, столь и эксцентрична. Возможно странно находить утешение в воспоминаниях о том, как стошнило ту женщину, но так оно и было. В конце концов, это хорошо говорило об её инстинктах. Танди испытывала твёрдую уверенность в том, что

женщина, способная столь безошибочно направить поток рвоты, скорее всего не делала много ошибок и в том, на кого направить свою привязанность.

***

Следующим утром Танди проснулась в гораздо лучшем настроении. По натуре она была "жаворонком", так что этого следовало ожидать. Солнечный свет всегда благотворно действовал на неё.

Возможно ещё лучше на неё подействовали сияющие лица бойцов её специального подразделения, когда она разъяснила им их новую задачу. Практически против собственной воли Танди привязалась к этим женщинам. Да, они зачастую демонстрировали грубость и ожесточение; да, они по-прежнему страдали бездумным синдромом превосходства; да, да, да - их недостаткам не было числа.

Но они старались, разве не так? Во вселенной, средняя температура которой не превышала трёх градусов от абсолютного ноля, это по меркам Танди Палэйн значило довольно много.

Кроме того, улыбки этих волчиц были такими заразными.

- С удовольствием, кайя, - сказала одна из них. - Тебе они нужны тушкой, или чучелком?

Глава 16

Уставившись в потолок спальни своего гостиничного номера, Виктор Каша пытался понять, что же именно он чувствует. Ощущению, даримому теплом проникающего через едва задёрнутое окно солнца, он не доверял. Солнечный свет - коварная штука, способная сбить человека с толка и затуманить его разум.

Однако, несмотря на все усилия, он ничего не мог с собой поделать. Он чувствовал себя замечательно. Даже прекрасно. Ликования не было, было просто… то самое удовлетворение, которое ощущает мужчина, совершив, вопреки всем инстинктам, Правильный Поступок.

Разумеется, ещё он чувствовал, что сотворил величайшую глупость. И был довольно-таки уверен в том, что стоит только Джинни об этом узнать, как она тут же примется посыпать эту рану солью.

Более чем уверен.

Дверь распахнулась и в неё ввалилась нагруженная переполненным подносом Джинни. Виктор постарался не встретиться с ней взглядом.

Наверное ещё секунды три стояла благословенная тишина. Как раз столько времени понадобилось Джинни на оценку ситуации. Виктор лежит поверх одеяла и полностью одет. Наоми Имбеси спит в этой же самой кровати, и на ней уже нет вечернего платья. Однако она всё-таки в халатике. Ив эту ночь всё-таки - это было до боли очевидно - не предавалась плотским утехам.

- Виктор, ты безнадёжен! - донеслось до него рычание Джинни. - Не могу поверить, что напилась специально для того, чтобы дать тебе свободу, а ты!.. Просто позор!

- Я в полном порядке, - возразил Виктор, продолжая избегать её взгляда. - И уж ты-то должна бы понимать. Хотя вообще-то я удивлён, что ты вообще в состоянии что-либо понимать, поскольку должна страдать от жуткого похмелья, миз Отрубившаяся После Пьяного Дебоша.

Джинни, как обычно, проигнорировала колкость в свой адрес.

- Ну не дикарь ли ты? Думаешь, у нас на дворе до сих пор Тёмные Века?

Она утвердила поднос на ближайшем столике и с большой симпатией улыбнулась Наоми. Та, в свою очередь, лениво приподняла голову и улыбнулась в ответ.

- Отличное средство, Наоми. Действует куда лучше, чем вся

та дрянь, что я привезла с собой.

- Лучшее средство от похмелья, какое я вообще видела, - сонно согласилась Наоми. И тихо рассмеялась: - А я их перепробовала кучу, уж поверь мне.

Она приподнялась в кровати, ничуть не заботясь о том, что её халат распахнулся, открывая груди. На какое-то мгновение Виктор ощутил смущение, вроде того, какое испытывает юноша, застуканный на месте преступления старшей сестрой. Но это чувство длилось недолго. Джинни не была ни скромницей, ни ханжой, даже если забыть о том, как она сама поспособствовала этому роману.

Этому роману…

Виктор задумался, может ли вообще этот всё ещё не завершившийся эпизод претендовать на звание "романа". Он ничуть не сомневался, что у Наоми был некий неведомый ему мотив, чтобы попытаться его совратить. В конце концов, это и было одной из причин того, что он заупрямился.

Однако только одной из, и, говоря начистоту, не самой значительной. Как и у многих представителей молодого пополнения, пришедшего в Госбезопасность из трущоб долистов, в Викторе было что-то от пуританина. Но это скорее являлось своего рода реакцией на неопрятность существование долистов, чем продуктом непоколебимой идеологии, и уж тем более не плодом религиозных убеждений. У Виктора не было никаких религиозных убеждений помимо прочного агностицизма и уверенности в том, что даже если сущность, которую можно было бы назвать "Богом", действительно существует, её ничуть не заботят сексуальные привычки малочисленного вида существ, обитающих в крохотном уголке одной из многих миллиардов галактик.

Нет, действительная причина его упрямства прошедшей ночью совершенно не была связана с его предубеждением против случайных связей. Это получилось просто из-за врождённого упрямства Виктора. Он не обязательно возражал против того, чтобы женщина пыталась его совратить по каким-то собственным причинам - хотя подобное в его жизни случалось не слишком часто. Просто чёрта с два он собирался сдаться легко.

Было довольно заметно, что Наоми не обманули его заявления насчёт скверного самочувствия. К его облегчению, она не попыталась форсировать события. Однако она настояла, чтобы они оставались в одной кровати, поскольку стоит ей уйти из номера - в такое время - и рассыплется вся тщательно выстроенная легенда, объясняющая почему они оказались вместе. И она устроила целый спектакль из раздевания и облачения в

халатик.

- А как ты, Виктор? - с хитрецой поинтересовалась Наоми. - Тебе уже лучше? Или ты тоже нуждаешься в порции моего зелья, чтобы справиться с последствиями твоего - хм, сколько там было? - одного бокала? Или двух?

Джинни, ухмыляясь, взяла поднос и вручила его Наоми. Эревонка пристроила его на коленях и стала с аппетитом есть. Она предложила Виктору присоединиться, но он взял только пару фруктов. Эревонское представление о подобающем завтраке вызывало у него лёгкую тошноту. Он привык к обычным для Нового Парижа завтракам, которые основывались на зерновых, а не на…

- А что это вообще такое?

- Кровяная колбаса по-эревонски, - бодро ответила Наоми. - Она готовится из…

- Не надо! Могу себе представить, но не хочу.

Наоми и Джинни обменялись взглядами, какими обмениваются искушённые в кулинарии люди в присутствии неотёсанной деревенщины.

К тому моменту, когда Наоми закончила с завтраком, Джинни сидела в ногах кровати, закинув ногу на ногу. Одета она была в своего рода кимоно, до последней ниточки столь же нескромное, как и все её наряды. Виктора, вообще-то, её выбор удивил, поскольку поддержание легенды при данных обстоятельствах выглядело особенно бессмысленным.

Он так и сказал. И вновь обнаружил, что Наоми и Джинни обменялись такими же раздражающими взглядами.

- И что теперь заставляет вас демонстрировать своё превосходство?

Джинни покачала головой.

- Виктор, иногда я за тебя боюсь. Все твои путешествия, все последние несколько лет - и всю это ни на йоту не раздвинуло твой горизонт. Мы собираемся заняться сексом втроём, глупышка. Как ещё сделать так, чтобы Наоми могла оставаться вместе с нами, когда рядом с тобой я? - она скривилась. - Я не собираюсь напиваться каждую ночь только для того, чтобы поддерживать легенду, особенно если ты и дальше собираешься упускать шансы.

Виктор выпучил глаза. Наоми гортанно рассмеялась.

- Несомненно, что великие умы мыслят одинаково. Конкретно, мой и Джинни. Виктор, это замечательно сработает. Я известна среди эревонского бомонда своей бисексуальностью - это у нас не редкость, нравы у нас почти так же свободны, как и на Беовульфе - а относительно привычек Джинни сейчас кто

угодно поверит чему угодно. Так что мы трое можем продолжать встречаться, где угодно и когда угодно, и никого это не удивит. Вообще-то…

Она заинтересованно покосилась на Джинни. Та улыбнулась и покачала головой.

- Нет, спасибо. Несмотря на всё притворство, я не изменяю Кевину. И даже не потому, что он может приревновать. Честно говоря, я не думаю, что он стал бы это делать, такой уж он оригинал. Просто…

Её лицо застыло.

- Хм, - Наоми поёжилась. - Да, могу себе представить. Если бы я выросла в бараках "Рабсилы", то наверное вообще была бы безразлична к сексу.

Джинни пожала плечами.

- Всё не так скверно. Однако если у меня когда-то и были мысли насчёт того, что в чужом саду виноград слаще, то я с ними давно распрощалась.

Наоми поднялась, продолжая держать поднос, и подошла к столу, где его и пристроила. Совершенно не обращая внимания, насколько мог судить Виктор, на то, что гостиничный халат едва прикрывает её пышную фигуру. Его это немного выбивало из равновесия. Притом, что он знал, что отношения с Наоми в основе своей были делом политическим, Виктор всё еще не мог настолько просто относиться к близости. Далеко не впервые в своей жизни он ощущал себя деревенщиной.

Устроив поднос, Наоми обернулась. Она улыбалась.

- Не то, чтобы я была против романа - ты, Виктор, довольно мил - однако я надеюсь, что права в предположении, что вы находитесь здесь для налаживания неформальных контактов с Эревоном. Иначе, с политической точки зрения, все мои труды пойдут прахом.

Джинни кивнула.

- Да. Но… Кого ты подразумеваешь под "Эревоном", Наоми? Или я не права, предполагая, что ты… хм, выступаешь от имени своего дяди?

- Да, ты права. Но не думайте, что к Вальтеру не прислушаются только потому, что у него нет никакого официального положения.

Теперь, когда они перешли в политическим вопросам, Виктор почувствовал себя гораздо свободнее. Он понимал принципы функционирования эревонского правительства намного лучше Джинни. В силу природного острого ума и того факта, что она была женой Кевина Ушера, Джинни превосходно разбиралась в межзвездной политике. Однако она редко тратила время на

изучение нюансов, а Виктор занимался этим постоянно. В конце концов, как бы там ни было, она была любительницей, а он - профессионалом.

- Это я понимаю, - заметил Виктор. - Однако не могу понять, почему правящие фамилии не послали кого-нибудь для… хм…

- Прежде всего, они не так умны, как дядя. И даже если бы они были так же умны, они бы колебались. На Эревоне все ненавидят Звёздное Королевство - по крайней мере, его правительство - за то, как они обращались с нами последние несколько лет. Куда бы вы ни пошли, повсюду можно услышать шуточку: "С Мантикорой в союзниках кому ещё нужны враги?". Однако правящие в настоящее время семейства славятся осторожностью. Так что даже если бы они поняли, зачем вы к нам прибыли, они всё равно скорее всего попросили бы дядю быть посредником. "Благовидные предлоги" и всё такое.

Виктор кивнул. И пришёл к выводу, что у него нет другого выхода, кроме как немного покривить душой.

- Насчёт нашего статуса. Мы тоже не являемся официальными представителями президента Причарт.

"Мягко говоря; она бы ежа против шерсти родила, если бы знала, что делает Кевин".

- Однако будет правильным считать, что она со вниманием выслушает всё, что мы ей передадим.

"Выслушает, ещё бы. Снимая с Кевина шкуру живьём".

Наоми обрела деловой вид, перемещаясь к ближайшему креслу и раскидываясь в нём. Она даже умудрилась, неким загадочным способом, который Виктор не смог постичь, придать своему наряду официальный вид.

- Для начала вполне сойдёт. В отличие от правящих семейств, дядя принял решение. Он полагает, что союз Эревона со Звёздным Королевством - гнилое дело, и что - принимая во внимание произошедшие у вас изменения в правительстве - для нас было бы намного выгоднее вступить в союз с Республикой Хевен. Однако я честно предупреждаю - он многое запросит. Если Эревон сблизится с Хевеном, то в плане технологий мы сможем передать вам намного больше, чем вы выпросите у Лиги за многие годы.

Виктор услышал сдавленный вдох Джинни. В некотором смысле, это было странно, поскольку такую возможность они с Кевином обсуждали в присутствии Джинни. Однако даже сам Виктор ощутил легкое головокружение. Наоми только что откровенно выложила на стол то, что несомненно будет, если всё пройдёт успешно, величайшим успехом разведки Хевена за многие годы. Потому что будучи членом Мантикорского Альянса Эревон располагал…

ВСЕМ. Ладно… почти всем. Однако мы вполне уверены, что у них есть компенсаторы и сверхсветовая связь манти последних поколений, просто для начала. Они внедряют новинки не так быстро как Грейсон, но это только потому, что к моменту заключения союза с Мантикорой уже располагали развитой инфраструктурой. Им не надо было неистово подниматься с нуля и их техника была уже достаточно хороша - во всяком случае, лучше того, чем располагали мы! Однако у них, тем не менее, есть по меньшей мере восемьдесят процентов полного пакета манти, а это означает…

"Боже святый! Мы практически в мгновение ока получим почти всю новейшую технику манти".

Он встряхнул головой, пытаясь сосредоточиться на текущих делах.

- Что ты подразумеваешь под "многое запросит"?

Наоми пожала плечами. Учитывая её грудь, и слишком маленький для неё наряд, жест был… завораживающим.

- Не знаю. Вам надо будет решать это с дядей. Затем - если он будет удовлетворён - ему надо будет согласовать это с правящими семьями. Могу точно вам сказать, что как абсолютный минимум они потребуют, чтобы Республика Хевен помогла нам решить проблему Конго.

- Решить каким образом?

- Как насчёт ковровой бомбардировки ядерными боеголовками? - прорычала Джинни. - Для начала.

Виктор поморщился.

- Джинни, большинство населения Конго - рабы.

Джинни начала было возражать; затем сделала вдох и отрывисто кивнула.

- Ладно, беру свои слова назад. Как насчёт простого завоевания? Чтобы затем перебить всех, кроме рабов. А ещё лучше, забросить их в джунгли в одних набедренных повязках и пусть они там медленно передохнут.

Виктор вздохнул и потёр лицо. Планета, о которой они говорили, называлась совсем не "Конго". По крайней мере, официально. Звёздные лоции учитывали её просто под номером, а мезанская корпорация, по сути дела владевшая планетой, называла её "Вердант Виста".

Однако все остальные в этой части галактики называли планету "Конго". Виктор даже знал смутный исторический аналог, давший планете имя, место на Древней Земле, называвшееся "Конго короля Леопольда". Возрождённый колониальный ад, постоянно приводимый Антирабовладельческой Лигой и Ассоциацией Ренессанса в качестве главного примера ужасов,

порождённых терпимостью галактического сообщества к "Рабсиле" и Мезе.

Уж так получилось, что упомянутым владельцем планеты являлась "Рабсила", которая держала на планете центр разведения рабов. Однако главным богатством покрытой джунглями планеты были разнообразные редкие фармацевтические препараты, которые было затруднительно синтезировать - и которые хозяева Конго добывали, применяя самые дикие из вообразимых методов эксплуатации подневольного труда. Одно из исследований, проведённых по заказу Ассоциации Ренессанса, утверждало, что средняя продолжительность жизни раба на плантациях составляла не более шести лет.

- Прошу тебя, Джинни, - нежно произнёс Виктор. - Гневом делу не поможешь, - он покосился на Наоми. - Я полагаю, Эревон рассматривал такую возможность и отказался от неё.

Наоми опять пожала плечами. Виктору пришлось подавить желание заорать: "Женщина, надень какую-нибудь нормальную одежду! Я пытаюсь думать!"

- Вам придется узнать детали у дяди. Но да, насколько мне известно, мы рассматривали вариант прямого военного вторжения и решили, что это неосуществимо. Прежде всего, хотя мы и можем разбить частные флоты Мезы, существует вероятность того, что их близкие друзья из УПБ могут организовать ещё и официальное вмешательство ФСЛ. Это не слишком хорошо соответствовало бы официальному отношению Лиги к генетическому рабству, однако это никогда не мешало Пограничной Безопасности находить оправдания вмешательству в поддержку не входящих в Лигу государств и коммерческих интересов во имя "стабильности на границах". Разумеется, в данном случае это маловероятно. Однако, разумеется, такого варианта исключить нельзя и никакое эревонское правительство не станет рисковать возможностью открытого конфликта с Лигой. Кроме того, даже если об этом полностью забыть, у нас просто нет достаточных для захвата планеты наземных сил. Наша сила в торговле, а не в армии. А любая наземная операция на Конго…

Она не стала договаривать. Если Виктор помнил правильно, то что-то около шестидесяти процентов поверхности Конго характеризовалось как влажный тропический лес. А оставшиеся сорок процентов были по большей части ещё хуже: болота, заболоченные низменности, рукава рек - все представимые формы ландшафта, которые обещали сделать существование наземных войск печальным.

***

Решение Виктор увидел почти сразу же, хотя он был вполне уверен, что никто из эревонцев о нём бы даже не подумал. И вовсе не испытывал уверенности, что они примут идею, если он её предложит. Это было не то решение, на которое могли бы пойти осторожные предприниматели и торговцы, господствующие в олигархическом обществе Эревона.

Если он вообще выдвинет такое предложение, напомнил он себе, тщательно себя сдерживая. Его предварительные планы сработают только в случае, если…

Прямо сразу он мог видеть по меньшей мере два огромных "если". Прежде, чем начинать что-либо планировать на будущее, ему придётся установить собственные контакты с основными заинтересованными сторонами. Одна из которых…

Последняя мысль вызвала странное сочетание эмоций. Некоторое чувство вины, перемешанное с более ощутимым ожиданием. В конце концов, Наоми действительно не была его подружкой. И не вина Виктора, если единственный путь, который он мог придумать для связи с наиболее способным из офицеров вооружённых сил Солнечной Лиги в близлежащем пространстве, чисто случайно вёл к ослепительной улыбке.

- Давайте займёмся этим позже, - произнёс он, откашливаясь. - В настоящий момент, как я полагаю, Эревон рассержен на Мантикору за то, что та пальцем о палец не ударит, чтобы помочь им с вопросом Конго.

На лице Наоми читалось напряжение.

- Конго представляет для нас постоянную угрозу. Мы не особенно беспокоились, пока несколько лет назад мезанцы не обнаружили, что система обладает собственной туннельной сетью. Это всё изменило. Опасаться прямого нападения Мезы на Эревон разумеется нечего - однако кто знает, кому ещё эти подонки могут разрешить проход через сеть? Это смахивает на соседство с гангстером, у которого есть код от вашего чёрного хода. Звёздное Королевство заверяло нас, что после успешного завершения войны с Хевеном и заключения мира оно окажет нам любую необходимую помощь в решении проблемы Конго. Включая обещание использовать своё дипломатическое влияние для формирования абсолютной уверенности в том, что потуги любого бюрократа УПБ поддержать Мезу одним-двумя оперативными соединениями ФСЛ будут решительно пресечены. Естественно, эти гарантии давались правительством Кромарти.

Виктор ощутил необходимость сыграть роль адвоката

дьявола. Не ради духа противоречия, но потому, что политические инстинкты подсказали ему, что в глазах эревонцев он должен был выглядеть объективным.

- Говоря начистоту, Кромарти скорее всего сдержал бы слово.

- Да, наверное. Однако вместо этого Кромарти был убит и ему на смену пришёл Высокий Хребет. И новый режим абсолютно чётко дал понять, что не чувствует себя связанным какими бы то ни было обещаниями, данными предыдущей администрацией. Бесчестные ублюдки, - категорично заявила она.

Виктор понимал гнев, скрытый в последнем восклицании. Ещё он знал, что ни одни мантикорец из теперешней администрации его бы не понял. Неофициальный стиль эревонской политики базировался на обычаях, абсолютно чуждых людям типа барона Высокого Хребта. На Эревоне слово человека считали его обязательством - и это обязательство признавалось заинтересованными семействами. Если человек давал обязательство и по какой-либо причине был неспособен его сдержать, ожидалось, что обязательство выполнят родичи.

Пожалуй, наиболее популярной поговоркой на Эревоне было: "Сделка есть сделка". Эревонцы печально прославились по всей галактике - в собственном секторе, по крайней мере, а также в тех секторах Лиги, которые имели с ними регулярные контакты - как неисправимые торгаши и барыги. Однако также они были известны и тем, что после того как сделка заключена, на них можно полностью положиться. Так что неудивительно, что среди всех промышленно развитых миров галактики именно на Эревоне на адвокатов приходилась наименьшая относительная доля населения. Эревонцы просто не воспринимали понятие "сутяжничество" - хотя самая бородатая шутка о них в мирах Солнечной Лиги была о человеке, предъявляющем своей матери иск за травму, причинённую ему его рождением.

- Хорошо, тогда всё. Думаю, я уже достаточно хорошо понял основные параметры проблемы. По крайней мере текущие. Я должен буду, хм… разузнать кое-что. Где и когда мы сможем встретиться с твоим дядей?

Наоми усмехнулась.

- В "Цене греха", где же ещё?

Джинни захлопала в ладоши.

- Ох, я давно мечтала увидеть это место! - она вскочила на ноги и накинулась на свой гардероб с чрезмерным, с точки зрения Виктора, энтузиазмом. - Погодите, сейчас вы увидите, как я наряжусь. Виктор от смущения будет красным, как омар!

Пятью минутами спустя она шествовала по номеру, демонстрируя наряд. Виктор почти в точности походил на омара,

вплоть до ссутуленной спины. Когда же Наоми заявила, что собирается одеться в том же стиле, что и Джинни, и превзойти её, всякий беспристрастный наблюдатель сказал бы, что Виктор похож больше на рака-отшельника, отчаянно отыскивающего раковину, в которую можно спрятаться.

***

К своему облегчению Виктор обнаружил, что встреча с Вальтером Имбеси не может произойти немедленно, поскольку эревонец был занят какими-то другими неотложными делами. Он располагал как минимум сутками или двумя относительного спокойствия до того, как должен будет взойти на борт шаттла, направляющегося на космическую станцию, являвшуюся самой скандально известной достопримечательностью Эревона, в сопровождении двух женщин, которые, похоже, были полны решимости прикончить его путём смерти от смущения.

Несомненно, термин "спокойствие" в понимании Виктора озадачил бы большинство людей, которые обычно не связывают это слово с плетением интриг и заговоров и передвижением украдкой в тенях. Но это была жизнь, к которой Виктор за последние несколько лет привык.

Привык до того, что не испытывал никаких колебаний относительно проникновения ранним утром следующего дня на находящийся под командованием мантикорских офицеров военный корабль в личине таможенного чиновника. Да и почему он должен был колебаться? В конце концов, формально это был не мантикорский корабль. И хотя сам Виктор формально не являлся таможенным чиновником, камуфляж был одобрен племянницей эревонского магната, который даже при том, что ни он сам ни его племянница формально не являлись должностными лицами эревонского правительства, не испытал ни малейших затруднений при получении соответствующих документов в кратчайшее время.

Кроме того, Виктор действительно знал основные процедуры и специфический жаргон таможенников. И, опять же, его абсолютно не интересовали ни мантикорские офицеры, ни сам корабль. Только один из членов команды. Если на то пошло, любой из семидесяти трёх процентов команды.

***

И, в данном случае, его тайная миссия оказалось намного проще, чем он смел надеяться. Нашёлся даже член команды, который его узнал.

- Забавно встретить тебя здесь, - растягивая слова произнёс Дональд Экс. - Не буду спрашивать, получил ли ты приглашение подняться на борт от капитана Зилвицкого, - он посмотрел в сторону дальнего выхода из небольшого кубрика, в котором сидел за столом, - ты можешь погодить, чтобы я успел выйти, прежде чем ты начнёшь вышибать мозги из тех, кому хочешь их вышибить? - и добавил, окинув кубрик взглядом. - Наверное, это призраки? - никого больше в кубрике не было.

Виктор, наверное, буквально залился краской, как от раздражения, так и от смущения. Дональд был одним из боевиков Баллрум, видевших безумное истребление Виктором отряда Госбезопасности и кощеев, разыскивавших в подземных руинах Чикаго Хелен Зилвицкую.

- И что ты ноешь? Я избавил вас от трудов.

- Достаточно справедливо, - хмыкнул Дональд, чуть улыбаясь. Он сцепил мощные руки на столе перед собой, сплетя пальцы. Руки и пальцы были так толсты, что получившийся двойной кулак казался размером почти с окорок. Дональд Экс явился в мир в лабораториях по разведению рабов "Рабсилы", принеся с собой только имя - точнее, серийный номер - F-67d-8455-2/5. Символ "F" означал раба, предназначенного для выполнения тяжелой физической работы. Годы спустя Дональд решил иначе, однако его тело всё еще несло печать того первоначального предназначения. Он не был особенно высок, но мощен и просто бугрился мускулами.

- Что я могу для тебя сделать, Виктор Каша?

- Ты помнишь моё имя?

Слабая улыбка Дональда чуть расширилась.

- Тебя сложно забыть. А теперь, я спрошу ещё раз… - он расцепил руки и умиротворяющее поднял одну из них. - Спокойно, товарищи, никаких проблем.

Виктор обернулся и увидел, что в люке, через который он попал в кубрик, стоят ещё двое членов экипажа. Несомненно, тоже члены Одюбон Баллрум. Виктор даже не слышал, как они подошли, так что он напомнил себе, что имеет дело с людьми, считающимися наиболее опасными террористами галактики.

Или "борцами за свободу", смотря с какой стороны посмотреть.

"Борцами за свободу", - твёрдо решил Виктор и снова повернулся к Дональду:

- Мне надо переговорить с Джереми.

Дональд пожал плечами.

- Это проблематично. Джереми тут нет.

Виктор не удивился. Обнаружить главу Баллрум уютно расположившимся на Эревоне было бы чрезмерной удачей.

- Тем не менее, мне надо переговорить с ним, как только он сможет сюда добраться.

- Вот как, да? И что именно даёт тебе право вызвать Джереми?

- "Право" тут не при чём. Правильным словом будет "возможность".

Какое-то мгновение он колебался. Но затем, помня, что Дональд был близок к Джереми, добавил:

- Как бы вам понравилось заиметь собственную планету?

Глава 17

- Коммандер, "Ручей Потаватоми" похоже покидает парковочную орбиту.

Линда Уотсон, услышав доклад лейтенанта Гёр, развернулась к тактической секции. По крайней мере, лейтенант была ближе к более-менее правильному произнесению странного имени этого корабля, чем удавалось большинству команды "Стального кулака". Это было первой мыслью Уотсон. Второй был вопрос: куда это Антон Зилвицкий собрался?

БИЦ* [боевой информационный центр] "Стального кулака" ненавязчиво приглядывал за фрегатом Зилвицкого с момента прибытия крейсера в систему. Не то, чтобы кто-то ставил крейсеру такую задачу. Официально посол Фрейзер не обращала какого бы то ни было внимания на крошечный военный корабль. Возможно она считала, что раз уж королева решила столь публично ткнуть пальцем в глаз правительство Высокого Хребта, то будет только справедливо отплатить таким отношением к такси Руфь Винтон. Или, что более вероятно, к водителю этого такси, учитывая насколько… непопулярен в глазах правительства умудрился оказаться некий Антон Зилвицкий.

Однако капитан Оверстейген взял на себя обязанность быть втихую в курсе перемещений как корабля, так и его пассажиров. Хотя ни то, ни другое не позволяло предположить, что "Ручей Потаватоми" мог куда-то собираться.

Зилвицкий не был обязан извещать "Стальной кулак" о своих намерениях. Как частный гражданин Звёздного Королевства он был свободен двигаться куда пожелает. Более того, хотя "Ручей Потаватоми" и был построен на Мантикоре, официально зарегистрирован он был в системе Ализон. Пусть это и было всего лишь юридической фикцией, но в том, что касалось по сути дела карманного капера, следовало соблюдать внешнее приличие.

Однако же, учитывая, кто был среди пассажиров "Ручья Потаватоми"…

Она нажала кнопку коммуникатора на подлокотнике командирского кресла.

- Капитан слушает, - практически немедленно отозвался голос в её наушнике.

- Это старпом, сэр. Прошу прощения за беспокойство, но наш друг с непроизносимым именем похоже покидает орбиту.

- Вот как? - и после секунд трёх молчания последовало: - Линда, пусть лейтенант Чени вызовет их. Скажите ей спросить -

вежливо, имейте в виду - не может ли капитан Зилвицкий уделить мне несколько секунд. Если он согласится, соедините его с моей каютой.

- Есть, сэр, - коммандер Уотсон отпустила кнопку коммуникатора и повернулась к связисту "Стального кулака", мысленно мечтая на время этого разговора оказаться мухой, сидящей на переборке капитанской каюты.

***

Авраам Темплтон несколько секунд выслушивал голос, бормочущий у него в наушнике, а затем, кивнув, повернулся к своему кузену Гидеону.

- Изекииль докладывает из космопорта. Ему удалось кого-то подкупить и взглянуть на сообщение Зилвицкого центру управления движением. Конечный пункт назначения не указан, но Зилвицкий уведомил управление движением Эревона, что собирается покинуть орбиту. Это точно. И какой-либо другой орбиты он не запрашивал.

Гидеон поджал губы, уставившись на одну из стен номера "Мыльца", который занимали он сам и его отряд наёмников из масадцев и кощеев.

- Значит, он покидает систему, - он наклонил голову к Аврааму, не отрывая взгляда от стены. - И точно известно - так? - что дочь Зилвицкого и моя сестра остались здесь.

- Да, Гидеон. Об этом мне докладывал Джейкоб не далее десяти минут тому назад. Сучки по-прежнему в своих номерах.

Гидеон сосредоточенно рассматривал стену. Это была просто пустая стена, без каких-либо украшений. Но в данный момент ему казалось, что перед ним распахиваются невиданные перспективы.

***

- Спасибо, что согласились поговорить со мной, капитан Зилвицкий.

Даже для человека со столь внушительной самодисциплиной как у Антона Зилвицкого трудно было не забывать, что лицо на экране коммуникатора на самом деле не принадлежит премьер-

министру Мантикоры. Оно выглядело настолько чертовски похожим на лицо Мишеля Жанвье, что Зилвицкий не мог заставить себя не ожидать услышать неописуемо раздражающий голос барона Высокого Хребта.

"Но, по крайней мере, этот голос раздражающий по другой причине, - напомнил он себе. - Дело не в том, что он говорит, а как он это говорит. Будь честен. Даже от этого твои челюсти так не сводило бы, не будь ты грифонским горцем".

- Я стараюсь соблюдать по крайней мере абсолютный минимум учтивости, капитан Оверстейген, - ответил Антон, а Оверстейген едва заметно улыбнулся, расслышав нотки, от которых Зилвицкий не смог до конца избавить свой глубокий, громыхающий голос.

- Слова истинного горца, капитан, - отозвался он и глаза его, похоже, действительно сверкнули. - На одном из приёмов миз Монтень я получил изрядное удовольствие от дебатов с вашим другом Вебом Дю Гавелом. Почему-то, сэр, я испытываю уверенность, что ваши собственные с ним споры имеют тенденцию быть… интересными.

- Вообще-то, - признал Зилвицкий с едва заметной улыбкой, - так и есть. Не в последнюю очередь из-за того, что профессор Дю Гавел получает некое удовольствие от занятия позиции крайнего противоречия собеседнику, просто для того, чтобы посмотреть, куда зайдёт спор. Я, разумеется, совсем не таков.

- Вполне могу поверить в справедливость этого утверждения… по крайней мере в той части, что касается профессора Дю Гавела, - добродушно заметил Оверстейген.

- О, это правда, - заверил его Зилвицкий, и покончил с обменом любезностями переходя к делу. - Могу я поинтересоваться, зачем вам вдруг понадобилось поговорить со мной, капитан?

- Судя по показаниям моих сенсоров, капитан Зилвицкий, "Ручей Потаватоми" в настоящее время направляется к гипергранице.

- Да, это так, - без какого-либо выражения подтвердил Зилвицкий.

- Заверяю вас, капитан, что в мои намерения не входит вмешиваться в ваши дела или препятствовать вашим передвижениям, - с ощутимой настойчивостью произнёс Оверстейген. - Однако мне известно, что на борту вашего корабля на Эревон прибыл член королевской семьи. В качестве единственного представителя блистательного флота Её Величества, в настоящее время находящегося в пространстве Эревона, я ощущаю определённую ответственность оставаться в

курсе местопребывания принцессы Руфи.

Во взгляде Зилвицкого появился опасный огонёк, и Оверстейген поднял руку в успокаивающем жесте.

- Прошу вас, капитан. Будь принцесса у вас на борту, я бы не испытывал беспокойства за её безопасность. Я достаточно неплохо информирован как о вашей собственной репутации, так и о возможностях вашего корабля. В частности, я был восхищён, читая отчёт РУФ об оснащении кораблей его типа аппаратурой радиоэлектронной борьбы. По-видимому, картель Гауптмана не собирался останавливаться ни перед чем, оснащая их для Баллрум. Э-э, то есть для Антирабовладельческой Лиги, разумеется.

Зилвицкий откинулся в кресле. Как ни странно, Оверстейгена, похоже, искренне позабавил, а не возмутил тот факт, что "Ручей Потаватоми" и однотипные ему корабли были построены специально для самой знаменитой "террористической организации" галактики, что бы там ни говорили на этот счёт официальные документы. Это было не то отношение, которого можно было бы ожидать от столь близкого родственника Высокого Хребта.

"Ну вот опять, Антон! - он мысленно покачал головой. - Ты же знаешь послужной список этого человека. Кем бы ещё он ни был, идиотом он быть не может. И очевидно же, что его взгляды не вполне совпадают со взглядами его кузена".

- Поразительно, капитан Оверстейген, сколь многие люди, которым следовало бы знать что к чему, похоже совершают ту же ошибку, - произнёс он с непроницаемым лицом. - Полагаю, это достаточно естественно. Хотя Антирабовладельческая Лига решительно поддерживает следование путём политических и юридических мер, её целью является искоренение генетического рабства во всей цивилизованной галактике. И поэтому временами мы действительно относимся с согласием, или, по крайней мере, с пониманием к позиции Баллрум, как бы сильно ни порицали время от времени избранную ими тактику.

- О, не сомневаюсь, - сказал Оверстейген с отточенной учтивостью, которую несколько подпортила сопровождавшая слова широкая улыбка. - С другой стороны, капитан, если вы искренне рассчитываете, что хоть кто-либо поверит хоть одному слову из только что сказанного вами, то, возможно, вам следует подумать о переименовании своего корабля. Признаю, мало кто станет тратить время на установление происхождения его названия, но оно просто бросается в глаза всякому, изучавшему историю рабовладения, генетического или ещё какого. Имя вроде, ну, скажем, "Табмен"* [Гарриет Табмен (Harriet Tubman),

урождённая Араминта Росс (Araminta Ross) (1822-1913) - американская аболиционистка африканского происхождения, шпионка северян во время гражданской войны в США] звучало бы куда более "политически ориентированным".

- Правда? - при виде этой улыбки где-то внутри Зилвицкого словно щелкнуло реле. Как бы ни выглядел этот человек, он уж точно не был клоном Высокого Хребта. - Я лично стоял за "Бакстон"* [Сэр Томас Бакстон (sir Thomas Buxton) (1786-1845) - британский реформатор, аболиционист, член Палаты Общин, сменивший там в роли лидера движения за упразднение рабства Уильяма Уилберфорса. При нём был принят запрет на рабство в Британской Империи]. Или, возможно, "Уилберфорс"* [Уильям Уилберфорс (William Wilberforce) (1759-1833) - британский филантроп и аболиционист, член Палаты Общин, первым выдвинувший там билль об упразднении рабства]. Однако Кэти решила по-своему.

Это было неправдой. Кэти тоже предпочла бы другое имя - в самом крайнем случае просто "Джон Браун", а не название одного из самых его печально знаменитых актов насилия* [Джон Браун (John Brown) (1800-1859) - американский аболиционист, пропонент вооружённой борьбы за отмену рабства, легендарная в США личность. Возглавлял "резню у ручья Потаватоми" в 1856 и нападение на арсенал в Харперс-Ферри в 1859. В результате последнего был схвачен, осуждён и повешен]. Но Джереми Экс настоял, чтобы первые два фрегата были названы "Харперс-Ферри" и "Ручей Потаватоми" - в основном, как знал Антон, потому что хотел угодить наиболее фанатичным членам Баллрум, в то же самое время втихую обуздывая их реальную деятельность. В конце концов сошлись на компромиссе. В обмен на позволение назвать корабли по-своему Кэти выторговала у Баллрум другие уступки. Но для публики ей пришлось взять ответственность за именование на себя.

Судя по широкой улыбке, остававшейся на лице собеседника, Антон заподозрил, что эта уловка на Оверстейгена не подействовала. Но мантикорский капитан сказал только:

- Ну, я могу понять, почему деяния Джона Брауна у ручья Потаватоми и в Харперс-Ферри могут выглядеть привлекательно для Баллрум. Он, конечно, не тот человек, с которым мне хотелось бы встретиться. Человек, скорее всего не менее фанатичный и жестокий, чем любой из его противников. Но намёк получился прозрачный… весьма прозрачный. Не думаю, чтобы у кого-либо были какие-либо сомнения на счет того, на чьей стороне он бы оказался.

- Да, вряд ли, - согласился Зилвицкий. - Но мы, похоже,

отклонились от первоначальной темы, капитан.

- Отклонились, - кивнул Оверстейген. - Как я и говорил, капитан Зилвицкий, единственное, что меня волнует, это быть в курсе местонахождения принцессы Руфи на случай, если в ваше отсутствие выдастся возможность или необходимость предложить ей мои услуги или услуги "Стального кулака".

- Как вы, похоже, уже догадались, капитан, - сказал Зилвицкий, - я оставил принцессу - и свою дочь Берри - здесь, на Эревоне. Профессор Дю Гавел согласился поработать их опекуном, а лейтенант Григгс, командир охраны принцессы, был полностью в курсе моих планов. Не могу сказать, чтобы меня сильно радовало выпускать двух таких, э-э… горячих юных леди из поля зрения. К сожалению, у меня нет особого выбора. У меня на руках дело сколь неотложное, столь и неожиданное.

- Понимаю, - медленно кивнул на экране коммуникатора Оверстейген, не пытаясь, как отметил Зилвицкий, выудить какие-либо детали этого его "неожиданного" дела.

- Вы проинформировали посла о том, что спустили принцессу с поводка? - вежливо осведомился капитан.

- Нет, - Зилвицкий сдержал усмешку, вызванную выбором слов Оверстегена, и покачал головой. - Во-первых, я питаю почтительную, хотя, скорее всего, чрезмерно оптимистичную надежду на то, что Веб сможет оказать достаточное сдерживающее влияние, чтобы выражение "спустили с поводка" оказалось некоторым преувеличением. Во-вторых, в том намного более вероятном случае, если моя надежда не оправдается, и "спустили с поводка" окажется правильным выражением, это, в общем-то, не касается графини Фрейзер.

- Дебора не самый острый стилус в коробке, капитан, - признал Оверстейген. - Но она является - к сожалению, помоги нам всем Господь - официальным представителем Её Величества на Эревоне. Так что если ваша дочь и принцесса Руфь случайно спалят "Мыльце", или учинят ещё что-нибудь в таком духе, именно на неё официально свалится обязанность разгребать получившийся бардак. Полагаю, разумно предположить, что в данных обстоятельствах было бы учтивым предупредить её о подвешенном вами над её головой дамокловом мече.

- Может быть. С другой же стороны, и при всём должном уважении, графиня Фрейзер за всё свою жизнь не сделала ничего такого, что могло бы вызвать у меня появление хоть какой-то озабоченности по поводу могущих обрушиться на неё маленьких сюрпризов.

- Хмммммм, - Оверстейген задумчиво потеребил подбородок, а затем пожал плечами, издав звук, подозрительно похожий на

смешок. - Если задуматься, я вообще-то тоже не припоминаю, чтобы она когда-либо сделала хоть что-либо, что могло бы заставить меня проникнуться особой заботой в отношении неё.

- Значит, так тому и быть, - в свою очередь пожал плечами Зилвицкий, после чего выражение его лица посерьёзнело. - Тем не менее, капитан, думаю, я буду спать немного спокойнее, зная, что лейтенант Григгс - и Веб - могут в моё отсутствие рассчитывать на вашу поддержку.

- Польщён, определённо польщён, - пробурчал Оверстейген. - Замечательно, капитан Зилвицкий. У меня нет намерения вмешиваться в дела принцессы, но я постараюсь хотя бы издалека приглядывать за ними.

- Весьма вам признателен, - сказал Зилвицкий, обращаясь к аристократическому лицу на экране своего коммуникатора с искренностью, которая слегка удивила его самого. Пожалуй главная ирония ситуации заключалась в том, что Антон понимал, что говорит правду: он действительно чувствовал себя лучше, покидая Эревон, зная, что на сцене остаётся Оверстейген. Если забыть о его маньеризме, капитан был весьма компетентен, и… даже такому человеку как Зилвицкий было трудно не испытывать к нему симпатию. - Спасибо.

- О, не за что, капитан,- ответил Оверстейген с ещё одной едва уловимой улыбкой. - Оверстейген, конец связи.

***

Гидеон Теплтон принял решение и поднялся на ноги.

- Удвоить - или утроить, как потребуется - наблюдение за моей сестрой. В отсутствии Зилвицкого у нас вскоре должна появиться возможность нанести удар. Лучшего шанса у нас не будет.

Его помощник Авраам выглядел несколько сомневающимся.

- Кузен, у неё по-прежнему есть телохранители. Зилвицкий их с собой не взял.

Гидеон, презрительно оскалившись, пожал плечами.

- Это всего лишь мускулы. Мозгов рядом с ними больше нет.

Оскал стал шире.

- Если вообще можно назвать "мозгами" того, кто только что сделал нечто настолько глупое как Зилвицкий. Предоставить женщин самим себе! Вот увидишь, Авраам: не успеешь оглянуться, как шлюхи займутся блудом. Это у них в природе. А

поскольку мантикорцы оказались достаточными кретинами, чтобы пожаловать моей сестре титул "принцессы", та сможет преодолеть возражения своей охраны.

Он снова уставился на стену, словно черпая уверенность в её пустоте.

- Тогда они выйдут на открытое место. Именно тогда мы и нанесём удар.

Глава 18

Танди четверть часа изучала место встречи, прежде чем наконец решила, что ловушки тут нет.

Вообще-то, если придерживаться военного понимания термина "ловушка", то она пришла к такому выводу за две минуты. Остальные тринадцать она провела, пытаясь разобраться в собственных эмоциях. Которые представляли собой другую разновидность ловушки. Танди обнаружила, что находит одновременно раздражающим и интересным то, что перспектива обеда с Виктором Каша вызывает у неё ощутимое предвкушение, и даже возбуждение.

"Почему?" - задавала она себе вопрос, всматриваясь в молодого человека, сидевшего за столиком ресторанчика в одном из не самых почтенных районов Мэйтага. Через электронный занавес, отгораживавший ее кабинку от общего зала, Каша был Танди прекрасно виден. Она выбрала этот ресторан для встречи именно из-за этой его особенности, дававшей ей возможность прийти пораньше и провести рекогносцировку, прежде чем действовать. Лейтенант-коммандер Ватанапонгсе предоставил ей право отказаться от встречи, если она заметит что-нибудь подозрительное. Если она решит уйти, то сможет просто выскользнуть через задний ход так, что её никто и не заметит.

Может быть. Она уже начала задумываться, не попала ли с этими чёртовыми шпионскими играми в лигу на голову выше своей собственной. Танди, как ни крути, была любителем. Возможно талантливым любителем, имевшим ещё и преимущество обширной военной подготовки. Но ей было известно, что Виктор Каша в этом деле был профессионалом… и вполне возможно одним из лучших.

Первое, что она отметила относительно Каша, это что тот также пришёл заранее. Вообще-то, он уже сидел за столом, когда Танди появилась в кабинке. К вопросу о предусмотрительности.

Вторым было то, что его, казалось, совсем не интересовало окружающее пространство. Он ни разу не покинул своего места, и, похоже, только раз бросил взгляд по сторонам. Каша заказал крепкий кофе, которым славились эревонские рестораны, и проводил время медленно его смакуя и одновременно читая что-то на встроенном в стол дисплее. Для сторонних глаз мужчина просто коротал длинный обеденный перерыв, ожидая появления подруги. Однако она чувствовала, что не более чем через минуту после своего появления Каша уже полностью оценил окружающую

обстановку.

Танди видела, как он разок обменялся с официантом какой-то шуткой. Она подозревала, что острота была по её адресу; что это был какой-то из вариантов древней темы о женщинах и их представлении о пунктуальности. Если так, это было столь же иронично, сколь и возмутительно. Вообще-то, Танди была слегка помешана на пунктуальности… не говоря уже о том, что на эту встречу пришла заранее. Как бы мало пользы ей это ни принесло.

Впоследствии официант не обращал на Виктора внимания, не проявляя активности сверх необходимого. Этот ресторан не был особо знаменит кухней или обслуживанием, так что клиентов у него было немного. Других претендентов на столик Виктора определённо не было. А поскольку Танди провел через задний ход владелец ресторана, официант не знал, что в одной из особых кабинок находится женщина. Наличие этих кабинок было главным достоинством ресторана, а пользовавшихся ими клиентов обслуживал сам хозяин. Лейтенант-коммандер Ватанапонгсе обнаружил этот ресторан вскоре после того, как Розак и его команда начали свои дела на Эревоне, и офицеры ФСЛ зачастую использовали его для конспиративных встреч.

Тьфу! Танди начинала ненавидеть так называемые "специальные операции". Она ощущала себя идиоткой, сидя в секретной кабинке, пока ожидавший её появления мужчина просто просматривал, она была в этом уверена, нечто не более экзотичное, чем местные новости. Что делало всю ситуацию особенно невыносимой, так это что Танди достаточно быстро поняла, что подлинная причина её колебаний была личной, а не профессиональной. Она не видела признаков засады, да и в любом случае для неё не было рациональных причин. Нервозность её была вызвана только эмоциональной реакцией на этого человека.

"Почему?" - снова спросила она сама себя. На первый взгляд Каша не был особо привлекателен. Да, он был хорошо сложён и, скорее всего, намного более мускулист, чем казалось. Но на Танди это особого впечатления не производило. С чего бы? В местном спортзале, в который она ходила потренироваться, мужчины бледнели от зависти. Однажды она отделалась от приставшего к ней там мужика, выжав от груди полторы сотни килограмм. И не один раз, а целых десять. Даже не особо вспотев при этом.

Люди, никогда не встречавшиеся с вариацией человеческой расы, развившейся на адских планетах Мфекане, зачастую бывали ошеломлены, осознав, что перед ними человек с силой огра… но без его неуклюжести. Танди считала своих прародителей сворой

идиотов-расистов, но нельзя было не признать, что по крайней мере на физическом уровне их проект преуспел. Её специальная команда была в шоке, когда обнаружила, что возможности их "сверхчеловеческого" фенотипа даже близко не стоят с её собственными.

Нельзя было назвать Каша и красивым. Он не был уродом, это да. Но его угловатое лицо с резкими чертами едва ли могло привлечь к нему внимание рекламных агентств. Кроме, разве что, занятых поисками миссионеров для некой секты. "Требуется фанатик. Должен быть юн, опрятен, мрачен на вид. Хорошеньким мальчикам не беспокоить".

И… в этом всё дело, она понимала это. У Каша в жизни была цель. Для неё это было очевидно по тому, что он говорил и делал; даже просто по тому, как держал себя. Цель могла быть правильной или ложной - Танди была не в том положении, чтобы судить, - но она давала Каша ту же уверенность, что была у Розака. А возможно даже большую. Уверенность в себе Розака происходила исключительно из его личных качеств, в то время как у Каша также и от ощущения принадлежности к чему-то большему, чем он сам.

Танди находила это неимоверно притягательным. Ей была свойственна рефлексия - временами до полного погружения в себя, как она зачастую думала - и она понимала, что такая реакция является результатом воспитания. И поэтому доверять ей вовсе не следовало. Но она до сих пор не могла справиться с эмоциональной реакцией.

Продолжая изучать Каша, она поймала себя на том, что размышляет, что бы было на Ндебеле, если бы этот человек был её парнем. Особо долго размышлять не пришлось. Она бы получила образование, не платя ту же цену. Управляющий фабрики был бы слишком запуган Каша, чтобы поступить иначе. Было что-то… возможно не поддающееся описанию словами, но всё равно существующее в юном хевените. Он был просто-напросто тихо устрашающим.

"Да хватит!" Она резко поднялась со своего места и прошла сквозь туманный занавес в общий зал.

Каша немедленно её заметил. Его темные глаза спокойно отслеживали её движение к столику, а на лице не было абсолютно никакого выражения. У Танди появилось неприятное ощущение, что он всё это время знал, что она была там.

Об этом она и спросила, как только села.

Каша едва заметно пожал плечами.

- Знал ли я, что вы были там? Нет. Но подозревал, что вы будете в одной из тех дальних кабинок. В конце концов, ресторан

выбрали вы - и зачем ещё вам мог понадобиться этот? Еда тут паршивая.

- Откуда вы знаете? - чуть враждебно спросила она. - Уже обедали здесь?

Он улыбнулся, от чего выражение его лица стало намного теплее. Подспудное ощущение безжалостности оставалось, но внезапно из подо всего этого проглянул похоже весьма славный человек. Танди поймала себя на том, что он ей нравится всё сильнее и сильнее, и прокляла эту свою реакцию. Ей, в данных обстоятельствах, не следовало привязываться к этому человеку. Она не имела ни малейшего представления, чего добивается Каша. Не было идей и у Ватанапонгсе, когда предыдущим вечером она доложила ему о полученном сообщении. Но ни Танди, ни глава разведки Розака не думали, что речь шла о личных вопросах. Республика Хевен ловила здесь рыбку в весьма мутной воде, а Виктор Каша предположительно был наживкой. Если он просил о личной встрече с офицером из команды Розака - он специально просил, чтобы это была лейтенант Палэйн - то, предположительно, у этого были политические цели. И, скорее всего, цели эти не очень хорошо сочетались с собственными планами Розака.

- Я спросил, - ответил он и снова едва заметно пожал плечами. - Подозреваю, у меня связи с местными жителями лучше, чем у вас. Во всяком случае, когда нужно узнать, в каком из ресторанов города можно хорошо покушать, а в каком - поиграть в дурацкие игры.

Губы Танди сжались. Племяннице Имбеси она не понравилась, и чувство это было взаимным, но основной накал этой реакции - и это её беспокоило - придал тот факт, что ей крайне не понравилась воображаемая картинка Виктора, разговаривающего с этой женщиной в постели.

"А теперь ты ещё и ревнуешь! И какие же ещё идиотские фантазии ты собираешься лелеять?"

Но вслух она не сказала ничего. И почти незаметное изменение выражения лица Каша сказало ей, что он оценил её способность удержаться от язвительного замечания, которое так и просилось на язык.

Щекотливость в личных делах она прикрыла щекотливостью политической.

- Так из-за чего всё это, офицер Каша? К чему все эти шпионские игры?

Улыбка не покинула его лица.

- Насколько помню, я просто отправил сообщение вам в отель с просьбой о встрече за обедом. В этом не было ничего

шпионского. Сообщение даже не было написано секретным кодом. Именно вы настояли на встрече здесь.

Танди была слегка сконфужена. Было искушение сказать ему, что на месте настоял Ватанапонгсе. Но она опять-таки сдержалась. К язвительности в адрес товарищей-офицеров Танди была склонна ещё менее, чем к язвительности в адрес других женщин. В конце концов, она согласилась с тем предложением.

- О'кей, возможно это было глупо. Но… чего вы всё-таки хотите? И не пытайтесь сказать, что дело только в удовольствии видеть меня.

- Вообще-то, именно по этой причине я просил прийти конкретно вас, - с некоторой чопорностью ответил он. Танди заподозрила, что Каша стеснялся собственных эмоций так же, как и она сама. И снова почувствовала, что её ещё сильнее тянет к этому человеку; и - снова - обозвала себя идиоткой за такую реакцию. Она же профессиональный военный, пытающийся двинуться дальше по карьерной лестнице, черт побери, а не школьница, неожиданно втрескавшаяся в мужчину, который, по сути, был ей совершенно не знаком.

К счастью, Каша не стал затягивать паузу.

- Причиной же для встречи, однако, является политическая ситуация на Эревоне. Мне кажется, что у Республики Хевен и у неких офицеров Флота Солнечной Лиги, тесно связанных с губернатором Баррегосом, есть некие общие интересы. И, если я прав, у нас есть обоюдная возможность эти интересы удовлетворить.

Глаза её слегка прищурились.

- По вашим словам получается, что между губернатором и… э-э, теми, кого вы назвали "некими офицерами" ФСЛ существуют какие-то особые отношения. К вашему сведению…

- Оставьте, лейтенант Палэйн. "К вашему сведению", все офицеры ФСЛ являются беспристрастными и аполитичными военными, личная лояльность которых совпадает с политической. "К вашему сведению", Управление Пограничной Безопасности является организацией, посвятившей себя развитию отсталых планет. "К вашему сведению", раз уж мы взялись за эту игру, бордель является медицинским центром по изучению сексуального поведения людей. Из этих трёх утверждений, какое на ваш взгляд наименее абсурдно?

Она фыркнула.

- О борделе.

- И я того же мнения, - он наклонился в кресле вперёд. - Послушайте, лейтенант, меня ни в малейшей степени не волнует, каковы могут быть личные амбиции капитана Розака. Или как эти

амбиции могут - или не могут - однажды схлестнуться с амбициями губернатора Баррегоса. Это меня не касается. И не касается Республики Хевен, во всяком случае до тех пор, пока изменения в политической жизни Солнечной Лиги не сказываются на не слишком секретной передаче технологий, которые мы получаем от неких бизнес-структур Лиги.

- Я полагала, что это будет вашей главной заботой.

Он помахал в воздухе кистью.

- И да, и нет. Да, это постоянно является нашей главной заботой в отношениях с Солнечной Лигой. Мы избегаем злить их по мелочам, что и было причиной, по которой выразить соболезнования семье Штейна вместо официальной делегации были посланы мы с Джинни. Но нет, мы не потеряем сон от беспокойства, если потребуется сделать нечто достаточно важное для нас и вызвать этим раздражение Лиги. Как бы то ни было, пока мы можем продолжать платить наличными, в Солнечной Лиге обязательно найдётся тот, кто продаст нам то, в чём мы нуждаемся. Единственная разница между крупным торговым картелем Лиги и шлюхой в том, что шлюха куда более разборчива и куда менее продажна.

Танди не могла оспорить такую характеристику. Уж точно в отношении картелей Лиги, ведущих свою деятельность на подконтрольной УПБ территории. Поэтому она обозначила своё согласие лёгким взмахом пальцами.

- Продолжайте.

Каша опустил руки на стол. А затем, после короткой паузы, принялся передвигать по нему приборы. Что напомнило Танди о том, что она голодна.

- Пусть солонка будет Эревоном. Ложка изобразит из себя терминал сети, соединяющий Эревон с Солнечной Лигой. Кроме этого терминала у эревонцев есть только тот, что ведёт к Фениксу, что означает, что в торговом смысле они привязаны к Лиге сильнее, чем им бы этого хотелось. Так, тогда перечница будет…

- Мне надо поесть, - внезапно заявила она.

Он остановился и окинул её внимательным взглядом.

- Простите. Я вечно забываю о еде. Упустил из виду цену, которую вам приходится платить за физические данные. Метаболизм у вас должен быть как топка.

Он повернулся и махнул рукой официанту. Тот нехотя двинулся к ним. Явно слегка раздражённый тем, что придётся поработать.

После того, как они с Виктором сделали заказ, Танди склонила голову к плечу.

- И что же вы знаете о моём метаболизме?

- Я изучаю то, с чем столкнулся. Джинни говорит, что это мания. Так что после нашей встречи я провел поиск информации по мирам Мфекане. Особенно по Ндебеле.

- И?

Он скривился.

- Простите мне такие слова, но ваши предки были бандой психов.

- Скажите что-нибудь, чего я не знаю.

- Тем не менее, в их безумии была система. Во всяком случае, если отбросить начальную посылку насчёт того, что африканский генотип представляет собой самую чистую человеческую породу. На самом деле именно в нём больше всего намешано всякого, поскольку он самый древний. Однако так уж странно вышло, что эти навязчивые расистские идеи сработали в их пользу. Поскольку из-за них в их распоряжении был широчайший спектр генетических вариаций, к которому и был применён процесс естественного отбора, не говоря уже об…

- Их собственных нелепых генетических манипуляциях. Скажите что-нибудь, чего я не знаю, - резко вставила она.

Виктор пожал плечами.

- Подозреваю вы не знаете - во всяком случае не вполне осознаёте - что в суммарном итоге всего этого миры Мфекане стали даже более серьёзным экспериментом по развитию человеческой расы чем то, что делалось в украинских лабораториях, породивших так называемых "суперсолдат" Последней Войны, чьих потомков мы ныне называем "кощеями". Пожалуй, единственное сравнимое с этим предприятие - это лаборатории по выращиванию рабов корпорации "Рабсила". Если не принимать во внимание то, что "Рабсила" преднамеренно пытается держать развитие в узких границах, в то время как ваши предки старались вырваться из любых границ. Что у них вне всякого сомнения получилось, если рассматривать большинство физических характеристик.

- Ага, здорово, - кисло сказала она. - Это объясняет, почему ныне мы все рабы.

- Ну, я же сказал, что ваши предки были бандой психов. Знаю, что это прозвучит бесчувственно, но я на самом деле нахожу глубокое удовлетворение в том факте, что ни украинцы, ни основатели Мфекане не преуспели в своих намерениях. Философское удовлетворение, если хотите, - и слегка чопорно добавил: - Я питал отвращение к элитизму всю свою жизнь. И как бы я ни изменился в остальном, это осталось неизменным.

Танди криво улыбнулась.

- Униженные всего мира объединяйтесь, так что ли?

Ответная улыбка Виктора была столь же кривой.

- Что я могу сказать? Я сам в этом не слишком хорош, но простой и грубый факт состоит в том, что основным способом развития человеческой расы является любовь, а не война. Всё перемешать и отдать дьяволу тех, кто лезет вперёд. Если даже забыть обо всём остальном, супермены быстрее загибаются от голода.

Она расхохоталась. А поскольку, к счастью, официант как раз поставил перед ними тарелки с супом, юмор ситуации не был подпорчен чувством голода.

Она буквально всосала в себя суп. Официант объявился с корзинкой булочек, и она принялась вымакивать то, что осталось от супа. Виктор старался не глазеть на неё.

- Точно, - буркнула она, практически заглатывая третью булочку. - Мне приходится питаться - обильно питаться - как минимум четыре раза в день. Если же нет, я начинаю слабеть от голода намного, намного быстрее большинства людей.

В корзинке оставалась четвертая и последняя булочка. Танди подняла глаза на Виктора и тот сделал вежливый жест.

Заглотив четвёртую булочку, она почувствовала, что заморила червячка.

- Вообще-то это для меня до некоторой степени проблема. Во время операций мне приходится нести с собой множество дополнительных пайков. К счастью, тащить их не составляет мне особого труда. Так и так мой походный рюкзак примерно вдвое тяжелее, чем у большинства морпехов.

- Ван нравится быть в морской пехоте?

Какое-то мгновение она раздумывала над вопросом.

- Нет… не совсем. Да, мне нравится статус. Ещё мне нравятся тренировки и полученные умения. Мне бы их когда я была ребёнком. Было несколько ублюдков… а, неважно. Давняя история. Но в целом? Не знаю. Это моя работа, и я не знаю, чем бы ещё могла заниматься вместо того.

Она мотнула головой.

- Хватит обо мне, - и, указывая на перечницу, добавила: - Продолжайте, пожалуйста.

Виктор снова принялся передвигать приборы.

- Вообще-то, раз уж она свободна, позвольте мне использовать эту большую корзинку, чтобы изобразить Солнечную Лигу. О'кей, теперь используем перечницу…

Он поставил её неподалёку от солонки, изображавшей Эревон.

- … чтобы отметить местоположение Конго. А теперь…

Виктор быстро разложил свои нож с вилкой и нож, позаимствованный у Танди.

- … мы можем видеть всю картину. В гиперпространстве Конго не более чем в трёх днях пути от Эревона. А теперь открылось, что в системе Конго есть туннельная сеть, в которой не меньше трёх терминалов. Поскольку сеть первыми обнаружили мезанские компании, и было это не так давно, все уверены, что как минимум один из терминалов ведёт в Солнечную Лигу. Но куда на самом деле ведут терминалы не знает никто, за исключением мезанцев, - он пошевелил один из ножей, чтобы указать на неопределённость его положения.

Танди изучила выстроенную схему.

- И что вы хотите сказать? - прежде чем Виктор мог успеть ответить, она добавила: - Это не сарказм. Астрография не является моей сильной стороной. Я - пехотинец, помните?

- Я хочу сказать, что с момента открытия сети Конго для Эревона является одновременно гигантской головной болью и гигантской возможностью. Головной болью потому, что пока её контролируют мезанские компании, система предлагает потенциальный маршрут для нападающих.

- Кому надо нападать на Эревон?

Виктор пожал плечами.

- Кто знает? В настоящий момент Эревон находится в союзе с Мантикорой, и единственным официальным врагом, который у них есть, являемся мы. Республика Хевен. Но мы не представляем угрозы - во всяком случае со стороны Конго - поскольку расположены… - он скомкал свою салфетку и положил её на край стола, - аж где-то здесь. Полагаю возможно, что один из терминалов ведёт в пространство Хевена, но если это так, то Республике определённо об этом не известно. Признаю, что эревонцам придётся поверить в этом нам на слово, но так уж вышло, что это правда.

Он какое-то время изучал схему, а потом тихо продолжил:

- Эревонцы большие сторонники хладнокровной политики, лейтенант Палэйн. Того, что иногда называют древним термином "реалполитик". В этом отношении они ничем не отличаются от андерманцев. Так что вопрос "кому надо" на самом деле их не занимает. Важно для них то, что Конго всегда будет представлять собой потенциальную опасность, пока находится в недружественных руках.

- В каком это смысле Меза это "недружественные руки"? Да, верно, они - вонючие, прогнившие подонки. Но это же кучка коммерческих синдикатов, а не звёздная нация.

Виктор насмешливо поднял бровь, и она раздражённо пожала плечами.

- Ну да, Меза является независимой звёздной нацией, но вы же поняли, что я имела в виду. Раз уж мы тут говорим так прямо и откровенно, давайте пойдём до конца и признаем, что при всей своей независимости эта система торчит прямо посреди Солнечной Лиги. Разумеется, официально она обладает суверенитетом и правом на самостоятельность в дипломатии и военной политике, но неужели вы действительно думаете, что даже бюрократы Лиги могли бы снести неуправляемую боеголовку посреди собственной территории? Помилуйте! - она закатила глаза. - Уж чего ни один из бюрократов никогда не потерпит, так это что-либо, что угрожает изгадить его личную уютную лужайку.

- Верно, - спокойно согласился Виктор. - Но, как вы сами только что указали, Меза по крайней мере формально независима, и ещё пожалуй представляет собой самый яркий в галактике пример того, насколько мерзок может быть чистый, необузданный капитализм, когда сочетается с полным отсутствием морали.

- И что? Я всё равно не вижу никакого резона для них атаковать Эревон. Чертовски точно Лига их за это не поблагодарит, так с чего эревонцам волноваться?..

Голос её сошёл на нет, поскольку Танди сама осознала ответ.

Виктор облёк его в слова.

- Именно. Вы правы в том, что сама Меза скорее всего никогда не нападёт на Эревон. Но они в мгновение ока продадут маршрут кому угодно, кто будет готов заплатить. Особенно если сумеют дистанцироваться от самой операции. "О, мы не имеем никакого отношения к этим мерзким пиратам, наводнившим пространство Эревона. Нет-нет, только не мы! Всё что мы сделали, так это открыли нашу сеть для вполне легитимных торговцев. Вы же не думаете, что среди них были пираты, да?"

Он фыркнул, и они с Танди обменялись горькими, циничными усмешками. Потом Виктор пожал плечами и продолжил.

- Это не совсем то же самое, что отдать код от задней двери вору. Скорее как отдать его самому крупному скупщику краденого в округе. Полегчало, нет? В некотором смысле это даже хуже, поскольку скупщик знает множество воров и всегда рад воодушевить их на новое дело.

- Ладно, я поняла, - согласилась Танди, в свою очередь пожимая плечами. - Черт, я даже могу предложить несколько сценариев, когда наш гипотетический бюрократ из Лиги будет на

самом деле поощрять проведение подобной операции. В конце концов, один из способов проучить зарвавшуюся мелкую нацию - особенно зависящую от торговли - это сделать грязное дело руками пиратов, от которых можно откреститься. Итак, раз уж мы согласились на предмет потенциальных проблем для Эревона, в чём же "большая возможность"? У эревонцев уже есть сеть, связывающая их с Солнечной Лигой. Зачем им ещё одна?

- "Солнечная Лига" - это большущий кусок галактики, лейтенант. Боюсь, моя быстрая импровизация…

- Называйте меня Танди.

Она произнесла это очень неожиданно. Практически резко. Словно - что скорее всего так и было - хотела принудить как Виктора Каша так и себя к сближению. По крайней мере, двинуть их в этом направлении.

Каша поколебался, делая глубокий вдох. А затем, к её удивлению, пробормотал:

- Это всегда сложно для людей вроде нас, верно? Никогда не был уверен, проклятие это, или благословение.

На долгое мгновение они встретились взглядами. Сейчас, глаза в глаза и при хорошем освещении, Танди была удивлена. Она полагала, что у Каша глаза тёмно-карие, почти чёрные. Но это было не так. Цветом они напоминали дерево, в которое на Ндебеле переродился тик; цвет этот, как она знала, сильно менялся от времени и окружающей обстановки. Иногда это был удивительно тёплый и светлый коричневый.

Вот как сейчас. Она почувствовала, что в ответ по её лицу расплывается улыбка. Та самая улыбка. Непроизвольная улыбка, иногда приходящая к ней и заставляющая мужчин забыть о её метаболизме.

Каша ещё раз глубоко вдохнул и отвёл взгляд.

- Хотел бы я…

Он тряхнул головой.

- Лейтенант… Танди, эта моя импровизация и близко не отражает реальность. Солнечная Лига огромна. Даже в сравнении с Республикой Хевен, не говоря уже о звёздных нациях типа Мантикоры и Эревона. Иметь дополнительные терминалы сети, ведущие в другие районы Лиги - считая, что хотя бы один из них туда ведёт - было бы для торговли Эревона благословением. Но и это едва ли имеет значение. Если и можно в истории с момента наступления эпохи межзвёздных путешествий выделить одну чёткую и последовательную тенденцию, это будет обязательная экономическая экспансия в результате открытия новой туннельной сети. Всё это - с точки зрения эревонцев - означает одновременно как расширение возможностей для бизнеса, так и

нарастание угроз. В любом случае Эревон хочет уверенности, что Конго… как же это правильно назвать? Скажем просто "на замке". Безопасен, если хочешь.

Танди изучала схему на столе, пытаясь представить стоящую за ней трёхмерную реальность.

- О'кей. Тогда почему эревонцы не захватят Конго сами? Они же звёздная нация с настоящим флотом. У них есть даже первоклассные корабли стены.

- Ну… Позволь сформулировать это так. Эревонцы, как и андерманцы, привержены "реалполитик". Но есть и некоторое отличие. Империю основал Густав Андерман, и думал он как военный. Поэтому андерманская версия "реалполитик" имеет отчётливый милитаристский привкус. Андерманцы скорее всего действительно просто атаковали бы и захватили Конго. А Эревон был основан консорциумом успешных гангстеров. Гангстеры же - и это уж точно не изменилось на Эревоне - в основе своей осторожный и консервативный народ. Воистину хладнокровные бизнесмены. Излишне жёсткое поведение с большей вероятностью навлечёт на твою голову реакцию полиции или других гангстеров, и это вдвойне справедливо, когда потенциальным источником проблем является некто вроде Мезы. Поэтому для них естественна тенденция мыслить в терминах "договорённостей". Вместо того чтобы изображать из себя полицейских, они предпочтут просто поставить полицейских себе на довольствие.

Он внезапно улыбнулся уголком рта.

- Иногда я думаю, что именно этим объясняется то, что они не относились к строительству своего флота - даже посреди войны - с тем же фанатизмом, что и грейсонцы. Потому что уж о чём грейсонцы не думали, так это о "договорённостях".

- Это может сработать с полицией, - согласилась Танди. - Но мне кажется рискованным такой способ построения отношений со звёздной нацией. Как там было в старой поговорке? "Честный полицейский - это тот, кто продаётся только один раз"? Как можно быть уверенным, что звёздная нация не продастся ещё раз? В чём секрет?

Виктор задумался на несколько секунд, а затем помотал головой.

- Ну, не скажу, что здесь есть некий универсальный рецепт. Но в данном случае так уж получилось, что я считаю существующим однозначное решение проблемы эревонцев. Причём такое, которое удовлетворит и Республику Хевен, и - во всяком случае я так думаю - человека, на которого ты работаешь, - улыбнувшись, он пошевелил пальцами в воздухе. - Оставим

непроизнесёнными предположения насчёт его личности. Капитан ли, губернатор ли, или они оба, мне на самом деле неважно, - улыбка погасла. - Причём у этого решения есть то преимущество, что оно будет ударом по Мезе и "Рабсиле", которые являются истинными отбросами галактики. И - это важно для меня, даже если не важно больше ни для кого - в его результате начнётся исправление подлинной несправедливости.

Глаза Танди расширились.

- А ты абициозен, да? О'кей, Виктор. Расскажи мне о своём решении.

***

Когда Виктор рассказал, глаза Танди стали ещё шире.

- Ты конченый сумасшедший. С какой стати капитану Розаку - ты не слышал от меня этого имени - идти на это?

Он ей объяснил. После чего глаза Танди стали как щёлки.

- Отдаю тебе должное, Виктор Каша. Ты не только умён, но и смел. Что заставляет тебя считать, что ты можешь сказать нечто подобное и не быть убит? Заметь, ничего личного.

- Убит тобой? - он пожал плечами. - Ты не выйдешь из ресторана живой - ну, не отойдёшь от него больше чем на десять метров - да и зачем вообще тебе это делать? Ты точно не сочла это личным оскорблением. Не сочтёт и Розак, когда ты ему это передашь. В конце концов, я не обвиняю его в чём-то ином, кроме как в проницательности и амбициозности. В Лиге это вряд ли считается оскорблением.

Взгляд Танди быстро оббежал помещение в поисках предполагаемой угрозы и не нашёл её.

- Назвать человека очень проницательным и очень амбициозным - это оскорбление, Виктор, - пробормотала она. "Не выйду живой - не отойду больше чем на десять метров - что он имел в виду?" В ресторане не было никого, кто представлял бы для неё какую-либо серьёзную угрозу. - Ну, ладно. Не вполне оскорбление. Просто опасно к тому близко.

Официанта она отбросила сразу. Владельца ресторана оценила и отбросила ещё когда только пришла. Может быть один из посетителей? Но она не видела среди них никого, кто…

- Расслабься, Танди. Внутри ресторана никого нет.

Она уже пришла к этому выводу.

- Кто же тогда снаружи? Хевениты? Не может быть. Мы с

самого начала провели оценку возможностей Республики на Эревоне. Они невелики, даже если не учитывать некомпетентность вашего посла и главы миссии ФРС. Максимум, что вы могли бы наскрести в такие короткие сроки, это группу местных громил. А с ними - не обижайся, Виктор, но это не хвастовство - я справлюсь с такой же лёгкостью, как с супом и булочками.

Он покачал головой.

- Пошевели извилинами, Танди. Я же уже сказал тебе, что всегда готовлюсь заранее. Ты действительно думаешь, что я бы стал выдвигать такое предложение, не заручившись согласием ключевого из участвующих игроков? Я пошёл к ним, и они согласились. Вообще-то, по первым впечатлениям они в диком энтузиазме от моего предложения. Во всяком случае, в достаточном, чтобы обеспечить меня вооружённой охраной. И могу гарантировать, что с ними ты так легко не справишься, если справишься вообще.

Танди втянула в себя воздух.

- О, Господи. Виктор, ты сошёл с ума, если играешь в игры с этими людьми.

- Начнём с того, что я не "играю в игры" с ними. И в любом случае уже знал их по… - он неопределённо поболтал рукой, - другому делу. Избавь меня от нотаций, лучше посмотри, с какими людьми готовы работать вы с Розаком. Честно говоря, твои попытки морализаторства выглядят глупо.

Она кивнула, признавая его правоту.

- И всё-таки…

- Просто передай это Розаку, хорошо? Думаю, тебя может удивить его реакция.

***

Танди так и поступила, и действительно была удивлена.

- Мы определённо пойдём на это, - немедленно заявил Розак, как только она закончила. После чего взглянул на Ватанапонгсе. - Джири?

- Согласен. Вообще-то, если сработает, это будет идеально. Заметьте, я считаю это слишком сложным, чтобы сработать, но…

Разговор происходил в номере лейтенант-коммандера. Ватанапонгсе посмотрел на компьютер, стоявший на угловом столе.

- А может быть и нет. Я в последние пару дней и сам тут провёл кое-какие исследования. Виктор Каша является… интересным человеком. Его послужной список покрыт плотным туманом, за исключением молниеносных проблесков то тут, то там. "Инцидент с "Рабсилой" в самом начале его карьеры. Затем то, что он устроил на Ла Мартине, чтобы удержать сектор от восстания против режима Причарт. Ещё пара эпизодов, в которых мало что понятно, кроме того, что он определённо принимал участие.

Ватанапонгсе повернулся назад к Розаку и Палэйн.

- Что в итоге? Единственной причиной такого тумана может быть только активное желание Хевена держать Каша в тени. А с чего бы им так напрягаться, если бы он был заурядным агентом.

- Он даже вообще больше не "агент", сэр, - подала голос с оттенком протеста Танди. - Сейчас он вроде бы как полицейский.

Капитан и лейтенант-коммандер одновременно одарили самого младшего лейтенанта из команды Розака совершенно недвусмысленными взглядами.

- О'кей, можете не добивать, - буркнула она. - Сэр и сэр. Я действительно родилась вчера. Ну, почти.

Розак хмыкнул.

- Пока будем действовать по плану Каша. Так что не теряй с ним связи, Танди.

Часть III

Цена греха

Глава 19

- Они выдвигаются, кайя. Похоже, всей шайкой.

Тихий голос в наушнике заставил Танди выпрямиться в кресле. Она отложила наладонник и уставилась на стену номера невидящим взглядом.

- Куда?

- Пока не знаем. Они расходятся на группы. На три группы, одну большую и две маленьких, - и прежде чем Танди успела спросить, последовал ответ на следующий её вопрос: - Мы их контролируем. В большой группе у всех сумки. Слишком маленькие, чтобы скрыть оружие от обнаружения.

- Может быть, - Танди не разделяла уверенности бывшего кощея в том, что современные поисковые устройства действительно могут надёжно обнаруживать ручное оружие. Обычное - разумеется да. Но даже если не учитывать специальные, крайне дорогие образцы, Танди просто знала слишком много способов сымпровизировать эффективное оружие. Разумеется, насколько "эффективным" оно будет, полностью зависело от цели его применения. Но если тут затевалось покушение… убить человека действительно крайне просто, если на то пошло.

И всё-таки вариант с покушением не казался ей очень вероятным. Прежде всего, зачем для этого задействовать всю группу? В специальном отряде масадцев и кощеев Гидеона Темплтона было более сорока человек. Поднять их всех для банального убийства выглядело некоторым перебором. Кроме того, кто мог быть их целью? Любая цель на Эревоне, которая только приходила в голову Танди, либо не требовала подобных сил… либо была не по зубам чему-то меньшему батальона профессиональных штурмовиков.

- Численность групп?

- Тридцать пять в большой, включая самого Темплтона. Три в самой малой, включая его заместителя, Флэйрти. Шесть в третьей, включая обоих их пилотов.

Ответ, прозвучавший в наушнике Танди, последовал быстро и без напряжения. Говорила Анна, с обычной для неё беззаботностью. Все члены специальной команды Танди отличались самоуверенностью. И, по правде говоря, не без причины, хоть Танди и считала, что они с самоуверенностью перебарщивают. Они все были чрезвычайно одарены от природы, а тренировки Танди отшлифовали их способности. Она не

сомневалась, что её подопечные сумеют проследить за передвижениями Темплтона, не будучи замеченными сами. Впечатляющее достижение, если учесть, что все они были лично знакомы с мужчинами-кощеями, присоединившимися к масадцам. Некоторые из них были бывшими любовниками.

Губы Танди искривила тонкая, слегка горьковатая улыбка. Именно что "бывшими". Обратиться в масадскую версию Церкви Освобождённого Человечества было решением мужской части их банды кощеев. И для женской части оно стало последней каплей, положившей конец затянувшейся связи с "Рабсилой". Ни одна из них никоим образом не собиралась становиться собственностью, что было единственной ролью, которую эта религия отводила для женщин. Чистым везением было то, что когда они искали себе нового нанимателя, на них наткнулся Ватанапонгсе. Сами по себе, со всеми своими заскоками, они бы в качестве независимого подразделения наёмников на взгляд Танди особо долго бы не протянули. Теперь же они преуспевали под рукой Танди… по крайней мере после того, как преодолели первоначальный скептицизм.

Танди пыталась понять, что затеял Темплтон. Но не делала ошибки, хватаясь за поспешные выводы не обладая достаточными данными. Поэтому она ждала, между делом размышляя, стоит уведомить Ватанапонгсе или нет.

Она решила, что не стоит. В конце концов, приказы Розака были кристально ясны… как и сделанный им акцент на необходимости в посреднике, на случай если операция пойдёт наперекосяк. Если говорить простым языком, это означало, что в случае необходимости крайней должна была остаться Танди. Ни Розак, ни Ватанапонгсе не поблагодарили бы её, если бы она перед операцией попыталась проинформировать их о своих намерениях. Это неизбежно бы разрушило их возможность отрицать свою причастность к операции, и всего-то из-за нервозности младшего офицера.

"Операция". Это слово оставляло у неё во рту неприятный привкус. Каким бы прямолинейным в выражениях обычно он ни был, даже Розак был склонен сбиваться на отстранённый жаргон тайных операций.

Убей их. Всех до единого, если сможешь, но Темплтона и его помощников в обязательном порядке. При первой же представившейся возможности.

Он не объяснил ей причины, но Танди не составило большого труда догадаться. И догадка оставила по-настоящему неприятный привкус.

Вот тебе и простая, честная жизнь офицера-морпеха, на

которую она подписывалась.

Танди мотнула головой, отгоняя посторонние мысли. Для них не было времени. Если Темплтон наконец-то выводит всех своих людей из "Рынка Мыльца", Танди получила первый шанс завершить операцию. Да, задание ей не очень нравилось… хотя нельзя сказать, что она имела что-то против убийства масадцев и кощеев. Но раз уж этим придётся заниматься, лучше с этим разделаться побыстрее.

- Они все покинули гостиницу. Но Флэйрти и его группа только что зашли в ресторан на углу. Похоже, делают большой заказ. Другие… Думаю, они направляются в шаттлпорт, кайя. Практически уверена в этом в случае с пилотами. Они только что загрузились в такси, и у его водителя такой довольный вид, который обычно означает солидный куш. Темплтон со своей толпой набились в подземку. Они прошли мимо ближайшей станции и воспользовались следующей. Та линия ведёт к шаттлпорту.

Анна, разумеется, гадала, но на взгляд Танди в её предположении был смысл. Может быть Темплтон просто планирует убраться с Эревона?

Возможно. Для пилотов имело смысл отправиться как можно более ранним шаттлом, даже если для этого пришлось разориться на такси. Так к появлению Темплтона они сумеют подготовить его судно к отбытию.

Но почему сам Темплтон не отправился с ними? Почему он остался с большей группой? Судя по впечатлениям Танди об этом человеке, он был из тех, кто зациклен на прерогативах командира. Да и трудно было себе представить, чтобы человек, являющийся в конце концов известным и разыскиваемым по всему Мантикорскому Альянсу террористом, подвёрг себя неудобствам - и опасности опознания - путешествия в набитом людьми, останавливающемся на каждой остановке магнитопоезде. Только не тогда, когда он мог позволить себе относительные комфорт и безопасность поездки на такси, которое доставило бы его до места без каких-либо остановок.

Разве только…

- Нет, - непроизвольно, она произнесла это вслух, забыв о включённом ларингофоне.

- Что "нет", кайя? Ты не хочешь, чтобы мы продолжали следить за ними?

- Прости. Мысли вслух. Держи их под наблюдением, Анна. Но я думаю, что ты права… так что не стоит пытаться проследить за ними в подземке. Слишком велик риск быть замеченными. Примем, что все они направляются в шаттлпорт. Доберитесь туда

раньше них. Возьмите тоже такси.

- Платишь ты. Что насчет троицы в ресторане?

- Оставь Ингу за ними приглядывать. И Лару.

- Бедные ублюдки. В смысле троица Флэйрти.

Танди поняла её жёсткую иронию и тонко улыбнулась. Инга и Лара были, пожалуй, самой смертоносной парочкой в её команде… а команда в целом не могла пожаловаться на недостаток смертоносности. Но именно поэтому Танди их и оставила здесь.

Точнее, не взяла с собой. Танди была смертоноснее их всех, и именно она будет возглавлять оставшуюся часть операции.

Она приняла решение и вскочила на ноги. Происходящее убедило её, что, каковы бы ни были его мотивы, Темплтон действительно собирался покинуть планету. Если так, это давало ей лучшую из мыслимых возможностей для того, чтобы закончить дело.

Возможно не собственноручно, разумеется. В настоящий момент она не видела какого-то прямого способа прикончить Темплтона в шаттле, не говоря уже об остальных. Но это не имело особого значения. Розак предусмотрел тот вариант, что Темплтон может попытаться покинуть Эревон. Вот почему он отдал приказ двум эсминцам из находящейся на орбите флотилии делать всё, что бы от них ни потребовала Танди. Оба корабля были типа "Жатва войны", размерами и мощью, кстати, не уступавшими многим лёгким крейсерам. Судно Темплетона, при всём его скрыто установленном вооружении, не смогло бы оказать какого-то сопротивления и одному из них, тем более двум.

Танди быстро сбросила халат и натянула то, что про себя называла гражданским боевым костюмом. Это была дорогая штука, предоставленная ей Розаком, которая должна была по возможности обеспечивать тот же уровень защиты и те же дополнительные функции, что и скафандр морской пехоты, и в то же самое время всё-таки выглядеть гражданской одеждой. Костюм не был настолько же хорошо бронирован, как скафандр, поскольку при его создании вместо жёстких броневых элементов пришлось ограничиться пулестойкой тканью. И, разумеется, костюм не мог заменить полноценный вакуумный скафандр. Но в нём она могла пройти мимо любых детекторов, не вызвав тревожного сигнала "Вооружённый до Зубов Морпех!", и он был более чем адекватен для защиты от большинства гражданских образцов оружия.

Одевшись, она открыла шкафчик, в котором хранила своё оружие. Но, секунду поколебавшись, закрыла его обратно и заперла на кодовый замок. Её оружие, как и оружие её команды,

было военного образца. Не было никакой возможности протащить его через знаменитые своей суровостью меры безопасности, поддерживаемые властями Эревона на общественном транспорте. Всё, чего она добьётся подобной попыткой, будет задержание и несколько часов допросов, и это как минимум. А время сейчас было на вес золота.

Вообще-то ей и самой придётся брать такси, если она хочет добраться до шаттлпорта одновременно со своей командой. К тому же не простое, а экспресс-такси. Стоимость поездки на котором, на одного, заставила её поёжиться, хотя ни цента из этого ей не придётся заплатить из собственного кармана. Но даже понимание видимой бездонности военного бюджета Розака не могло превозмочь привычки, въевшиеся с детства, проведённого в полнейшей нищете.

- Я выдвигаюсь, - сказала она, выходя из номера в коридор гостиницы.

- Мы уже в такси. Точнее говоря в двух. Какие будут приказы для Инги и Лары?

- Держать под наблюдением группу Флэйрти, пока я не скажу чего-то иного.

- Ты не сможешь связаться с ними, когда мы будем на орбите.

Танди уже обдумывала эту проблему, двигаясь по коридору с максимальной скоростью, которая ещё не выдавала бы её спешку. К счастью, с её длинными ногами бодрый шаг покрывал расстояние достаточно быстро.

- Знаю. Придётся действовать по обстоятельствам. Пока не будем уверены, что остальные покидают планету, я не хочу спешить с какими-либо действиями.

- Понятно. Инга и Лара будут ворчать.

- Пусть ворчат сколько хотят, только делают что приказано.

- Не волнуйся. Лара говорит, что её рука ещё болит, хотя доктор клянётся, что кость срослась.

- Я сломала её довольно качественно. Она меня довела.

В этот момент Танди выходила из дверей гостиницы, взмахом руки подзывая одно из такси, выстроившихся вдоль бордюра. Нетерпеливый жест, вкупе с улыбкой на лице, вызвали немедленную реакцию.

Жест был вызван нетерпеливостью. Улыбка же ответом Анны.

- Ты - большая кайя. Приказ будет исполнен.

Хоть этого-то она добилась. Благодаря их происхождению, и специфической субкультуре, сложившейся у них на протяжении многих веков после Последней Войны, у кощеев не было ничего, напоминавшего бы нормальные человеческие семьи. Их социальная организация скорее напоминала неких стайных

хищников. Термин "кайя" был сленговым, и трудным для буквального перевода. В нём было что-то от "матери", хотя больше даже от "старшей сестры". Но на взгляд Танди ближайшим эквивалентом, скорее всего, был статус самой крупной, самой сильной, самой жестокой волчицы в стае.

Большой альфа-самки, так сказать.

- Приказ будет исполнен, - пробормотала она.

Танди забыла о микрофонах переговорного устройства такси. Водитель бросил на неё обиженный взгляд в зеркало заднего вида.

- Я слышал вас и в первый раз, леди. Я и так двигаюсь с максимальной разрешённой экспрессу скоростью. Ещё чуть быстрее и центр управления движением нас остановит, - он ткнул пальцем в указатель скорости. - Сделают это в мгновение ока, даже не сомневайтесь.

- Простите. Я не вам.

Слегка нахмурившись, Танди принялась обдумывать одну из мелких тайн мироздания. Как так вышло, что на заселённой гангстерами планете самые строгие во всей населённой части галактики правила дорожного движения?

***

На полпути к шаттлпорту она кое-что вспомнила.

"Чёрт. Я ведь ждала этого с нетерпением".

Протянув руку, она отключила переговорное устройство такси, чтобы обеспечить себе уединение. Затем быстро назвала необходимый ей контакт. Секунду спустя у неё в ухе зазвучал приятный мужской голос.

- Виктор Каша слушает. Полагаю это ты, Танди. Не знаю больше никого, кто настолько нервно относится к безопасности, чтобы блокировать определение номера.

- Прости. Я просто не подумала, что антиопределитель включен. Это настройка по умолчанию. Послушай, Виктор, я не смогу прийти на обед. Кое-что затевается.

Приятный голос слегка потускнел.

- То есть вы тоже заметили перемещения Темплтона, а? Я бы спросил, почему это вынуждает тебя торопиться, но… неважно. Я могу сделать как минимум три предположения, и из любого следует, что мы встретимся на "Цене греха". Возможно поужинаем, как?

Полёт мысли Каша оставил Танди в недоумении.

- Почему на "Цене греха"? Всё что я знаю…

Она поколебалась, но потом решила, что играя в шпионские игры с Виктором Каша слишком уж напоминает мышь, пытающуюся поиграть в пятнашки с кошкой.

- О'кей, оставим. Да, я следую за Темплтоном. Но всё что я знаю - и это только догадки - это что он и его команда двигаются в шаттлпорт. Я предполагала, что они скорее всего направляются к себе на корабль. С чего бы религиозным фанатикам посещать место вроде "Цены греха"?

Тут ей в голову пришёл очевидный вариант.

- О, Господи. Ты же не думаешь…

- Нет, не думаю. Беспорядочный террор против первых попавшихся грешников не в стиле Темплтона. У него есть конкретная цель.

- Кто?

- Ты знаешь что-нибудь о королевской семье Мантикоры?

Ошарашенная Танди уставилась в окно. Они покинули пределы Мэйтага, и внизу под ними проносилась сельская местность Эревона. На малой высоте, предписанной законом для такси, ландшафт сливался от скорости в неразборчивую мешанину. Мысли её сейчас представляли собой нечто подобное.

- Не особенно. У них конституционная монархия, и сейчас королевой Елизавета с каким-то там номером.

Как и большинство граждан Лиги, Танди мало обращала внимание на политические выкрутасы множества миниатюрных звёздных наций галактики. Только специалисты стали бы пытаться вникать в такие мелкие детали, как королевское семейство "звёздного королевства", в составе которого не более горстки планет. В Солнечной Лиге было куда больше двух тысяч звёздных систем, если считать те сотни, что фактически находились под владычеством Лиги как протектораты.

Затем, внезапно, она вспомнила передачу, которую видела несколькими днями ранее. "Антон Зилвицкий и некая…"

- Ты о "принцессе Руфи"? На кой чёрт она сдалась Темплтону?

- Она ему сестра. Точнее, у них один отец. И в его глазах она отступница, изменница и шлюха. А она и её спутники - дочь Антона Зилвицкого и профессор Дю Гавел - как раз прошлым вечером отправились на "Цену греха". Вскоре после того, как сам Зилвицкий отбыл с Эревона в неизвестном направлении.

- О, чёрт.

- Именно "о, чёрт". В том смысле, что чертям скоро станет жарко. Увидимся там, Танди.

- Что ты собираешься делать?

- Действовать по обстоятельствам, разумеется. Что же ещё? Но я просто чувствую запах удачи.

Он отключился. Танди фыркнула. Лично она не чувствовала ничего, кроме запаха старой обивки, регулярно подвергающейся чистке в соответствии с фанатично строгими санитарными правилами Эревона.

- Замечательно, - буркнула она. - Мне предстоит ввязаться в трёхстороннюю перестрелку с кучей психов и главным Юным Супершпионом галактики. И всё это под носом записавшихся в святые гангстеров, которые к нарушению законов относятся со всем пылом новообращённых.

Она снова включила переговорное устройство.

- Чисто из любопытства, у вас на Эревоне есть смертная казнь?

Таксист ответил ей крайне оскорблённым взглядом.

- Разумеется нет, леди! Эревон, знаете ли, цивилизованная планета.

Она было расслабилась, но таксист развил тему.

- Худшее, что можно заработать, это пожизненное заключение без права помилования. В одиночной камере. Для по-настоящему скверных случаев добавляется ещё "сенсорное голодание". Это значит, что камера будет примерно два на три метра, без окон, и единственная доступная разминка в массажной машине.

По всей видимости, эта тема его увлекала.

- Ага. Никакого солнечного света для самых опасных преступников. Можете не сомневаться, у нас на Эревоне уголовникам приходится несладко. Ни единого солнечного луча на протяжении всего остатка их вонючего существования. Пусть живут как вампиры. Мало того…

Глава 20

Наоми повернулась на роскошном заднем сиденье частного катера, покидающего атмосферу Эревона, обращаясь к сидящему рядом с нею Виктору. Тот заметил у неё в ухе наушник, который она использовала для переговоров с Вальтером Имбеси.

- Дядя хочет знать, следует ли ему встретить нас по прибытии.

- На глазах у всех? - Виктор покачал головой. - Это может лишить его возможности в случае чего от всего отпереться. Так что я бы посоветовал ему так не делать… если только он не хочет натравить эревонские силы безопасности на Темплтона и его шайку до того, как те начнут действовать. Что…

Виктор пожал плечами.

- Разумеется, принимать решение ему, однако я бы настоятельно рекомендовал позволить ситуации ещё некоторое время развиваться своим чередом. Если мы остановим Темплтона до атаки, то потеряем большинство политических рычагов. А если не остановим и людям станет известно, что Вальтер Имбеси мог бы заблаговременно остановить Темплтона - но не сделал этого - то на него обрушится ад.

Наоми кивнула и забормотала под нос с непринуждённостью опытного пользователя ларингофона. Затем она замолкла, выслушивая, что ей говорит дядя, и взглянула на Виктора.

- Дядя говорит, что девочки могут сильно пострадать.

Виктор чувствовал, как напряглось его лицо. Еще он мог уголком глаза видеть, как нахмурилась Джинни. Та сидела напротив них, любуясь через иллюминатор удаляющимся Эревоном. С такого расстояния - они почти достигли орбиты "Цены греха" - планета казалась великолепным бело-голубым шаром. Тем не менее, Джинни не казалась завороженной зрелищем.

- Я это понимаю, - отозвался Виктор - Однако мне платят не за спасение дочек Зилвицкого и мантикорских принцесс. Если получится, я, разумеется, сделаю всё, чтобы их защитить. Однако…

Джинни нахмурилась ещё сильнее. Лицо Виктора ещё больше напряглось.

- Смотрите сами, это решать твоему дяде. Однако с чисто политической точки зрения беспокойство о сопутствующем уроне не является наилучшим способом разрешения ситуации.

Наоми опять кивнула и заговорила с Имбеси.

- "Сопутствующий урон", - услышал Виктор бормотание Джинни. - Как я ненавижу это выражение.

Виктор начал соображать, как бы ответить, однако Джинни, не глядя на него, просто махнула рукой.

- Не бери в голову, Виктор. Я всё понимаю и не виню тебя. Мне это просто не по душе, вот и всё.

"Да и мне тоже, - перед взором Виктора встали лица девушек, которых он встретил на похоронах Штейна. - Чёрт бы вообще побрал этого Зилвицкого. Ему что, на роду написано, чтобы с его дочками творилось незнамо что? Мне остается только надеяться, что эта будет не слабее первой. Я сделаю что смогу, однако…"

Говоря начистоту, он мало что мог бы сделать. Виктор разрабатывал планы по мере развития ситуации. Фрегат Зилвицкого сейчас был далеко в гиперпространстве, направляясь в Сектор Майя. Вместе с ним улетело большинство членов Баллрум, с которыми контактировал Виктор. На Эревоне остались только Дональд, под предлогом болезни, и ещё семеро. Виктор действовал настолько быстро, что только Дональд и трое его людей смогли раздобыть место на шаттле к "Цене греха". Всё это значило, что если Вальтер Имбеси не предупредит силы безопасности станции, с Темплтоном придётся разбираться Виктору, нескольким членам Баллрум и Танди с её командой - всем вместе уступающим по численности в пропорции где-то три к одному.

Да будет так. Королевские гвардейцы или защитят дочь Зилвицкого и принцессу Руфь, или нет. Вероятно, мантикорские солдаты, которых отбирают для таких подразделений, должны быть специалистами по ближнему бою. И Виктор был уверен, что эревонцы, в нарушение обычных драконовских правил безопасности "Цены греха", позволили им оставить при себе оружие.

Все остальные участники такой возможности не имели. Сканеры систем безопасности космической станции славились как одни из лучших в галактике. Танди и её команда, как и Виктор со своими людьми, прибудут невооружёнными; они даже не собирались пытаться протащить оружие на космическую станцию контрабандой. То же относилось и к Темплтону, если только он не был намного менее опытен, чем считал Виктор. Масадские фанатики не смогли бы на протяжении многих лет уклоняться от попыток Мантикоры их изловить, если бы были невеждами в области современных мер безопасности или самонадеянно рассчитывали их преодолеть.

Конечно, рано или поздно - и вероятно очень быстро - Темплтон заполучит оружие нейтрализованных охранников.

Однако это будут маломощные пистолеты, а не какое-нибудь мощное оружие, способное при перестрелке на космической станции разворотить всё вокруг. Даже захваченная врасплох, охрана принцессы должна иметь хорошие шансы вывести девушек в какое-нибудь безопасное место.

Ну, шанс у них, во всяком случае, будет. Но даже если они потерпят неудачу…

Виктор обдумывал проблему. Уверенности он не испытывал, однако подозревал, что это была попытка похищения, а не убийства. И раз так, появлялась новая возможность.

***

- Ух, ты, - прошептала Берри, потрясённо взирая на главный игровой зал "Цены греха". Они с Руфью, в сопровождении охраны, только что вошли в двери. Веб Дю Гавел остался в номере, утверждая, что в силу своего возраста и привычки к сидячему образу жизни вымотается, если попробует таскаться вместе с парочкой юниц, впервые утоляющих свой азарт в одном из крупнейших казино галактики.

Даже принцесса, привыкшая к роскоши королевских дворцов Звёздного Королевства, была потрясена.

- "Ух, ты", это верно. Хотя… я бы назвала эту картину кричаще яркой, причем слово "кричаще" и близко не передаёт впечатления.

Берри хихикнула. Даже если не обращать внимания на роскошные игорные столы и автоматы, вся обстановка главного зала, казалось, предназначена для подавления всех посетителей без исключения. В особенности её потрясли голографические изображения, закрывающие весь потолок, примерно метрах в тридцати или около того выше уровня пола. Только что игорный зал казался рушащимся сквозь центр галактики прямо в окружённую сияющим ореолом черную дыру. В следующее мгновение голограмма сменилась, и они оказались в пространстве между галактиками, а в конце зала виднелось изображение галактики Сомбреро.

- Ух, ты, - повторилась Берри.

***

Наблюдая за выражениями лиц членов своей спецкоманды, уставившихся на приближающуюся к ним космическую станцию, Танди пришлось сдерживать улыбку. При всей их суперменистости, бывшие кощеи на самом деле были чем-то вроде современных деревенщин. Вся их жизнь прошла или в трущобах крупных городов Земли, или в попытках спрятаться в закоулках обитаемой галактики. Их образование было столь же фрагментарным, как и у самой Танди в те времена, когда она покинула Ндебеле - однако, в отличие от неё, они не провели годы в напряжённых усилиях избавиться от этого недостатка. Пребывая в плену благостного предрассудка собственной субкультуры - зачем суперменам учиться у недочеловеков? - они возобновили образование только после стычки с Танди. Она следила за этим с той же жёсткостью, что и за всем остальным. Однако её учебная программа уделяла мало внимания обучению новых подопечных чудесам, которые могла породить галактическая индустрия развлечений.

Слово "развлечения" описывало далеко не всё. Шаттл, созданный специально для транспортировки предполагаемых овечек к месту стрижки, был снабжён огромным иллюминатором. Всё, чтобы разжечь аппетит овечек видом места, где они, как они полагают, будут пастись на самой зелёной травке во вселенной. Что они и получат - вместе со стрижкой.

Космическая станция была не просто великолепна и внушительна, она к тому же была и огромна. Огромна и невероятно сложна по конструкции. В общих чертах это была сфера - однако не сплошная, а состоящая из пересекающихся труб и переходов и разбросанных то там то тут залов. Танди любила кухню, всё еще называемую древним словом, восходящим к её создателям - итальянскую, как её называли - и "Цена греха" напоминала ей ничто иное как попавшую в невесомость порцию спагетти. С поправкой на то, что спагеттины и фрикадельки были окрашены во все цвета радуги и расцвечены блестящими образчиками современной осветительной техники и голографических технологий - и что всё это имело примерно восемнадцать километров в диаметре. Шаттлы, которые она могла заметить то тут то там около шара, казались возле него соринками.

Глаза Танди укололи блики солнечного света, отражённого каким-то крупным судном. Она внезапно осознала, что они только что пролетели мимо торгового судна, зависшего не более чем в шестистах-семистах километрах от станции - по меркам космического пространства практически пришвартованного к ней.

- Прошу прощения, - пробормотала она, подходя к пульту управления иллюминатором и увеличивая изображение. Один из пассажиров пронзил её взглядом, но промолчал. Сочетание её внушительных роста и фигуры и вежливости как обычно оказалось достаточно для предотвращения более острой реакции.

Да. Эти блики действительно шли от корпуса того грузовика, мимо которого они пролетели. Довольно заурядный коммерческий проект, массой около пяти миллионов тонн.

Танди вернула увеличение к норме и, хмурясь, отвернулась от иллюминатора. Она задавала себе вопрос, что там делает это судно. Как ни крути, у грузовика не было никакой веской причины находиться на орбите, настолько близкой к увеселительной станции. Ладно ещё пассажирский лайнер. "Цена греха" была главной достопримечательностью Эревона. Но грузовику тут делать нечего.

Она поколебалась и решила, что настало время предупредить эсминцы Розака, что в них скоро появится необходимость.

Среди прочих предметов роскоши, предоставляемых транспортом "Цены греха", был полноценный центр связи, снабжённый обширной коллекцией защищённых каналов, чья секретность была гарантирована правительством. "Что, - подумала она, подключая к одному их них свой коммуникатор, - на этой планете означает чуть больше, чем могло бы в каком-нибудь другом месте, верно?"

Не то чтобы это обстоятельство помешало ей задействовать собственное программное обеспечение для защиты линии.

- "Гораций", говорит лейтенант Карлсон, - послышался в её наушнике голос вахтенного офицера связи. - Чем могу помочь, лейтенант Палэйн?

Личный код шифрования её сразу идентифицировал, поэтому вызов был автоматически перенаправлен вахтенному офицеру, а не кому-то из рядовых. Придавало уверенности - и успокаивало - знание, что идёт операция, в которой старшие лейтенанты Флота (что соответствовало капитану морской пехоты) не только знали что к чему, но и действительно вроде бы старались помочь ей выполнить свою задачу.

- В основном это проверка связи, мэм, - доложила Танди, очень тихо говоря в свой микрофон. - Я со своей командой направляюсь на "Цену греха" - мы на борту их шаттла "Бриллиант".

- Секундочку, лейтенант, - отозвалась Карлсон. Танди могла слышать, как она с кем-то переговорила, после чего вернулась на линию. - Слежение вас ведёт, лейтенант. Мы полагаем, что вы достигнете цели полёта через восемнадцать минут.

- Подтверждаю, мэм. Насколько я могу судить, пока что всё под контролем, однако я объявляю положение "Магуайр".

- Принято, - ответила Карлсон. Она не имела ни малейшего представления, что означает положение "Магуайр", однако оно значилось в её перечне приказов в качестве оперативного кода. - Я сообщу капитану. Мы можем ещё чем-то помочь сейчас, лейтенант?

- Да, ещё кое-что, - произнесла Танди. - У вас есть хоть какие-то предположения, что тот здоровенный торгаш делает на такой близкой к станции орбите?

- Подождите, я проверю, - спустя примерно полминуты голос Карлсон снова зазвучал у неё в ухе. - Это "Фелисия III", грузопассажирское судно. Зарегистрировано в качестве независимого перевозчика на Ярроу - это система в Секторе Графтон - однако по имеющимся у нас данным в действительности принадлежит "Джессик Комбайн". Согласно предоставленной орбитальному мониторингу Эревона декларации, у них на борту примерно три тысячи пассажиров экономического класса и они сделали короткую остановку - на четыре дня - чтобы позволить своим пассажирам развлечься.

Танди воззрилась на космическую станцию. Теперь та казалась гигантской, заполняя весь иллюминатор.

Сказанному она ни на мгновение не поверила. Действительно, некоторые грузовики предоставляли комфортный, хотя и неспешный перелёт людям, которые были не в состоянии позволить себе дорогостоящее путешествие на круизном лайнере. Однако грузопассажирские суда "Джессик Комбайн" специализировались на перевозке самых бедных обитателей галактики. Людей, которые едва могли наскрести денег на полёт в один конец, практически всегда на путешествие, в конце которого предполагали осесть на каком-нибудь новом мире в качестве колонистов. Чего у них точно не водилось, так это лишних денег, которые можно просадить во время четырёхдневной остановки на развлекательном курорте. Определённо, не у пассажиров судна "Джессик" - корпорация печально славилась своей способностью выдоить клиента досуха.

Однако выяснять что-то ещё у лейтенанта Карлсон смысла не было. Эсминец Лиги не мог получить доступа к данным, которые были ей нужны.

- Благодарю вас, мэм, - прошептала она. - Лейтенант Палэйн, конец связи.

Танди вновь заколебалась. Затем отключила коммуникатор от систем шаттла и переключила на выделенный канал, которого

во время первого посещения ею Эревона не существовало.

- Виктор, ты меня слышишь?

Его голос возник в наушнике немедленно. Всё тот же приятный тенор; однако на этот раз в нем слышалась лёгкая отстранённость, в которой Танди распознала интонации идущего в схватку опытного бойца.

- Танди, я здесь. Мы состыковались только несколько минут тому назад.

- Ты можешь переговорить с кем-нибудь, обладающим на этой станции властью?

Наступила пауза. Затем послышалось:

- Да. Однако я должен соблюдать осторожность. Через посредника.

Она поняла значение последней короткой фразы. Танди не была уверена, однако подозревала, что Виктор связан с Вальтером Имбеси. Она быстро проанализировала сложившуюся ситуацию и пришла к выводу, что Виктор решил, что лучше всего будет перед принятием решительных мер позволить Темплтону немного продвинуться в реализации своих планов. В этом случае было понятно, почему он осторожничал с привлечением Имбеси, если только это не было абсолютно необходимо. Если бы публике стало известно, что Имбеси промедлил с уведомлением властей Эревона, политические последствия были бы откровенно катастрофичны.

- Виктор, мне кажется, что это важно.

Тенор отозвался немедленно. Спокойный, расслабленный, отстранённый - абсолютно уверенный в себе, причём без малейших попыток это подчеркнуть. Танди почувствовала, что её плотская часть заволновалась - а другая часть, отвечавшая за её самоанализ с самых ранних лет, которые Танди могла припомнить, едва ли не глумилась.

"Вот здорово, Танди. Вот она, твоя тяга к сильным мужикам. Дура, дура, дура. И когда ты наконец возьмёшься за ум?"

Она отогнала эту мысль. Сейчас было не время в очередной раз мрачно констатировать, что её возбуждали именно те мужчины, которым она менее всего доверяла. Или иронизировать над тем, что женщина, которая могла без всякого усилия разорвать большинство мужиков пополам, испытывала такую мощную, хотя и глубоко скрытую, тягу к подчинению - которой она никогда не давала воли, поскольку доверяла ей ещё меньше.

- Хорошо, Танди. В чём проблема?

Она быстро объяснила. Как только Танди закончила, уверенный тенор заверил её, что выйдет на связь как можно скорее. Она не сомневалась, что так и будет. Как только они

закончили разговор, Танди ощутила, что слегка покраснела.

"Чёрт тебя подери, Виктор Каша. Только этого мне не хватало!"

Спустя пять минут Каша вышел на связь. Её шаттл уже подходил к стыковочному отсеку, и почти вся станция скрылась за пределами поля обзора из иллюминатора. Вид вызвал у неё мысли о крохотной рыбке, которую вот-вот заглотит одно из чудовищных морских существ с её родной планеты. Как было обычно для миров с повышенной гравитацией, поверхность Ндебеле была в основном покрыта океанами.

- Мне кажется, ты на что-то наткнулась. Судя по их записям, единственными людьми с "Фелисии III", посещавшими "Цену", были с десяток их офицеров и членов команды. Шиковали в модных казино.

- Как я и подозревала. Экипажи "Джессик" печально славятся своей низкой дисциплиной. Они сделали самовольную остановку для собственного развлечения. Это значит, что кого бы ни везло это судно, его пассажиры находятся в изоляции. Не взяв их на абордаж сказать точно невозможно, однако я полагаю, что это идущий на Конго работорговец, замаскированный под грузопассажирское судно.

- Безусловно, это похоже на правду. Ты думаешь, это связано с планами Темплтона?

- Пока ещё рано судить. Но я полагаю… полагаю что связано, что Темплтон планирует каким-нибудь образом их использовать. Не думаю, что это было заранее оговорено. Говоришь, они здесь уже два дня? Как раз достаточно для Темплтона, чтобы узнать о них и включить в свои планы, что бы он там ни замыслил.

Танди больше не отслеживала малые группы, отделившихся от основного состава Темплтона. Её команда, следовавшая за полудюжиной мужчин, по-видимому направлявшихся на собственное судно Темплтона, прекратила слежку после того, как масадские пилоты попали на космодром. Команда присоединилась к Танди и сейчас летела на том же шаттле. И, к сожалению, маломощные передатчики, которыми она располагала, больше не могли достать до двух её амазонок, следящих за Флэйрти, помощником Темплтона.

И зачем вообще Флэйрти и ещё двум типам понадобилось оставаться на планете?

В её ухе послышался голос Виктора.

- Танди, ещё что-то?

Было тяжеловато поверить, что этот расслабленный и в высшей степени уверенный в себе голос принадлежал мужчине не старше неё. На самом деле, на два-три года моложе. Танди, как

обычно, ощутила, что пытается отстраниться от его притягательности - и резко себя оборвала.

"Да повзрослей ты, наконец. Забудь про свои чёртовы Бурлящие Гормоны. Мужик знает своё дело, девочка, а не устраивает спектакль, чтобы задурить тебе голову".

Она почувствовала облегчение. В конце концов, капитан Розак дал ей право самой принимать решения. Она имела право ввести Каша в курс своих дел.

- Да. - Танди быстро обрисовала Каша ситуацию с Флэйрти. - У тебя есть какие-нибудь соображения, зачем его могли оставить?

- Дай мне над этим немного поразмыслить.

Секунд десять длилось молчание. Когда голос Виктора снова зазвучал, в нем впервые за время разговора чувствовалось некоторое волнение.

- Да. Теперь всё стало на свои места. Это похищение, Танди, а не убийство. Темплтон рассчитывает захватить принцессу - только не спрашивай меня, для чего. Могу предположить, что они собираются использовать её в качестве заложника для обмена заключёнными с Мантикорой и Грейсоном. У них по тюрьмам сидят сотни - чёрт, тысячи - масадских фанатиков.

Танди пыталась понять ход мыслей Виктора.

- Но… Темплетон не сможет сбежать с заложником с Эревона. Не на своём судне. Да, конечно, на нем есть кое-какое тяжёлое вооружение, но нет никакой брони и его бортовые гравистены - смех один. Это вообще не боевой корабль. Всё, что больше ЛАКа, может вынести его из космоса даже не сбив дыхания. Чёрт, да эту хреновину можно было бы запросто взять на абордаж! Да, сделать так, чтобы принцесса осталась в живых, было бы действительно чертовски тяжело, но… О.

- Ага. "О". Эревон мог бы рискнуть жизнью принцессы Руфи, а мог бы и нет. На самом деле, смог бы. У Мантикоры давняя традиция при необходимости с готовностью жертвовать членами королевского семейства. Однако даже хладнокровные эревонцы не рискнут устроить бойню на несущем тысячи невинных пассажиров судне. Сколько бы пистолетов Темплтон ни добыл на "Цене", он не сможет поставить там под угрозу слишком много народа, но стоит ему попасть на борт этого судна, как ставки резко возрастут. Он может взорвать его, просто нарушив удержание плазмы. Он религиозный фанатик, так что обычных колебаний относительно собственной гибели испытывать не будет.

Танди в замешательстве смотрела в иллюминатор. Грузовик ещё мгновение был виден в уголке, а потом пропал, поскольку шаттл вошёл в стыковочный отсек станции.

Она мгновенно приняла решение.

- Я должна взять это судно на абордаж немедленно, пока они не успели приготовиться.

- Согласен. Готов держать пари, что Флэйрти остался - закусывая в ресторане неподалёку от "Мыльца" - потому, что в надлежащий момент он отправится обратно в гостиницу и сообщит гипотетическим нанимателям с Мезы, что их холуи просто чуточку восстали и что Меза должна, премного благодарны, обеспечить их транспортом, чтобы покинуть систему Эревон, нравится это Мезе или нет. Скорее всего на Конго, где, премного благодарны, Меза обеспечит им защиту, нравится это Мезе или нет. Если я прав, всё это означает, что у тебя на всю операцию есть не больше пары часов. Не забудь, что третья группа масадцев - та, что с двумя пилотами - практически наверняка намеревается взять этот грузовик на абордаж до тебя и будет его контролировать. Ты будешь иметь дело не просто с сонной командой торговца.

Танди покачала головой. Несмотря на все его способности, Каша не был экспертом по абордажу. В отличие от неё.

- Виктор, всё не так просто. Если не знать коды доступа, то единственным путём попасть на судно будет пробить в нём дыру. У меня нет нужного оборудования. У Темплтона на судне оно может быть, но у меня его совершенно точно нет. У меня даже пистолета нет. Это тебе не чёртова голодрама, ты не можешь проникнуть на современное межзвездное судно - даже на грузовик - вооружившись одним ломом.

На другом конце линии воцарилось молчание. Затем послышалось:

- Тебе лучше знать. Ладно, тогда вот что я предлагаю. Пусть твои люди, которые следят за Флэйрти, захватят его сразу после встречи в мезанскими шишками. Затем пусть все они поднимутся сюда. Уверен, что уговорю Имбеси обеспечить для них частный транспорт.

Танди содрогнулась.

- Виктор, мои девочки хороши, однако ты слишком многого от них хочешь. Флэйрти - и ещё с полдесятка мужиков? Они могли бы справиться, однако…

- Ох, какая же ты неверующая. Танди, ты постоянно забываешь, с кем я сотрудничаю. Те четверо, которые летят сюда - не последние на Эревоне. Как только я смогу передать распоряжение через Имбеси, твои дамы получат всю необходимую им помощь. Просто прикажи им ждать где-нибудь вне ресторана. Мои люди смогут их отличить. В конце концов, они десятки лет на них охотились.

Танди чуть не поперхнулась.

- Виктор… о, Боже. Ты ведёшь речь о вечеринке с дьяволом - с чьей стороны ни взгляни.

В голосе Каша сквозило веселье, пусть даже и едва различимое.

- Совершенно точно. Однако самая древняя из мудрых фраз гласит: "враг моего врага - мой друг". Я бы сказал, что это в точности наш случай, не правда ли?

- Трудно возразить. Как ты собираешься переправить меня на борт?

- Позаботимся об этом в своё время. Танди, я всё организую по ходу дела. Просто добудь мне Флэйрти - точнее, мезанцев, которые окажутся с ним - и я получу от них коды.

Начало фразы было произнесено с душевностью, спокойным и расслабленным тоном. В конце - слова рушились как глыбы льда. Танди и не подумала поинтересоваться, почему Каша был настолько уверен, что получит информацию. Всё равно что поинтересоваться у тигра, почему он так уверен насчёт добычи.

- Отлично. Но тебе придётся вступить в контакт с моими девочками самостоятельно, Виктор. У них армейские коммуникаторы, предназначенные для скрытой связи на планете, так что они не включены в местную сеть. Я не могу связаться с ними отсюда, и даже аппаратура шаттла не сможет достать их без использования направленной антенны.

- Никаких проблем. Уверен, что мой местный контакт может это организовать.

В пассажирском салоне шаттла прозвучала нежная трель. Судёнышко чуть качнулось и затем успокоилось в устойчивом положении, ясно говорящем: "Мы прибыли". Пассажиры начали подниматься и двигаться к выходу со своим багажом.

- Виктор, я уже на станции. Где и как мы встретимся?

- Кто знает? Я и сам здесь недавно. Просто положись на чутьё, Танди - а ещё больше на слух. Тут будет немножко шумновато. И мне нужен пароль - хоть какой-нибудь - чтобы связаться с твоими двумя дамами.

Поднявшись и двигаясь в сопровождении своей команды к выходу - разумеется, ни у кого из них багажа не было - Танди чуть пожевала губами.

- Пусть твои люди просто скажут, что их прислала большая кайя. И что если девочки нарушат приказ, то я сломаю Ларе другую руку и сделаю из Инги отбивную. Это сработает.

В её ухе раздался смешок Виктора.

- Напомни мне никогда не записываться в тренировочный лагерь, которым ты руководишь. Ладно, Танди. Удачи.

Глава 21

Гидеон Темплтон позволил новообращённым заняться убийствами. Даже при том, что их небрежность по отношению к догматам Церкви зачастую раздражала его, не было никаких сомнений в том, что в плане физических кондиций любой из них превосходил любого из урождённых Истинных. Уж точно в рукопашном бою, если и не в применении сложного оружия и оборудования, в чём у них было мало опыта.

К счастью, старые Истинные Гидеона были весьма компетентны в обращении с высокотехнологичными штучками… во всяком случае теми, которые имели прямое отношение к исполнению их священного долга. Темплтон взглянул на Джейкоба. Трое масадцев выстроились у стены поста охраны, словно позируя для снимка. Джейкоб, стоя перед ними, возился с голорекордером, которым якобы собирался сделать снимок.

Джейкоб ждал взгляда Темплтона, и ответил на него едва заметным кивком. "Голорекордер" в руках Джейкоба на самом деле был генератором белого шума, сделанным специализирующейся на спецтехнике фирмой из Лиги. Очень дорогим, что для подобных первоклассных электронных устройств было обычно. Но успешная деятельность Гидеона в последние пятнадцать стандартных лет принесла ему весьма солидные средства, вдобавок к немаленькой сумме, которую его отец Эфраим сумел собрать до бегства с Масады.

Кивок Джейкоба сказал Гидеону, что большинство систем наблюдения поста временно выведены из строя, тем или иным образом. Как только включится подавитель звука, аудиодатчики будут регистрировать только тишину, а видеозапись прервётся так, что это будет выглядеть какой-то неисправностью. Даже это оборудование никоим образом не могло заглушить датчики энергии, которые должны были определять выстрелы мощного оружия. Но Гидеона это не волновало, поскольку если всё пройдёт по плану, то никаких выстрелов не будет. Во всяком случае, здесь и сейчас.

Подавитель звука будет активирован таймером через несколько секунд. Гидеон отвёл взгляд в сторону, и сделал столь же слабое движение головой. Делая это, он предусмотрительно не смотрел ни на кого конкретно, будучи уверен, что те, кому кивок предназначался, будут его ждать. Каковы бы ни были их прочие недостатки, в подобных вещах на новообращённых можно было положиться с достаточной уверенностью.

- Вот и всё, джентльмены, - произнёс служитель, с улыбкой появляясь из боковой комнаты, куда относил на хранение их личное оружие. Он закрыл дверь, повернулся и поднял руку, чтобы набрать код. - Вы сможете получить его обратно, когда…

Таймер включил подавитель звука. Губы служителя ещё секунду-другую продолжали шевелиться, пока до него не начало доходить, что из них не вырывается ни единого звука.

Но к тому моменту его глаза начали расширяться по куда более серьёзной причине, чем внезапная немота. Двигаясь со скоростью и грацией, обеспеченными генами и подготовкой, один из новообращённых - это был Стас - лёгким движением перемахнул стойку. Служитель пытался что-то крикнуть, но звука не было. А больше ни для чего времени у него не было. Из его лёгких вырвался беззвучный агонизирующий кашель, когда кулак Стаса с силой пневматического молота врезался ему в почку, припечатав служителя ко всё ещё незапертой двери. Второй удар того же кулака по той же почке, последовавший долю секунды спустя, завершил дело. Стас отшвырнул тело и ввалился в хранилище оружия.

За ним через стойку перепрыгнули ещё двое новообращённых. Один из них задержался - мимоходом, излучая презрение - чтобы подхватить потерявшего сознание служителя и шарахнуть его черепом об угол стойки. Опять-таки, генно-инженерные мускулатура и рефлексы продемонстрировали свою пользу. Пусть не в ушах, но в воображении Гидеона раздался звук ломающейся тонкой височной кости, осколки которой проникли в мозг. Новообращённый позволил телу служителя безжизненно осесть на пол и последовал за своими товарищами в хранилище.

Гидеон уже поворачивался, в уверенности что прочие спешные действия были выполнены с тем же совершенством.

Так и было. Трое охранников, сопровождавших Темплтона и его людей от причального отсека шаттлов до поста, были уже нейтрализованы. И физически лишены возможности закричать, что было вполне излишне… но, скорее всего, неизбежно, учитывая свойственные новообращённым привычки ведения боя. Они не были по-настоящему привычны к преимуществам, которые им давало высокотехнологичное оборудование масадцев, такое как подавитель звука.

Способ, которым были лишены возможности кричать двое из трёх охранников - гортань, перебитая ребром ладони - должен был и завершить дело, прикончив их. Шею третьего державший его за голову новообращённый сломал внезапным и резким движением прямо на глазах у Темплтона. Это был Имре, пожалуй самый сильный из группы.

Кроме группы Темплтона этим шаттлом на "Цену греха" прибыло ещё трое посетителей, также препровождённые охраной для сдачи оружия. Все они погибли за считанные секунды, так и не успев оправиться от шока внезапной бойни достаточно надолго, чтобы успеть хоть что-то, кроме как поднять в тщетном протесте руки. И, как и в случае со служителем и охранниками, подавитель блокировал любые звуки, которые могли бы донестись до причального отсека, где оставались ещё двое охранников.

Гидеон фыркнул - беззвучно.

Отчасти это было вызвано удовлетворением от успешного выполнения этой части его плана. Он принял решение пойти на риск, и отобрать оружие потом, вместо того, чтобы затевать перестрелку непосредственно в причальном отсеке. До некоторой степени это было сделано просто ради того, чтобы уменьшить количество непосредственных противников. В основном же, однако, обоснованием служил расчёт Гидеона, что охранники ослабят первоначальную бдительность, эскортируя выглядящую послушной группу посетителей до поста. Они должны были уже проделывать эту процедуру бессчётное количество раз, поскольку владение личным оружием в этой части галактики было обычным делом. Большинство тех проблем, с которыми охранники сталкивались в прошлом, доставляли им посетители, не знакомые с драконовскими мерами безопасности этой космической станции. Но таковые начинали протестовать немедленно, ещё находясь в причальном отсеке. Темплтон и его люди вели себя естественно, словно были в курсе принятых на станции правил - что, разумеется, так и было - и принимают их как должное.

Однако в основном изданный Гидеоном звук выражал его благоговение. Временами он задавался вопросом, почему Господь взвалил на него зачастую неблагодарную и неизменно выводящую из себя задачу привести новообращённых в свою паству. Теперь он был уверен, что уловил отблеск великого замысла Всемогущего. Он был достаточно уверен, что его старые Истинные справились бы с этим делом и сами. Но… не с такой лёгкостью, не с такой уверенностью. Как бы там ни было, новообращённые были острейшим из клинков, вложенным в его руки Провидением.

Стас уже вынырнул из хранилища оружия, неся часть оружия, которое они взяли с собой на "Цену греха". Вывалив его на стойку, он развернулся и направился назад, за следующей порцией. Вместе с двумя своими товарищами он быстро вернул всё оружие, которое было у Темплтона и его людей, заодно прихватив чужое в количестве достаточном, чтобы вооружить остальную часть

команды, а также обеспечить необходимый запас.

Все двигались быстро, особенно Джейкоб, уже работавший за расположенной на стойке консолью системы безопасности. Гидеон подчеркнул необходимость свести время работы генератора белого шума к абсолютно необходимому минимуму. Даже такие лентяи, что обычно берутся за низкооплачиваемую работу в службе безопасности, могут что-то заподозрить, если "сбой видео" продлится достаточно долго.

Но не прошло и нескольких секунд, как Джейкоб улыбнулся, поднял голову и уверенно кивнул Гидеону. А затем, подтверждая сигнал, отключил подавитель звука.

- Всё готово. Аппарат подключен к компьютеру системы безопасности. Он заставит датчики - и аудио, и видео - постоянно воспроизводить предыдущие полчаса записи. Солли - сборище грешников, но, скажу вам, их электроника хороша.

Гидеон удовлетворённо фыркнул. Для любого охранника в центральном посту, взглянувшего на мониторы, это место будет выглядеть снова пустым… словно всё оружие было сложено на хранение, все пассажиры его покинули, а все охранники вернулись на свои посты. Пока и если кто-либо не заметит, что по причальному отсеку ходят всё те же охранники, хотя их смена давным-давно закончилась, всё будет тихо. Разумеется, им по-прежнему нельзя будет воспользоваться оружием, не подняв тревогу на всю станцию.

Стас слегка хмурился. Как бывший лидер новообращённых - точнее, как доминирующая среди них личность - он подвергал сомнению действия Гидеона чаще чем кто бы то ни было из них.

Стас указал на всё ещё открытую оружейную комнату.

- Там есть штучки получше. Ручной работы укороченный дробовик - прекрасная вещица, трудно даже вообразить, сколько он стоит - три пульсера военного образца, и даже трёхстволка. Ха! Что за идиот притащил это в такое место? Полагаю, он думал, что если соскучится, то сможет устроить сафари. Добавить к своим трофеям голову Гигантского Крупье, добытую за столом для фараона.

- Нет, - проворчал Гидеон, сумев не сорваться на рык. - Стас, я же уже объяснял. Чтобы найти мою сестру, нам ещё далеко идти - мы даже не знаем, где она. В этом мерзком заведении во внутренней части станции не будет столь же плотной сети сканнеров системы безопасности, но они неизбежно будут. В данной ситуации я рассчитываю на то, что мы сможем пронести маломощное оружие незамеченными, потому что у некоторых из охранников должно быть аналогичное оружие. Они не могут себе позволить постоянных тревожных сигналов, вызванных просто

занимающейся своим делом охраной. Но нет никакой необходимости свободно носить по станции мощное оружие или оружие военного образца, и я уверен, что сканнеры настроены его засекать. Если только у нас не будет специального кода, означающего, что нам это разрешено - а добыть подобный код нам неоткуда - брать с собой мощное оружие будет слишком рискованно.

Он решил этим ограничится, поскольку Стас явно не собирался настаивать. Сказать по правде, Гидеон и сам не был особо доволен ситуацией. Он был вполне уверен, что телохранители его сестры получили коды, необходимые для регистрации своего армейского оружия в системе безопасности станции. Дипломатические осложнения там или нет, Эревон ни за что не пошёл бы на риск допустить успешное нападение на члена королевской семьи Мантикоры из-за того, что её мантикорские телохранители были безоружны. Вообще-то, Гидеон был изрядно уверен, что охрана "Цены греха" была всемерно усилена. Где-то на станции должно было быть и находящееся в готовности подразделение с тяжёлым оружием.

Темплтона не слишком заботило возможное - точнее, вероятное - наличие этого подразделения. В любом случае они не будут находиться в непосредственном прикрытии его сестры. То, чем занималась принцесса Руфь, не было официальным государственным визитом, маршрут которого тщательно планируется. Поскольку невозможно предсказать передвижения пустоголовой грешницы в процессе игры, менеджмент станции не захочет тревожить прочих гостей видом бросающихся в глаза солдат в броне, топочущих вслед за ней по игровым зонам. Вместо этого они просто разместят их в готовности где-то в центральной области. Появившись, они сметут всё и вся… но если затея Темплтона пройдёт по плану, прибудут они слишком поздно.

Оставалась ещё проблема непосредственно с телохранителями сестры, и здесь были основания для изрядного беспокойства. Даже если оставить в стороне тот факт, что они были куда лучше подготовлены и мотивированны, чем охрана увеселительного заведения, у них ещё и оружие значительно превосходило то, что находилось в руках Темплтона и его людей. Да, у них были ручные пульсеры, а не что-то более тяжёлое. Но ручное оружие военного образца в руках элитных солдат - вовсе не мелочь, которой можно презрительно пренебречь.

Темплтон даже подумывал вместо маломощных, предназначенных для самообороны и спортивной стрельбы пульсеров, что были у них сейчас, взять с собой пороховое

оружие. При всей примитивности его конструкции хорошее пороховое оружие могло быть куда более смертоносным. Однако…

Не вышло бы. Подобное оружие было большой редкостью, что, кстати, давало Темплтону почти стопроцентную уверенность, что сканеры внутренней части станции его бы не засекли, поскольку в нём не было источника энергии. Другое дело куда более многочисленные системы безопасности причального отсека. Охрану бы немедленно насторожило открытие, что такое большое число мужчин из одной группы пылают страстью к антикварному оружию. Гидеону и так пришлось объясняться по тому поводу, что большая часть его группы была вооружена. К счастью, ему помогло то, что по его приказу более трети его людей прибыло без оружия. Как и неопределённые ссылки на укоренившиеся традиции фронтира на якобы их родной планете.

И снова он поздравил себя с прозорливостью плана. Гидеон рассчитывал - и не ошибся - что в хранилище найдётся достаточно оружия, оставленного прибывшими раньше них пассажирами, чтобы вооружить остальных своих людей. Прозорливость плана была тем большей, что большую его часть пришлось составлять практически на ходу в тот момент, когда он узнал, что его сестра собирается на "Цену греха".

Но, не забывая о грехе гордыни, Гидеон не предавался самодовольству. Как и не забывал о том факте, что с его стороны также была проявлена нерадивость. Учитывая испорченную натуру его сестры, он с самого начала должен был понимать, что шлюха при первой же возможности полетит в гнездо разврата, как бабочка на огонёк свечи. Так что если он и проделал замечательную работу по спешному составлению плана, сама эта спешка отчасти была результатом его небрежности.

Он прервал свои размышления. Все в группе уже вооружились - многие взяли запасное оружие - и были готовы начинать следующий этап. Тела затащили в хранилище оружия. Один из его людей даже нашёл где-то тряпку и принялся оттирать кровь, выплюнутую одной из их жертв на пол.

- Не стоит, - сказал Гидеон. - К тому времени как кто-либо ещё зайдёт сюда, это уже будет неважно.

Его кузен и главный помощник, Авраам Темплтон, скосил на него взгляд.

- То есть ты решил убить охранников, оставшихся в причальном отсеке?

- Да. Ты же слышал, что ответил мне один из охранников, когда я поинтересовался у него между делом. По расписанию ещё несколько часов в этот док не направится ни один шаттл.

Авраам кивнул. Жест этот выражал как согласие, так и уважение. Гидеон предусмотрел и это, преднамеренно отправившись на шаттле, который должен был прибыть под конец часа пик на станции. Это с наибольшей вероятностью должно было привести их в док, используемый только в период максимальной плотности движения - как на самом деле оно и вышло.

- Этого времени нам хватит на всё остальное, - продолжил Темплтон, - во всяком случае, на то, что можно сделать, не поднимая тревоги. И безопаснее будет не оставлять позади никого, кто мог бы забрести сюда и поднять тревогу раньше времени.

Авраам кивнул и прошёлся оценивающим взглядом по собравшейся команде. На новообращённых его взгляд задержался немного дольше. Хотя им по большей части было непривычно использовать более сложное вооружение, с простым ручным оружием новообращённые управлялись с тем же мастерством, что проявляли в рукопашном бою.

Стас ответил на взгляд Авраама ленивой улыбкой.

- Перережем как овец.

***

Так оно и вышло. И в результате Гидеон почувствовал, что его благочестие укрепляется. В конце концов, пути Господни неисповедимы. И если Ему потребовалось снабдить Гидеона для выполнения Его дела инструментами небезупречными в других отношениях, Гидеон Темплтон не собирался оспаривать Божью волю.

Темплтон ощущал по поводу этой части плана немалую озабоченность. На самом деле достаточную, чтобы почти решить последовать предложению Авраама и оставить двоих охранников в причальном отсеке в живых. Проблема, по сути, состояла в том, что они не смели атаковать охранников, пока те остаются в отсеке. Неважно насколько они разболтаны, даже низкооплачиваемых охранников не получится уничтожить в ходе открытого нападения так, чтобы они не сумели подать хоть какой-то тревожный сигнал. А поскольку генератор белого шума не мог подавить эффекты выстрелов, к этому добавлялся риск, что один из охранников может успеть выстрелить из своего пульсера.

Стас заверил Темплтона, что сумеет решить эту проблему при помощи обмана. Или - если среди охранников не найдётся достаточно похожего на Стаса телосложением - это сможет сделать кто-то другой из новообращённых.

Так и получилось. Гидеон мог наблюдать весь процесс через установленный Джейкобом крошечный жучок.

Причальный отсек соединялся с постом охраны коротким коридором. В отличие от обоих помещений, аудио-видео наблюдение за коридором не велось. Вне всякого сомнения, он контролировался датчиками энергии, но это было неважно.

Гидеон с трудом сдержал презрение - и сделал это только благодаря постоянной насторожённости против греха гордыни. На нечестивых грешников всегда можно было положиться в том, что их скупость одолеет осторожность. Были бы в ответе за безопасность "Цены греха" праведные люди, аудио и видео датчики были бы повсюду - и в центральном посту охраны за мониторами наблюдал бы остроглазый Истинный. Но жадное руководство греховного места по привычке сэкономило, и разместило датчики только в критических зонах.

На глазах у Гидеона Стас, одетый в форму, взятую у одного из убитых охранников, бывшего примерно его роста и телосложения, пошёл по коридору прогулочным шагом. "Прогулочным" было правильным словом. Никто из старых Истинных не смог бы изобразить настолько небрежную, шаркающую походку - равно как и столь же расхлябанную манеру, в которой Стас заглянул за угол выходящего в причальный отсек коридора и махнул рукой двум остававшимся там охранникам.

Взмах руки тоже был идеален. "Всё, ребята. Смена закончена… так что идём пропустим по пивку". Всё это Стас передал не произнеся и слова… и не дав охранникам взглянуть на себя иначе, как мельком.

Но… именно этого они и ожидали. Более того, дожидались. Так что не прошло и нескольких секунд, как в коридоре показались двое мужчин, идущих расслабленной походкой грешников, жаждущих предаться греху. Не "прогулочным" шагом - для этого они двигались слишком быстро - но и без какой-либо бдительности или насторожённости.

Стас стоял на одном колене спиной к ним и делал вид, что поправляет ботинок. Лицо его закрывал козырёк фуражки. Когда охранники проходили мимо него, один из них что-то сказал. По-видимому сострил, судя по его улыбке. Темплтон не мог его слышать, поскольку миниатюрный передатчик, установленный Джейкобом на стене коридора, не имел микрофона.

В любом случае, это было неважно. Стас снова пришёл в движение, и на этот раз без какой-либо расхлябанности или небрежности. Он выпрямился как тигр, выпрыгивающий из засады, нанёс один удар… второй…

А затем быстро добил охранников, как только те рухнули на пол. Всё было кончено в считанные секунды. И ни единого звука не донеслось до Гидеона за поворот коридора, где он с остальными ожидали у поста охраны.

Один из новообращённых направился к Стасу помочь дотащить тела до поста. Ещё несколько секунд заняло запихнуть их в оружейную комнату к остальным трупам.

Итак, всё за исключением собственно нападения на принцессу было сделано. Исходный план Гидеона сработал идеально. Они покинули пост, направляясь гуськом по коридору к залам дьявольских игрищ, где наверняка можно будет найти его шлюху-сестру.

***

Первый лейтенант Ахмед Григгс не был счастливым человеком. Мягко говоря.

Разумеется, не по причинам, имеющим отношение к его людям. Для этого задания они с Лаурой Хофшульте выбрали из взвода Григгса отделение сержанта Кристины Буланчик - по нескольким причинам. Основной была сама Буланчик, заматеревший на службе сержант, награждённая, как и сам Григгс, Сфинксианским Крестом. В её отделении было ещё несколько человек, награждённых за доблесть, однако это не было особо необычным для Королевской Гвардии. Практически весь её личный состав служил как минимум второй контрактный срок в Королевской Армии Мантикоры (по крайней мере те, кто не был переведён из морской пехоты, как сам Григгс), и Гвардия могла себе позволить выбирать лучших из лучших. Но в пользу Буланчик было ещё два аргумента. Первый - то, что она регулярно получала очень высокие оценки в тренировочных сценариях, где отрабатывались действия в общественных местах. А второй - то, что она нравилась Руфи Винтон. Дружеские взаимоотношения между защищаемым и одним из защитников не были обязательным условием, но и никогда не мешали. Особенно когда речь шла о защите принцессы Руфи в таком забитом людьми, оживлённом, полном отвлекающих факторов,

кошмарном для охраны месте, как "Цена греха".

С того самого момента, как они прибыли в это заведение, Григгс не переставал источать проклятия. Нет нужды говорить, что некоторые были адресованы самой принцессе. Но не многие. Никто, в конце концов, не ожидал от своевольной девушки благоразумия в отношении мер безопасности, особенно люди, назначенные в её охрану.

Большая доля проклятий адресовалась ныне отсутствующему Антону Зилвицкому. Умчался на месяц ради таинственных дел, предоставив свою дочь и принцессу самим себе!

Но… Антона лейтенант клял ненамного сильнее, чем девушек. Он знал репутацию этого человека, и если Антон Зилвицкий считал, что нечто было достаточно важно, чтобы он исчез на месяц, Григгс не испытывал реальных сомнений, что так оно и было.

Нет, основная часть проклятий лейтенанта адресовалась человеку, находившемуся очень далеко от Эревона: премьер-министру Звёздного Королевства, чья заносчивая и глупая политика настолько сильно обозлила народ и правительство Эревона и вообще сделала необходимым "неофициальный" визит принцессы.

Нет нужды говорить, что королева не объясняла лично лейтенанту Григгсу цели поездки принцессы Руфи. Но в этом не было необходимости. Как и все офицеры Королевской Гвардии, Григгс был прекрасно осведомлён о политической ситуации в Звёздном Королевстве. В былые времена, когда внешние сношения Мантикоры были в руках премьер-министра Кромарти и выбранных им людей, вояж на Эревон могла бы предпринять сама королева Елизавета - или, если уж не она, то кто-то представляющий её официально. В подобных обстоятельствах лейтенант Григгс мог бы принять все дополнительные меры безопасности, естественные для подобных детально спланированных визитов.

Однако сейчас…

Григгс не мог пожаловаться на эревонцев. Как только он известил их о предстоящем визите принцессы в "Цену греха", даже не озвучивая никаких просьб, эревонцы добровольно предложили отказаться от обычных правил и позволить Григгсу и его людям сохранить при себе оружие. Они так же немедленно проинформировали его, что усилят охрану на станции, вызвав подразделение своего спецназа, которое будет всё время находиться в готовности.

И это был, если оставаться реалистом, предел того, о чём он мог просить. Просто нет никакой возможности создать для

неофициальной прогулки члена королевской семьи уровень охраны близкий к тому, что был возможен во время официальных государственных визитов. Особенно если упомянутый член королевской семьи даже не входит в линию наследования. В конце концов, подобное скрупулёзное обеспечение безопасности чрезвычайно разрушительно сказывается на обычном ходе ведения бизнеса. Если бы Григгс попытался нажать, то эревонцы просто закрыли бы принцессе доступ на космическую станцию - и на его голову обрушился бы гнев Руфи. На это, само по себе, он мог бы и пойти. Но Григгс прекрасно понимал, что принцесса просто отвергнет предлагаемые им меры - он был её телохранителем, а не опекуном - и он всё равно окажется в той же самой ситуации, только дело тогда иметь придётся с раздражёнными эревонцами, вместо готовых к сотрудничеству.

Пока они пробирались через игровые залы увеселительного заведения, принцесса и её спутница ошеломлённо глазели на голографические изображения на потолке, если только их от этого не отвлекали не менее великолепные картины над собственно игровыми столами. Григгс всё это игнорировал. Большая часть его сознания была занята изучением находящихся поблизости людей в поисках возможной опасности. Меньшая предавалась старинному обычаю. В его семье ценилось древнее искусство проклятий.

"… до третьего колена. Что до пра-правнуков Высокого Хребта, чтоб им всем и каждому родиться с генетическими дефектами - я не многого прошу, учитывая ИХ наследственность - и подыхать долго и в муках. Чтоб их тела растерзали дикие звери. Чтоб их останки…"

***

Как только Танди со своей командой выбралась из шаттла и оставила позади охрану и сканеры систем безопасности, она снова вызвала Виктора.

- Это место - лабиринт, и я совершенно его не знаю. Не вижу смысла бродить тут в поисках принцессы. Вам с Имбеси и твоими… э-э, телохранителями придётся делать что сможете в месте первоначального столкновения. Думаю мне куда разумнее расположиться на позиции, где я могла бы перехватить Темплтона после того, как он нанесёт свой удар.

После едва заметной паузы спокойный голос Виктора

отозвался:

- Согласен. Я сам должен был об этом подумать. Со мной с самого момента прибытия была Наоми, а она знает это место как свои пять пальцев.

- Ещё бы, - фыркнула Танди. Впрочем, не активировав ларингофон, произнося это.

- Так что я не подумал, каково должно быть оказаться в этом месте без подготовки. Что тебе нужно?

- Мне нужно знать, где я нахожусь относительно наиболее вероятного места - или мест - где Темплтон может начать действовать. Что ещё важнее, где он с наибольшей вероятностью будет уходить со станции… и как мне быстрее всего выйти на этот маршрут. Или маршруты, если их будет более одного.

- Тебе придётся дать мне какое-то время. Минимум пять минут, возможно больше. Ни у Наоми, ни у Вальтера нет этой информации, так что нам придётся добыть её у кого-то ещё.

Не видя смысла в дальнейшем бесцельном блуждании по окрестностям, Танди лёгким движением руки остановила свою команду. Они как раз проходили мимо одной из множества имевшихся на станции маленьких закусочных, размещавшейся в нише в стене коридора, и Танди повела их за собой туда. Её метаболизм начинал подавать предупреждающие сигналы, а поскольку у неё было немного времени, она решила позаботиться об этой проблеме. И она и её команда быстро сделали заказ и принялись практически заглатывать еду. При этом амазонки Танди скалились, глядя на неё. У них, разумеется, метаболизм тоже был активнее среднего, но это было ничто по сравнению с ней.

***

Темплтону станция тоже казалась лабиринтом, но у него было время подготовиться. Поэтому, направляемые голографическим путеводителем, приобретённым вчера одним из его людей, он со своей командой достаточно быстро двигался по коридорам в направлении главных игровых залов в центре станции.

Он вполне был уверен, что найдёт там свою сестру. Бабочка и огонёк свечи. Как только они приблизятся достаточно, чтобы засечь её химический след, взятое им с собой крайне дорогое поисковое оборудование сделает всё остальное.

***

Танди как раз разделалась со своей едой, когда снова зазвучал голос Виктора.

- Итак, вот всё, что мне удалось узнать. Темплтон прибыл через один из дальних стыковочных отсеков. Ему повезло, если только это не было результатом планирования - что весьма возможно. Но обратно он этим путём не пойдёт. Гораздо вероятнее, что он воспользуется одним из служебных причалов - в трубе либо Гамма, либо Эпсилон - и захватит два или три шаттла, которые постоянно находятся там для рутинных задач. В этих отсеках нет охраны, поскольку в них нельзя войти снаружи, не имея кода. Покинуть их, разумеется, совершенно другое дело. Это также требует знания кода, но я уверен, что он сумеет получить код от работающих там людей. Они не подготовлены к сопротивлению пыткам.

- О'кей. Где…

- Терпение, терпение.

В спокойном, уверенном голосе пробилась нотка непринуждённого юмора. Танди ощутила лёгкий приступ влечения и безжалостно его задушила. Не время для этого… даже если бы она и знала этого человека!

- Я как раз собирался сказать, - продолжал Каша. - Прямо сейчас ты в трубе Бета. Тут нам немного повезло, поскольку ты гораздо ближе к Эпсилон или Гамме, чем будет Темплтон, когда начнёт действовать.

- И где это будет?

- В главном игорном зале в центре станции. Мантикорки уже там, и я уверен, что именно туда Темплтон и направляется. Как только мы закончим разговор, я тоже отправляюсь туда.

- Хорошо. Я найду дорогу, это не так сложно. Тут повсюду продаются путеводители, - она мгновение поколебалась. - Береги себя, Виктор. Сейчас они почти наверняка уже вооружились.

- Не думаю, что в этом могут быть сомнения. Имбеси только что позвонил в стыковочный отсек, через который они прибыли, и ему никто не ответил. Уверен, что они перебили охранников и забрали их оружие. Вместе с тем, что привезли с собой. Будем надеяться, у них не будет ничего военного образца.

Танди снова колебалась. Она уже думала над возможными способами вооружить свою команду. Они не взяли с собой вообще

ничего, поскольку знали, что охрана ни за что не пропустит их с оружием.

Виктор словно читал её мысли.

- Забери то, что тебе нужно у охранников, когда настанет момент. Но, если сможешь, постарайся никого из них не убить.

- Честно говоря, это будет сложно сделать. Кроме того… посмотрим, сперва я должна оценить место, где будет схватка. Возможно, удастся забрать оружие у самих людей Темплтона.

Настал черёд колебаний Каша.

- Это может быть… э-э, по-настоящему опасным, Танди.

- Да, может. С другой стороны, - её губы слегка дрогнули, - я именно настолько хороша. Давай договоримся. Я не буду указывать тебе, как управляться с делами рыцарей плаща и кинжала; ты не будешь указывать мне, как калечить людей.

Раздался его тихий смешок.

- Достаточно справедливо. Удачи, Танди. Когда узнаю что-нибудь ещё, я сообщу.

Танди поднялась из-за стола. Женщины её команды, рассевшиеся кроме этого же стола ещё за тремя, тут же тоже все вскочили на ноги. Оглядевшись по сторонам, Танди увидела, что кроме них в помещении никого не было.

- Нас предупредили быть осторожнее, - радостно заявила она. - Похоже, Темплтон опасен, и моего… э-э, друга несколько волнует моё здоровье.

Это вызвало ту реакцию, которую она ожидала. Все женщины дружно нахмурились.

- Мужики! - фыркнула одна из них. - Ты - большая кайя. Съешь их живьём.

Глава 22

- Значит, решено, - негромко произнёс Виктор, поворачиваясь к Наоми и её дяде. Представители семейства Имбеси восседали в чём-то напоминавшем неимоверно комфортные кресла. Так, во всяком случае, эти предметы мебели определил Виктор. Всю мебель, которую только он до сих пор видел в частных апартаментах "Цены греха" семьи Имбеси, невозможно было охарактеризовать другими словами, кроме как "неприлично дорогая и роскошная". Отчасти именно поэтому сам Виктор этой мебелью не воспользовался, даже если отбросить тот факт, что переполнявшая его энергия всё равно не давала ему присесть. Человек с его прошлым и его идейными убеждениями не мог не испытывать смутную неприязнь к пользованию предметом обстановки, за который уплачено столько, что на эти деньги наверное можно было бы многие месяцы кормить целое семейство бедняков. Разумеется, с его стороны это было иррациональной реакцией - однако именно такая личность жила внутри оболочки по имени "Виктор Каша".

- Вы действительно полагаете, что это сработает? - поинтересовался, чуть хмурясь, Вальтер Имбеси. - План кажется непомерно сложным.

- Он действительно непомерно сложен. Однако я не вижу никакого другого способа разрешить ситуацию нужным нам образом. Просто уничтожение Темплтона нам не поможет. Нам нужно использовать его в качестве отмычки.

Наоми хмурилась откровеннее дяди.

- Я вот не понимаю, почему ты так уверен, что Темплтон вообще отыщет свою сестру, - она бросила взгляд на дверь, ведущую в один из открытых для публики коридоров станции. - Виктор, я не уверена, что ты действительно понимаешь, насколько вообще запутаны эти коридоры. Да, есть голографические путеводители, однако пользоваться ими не так-то просто, особенно людям, которые никогда раньше на станции не были… а я была бы удивлена, если бы Темплтон, учитывая его веру, здесь уже бывал.

- Она права, Виктор, - вмешался Вальтер. - Темплтон скорее всего будет просто блуждать по станции. А через пару часов или около того поднимется тревога. После чего Темплтона так или иначе просто сотрут в порошок. Так почему не сделать этого немедленно - и, наверное, спасти немало жизней?

- Вальтер, я рассчитываю на их веру. Скажите, сколько

вообще по вашему мнению грейсонцев или масадцев когда-либо посещало "Цену греха"?

Имбеси хмыкнул.

- Может быть, с десяток. Возможно чуть больше… но мало, это точно. Конечно, грейсонцы не разделяют самых фанатических положений масадской "морали", в частности у них нет каких-то запретов на игры - во всяком случае до какого-то предела - однако и для них это место является практически символом "порока", - он усмехнулся. - Мне кажется, что отчасти это из-за нарядов выступающих на сценах женщин. Точнее, из-за скудости этих нарядов. Хм. Если на то пошло, большинство из них наверное столь же шокируют наряды артистов-мужчин! - добавил он, усмехаясь племяннице.

- Именно, - кивнул Виктор. - А грейсонско-масадский набор генов очень характерен. Правда, оборудование для его выделения из находящихся в воздухе случайных молекул чрезвычайно дорого. Однако масадцы за пятнадцать лет пиратства скопили много денег, вдобавок к тому, что они с самого начала были очень богаты. Темплтон не дурак. Я не думаю, что он вообще пошёл бы на такой фокус, не располагая хемотрассером.

Наоми широко распахнула глаза.

- Я слыхала о таком приборе. И он действительно настолько хорош?

- Да, - уверенно ответил Виктор. - Я видел его в действии. В руках человека, который умеет им пользоваться, это походит на магию. Учтите, если бы они попытались выследить в этом переполненном бедламе дочь Зилвицкого, прибор бы им ничуть не помог, разве только в непосредственной близости. Однако это потому, что она землянка и следы её ДНК было бы невозможно отличить от других человеческих ДНК до тех пор, пока ищущие не окажутся в нескольких метрах от неё. Но с принцессой дело совсем другое. Тем более, в команде Темплтона одни мужчины, так что они могут отбрасывать все показания, кроме принадлежащих женщине с их генетическим набором. Даже более того, поскольку она единокровная сестра Темплтона и он может использовать в качестве образца собственную ДНК.

- Ладно, - произнёс Вальтер, - звучит разумно. Однако я всё ещё не понимаю, почему вы настолько уверены, что сможете справиться с Темплтоном после того, как тот нанесёт удар.

- Опять же генетика. - Он бросил быстрый взгляд на семью Имбеси, боясь, что может их оскорбить. Одной из характерных черт эревонской культуры - в действительности той, которую высоко ценил сам Виктор - была её агрессивная эгалитарность. Этот аспект культуры был незаметен большинству иномирян,

видевших только крайне стратифицированный характер властных структур Эревона. Однако структура и занимающие в ней позиции люди было далеко не одно и то же. Да, для эревонцев было малоприемлемым то, что большинство людей назвало бы "подлинной демократией". Однако даже ещё менее приемлемым для них было представление, что любой индивидуум не мог стремиться занять положение, которого был достоин по своим способностям. Для правящих семейств Эревона было обычным ассимилировать многообещающую молодёжь, невзирая на её классовое или генетическое происхождение. По сути дела, одним из наихудших намёков, которые могли быть сделаны в адрес известного и влиятельного семейства, было обвинение в чрезмерной переборчивости в брачных отношениях - что они, по грубоватому эревонскому выражению, "барахтаются промеж собой".

Однако факт есть факт и Виктор не думал, что кто-то из Имбеси - особенно Вальтер - мог быть полностью ослеплён традицией.

- Полагаю, вы не вполне осознаёте, насколько большое преимущество иметь в бою, особенно рукопашном, на своей стороне людей с геномом лейтенанта Палэйн и её команды громил-амазонок. Особенно Палэйн.

Наоми скривилась.

- Баба-штангистка, - пробурчала она.

Справиться с раздражением стоило Виктору некоторых усилий. Оставляя в стороне его личные чувства к лейтенанту Палэйн, которые его всё еще смущали и заставляли колебаться, ехидство Наоми было особенно раздражающим потому, что Виктор знал, что в нём не было ничего личного в смысле ревности к нему. Просто укоренившееся у Наоми чувство соперничества по отношению к другим женщинам.

- Это как минимум, - практически резко произнёс он. - Само по себе физическое превосходство не обязательно много значит. На самом деле, оно может быть помехой, поскольку ведёт к самонадеянности. Я однажды… - он покачал головой. - Неважно. Просто поверьте на слово… или не верьте, дело ваше. Палэйн не смогла бы пройти путь от Ндебеле до своего теперешнего положения только за счёт мускулов. Она умна, дисциплинирована и прекрасно обучена. И хоть я и считаю, что Флот Лиги непомерно переоценён - они уже столетиями не сталкивались в бою с настоящим противником - морская пехота Лиги совсем другое дело. Учитывая количество конфликтов, для подавления которых их постоянно используют, у них скорее всего по меньшей мере столько же боевого опыта - во всяком случае, у их лучших

подразделений - как и у морпехов Республики или манти. Так что, когда дойдёт до дела, я смело поставлю деньги на неё.

Пока Виктор произносил свою маленькую проповедь, Вальтер Имбеси внимательно изучал его. Теперь он пожал плечами и положил руки на подлокотники.

- А я ставлю свои деньги на вас. У меня есть сомнения, однако… Я уже давно научился не дёргаться, приняв решение. Хорошо, Виктор, поступим по-вашему. И что теперь?

Виктор взглянул на часы.

- А теперь, я бы сказал, самое время мне и моей команде приготовиться к драке.

- Что вы планируете делать?

- Вы когда-нибудь видели голозаписи довольно жестокого земного состязания под названием "коррида"? Или его варианта, который всё еще практикуется в секторе Нуэва Уахака Лиги, но с использованием местных животных?

Глаза Вальтера расширились.

- Я видел состязания на Нуэва Уахаке, о которых вы говорите, хотя только в записи. Если можно назвать эту кровавую бойню "состязаниями".

- Не могу сказать, что и сам их одобряю, - согласился Виктор. - Однако это подходящая аналогия. Я рассчитываю на то, что Танди - лейтенант Палэйн - нанесёт последний удар шпагой. Однако перед тем животное должно быть обескровлено и вымотано.

- Виктор, я не могу снабдить вас оружием, - предупредил Имбеси. - Не могу, не раскрывая свою роль в ваших планах - что для меня непозволительно. Я и так настолько далеко зашёл, что едва оставил себе возможность "правдоподобного отрицания".

- Я вас и не прошу, - мягко ответил Виктор. Он расстегнул свой широкий пояс и взял в ладонь нечто упрятанное в декоративной пряжке. - Для начала мне будет достаточно этого.

Наоми уставилась на предмет.

- Я никогда не слыхала о карманном пульсере, из которого можно попасть дальше, чем на несколько метров. Надеюсь…

- Несколько метров более чем достаточно. И это не пульсер. Через сканеры систем безопасности станции невозможно пронести никакой пульсер, как бы мал он ни был. Это нелетальное парализующее устройство, источника энергии у него нет, и вас шокирует цена, которую пришлось заплатить, чтобы сделать его невидимым для сканеров.

- Но как…

Вальтер почти хмурился.

- Я, конечно же, надеюсь, что оно нелетально. Если и вы

начнёте убивать охранников, то когда всё закончится, вас будет невозможно отделить от плохих парней, - он посмотрел на четырёх мужчин, небрежно подпирающих противоположную стену. - Особенно учитывая, из кого состоит ваша боевая группа. Мы на Эревоне хладнокровны, но всё-таки не настолько.

Одним из этой четвёрки был Дональд Экс. Мощно сложённый бывший раб слегка улыбнулся Имбеси.

- Не стоит беспокоиться. Виктор немного повзрослел с того раза, когда мы впервые с ним встретились. Уверен, что он не сорвётся так, как это сделал на… Ладно. Давайте на это по крайней мере надеяться.

Имбеси вздохнул.

- Чёрт бы побрал этого Высокого Хребта. Чёрт бы побрал его, его детей и детей его детей. Чтоб им…

***

Когда они вышли, в коридоре, улыбка Дональда стала шире.

- Не знал, что эревонцы мастера ругаться.

- Эревонцы действительно не мастера ругаться, - отозвался торопливо шагающий Виктор. - Просто они сильно обижены, а они не тот народ, что легко относится к обидам.

***

- Урааааа!! Так держать, принцесса!

Лейтенант Григгс вздрогнул от пронзительного женского визга. Голос принцессы Руфи он обычно считал приятным, но когда она была настолько возбуждена…

Нет, наверное всё же не настолько возбуждена. Он заметил, что она сохранила достаточно самоконтроля, чтобы назвать Берри Зилвицкую "принцессой", когда та снова ухитрилась сорвать джекпот. Конечно, с высоты положения человека, родившегося и выросшего в королевской семье Мантикоры, сумма денег в этом "джекпоте" едва ли казалась завораживающей.

В действительности даже Берри не выглядела завороженной. Нечего и говорить, что она улыбалась во весь рот, однако Ахмеду казалось, что это скорее относилось к удовольствию от самой

игры, а не к несдержанной радости от нежданного богатства. Григгс не думал, что за относительно короткое время знакомства постиг все глубины характера Берри. Однако одно ему уже было ясно - Берри Зилвицкая, казалось, просто не придавала значения всем тем маленьким триумфам, которыми столь многие люди мерили свои жизни. Она казалась намного более зрелой, чем можно было бы ожидать от человека её семнадцати стандартных лет.

Однако Григгс задавался этим вопросом не слишком долго. Его глаза непрестанно обшаривали толпу, высматривая любые признаки опасности и удостоверяясь, что его люди занимают удобные позиции.

"Много толку от всего этого, в этом-то сумасшедшем доме. В такой жуткой толпе целая чёртова армия может к нам подобраться, а мы её и не заметим".

Однако мысль эта была только умеренно-кислой. Честно говоря, Григгс действительно не ожидал в этом месте каких-то неприятностей, которые он и его солдаты не смогли бы встретить в достаточной готовности. Уж это можно было сказать в пользу дотошной политики безопасности станции: любой противник скорее всего будет безоружен. Самой большой проблемой, с которой он до сих пор столкнулся, был нетрезвый тип, который явно посчитал "принцессу" Берри невероятно привлекательной. Однако девушка отшила его несколькими колкими фразами - а взгляда лейтенанта оказалось достаточно, чтобы мужчина убрёл прочь в поисках добычи полегче, пусть даже и не такой соблазнительной.

Берри Зилвицкая снова сорвала джекпот.

- Урааааа!!!

Ахмед Григгс настроился на долгую ночь.

***

- Я её нашел, - пробормотал Гидеон, изучая показания дисплея хемотрассера. Он повел прибором, выбирая один из трёх коридоров. Затем кивнул в сторону левого. - Шлюхой несёт оттуда.

Его кузен Авраам просто небрежно скользнул по дисплею взглядом. Показания прибора были слишком сложны, чтобы понимать их без подготовки, а их лидер был единственным, кто владел подобным искусством. Правда, в основном потому, что

никогда не позволял никому другому даже прикоснуться к невероятно дорогостоящему устройству.

- Налево, - тихо произнёс Авраам, передавая команду Гидеона идущим за ними мужчинам. Ему не было нужды говорить громко. Поскольку было невозможно скрыть то, что такая большая группа передвигается вместе, Гидеон Темплтон решил обратить недостаток в достоинство. Его ударная группа была встроена в колонну по два, изображая собой дисциплинированную экскурсию, и каждый человек имел при себе сумку с оружием.

Затем Темплтон и его три с лишним десятка убийц двинулись по коридору. Гидеон уже в который раз восхитился изощрённостью Божьего замысла. Он очень сомневался, что его старые Истинные смогли бы изобразить компанию простых туристов. Часть из них справлялась, однако у большинства были настолько напряжённые и враждебные лица, что вся компания выглядела бы скорее настораживающее. Однако почти половина его группы состояла из новообращённых, которые исправляли общее впечатление своим чванливым видом и откровенным глазением на окружающие чудеса. Точно так, как и полагалось "бесцеремонным туристам".

Спустя несколько минут откуда-то спереди до них стал доноситься гул творящегося там кутежа. Очевидно, они приближались к игровым залам. Один юный женский голос звучал особенно громко и возбуждённо.

- Шлюхи от рождения, - прошипел Гидеон. - от первой и до последней. Места вроде этого открывают вселенной правду о них, если бы только у неверующих были глаза.

***

К тому времени, как Танди добралась до места назначения, она достаточно разобралась в купленном голографическом путеводителе, чтобы составить план сражения. Она была офицером пехоты со специализацией на абордаже, так что понятие "поля боя" было для неё очень широким. Если вентиляционные каналы были достаточно просторны…

До тех пор, пока они это не проверят, узнать было невозможно, однако она была готова держать пари, что так и окажется. Как и все находящиеся в замкнутом пространстве развлекательные центры, пытающиеся привлечь как можно больше посетителей, "Цена греха" должна была поддерживать

атмосферу на станции свежей и очищенной. Наиболее простым и дешёвым способом добиться этого было поставить трубы вентиляции пошире. Достаточно широкие, как практически была уверена Танди, чтобы позволить пробраться даже человеку её габаритов. Не стоя, нечего и надеяться, однако Танди на тренировках наползалась достаточно, чтобы не беспокоиться относительно быстрого перемещения через такую простую штуковину как вентиляционный канал.

И у них было одно огромное преимущество. Коридоры Эпсилон и Гамма шли более или менее параллельно на протяжении примерно четверти периметра станции. Если только эревонские проектировщики не измыслили некую экзотическую альтернативу, эти коридоры практически обязаны были быть связаны общей системой вентиляции. В этом случае она могла бы по сути дела заблокировать оба возможных пути отхода Тмеплтона, не дробя основную часть своих сил.

"Основную часть своих сил". Ха! Всех десятерых - считая себя саму, одиннадцать. И все безоружные, если не считать того оружия, которым их одарила природа.

Что…

Она оглянулась на свою команду и холодно улыбнулась. Действительно, амазонки.

… очень даже немало, если разобраться.

***

Как они заранее и планировали, Джинни ожидала Виктора и его людей в небольшом салоне неподалёку от одного из входов в главный игорный зал. Такие салоны были во множестве раскиданы по всей "Цене греха", чтобы обеспечить клиентам возможность немного побыть в тишине и покое перед тем, как пуститься во все тяжкие. Виктор и Джинни выбрали это салон за то, что он располагался в закоулке и в основном оставался вне внимания клиентов - по каковой причине был популярен среди служащих, которым удавалось урвать немного времени передохнуть.

Особенно среди охранников. Как и предполагалось, Виктор, войдя в салон, обнаружил Джинни восседающей на роскошном табурете в облегающем наряде, оставляющем её голые ноги для всеобщего восхищения. Перед ней сидела полукругом тройка охранников станции. Судя по их заворожённым лицам все они,

похоже, находили жизнерадостную болтовню Джинни источником самой глубокой премудрости, какую только когда-либо слышали.

Виктор смог не улыбнуться. Джинни в Режиме Полной Обаятельности повергала в шок любого незнакомого с нею мужчину.

Он огляделся, проверив в первую очередь дверь в углу, ведущую в небольшой чуланчик. На двери имелся кодовый замок, однако Виктор его уже осмотрел и был уверен, что подберёт код за считанные секунды. Это был простой символический запор, предназначенный ограждать только от внимания любопытствующих клиентов. Затем его глаза пробежали по остальной части салона, отмечая двух официанток, сидящих за маленьким столиком в дальнем углу напротив. Это было немного неудачно, однако было бы слишком большой удачей, если бы в салоне не оказалось никого кроме тех, кто был ему нужен.

Дональд и ещё один из членов Баллрум зашли несколько секунд спустя. Не обращая на Виктора ни малейшего внимания, они лениво прошествовали к столику по соседству с тем, за которым наслаждались отдыхом официантки.

Об этом позаботились. Викторы был полностью уверен, что они справятся. Ещё двое членов Баллрум остались в коридоре, готовые перехватить любого могущего помешать.

"Тогда поехали".

Он двинулся к Джинни и её поклонникам. Увидев, что он подходит, Джинни подарила ему щедрую приглашающую улыбку.

- Эдвард! - обрадовано позвала она и начала подниматься с табурета.

Само собой разумеется, что троица охранников его появлению ничуть не обрадовалась. Все они смотрели на Виктора с неприязнью; один даже откровенно нахмурился. Пользуясь тем, что их внимание было приковано к Виктору, Джинни испуганно вскрикнула. Затем - явно зацепившись ногой за табурет, вставая - она рухнула назад.

Бац. К счастью, пол салона был покрыт ковром. Джинни приземлилась на спину, её теперь полностью обнажённые ноги несчастно сучили в воздухе. Если бы не нижнее бельё - ничуть не менее откровенное, чем остальной её наряд - всё было бы, как говорится "напоказ".

Зрелище было неотразимым, особенно для мужчин, которые и без того были сбиты с толку. Все трое охранников уставились на Джинни. Один из них начал подниматься, чтобы по-джентьменски подать ей руку.

Псст. Он рухнул обратно на табурет и сполз на пол без сознания. Псст. Псст. За ним последовали ещё двое.

Пока Джинни поднималась на ноги, улыбаясь, Виктор обернулся на доносящиеся из дальнего угла негромкие звуки борьбы. Дональд и его коллега схватили официанток и заставили их подняться. Зажимая им рты, чтобы они не подняли шума, они тащили женщин к Виктору.

Виктор прикинул их вес и подкорректировал дозу на парализаторе. Препарат, используемый в иглах, мог быть опасен при передозировке, даже смертелен.

К счастью, поскольку он спешил, дозировка не обязана была быть такой уж точной. Он проигнорировал женщину в руках Дональда, поскольку тот был так силён, что она была абсолютно беспомощна, и выстрелил в её подругу. Затем уже в неё. Псст, псст, и всё кончено. Всё прошло тихо, за исключением лёгкой возни, мягких звуков падающих тел и тихих хлопков выталкивающего иглы газа. Хорошая, быстрая операция.

Пока Дональд и его товарищ Хендрик укладывали бессознательных женщин около двери чуланчика и подтаскивали туда же охранников, Виктор вскрыл замок. Учитывая тесноту, потребовалось некоторое время чтобы расположить всех пятерых поудобнее, однако они переживут этот день, отделавшись всего лишь лёгкими ушибами и затёкшими мышцами. Сами иглы не надо будет даже удалять хирургически. Они были выполнены из органики, которая под воздействием крови распадётся на безопасные составляющие в течение нескольких часов.

По счастью - это было одним из наибольших беспокойств Виктора - чуланчик имел свою систему вентиляции. Никакой опасности задохнуться не было.

- Как долго действует твоё средство? - поинтересовался Хендрик.

Виктор захлопнул за ним дверь и набрал другой код. Если кому-то из служащих вдруг понадобится попасть в чуланчик, это будет лишней помехой.

- Трудно сказать точно. Это зависит от веса тела и сопротивляемости человека. Однако они будут в отключке по меньшей мере четыре часа, а скорее всего часов шесть-восемь.

- Достаточно долго, - хмыкнул Дональд. - Замечу, что твоя техника стала со времён Чикаго намного деликатнее.

Виктор передал взятое у охранников оружие трём членам Баллрум. По словам Дональда, они управлялись с пистолетами лучше всех. Виктору и самому Дональду придётся как-то обойтись.

Пришлось бы и Джинни, однако Виктор твёрдо намеревался держать её подальше от предстоящей перестрелки. К счастью, несмотря на самоуверенный характер, Джинни вообще не

увлекалась стрельбой и не имела наклонности к бесполезному героизму.

Однако имела наклонность к бесполезным шпилькам.

- Я же тебе говорила! - накинулась она на Дональда. - Это всё из-за моего женского влияния. Укрощение дикого самца и всё такое. Иначе он бы покрошил их топором или ещё чем.

Виктор промолчал. Имея дело с Джинни, это был самый безопасный образ действий.

- Тогда начали. Мы менее чем в трёх минутах от игорного зала. Помните: если только не будет похоже что они собираются убить принцессу, мы позволим её захватить прежде чем вмешаемся.

Джинни покачала головой.

- С другой стороны, мне потребуются ещё годы, прежде чем я сделаю из него человека, которого можно будет назвать подлинным Рыцарем на Белом Коне.

Глава 23

Когда Темплтон заметил двух стоявших за игорным столом девушек, он отвернулся, чтобы спрятать искажённое яростью лицо от выглядевшего весьма настороженным офицера, стоящего в нескольких шагах от них. Офицер был в штатском, однако Темплтон ничуть не сомневался, что это был мантикорский военный.

Темплтон потратил те несколько секунд, в которых нуждался для того, чтобы справиться с гневом, на изучение показаний лежащего в его ладони хемотрассера, слегка повернувшись, чтобы мантикорский офицер не понял реального предназначения прибора. С расстояния более пяти метров лежащий в ладони хемотрассер был неотличим от голографического путеводителя.

Показания полностью совпадали. Они фактически кричали: Шлюха тут! И очень близко!

- Это она, да? - пробурчал Авраам. - Та, в причудливом наряде?

Гидеон кивнул.

- Не глазей. Пусть люди рассредоточатся и найдут в зале всех охранников и телохранителей шлюхи. Ничего не предпринимать, не доложив мне.

Авраам начал отдавать приказы. Гидеон из предосторожности делал вид, что рассматривает ближайший игорный стол, прикидывая свои шансы на выигрыш, однако при этом неплохо мог следить за действиями своих людей. И снова он вознёс хвалу Господу. Старые Верные двигались несколько скованно и неловко. Несмотря на весь свой опыт в подобных операциях, они слишком походили на самого Темплтона - были слишком возмущены и шокированы обстановкой этого гнезда порока, чтобы действовать с подлинной естественностью. С другой стороны, новообращённые справлялись с задачей идеально. Они быстро рассредоточились и двигались сквозь толпу в поисках охранников так, словно были не более чем искателями острых ощущений. Которыми, в некотором смысле, по подозрению Темплтона они и были.

Через минуту начали поступать доклады. К счастью, Темплтон мог себе позволить снабдить своих людей наилучшими и наиболее защищёнными коммуникаторами, так что о возможности перехвата переговоров службой безопасности беспокоиться ему не приходилось. Он мог получать полную информацию и поддерживать тесный контроль и управление

повсюду, что в подобных операциях было далеко не всегда возможно. И если бы он пал на службе своему Богу, Авраам мог бы немедленно его заменить. У него тоже имелся командирский коммуникатор, такой же, как и у Темплтона, равно как и у его собственного помощника Джейкоба, который примет командование, если и Авраам падёт.

- У сучки семь телохранителей, все выглядят как перевозбуждённые крысы. Командир стоит около их кольца, справа. Тот, рыжий. У всех только пистолеты.

- По трое охранников у каждого из чётырёх главных входов, включая тот, через который мы должны уйти после того как схватим потаскушку. Пистолеты в кобурах и они не кажутся особенно настороженными.

- Пара охранников патрулирует в толпе. Следую за ними. Вооружены, но оружие в кобурах.

- Охранник треплется с клиентом за одним из столов. После сигнала я его уберу.

- Охранник почти повис на какой-то шлюшке за столом неподалёку от принцессы, - говорил новообращённый: Ни один из старых Истинных не позволил бы себе такого привкуса вожделения в голосе. - Её муж не кажется слишком довольным этим.

***

Виктор не был доволен этим, но только потому, что откидной клапан кобуры охранника был застёгнут, и требовалось слишком много времени на его открытие и извлечение оружия. Он опознал кощея несколькими секундами ранее, поскольку мужчина действовал так небрежно, как обычно и работали кощеи. "Шпионская деятельность" в исполнении "супермена" была почти смехотворна. Виктор надеялся, что Танди по крайней мере сумела отбить эту привычку у своей команды.

Он решил обратить высокомерие кощея против него самого.

- Вы их всех видите? - прошептал он в коммуникатор.

Дональд стоял в не более чем трёх метрах от него, у того же самого игрового стола, прикидываясь, что следит за игрой. Его голос был полон веселья.

- Разве это не смахивает на выслеживание диких зверей, шатающихся по кофейне? Я говорю про кощеев. Масадцы выглядят так, словно выпили по стакану уксуса. Со своего места я

насчитал пятнадцать.

Виктор насчитал примерно столько же, в том числе и самого Гидеона Темплтона - тот стоял вместе с двумя мужчинами, как предположил Виктор со своими помощниками, не более чем в тридцати метрах от принцессы. Остальные наверняка затесались где-то в толпе вне поля зрения. Многие боевики должны были подготовиться к снятию охраны у входов в зал.

Всё равно ничем помешать он им не мог, даже если забыть о том, что совершенно не намеревался препятствовать фанатикам похитить принцессу и подготовить себе путь к отходу. По крайней мере, некоторым из них. Он намеревался истребить по меньшей мере половину масадцев, включая, если только будет возможно, Темплтона. Обескровить зверя так, чтобы Танди смогла захлопнуть ловушку.

Охранник небрежно положил руку на руку Джинни. Та, по всем видимым признакам, казалась польщённой вниманием. Виктор решил, что в данной ситуации ему можно откровенно нахмуриться.

Играть сердитый вид ему тоже не потребовалось. Он ненавидел сложные операции, зависящие от координации во времени, однако не видел никакого другого выбора. Угрюмость вызывало понимание, что Кевин Ушер, когда получит полный отчёт, найдёт куда вставить ехидное словечко - даже если замысловатая комбинация сработает должным образом.

Какое-то мгновение он испытывал желание ещё раз связаться с Танди, только чтобы ещё раз успокоить себя тем, что её оставшиеся на планете люди способны захватить Флэйрти и мезанцев и доставить их на "Цену греха" вовремя, чтобы остальная часть операции прошла по плану. Предоставленный Имбеси шаттл уже ожидал на шаттлдроме, однако…

Он отбросил беспокойство. Люди Танди или справятся с этим или нет. Ни он сам, ни лейтенант Палэйн ничего тут поделать не могли. Так что он вернулся к насущным делам.

- Я должен буду снять кощея, который наблюдает за Джинни, - прошептал он. - Ты берешь оружие охранника.

Дональд в ответ произнёс только одно:

- Понял.

Виктор снова оглядел кощея, смотря краем глаза. Тот был теперь метрах в пяти. Немного далековато для недальнобойного игломёта.

Кстати говоря… чуть отвернувшись, Виктор спрятал парализатор в ладони.

***

- Вы что, совсем с ума посходили? - возопил Унзер Дим. Специалист по разрешению конфликтов "Джессик Комбайн" вскочил с кресла ещё до того, как заместитель Темплтона Флэйрти завершил третье предложение своего краткого заявления.

- О чём вы, психи, только думаете? - орал он.

Хайчэн Рингсторфф тоже был взбешён, однако не стал тратить время на пустые слова. Он, всё еще не вставая, переглянулся с Георгом Литгоу. Взор его помощника был полон ярости, а ладони сжали подлокотники кресла, однако Литгоу был склонен к бесполезной демонстрации гнева ничуть не больше самого Рингсторффа.

"И чего же ты хотел, Унзер? Это религиозные фанатики, кретин. Ты ожидал от них разума и логики?"

На мгновение - и не впервые - Рингсторфф мрачно подумал, что вся это длительная операция на территории Эревона была чистым безумием. Мезанцы делали что хотели так долго, что стали самонадеянными, небрежными и неосторожными.

И теперь…

Теперь для некоего Хайчэна Рингсторффа настало время вытаскивать себя из того, что на глазах становилось наихудшим фиаско, с каким только он когда-либо сталкивался за свою жизнь. Да, Меза платила хорошо. Однако никакие деньги в галактике не могли компенсировать бед и рисков, которые он претерпел на службе у мезанцев в последние несколько лет. Хватит одного того, что они заставили его в прошлом году связаться с мантикорским крейсером под командой какого-то флотского кудесника. Это уже стоило Рингсторффу и мезанцам четырёх уничтоженных крейсеров. Теперь же, требуя, чтобы Рингсторфф использовал для своей "службы безопасности" таких маньяков как масадцы и кощеи, мезанцы намеревались обрушить на его голову полную чашу мантикорского гнева.

Мезанцы могут быть самоуверенны насколько им хочется. Некий Хайчэн Рингсторфф имел намного больше опыта, чем они, в том что касалось последствий гнева манти.

Унзер всё еще продолжал выкрикивать оскорбления по адресу бесстрастного Флэйрти.

- Я выхожу из игры, - пробормотал Рингсторфф - с меня хватит.

Он начал вставать. Литгоу тоже.

Дверь в номер мезанцев вылетела во вспышке взрыва.

Ударная волна сбила Рингсторффа с ног. Полуоглушённый, он видел, что Дима, Литгоу и Флэйрти тоже бросило на пол. К счастью, основная энергия взрыва пришлась на двух оставшихся стоять около двери масадцев. Их растерзанные тела разлетелись по комнате.

Рингсторфф сознавал, что должен действовать немедленно, однако голова и тело всё ещё плохо слушались. Так что ему мало что удалось, кроме как приподняться на колени и протестующее что-то пробормотать, прежде чем в выбитый дверной проём стали врываться люди.

Он был несколько удивлён тем, что двое вошедших первыми были женщинами. Затем, опознав характерные фенотип и черты лица, он понял причину этого. Кощеи. Вероятно, более быстрые, чем два пытающихся добраться до своего оружия мезанских охранника. Те, поскольку находились от двери дальше всех, сумели остаться на ногах.

Что им нисколько не помогло. Первая из ворвавшихся женщин держала в руке пульсер и сделала две быстрых, уверенных очереди. Оба охранника рухнули, умерев ещё до того, как их тела коснулись пола.

Вторая женщина подскочила ко всё ещё лежащему на полу Флэйрти, и приставила пистолет к затылку масадца.

"Туда ему и дорога", - подумал Рингсторфф. По крайней мере, он умрёт, увидев, что поганый фанатик отправился на тот свет первым.

Однако женщина, к его удивлению, не выстрелила. В последний момент она развернула оружие и просто врезала Флэйрти по затылку. Удар был сильный, но не смертельный, хотя она явно могла запросто нанести и такой. Просто достаточный, чтобы полностью вырубить Флэйрти.

Затем в комнату вошли четверо мужчин, двигавшихся чуть помедленнее женщин. Один из них остался стоять у двери, подняв пульсер, но ни на кого его не нацеливая. Из остальных один подошёл к Рингсторффу, второй направился к Диму, третий к Литгоу. Литгоу, как и Рингсторфф, уже поднялся на колени. Дим всё ещё лежал на полу, по-видимому без сознания.

Приближающиеся мужчины были вооружены ручными пульсерами, однако, подобно оставшемуся у двери, выглядели так, будто не намереваются их использовать. По крайней мере, немедленно. Рингсторфф решил, что у них с Литгоу всё ещё есть шанс - призрачный, честно говоря - и попытался собраться для внезапного броска.

Однако направляющийся к Рингсторффу человек высунул язык - сильно высунул его - и Рингсторфф застыл. Генетические

маркеры были ясно заметны и… очевидны.

- Потанцуем? - съязвил мужчина. - Хотя я бы тебе не советовал, Рингсторфф. Я сильно сомневаюсь, что ты мне пара.

Одюбон Баллрум. Ещё фанатики. Мне конец.

- Моё имя, кстати сказать, Сабуро Экс. Только рыпнись, и я оторву тебе руки и ноги, отрежу нос и скормлю его тебе. А будешь хорошим мальчиком, останешься жить. Может даже надолго, как знать?

Рингсторфф молча кивнул ему. Затем, без всяких приказов, заложил руки за голову. Краем глаза он заметил, что Литгоу поступил так же. Ни один разумный человек - естественно, ни один из находящихся на жаловании у Мезы - не собирался подвергать сомнению угрозы убийц из Баллрум.

Явно удовлетворённый, Сабуро Экс посмотрел на женщину, которая вырубила Флэйрти.

- Недурно было сработано, - произнёс он. Его слова звучали слегка неприязненно.

- Ещё бы, - ответила та. Однако в её ответе не ощущалось никакого гнева. Правда, она хмурилась. Однако это было похоже скорее на сосредоточенность, а не на неудовольствие.

- Сделай это ещё раз, - внезапно сказала она.

- Что?

Она высунула язык. Сабуро уставился на неё. Затем его скулы напряглись.

- Пожалуйста, - произнесла женщина, как будто выдавливая из себя это слово.

Сабуро сдержал гневные слова, которые собирался произнести; поколебался; пожал плечами; и высунул язык ещё раз.

Женщина мгновение исследовала его.

- Это я переживу, - высказалась она. - На самом деле, это выглядит в своем роде интригующе. Я - Лара. У тебя есть женщина?

Сабуро снова вытаращился.

- Давно не было, - выдавил он. - А что?

- Теперь есть, - заявила Лара с такой непринуждённостью, как будто сообщала время. - Я не люблю обходиться без мужика, а мой прежний сегодняшний день не переживёт. Вонючая свинья.

Она опустила левую руку, ухватила Флэйрти за шиворот и с лёгкостью вздёрнула его на ноги. Флэйрти шатало, его взгляд всё ещё был расфокусирован, и стоял он только потому, что Лара его держала.

- Можешь немного попривыкать к этой мысли, - объявила она. - Только не слишком долго. Хочу секса.

Она толкнула Флэйрти к двери, скорее таща его, чем направляя. По дороге она кинула на Рингсторффа холодный взгляд.

- Доставь моему новому мужику хоть какие-нибудь проблемы, и считай что тебе повезло, если подохнешь до того как он с тобой закончит. Я тебе…

К тому времени, когда она вытащила Флэйрти в дверь, Рингсторфф чувствовал, что у него скрутило желудок. Живописное описание тех ужасов, которые она собиралась сотворить с ним, заставило смотреть на Сабуро как на святого.

- Она сумасшедшая, - выдавил Сабуро.

- Не знаю, - произнёс террорист Баллрум, поднимавший Литгоу на ноги. - Мне кажется, что в последних её словах была своя прелесть.

- Не эти слова, Йохан, - ответил, мотая головой, Сабуро. - Другие.

Йохан усмехнулся.

- Не знаю, - повторил он. - Однако не уверен, что я стал бы спорить с такой женщиной по этому поводу. Кроме того, ты только на днях жаловался на скучную жизнь.

- Особенно сексуальную, - вставил боевик около двери. - Он мне этим вчера прямо все уши прожужжал. - Он тоже усмехался. И к тому времени, когда он закончил свою речь, он смотрел на вторую женщину-кощея, всё ещё находившуюся в комнате.

- А тебя как зовут? - поинтересовался он.

Та улыбнулась ему в ответ.

- Инга. Но не торопись. Я хочу сначала послушать что скажет Лара.

***

Меньше чем пять минут спустя четверку мезанцев затолкали в дорогой аэрокар, ожидавший около служебного входа "Мыльца". К этому времени Рингсторфф уже справился с изумлением от лёгкости, с которой было осуществлено похищение - на протяжении всего их пути через огромное здание им никто не попался навстречу, даже прислуга - и теперь испытывал мрачную уверенность в том, что его жизнь висит на волоске. Было очевидно, что это не просто вылазка Одюбон Баллрум. За террористами явно стоял кто-то из эревонской верхушки.

Когда его затолкали, поверх Дима, на заднее сиденье

роскошного аэрокара, он мельком заметил монограмму на панели управления.

"Имбеси. Это кошмарный сон".

***

Не успел личный шаттл Имбеси стартовать, унося Флэйрти и троих мезанцев на "Цену греха", как троица представителей правящих Эревоном семей уже оценивала ущерб.

- Это мы переживём, - объявил Томас Холл, окинув взором апартаменты мезанцев в "Мыльце".

- Едва-едва, - прошипела Алессандра Гавличек.

Третий член планетного триумвирата только пожал плечами.

- Алессандра, это действительно небольшая проблема. Четыре трупа, одни шестёрки - двое их них, судя по виду, масадцы. Выбитая дверь огорчит администрацию "Мыльца" больше всего остального.

Гавличек не унялась.

- Мне не по душе своеволие Имбеси. По-моему, он много на себя берёт.

Холл снова пожал плечами. В узком кругу жест был откровеннее, чем был бы на публике. Однако в комнате не было никого, кроме них самих, их телохранителей - и, конечно же, представителей прессы.

Холл обернулся к одному из репортёров. Уж так получилось, что своему троюродному брату. Как и всё на Эревоне, "свобода прессы" носила семейный характер.

- Вы это пока придержите, хорошо? - несмотря на всю вежливость просьбы, в действительности это был приказ.

Троюродный брат понимал, как работает система. Прекрасно понимал, иначе он бы не достиг своего положения.

- Без проблем. Трагический несчастный случай. Нам придётся напустить немного тумана на обстоятельства, иначе администрация "Мыльца" обидится из-за предположения насчёт её некомпетентности.

- Обвините в этом самих мезанцев, - предложил другой репортёр. Приёмный член клана Гавличек. - Фабрикуя на открытом огне опасные психоделические наркотики и будучи из рук вон скверными химиками они, наверное, и устроили весь этот… бабах, - она резко рассмеялась. - Сработает. Сейчас кто угодно поверит чему угодно относительно мезанцев

Её резкий смешок эхом прокатился по комнате.

- Замётано, - произнёс Фуэнтес и покосился на Алессандру.

Та нехотя кивнула.

- Как ты уже заметил, это мы переживём. Пока что. Однако Имбеси лучше запастись чертовски хорошей причиной - и раскрыть её нам начистоту тоже, без его всегдашних выкрутасов.

- Что он вообще задумал? - поинтересовался Холл. Вопрос адресовался Фуэнтесу, который и получил поспешный запрос Вальтера Имбеси.

- Я правда не знаю. Однако я не разделяю скептицизма Алессандры. По крайней мере, не совсем. Да, на эскапады Вальтера можно жаловаться. Однако в их проведении он очень изобретателен. Так что я за то, чтобы дать ему на некоторое время волю. Давайте поглядим, что из этого выйдет.

Поскольку вся троица пришла к согласию, Фуэнтес извлёк коммуникатор. Это было не нежное карманное устройство, а мощный прибор, с лёгкостью способный достать до космической станции.

- Хорошо, Вальтер, - произнёс он в коммуникатор. - Мы здесь тебя прикроем. Однако это всё. Во всём остальном полагайся только на самого себя - и ты крайний. Если то, что ты делаешь, терпит провал, ты валишься вместе с ним.

Ответ поступил немедленно.

- Разумеется. Спасибо, Джек. Мы ещё свяжемся.

- Скорее, чем ты думаешь, - коротко отозвался Фуэнтес. - Мы летим к тебе, Вальтер. До встречи.

***

Все, наконец, заняли свои позиции, всё было готово. Гидеон Темплтон пожертвовал минуту для быстрой молитвы. Затем испустил боевой клич Церкви Освобожденного Человечества в Изгнании.

- Да свершится Воля Господня.

Глава 24

Виктор поставил на то, что когда придёт время - кощей постарается действовать естественно, чтобы не встревожить никого резким движением.

"Естественно" в данных обстоятельствах означало медленно. Прежде чем кощей успел хотя бы достать спрятанный пульсер из сумки, Виктор уже сделал два быстрых шага и оказался в трёх метрах от него. Отличная дистанция для его специального пистолета.

Глаза кощея расширились. Думая и двигаясь со скоростью генетически модифицированного человека, он понял, что не сможет вытащить пистолет вовремя, и попытался швырнуть в Виктора всю сумку целиком.

Но Виктор, пусть и не был "сверхчеловеком", был хорошо подготовлен тренировками и упражнениями. Если его движения и не были настолько же быстрыми и точными как у кощея, то уступали им ненамного.

Псст, псст, псст. Виктор не собирался рисковать, имея дело с кощеем. Если тот умрёт от передозировки, туда ему и дорога.

Кощей упал, а рука Виктора уже нырнула в сумку. Впрочем, пистолет он искал исключительно на ощупь. Его взгляд уже обшаривал игорный зал в поисках мантикорской принцессы.

***

Дональд Экс был слишком широк и мускулист, чтобы двигаться так быстро. Но чтобы разобраться с поглощённым флиртом с Джинни мужчиной скорость была абсолютно не нужна. Охранник даже не заметил его приближения, пока Дональд не обхватил его поперёк груди, заблокировав ему руки. Пару секунд спустя Дональд уже держал пульсер охранника, и отшвырнул того мощным броском.

Он сделал два быстрых шага, чтобы укрыться за игровым столом. Затем, как и Виктор, огляделся в поисках принцессы. Основные действия развернутся вокруг неё. Он не обращал внимания на Джинни. Жена Ушера не была дурой, а её партия была на данный момент закончена. Дональд мельком заметил обнажённые ножки, прячущиеся под игровым столом, и слегка

улыбнулся.

Частично эта улыбка была вызвана появлением трёх его товарищей. Один из них занял позицию рядом с ним, а два других прижались к полу с флангов, что предоставляло им наилучшую зону обстрела. Их оружие было готово накрыть огнем область, где основная часть команды Темплтона собиралась нанести удар. Но в основном он улыбнулся потому, что знал - теперь, когда Джинни в безопасности, Виктор Каша будет способен полностью посвятить себя побоищу.

Дональд Экс однажды видел Виктора в действии. Бедняга Темплтон!

***

Сержант Кристина Буланчик и капрал Даррин Хауэл, назначенные в непосредственную охрану Руфи и Берри, тоже были настороже. Их цепкие взгляды беспрестанно перемещались по переполненному залу, и управлявшие этими взглядами мозги отреагировали с профессиональной паранойей в тот момент, когда случайное бурление толпы в игровом зале было нарушено внезапным целенаправленным движением. Отточенные инстинкты моментально отреагировали повышенным вниманием, и глаза их сузились, когда по меньшей мере дюжина мужчин выделила себя из толпы простым актом одновременного движения. Солдаты поняли, что атакованы, ещё до того как увидели оружие в руках нападающих.

Левая рука Хауэла метнулась, хватая Берри за плечо, и без особых церемоний спешно толкая её прочь на пол, пока правая тянулась к пульсеру. Буланчик среагировала с такой же быстротой, отшвырнув Руфь за себя и бросив её на пол, также потянувшись к кобуре. Оба бойца успели вытащить оружие, но бесценные мгновения уже были потрачены на то, чтобы убрать их подопечных с линии огня. Прежде чем кто-либо из них успел выстрелить, они были разорваны ураганом пульсерных дротиков.

***

- "Оборотень", - грянуло словно выстрел по связи

предупреждение Кристины Буланчик. Это кодовое слово было главным кошмаром любого из мантикорских телохранителей, и лейтенант Ахмед Григс отреагировал на него мгновенно.

Он смотрел не в ту же сторону что Хауэл и Буланчик, и поэтому пропустил то движение в толпе, на которое среагировали они. Но после предупреждения Буланчик пульсер оказался у него в руке со змеиной быстротой тренированной мускульной памяти. Предохранитель был снят тем же плавным движением, а мозг перешёл в хладнокровное, отстраненное состояние тренированного телохранителя, являвшегося ветераном со множеством боевых наград. Его взгляд скользнул по толпе, выискивая источники угрозы, и пульсер плавно поднялся, как только первый противник обозначил себя. Григгс не смог бы объяснить, как именно тот себя выдал. Было что-то в его позе, движении в толпе, выражении глаз или напряженности плеч. Было что-то, что выдало правду натренированным ощущениям лейтенанта, и его пульсер выплюнул точную очередь из трёх дротиков, которые разворотили грудь террориста.

Ахмед Григгс мастерски стрелял из любого ручного оружия, и всё его естество было сфокусировано на толпе, в которой начали раздаваться панические вопли. Самые сообразительные кинулись на пол, и уголок его сознания почувствовал облегчение от того, что невинные убрались с линии огня. В другом уголке билась мысль, что лично отстреливать атакующих было худшим из того, что он мог делать. Что его задачей было командовать своей группой в целом, чтобы внести порядок и координацию в ответную реакцию своих людей.

Но сейчас было неподходящее время беспокоиться о том, что он должен был делать. Всё что он мог - это реагировать, и последовавшие короткие очереди уложили ещё троих - всех наповал - прежде чем он был поражен ответным огнём. Пульсерный дротик пробил его правую руку у локтя, долей секунды позже ещё несколько поразили его ноги. Скоростью они уступали военному оружию, но даже выпущенные из гражданского оружия дротики имели скорость, недостижимую ни для какого порохового оружия. Их энергии было достаточно, чтобы дробить кости и рвать плоть. Григгс рухнул, все его тело содрогалось от боли, и его пульсер упал на пол рядом с ним.

К этому времени остальные четверо солдат из подразделения Григгса поразили ещё шестерых противников - всех, опять-таки, насмерть. Десятеро нападавших были убиты - в полтора раза больше численности телохранителей, несмотря на потерю двоих бойцов, прежде чем те успели сделать хотя бы один выстрел.

Трое из этих четверых уже тоже погибли, и Лаура Хофшульте

оставалась последней ещё ведущей огонь. Она опустилась на одно колено за консолью дилера - сделав паузу лишь для того, чтобы схватить Руфь и с силой пихнуть её обратно под игорный стол, когда принцесса попыталась выползти оттуда на четвереньках. Теперь левой рукой Лаура ударила по кнопке тревоги на передатчике, висевшем у неё на поясе, вызывая тяжело вооруженный эревонский взвод поддержки, в то время как правая уже выискивала новую цель. Она нажала на спусковой крючок, убив ещё одного нападающего, но источников угроз было слишком много, и слишком много было фонового хаоса, за которым они могли срываться, и она это знала.

Она заметила вооруженного человека, приближавшегося к ней с левого фланга и развернулась, направляя свой пульсер на нападающего. Меньше чем с четырёх метров они с этим мужчиной взглянули глаза в глаза. Необычные глаза, мелькнула у неё мысль, и память подсказала: "Кощей!". В его глазах светилось потрясение. Неверие в то, насколько быстро и смертоносно отреагировало на угрозу это превзойденное в численности подразделение. Неверие, смешанное с ненавистью и самонадеянностью хищника, быстро превратившееся в нечто совершенно иное когда дуло её оружия нацелилось на него.

Они нажали на спусковые крючки в один и тот же миг.

***

Это был настолько совершенный ответ, насколько только можно было потребовать от солдат Королевской гвардии, сражавшихся в самой тяжелой из мыслимых ситуаций: перестрелке в упор посреди огромной толпы, отвечая на неожиданную атаку со всех сторон значительно превосходящего числом врага. Имена солдат этого подразделения будут должным образом занесены на Стену почёта в казармах Королевской Гвардии, и каждый из них будет награждён крестом Андриенны за свои действия в этот день.

Все посмертно. В конце концов, их просто задавили числом.

***

Сквозь туман в голове, вызванный шоком, Григгс слышал крики, раздававшиеся по всему огромному игорному залу. В отличие от его людей, которые старались избежать стрельбы в невинных прохожих, атакующие были безжалостны. Даже королевские гвардейцы не могли избежать случайных попаданий в посторонних в схватке подобной этой. Любой кто считал иначе или бредил, или совершенно не сознавал реалий применения мощного оружия. Нет, что бы ни происходило, случайные жертвы среди гражданских обязательно будут по всему залу, даже если не вспоминать о службе безопасности, с их намного более слабым уровнем подготовки. Но полное безразличие масадских террористов к случайным жертвам сделало всё намного, намного хуже. Смерч побоища повсюду оставил за собой кровь и тела, и одно уже число атаковавших сказало Григгсу что это была серьёзная операция. Он был уверен, что кто бы ни планировал эту атаку, он позаботился о том, чтобы любая возможная угроза для них была ликвидирована.

Кроме этого его мозг был способен только отметить собственную смертность. Он истечёт кровью от ран, которые он уже получил, гораздо быстрее, чем к нему сможет подоспеть любая медицинская помощь.

Григгс смог достаточно повернуть голову, чтобы увидеть что обе девушки находятся под игорным столом. Дочь Зилвицкого выглядела необычно собранной, учитывая обстоятельства. Настоящая принцесса, намного менее роскошно одетая, казалась немного оглушенной. Но это вполне могло быть следствием ссадины на лбу. Ахмед подозревал, что Кристина или Лаура должно быть грубо швырнули её наземь. Только он успел это заметить, как почувствовал новой укол боли, которая не имела ничего общего с его ранами, когда увидел как падает, истекая кровью, Лаура Хофшульте.

Затем он потерял сознание.

***

Теперь все мантикорские солдаты были мертвы. Темплтон был ошеломлён эффективностью оказанного ими сопротивления. В течение нескольких секунд, прежде чем погибнуть, королевские гвардейцы смогли перебить больше четверти всей его группы - и больше сорока процентов тех, кто непосредственно участвовал в нападении на принцессу. Он знал, что столкнётся с элитными

бойцами, но не ожидал настолько мгновенного убийственного ответа. Особенно имея преимущество внезапной атаки на своих условиях, проводимой людьми настолько смертоносными, как его новообращённые.

Гидеон был настолько потрясён, что какое-то время не мог двигаться. Но потом, окинув взглядом мертвецов, лежащих на полу, он пришёл в себя. И снова он лицезрел дело рук Господа. Большую часть его потерь - восемь из двенадцати - составляли новообращённые. Включая Стаса, самого буйного из них. Господь дал, и когда пришло время - Господь взял.

Через свой наушник Темплтон получал доклады команд, рассеявшихся по всему игорному залу. Они также докладывали об успешном снятии охранников. Нет нужды говорить, что их ждал намного более легкий успех, чем у Темплтона и его группы, выступивших против элитных солдат.

Отчитались все, за исключением одного, который вообще ничего не доложил. Это был тот, кто занимался охранником, флиртующим со шлюхой. Новообращённый, кто же ещё. Небрежен как обычно. Гидеон не сомневался что тот выполнил свою задачу, просто забыл доложить.

Темплтон и остальные выжившие из его главного отряда теперь подошли к главному игорному столу, шаря глазами в поисках принцессы. Осталось шестнадцать масадцев, более чем достаточно чтобы обыскать окрестности. Тела дилера и двух игроков, убитых случайными выстрелами его команды, лежали на столе. Ещё двое посетителей лежали на полу рядом. Как только трупы были убраны с дороги, Темплтону хватило двух секунд, чтобы понять что произошло. Его сестра и сучка Зилвицкая должно быть прятались под столом. Он был достаточно большим, чтобы скрыть двух девушек - и Темплтон теперь видел, что пространство под столом было скрыто накрывавшей его материей. Высококачественной и богато изукрашенной тканью, когда-то предназначенной ободрять и радовать посетителей. Теперь половина её была пропитана кровью, которая начинала капать на пол.

- Окружить стол! - крикнул он. - Схватить её, когда она выберется оттуда.

Темплтон держал хемотрассер в левой руке, пульсер - в правой. Он остановился над телом поверженного мантикорского телохранителя и приподнял ткань хемотрассером, предусмотрительно убрав дуло пульсера в сторону. При всей его ярости и возбуждении у него оставалось достаточно самоконтроля, чтобы не рисковать убить потаскушку случайным выстрелом.

***

- О'кей, - тихо сказал Виктор в ларингофон, - это определенно похищение, а не убийство. Не открывайте пока стрельбу. Если бы они хотели её убить, они бы уже целились под стол. Приготовьтесь. Помните - Темплтон должен выжить. Стоящий рядом с ним, одетый в голубой жакет с вышивкой тоже. Это его помощник. По имени Авраам, какой-то там родственник. Оставьте в живых ещё одного, чтобы они смогли легко вывести девушку.

- Которого? - прошептал голос Дональда у него в ухе.

Для хитрых расчётов не было времени. Виктор выбрал того, у кого одежда была самой броской.

- Кощея, выряженного в переливающийся желтый наряд. Этих трёх оставить в живых. Остальных убейте.

***

Как только он достаточно нагнулся, Темплтон разглядел две фигуры, скрючившиеся в тени под столом.

- Вылезай, сестра моя, - прошипел он девушке в роскошном наряде. Опустившись на колено, чтобы угол был лучше, он навёл пульсер на подружку своей сестры. - Вылезай сейчас же. Или я убью потаскушку Зилвицкую.

Нельзя было не отдать сестре должное. Она колебалась не более секунды, прежде чем начать ползти к нему. По крайней мере, эта шлюха не была трусихой. Должно быть сказались отцовские гены. Отец Гидеона был известен своей смелостью, и Руфь была его же отпрыском.

Дочка Зилвицкого казалось пребывала в оцепенении. Темплтон решил, что это его устраивает. Он оставит её в живых, как поклялся именем Господа. Она сделала слабую попытку удержать принцессу, но её дрожащая рука опустилась, когда сестра Гидеона решительно поползла к нему.

Наконец-то всё шло как надо. Судя по шуму криков по всему игорному залу, Темплтон был уверен, что всё помещение превратилось в сумасшедший дом, из которого все отчаянно старались убежать. Он и его люди просто присоединятся к толпе,

оставшись незамеченными в хаосе и смятении.

Когда его сестра доползла до него, Темплтон засунул пульсер за пояс сзади, и схватил её за волосы. Потом рывком вытащил её из-под стола, и поднял на ноги.

Хемотрассер всё ещё был у него в руке, и он взглянул на него. На самом деле это был случайный взгляд. Всего лишь последняя проверка.

Показания были… бессмысленны.

Гидеон замер; затем в озарении направил сенсоры прибора на девушку оставшуюся под столом.

Ярость поглотила его, и он тряхнул голову девушки, которую держал за волосы.

- Ах вы сучки! Да я…

***

Ахмед Григгс медленно приходил в себя. Перед ним, в метре, были мужские ботинки. Дорогие туфли девушки слетели с её ног, будто их скинули.

"Что происходит?"

Непонимающий взгляд лейтенанта упал на пульсер, лежащий в пределах досягаемости его левой руки. Вид знакомого оружия словно порывом ураганного ветра сдул туман, окутывавший его сознание. Рефлексы ветерана взяли вверх.

Игнорируя боль, пронизывающую его тело, Григгс схватил пульсер и начал поднимать его, ища цель. Он не так хорошо стрелял левой как правой, но на таком расстоянии это едва ли имело какое-то значение.

Как только в прицеле у него замаячило тело, Ахмед открыл огонь. Дротики пульсера разорвали нижнюю часть туловища Гидеона Темплтона, и тело масадского лидера взорвалось фонтаном крови, разорванных мышц, и раздробленных костей.

У религиозного фанатика не было времени закончить свою последнюю фразу, прежде чем Господь забрал его туда, где ему было место.

***

При виде того, как Темплтона почти разрезало пополам, Виктор сдержал проклятие. В конце концов, ничего поделать было нельзя, и он был не из тех, кто может проклинать храбреца, который исполнил свой долг, даже находясь на краю могилы. Тем более что мантикорского лейтенанта разорвал на куски целый шквал дротиков разъяренных товарищей Темплтона.

Эта ярость будет нам на руку, осознал Виктор. Он подождал пока принцесса, отброшенная в сторону последним конвульсивным движением Темплтона, не упала на пол и не исчезла с линии огня. Дочь Зилвицкого будет вполне в безопасности, решил он, по-прежнему укрытая столом. А неожиданное убийство их лидера одновременно и шокировало, и отвлекло его людей.

Он быстро, но спокойно сказал.

- Стрелять не ниже пояса. Помните, Авраам и желтая куртка должны остаться в живых. Остальных убить. Начали!

Дональд и три его товарища из Баллрум открыли огонь одиночными смертельно точными выстрелами маститых стрелков - и пятнадцать масадцев, всё ещё стоящих рядом с игорным столом, начали падать словно скошенная пшеница. Авраам и ещё один из них словно бы чудом остались невредимы. Как и предполагал Виктор, неожиданная атака со стороны застала масадцев полностью врасплох. Стоящие на месте, без прикрытия толпы, которая могла бы укрыть их и помешать стреляющим, они были просто целями в стрелковом тире.

Виктор не стал пытаться добавить свой вклад в побоище. Он был хорошим стрелком, но не снайпером - и никогда им не будет. И хотя расстояние было пустяковым для стрелков из Баллрум, оно было вполне достаточным, чтобы Виктор считал, что не сможет внести значительный вклад в их усилия. Его гораздо сильнее волновало то, что его неточные выстрелы могут убить или ранить кого-нибудь из посторонних, всё ещё пытающихся покинуть помещение. Разумеется, их не так много осталось поблизости от игорного стола - по крайней мере, на ногах. Но было ещё около полудюжины людей, отчаянно пытающихся отползти, и возможно столько же лежащих неподвижно раненых. Виктору, для осуществления его планов, необходимо было не иметь на своём счету трупов невинных.

Кроме того, если речь зашла о плане, настало время начинать его следующую стадию. Виктор стал пробираться через игорный зал, огибая столы и направляясь к выходу, которым Авраам Темплтон использует чтобы вывести мантикорскую принцессу.

По пути он связался с лейтенантом Палэйн.

- Они скоро появятся, Танди. Гидеон Темплтон мёртв, так что

их будет вести его кузен Авраам. Авраам, ещё один, и те, кого они подберут в зале. Попытаюсь назвать точное число, когда увижу их.

- Довольно неплохо, - отозвался её голос в наушнике. - Нам остаётся надеяться, что Авраам посвящён во все планы Гидеона. Какие-нибудь новости с планеты?

- Да. Вальтер связался со мной пару минут назад. Они схватили мезанцев и Флэйрти и везут их сюда. Кажется, всё прошло замечательно.

- Хорошо, - короткая пауза, затем: - Ещё одно, Виктор. Это моя сторона сделки. Флэйрти мне нужен мёртвым. Мне наплевать на остальных. Но его нужно убрать.

Мысли Виктора понеслись вскачь, пока его глаза осматривали зал, ища остальных людей Темплтона. За десять секунд он заметил семерых из них, пробирающихся к выходу. Это были те, кому поручили убрать охрану.

По его выкладкам их должно было быть девять. Виктор и Дональд прикончили одного. Ещё одного не было видно. Где же он?

Но большей частью, его мысли были заняты анализом настойчивого требования Танди. К тому времени, когда он заметил последнего, изрядно отставшего, он всё понял.

- Славный же у тебя босс, Танди. Но я не буду спорить. Флэйрти умрёт. Полагаю, Авраамом ты займёшься лично. Уничтожая всех, кто знает правду.

Он произнёс это спокойно, но смертный приговор оставил у него противный вкус во рту. Как только он подошёл на дистанцию выстрела к отставшему масадцу - который был так озабочен поиском выхода, что не заметил приближающегося к нему человека, - Виктор остановился, поднял зажатый в двуручном хвате пульсер и застрелил его.

Он хотел позволить тому присоединиться к остальным на пути в засаду, но…

Вкус был по-настоящему гнусен. И раз уж масадские фанатики были настолько же гнусны, Виктор выплеснул свою ярость, прибив того на месте.

Хотя это не очень помогло.

- Ладно, Танди. У меня теперь все посчитаны. Я вполне уверен, что никого не упустил - почти на все сто. К вам идёт Авраам Темплтон и ещё восемь человек.

- Сократил их число почти на три четверти, так? Спасибо. Но возможно не стоит забывать эти цифры, прежде чем обвинять других в излишней безжалостности.

Он сделал длинный, глубокий вдох.

- Дюжина на счету мантикорских солдат. Но всё равно это разные вещи, Танди, и ты это знаешь. У меня есть цель. У вашего драгоценного капитана - лишь его собственные амбиции.

Она ничего не ответила на это. В самом деле, что она могла сказать?

Виктор пока не знал всей истории - хотя он, конечно, всё выяснит - но по крайней мере одна загадка была решена. Иеронимус Штейн всё-таки не был убит "Рабсилой". Он был убит Темплтоном и его головорезами, работавшими на стороне. Не для своих целей, а потому что они были наняты капитаном Луисом Розаком - и теперь тот приказал Танди убрать свидетелей.

Зачем? Виктор был практически уверен, что это была часть замысла Розака по продвижению своей карьеры. Возможно путём замены Кассети на посту незаменимого помощника губернатора Баррегоса, потому что Виктор был практически уверен, что приказ был отдан Кассети. Сам губернатор, вероятно, ничего не знал об этом. По всем свидетельствам, Кассети был чрезвычайно беспринципным человеком - и подобный сложный план был как раз в его духе. Убить Штейна, обвинить в этом "Рабсилу" - и затем использовать это, чтобы подтолкнуть растущее отчуждение сектора Майа от Лиги. Получить в результате убийства Штейна политическую поддержку Ассоциации Ренессанса, и…

Да, для него всё это имело смысл. Это должен был быть Кассети. Кассети, мечтающий о днях, когда он будет правой рукой - и, вероятно, преемником - лидера независимой звёздной нации, богаче и сильнее кого угодно в галактике не считая самой Лиги. При том, что солли будут наполовину парализованы тем фактом, что самонадеянные высокомерие и жестокость "Рабсилы" стали последней каплей, что привела к восстанию.

Умный план - и, как почти все подобные, слишком умный. Кассети не предусмотрел вероятность того, что человек, которого он выбрал для грязной работы, может повернуться против него, когда наступит подходящий момент.

Виктор немного притормозил. Он был возле выхода, и не хотел быть обнаруженным Авраамом Темплтоном и его людьми, когда те будут покидать игорный зал. Спрятаться сейчас было намного труднее, поскольку большая часть паникующей толпы смогла выбраться из зала. Он приглядел себе особенно разукрашенный игорный стол с какой-то башней посередине и поспешил укрыться за ним. Сверкающие цветные огни башни укроют его.

Там, пока ждал, он и закончил свои умозаключения. Это получилось довольно легко, поскольку он уже понял, что амбиции Розака вероятно заставят того положительно отнестись к

инициативе Виктора. Единственной новостью было только то, что Виктор теперь понимал, что ответственность за убийство Штейна лежала на Розаке. Что было…

Да-да, шокирующим. Но Виктор преодолел первоначальный всплеск гнева, и снова думал хладнокровно. Истина заключалась в том, что действия Розака сделают его только более готовым следовать плану Виктора. И Кассети не станет мешать. Им обоим план Виктора в отношении Конго прекрасно подходит. Обеспечив - кто бы из них ни выиграл в междоусобном конфликте - ещё больший покров добродетельности, чтобы задрапировать личные амбиции.

Да будет так. Виктор мог пережить гнусный вкус во рту. Он ведь долгие годы работал с Оскаром Сент-Жюстом, верно? Виктор пойдет на всё, что потребует от него революция.

Значит Флэйрти умрёт. Виктор проигнорировал свои ощущения по этому поводу.

После чего обнаружил, что ему интересно, каково это дело на вкус Танди Палэйн. Он подозревал, что настолько же гнусно. Во всяком случае надеялся на это. Эта женщина начинала занимать всё больше и больше места в его мыслях, хотелось ему этого или нет.

***

Внизу на планете, другие люди разбирались со своими ощущениями.

- Какого чёрта? Что происходит? - практически кричал голос Кассети в наушнике капитана Розака.

Луис глянул на лейтенант-коммандера Ватанапонгсе, который поднял вверх большой палец. Запись велась.

Капитан флота Лиги откинулся в кресле своей комнаты.

- В точности не знаю. По тем обрывистым отчетам, что я получаю, сэр, кажется, что масадцы неуправляемы. Я предупреждал вас, если помните, что использовать их было опасно.

- Предполагалось, что их всех впоследствии уберут!

- Я также предупреждал вас, что "убрать" больше сорока вооруженных и опасных людей нелегкое дело, если только вы не хотели, чтобы я задействовал флот и стёр в порошок половину столицы Эревона. Это предполагая, что я смог бы прорваться сквозь эревонский флот - чего я бы не смог сделать в любом

случае. Всё что у меня есть - это коммодорская флотилия. А у них тут на орбите, Ингемар, корабли стены. Они бы прихлопнули меня как муху.

Вице-губернатор притих. В конце концов, что он мог ответить? Весь план зависел, помимо прочего, от поддержания благоприятного мнения публики о высоких моральных стандартах губернатора Баррегоса. Начало войны с соседней звёздной нацией нивелировало бы всю выгоду от убийства Штейна, - а потом стоило бы им ещё и сверх того.

Когда Кассети снова заговорил, он вернулся к холодному и расчётливому тону.

- Хорошо. Я понял. Пролившееся молоко и всё такое. Но что вы предлагаете делать теперь?

- Возможно, проблема уже решена, сэр. Хороший момент в выходке этого Темплтона - это то, что он покинул планету. Теперь его будет намного легче убрать там где он сейчас, без слишком большого сопутствующего ущерба. И весь этот ущерб можно будет приписать собственным действиям Темплтона.

- Достаточно справедливо. Надеюсь, у вас этим занимается кто-то способный.

- Лучший, сэр, если говорить об этом типе операций. Самый лучший.

Кассети оборвал разговор, не сказав ни слова на прощание.

- Невоспитанный ублюдок, - пробормотал Розак и внимательно посмотрел на причудливо выглядящий записывающий аппарат в центре стола. Эта штука заставляла его немного нервничать, как впрочем и любое современное электронное оборудование. Розак слишком много раз обжигался на обещаниях технических гениев, чьи "чудесные" новые устройства так часто проваливали испытание реальным боем.

Но у него не было выбора. Неудивительно, что Кассети настоял на использовании самых лучших переговорных устройств для этой очень чёрной операции - а расшифровать для записи разговор, ведущийся с помощью таких устройств, особенно тяжело.

Ватанапонгсе не разделял скептицизма капитана.

- Чёрт побери, обожаю эту штуковину, - промурлыкал офицер разведки. - Стоит всего, что мы за неё заплатили. Вот, послушайте.

Он нажал на кнопку, и разговор полностью повторился, настолько чётко, насколько этого можно было желать.

Капитан Розак фыркнул.

- В таком случае, добавь к остальным записям.

Ватанапонгсе ухмыльнулся.

- У губернатора Баррегоса будет удар, когда он наконец узнает, что его драгоценный вице-губернатор творил от его имени. Если хоть что-то из этого просочится в прессу, Баррегос будет уничтожен. И - простите за лесть, сэр, - я думаю, вы проделали потрясающую работу, чтобы любому кто послушает эти записи было предельно ясно, что вы пытались отговорить Кассети.

Розак улыбнулся.

- Ну, конечно, я не старался слишком сильно. Но да, я так и сделал. И я также чётко показал в этих записях, что всё время полагал, будто губернатор дал Кассети на это согласие.

Он скрестил руки на груди и удовлетворенно посмотрел на устройство. Да оно было слишком навороченным. Но с другой стороны, иногда "слишком навороченное" работает.

- И я, естественно, буду в шоке - в шоке, уверяю вас - когда, наконец, обнаружу, что Кассети действовал сам по себе. У меня не будет выбора, кроме как сделать полный доклад губернатору - можете назвать это покаянием, если хотите, поскольку все верят кающемуся - обо всей этой ужасной истории. Надо ли говорить, что при этом я также укажу на лучший способ изготовления конфетки из дерьма.

Эдди Хабиб сидела здесь же за столом. И, впервые после звонка Кассети, она заговорила.

- Первое, что для этого нужно - это упокоить дерьмо.

Глава 25

- Они пошли по трубе Эпсилон, - произнёс голос Виктора. - Авраам впереди. Принцесса в хвосте, её держит всего один человек.

- Спасибо, Виктор, - скорчившись в вентиляционном канале, соединявшем трубы Эпсилон и Гамма, Танди несколько секунд оценивала ситуацию. В основном её мысли занимали сами вентиляционные каналы, по которым они с командой слегка полазили, ожидая когда настанет их время действовать.

Как и надеялась Танди, каналы были достаточно велики чтобы передвигаться в них на четвереньках, даже для человека её размеров. Но… они представляли собой лабиринт. Ни один из каналов не был отражен в купленном ею голографическом путеводителе. Как и большинство подобных устройств, путеводитель был предназначен для туристов, которых лишь сбило бы с толку ненужное усложнение схемы. Даже открытые для публики участки космической станции были достаточно запутаны.

Она повернулась к одной из своих амазонок.

- Раиса, пройди по трубе Эпсилон метров двадцать - так, чтобы этот выход вентиляции был скрыт изгибом коридора. Сними решётку с первого же вентиляционного проёма, что там увидишь, и положи её рядом.

Танди повернулась и открыла стоящий рядом с ней ящик с инструментом. Тот был брошен техником - который, должно быть, рванул быстрее лани когда услышал доносящиеся из главного игорного зала крики и звуки выстрелов. По-видимому, техник собирался поработать с вентиляционной системой, но единственное что он успел сделать - это снять решётку. Танди утащила ящик с собой в вентиляцию, повинуясь скорее рефлексу, чем чему-то ещё. Теперь же…

Она вытащила приспособление для съёма вентиляционных решёток, и передала его Раисе.

- Используй это. Двигай. Быстро.

Раиса взяла инструмент, кивнула, и умчалась так быстро, как это только было возможно на четвереньках. Танди достала ещё два таких же приспособления и толкнула ящик в сторону другой амазонки, одновременно протягивая ей инструменты.

- Яна, вы с Ольгой возьмите ящик и инструменты. Ящик оставите на открытом месте возле решётки, которую снимет Раиса. Затем вы двое вместе с ней снимите с вентиляции все

остальные решётки, двигаясь по коридору по направлению к нам. Откроете проёмы как на стенах, так и на потолке. Поняли?

Обе кивнули и удалились. Яна тащила за собой тяжелый ящик с инструментом без какого-либо видимого усилия. Не в первый уже раз Танди посетила мысль, что, несмотря на зачастую раздражающее поведение бывших кощеев, иметь их в составе своего специального ударного отряда было серьёзным преимуществом.

Покончив с неотложными делами, она задумалась над наилучшей диспозицией для своего отряда. Составление плана не заняло у неё много времени, поскольку достаточные для фронтальной атаки без оружия сила и скорость в действительности были только у одного человека в команде. Остальные нанесут удар с тыла.

Она быстро изложила свой план. Амазонки, похоже, засомневались. По крайней мере, судя по тому, что они нахмурились - ни одна, вообще-то, не попыталась возразить.

- Не глупите, - прошипела Танди. - Даже для меня это будет трудно. Делайте что вам сказано.

Последнюю фразу она произнесла как настоящая кайя. Мгновение спустя её бойцы поползли к ближайшему пересечению вентиляционных каналов. Расположившись там, они смогут спрыгнуть в трубу Эпсилон и атаковать команду Темплтона с тыла, когда те пройдут дальше. Им не придётся терять время, открывая решётки. Танди надеялась, что Темплтона и его людей не насторожит вид такого множества открытых вентиляционных каналов. Ящик с инструментом, стоящий на открытом месте, должен был предоставить этому достаточное объяснение.

Во всяком случае, Танди на это надеялась. Успокаивала она себя тем соображением, что даже если люди Темплтона насторожатся, то имеющиеся у них лёгкие ручные пульсеры не смогут пробить металлические стены коридора. В самом худшем случае, её бойцы смогут просто отступить назад в вентиляцию.

Разумеется, принцессе тогда придётся несладко. А самой Танди ещё хуже.

Быть посему. Именно это она для себя и выбрала. Или можно было оставаться на Ндебеле и провести всю жизнь рабыней.

Мысль эта достаточно её обозлила, и она поползла по каналу к проёму, выходящему в трубу Эпсилон. Когда она туда добралась, решётка уже была снята. Проём был в потолке, и она могла видеть решётку, лежащую внизу у стены коридора.

Место не хуже любого другого. Танди застыла на корточках, словно крупный хищник, затаившийся на дереве.

***

Сколько Берри Зилвицкая могла себя помнить, её благословением всегда были крепкие нервы. Она была рада убедиться, что они не подвели её и сейчас.

Да и с чего бы им подводить, на самом-то деле? Да, она находилась в ситуации, которую большинство людей сочли бы очень скверной - похищена религиозными фанатиками, по-видимому считающими что схватили настоящую принцессу. Если они узнают правду, то убьют её тут же. И даже если ей удастся продолжать играть свою роль, она сомневалась, что от этого её судьба станет намного лучше. Жестокость масадских фанатиков - особенно по отношению к женщинам - в этой части галактики вошла в поговорку.

Но это, в конце концов, не было худшей ситуацией из тех, в которых случалось оказываться Берри. Рождённой и выросшей в не знавших закона катакомбах столицы Земли Чикаго. Не знавшей никого, кого она могла бы назвать отцом, пока в её жизнь не вошёл Антон Зилвицкий. Дочери проститутки и наркоманки, которой всё равно большую часть времени не было рядом, даже до того как она окончательно исчезла когда Берри было всего двенадцать.

"Спокойно, девочка, - сказала она сама себе. - Что тебя не убивает, делает тебя сильнее. Просто будь готова использовать подвернувшуюся возможность".

***

Несколько секунд спустя возможность и подвернулась.

Авраам и его люди преодолели ещё один изгиб сбивавшей с толку трубы - сбивавшей с толку в основном тем, что внутреннее поле гравитации станции создавало иллюзию того, что они совершают кругосветное путешествие вокруг крошечной планеты, состоящей только из коридоров. Впечатление было такое, словно перед ними постоянно был холм, хотя они и двигались по ровному месту. И постоянно убегавшая от них вершина "холма" открывала им новые и новые виды.

На этот раз вид был действительно новым. Ничего особо захватывающего, на самом-то деле, просто картина, по-видимому, текущего ремонта. Решётки вентиляции, вместо того чтобы быть

закреплёнными заподлицо со стенами и потолком, были сняты и валялись на полу. Со своего места в хвосте маленькой процессии Берри могла видеть тускло-красный ящик с инструментом, стоящий возле одного из открытых проёмов.

На это цветное пятно она и нацелилась. Туда. Проём вентиляции был на высоте пояса, и достаточно велик, чтобы человек её размеров мог по нему бежать.

Первым делом, разумеется, ей надо был освободиться. Но держал её только один из похитителей, да и тот - типичная для кощеев беспечность, с иронией подумала она - ограничился тем, что ухватил её за шиворот модного жакета.

Идиот. К настоящему моменту Берри уже тайком распустила застёжки жакета, как раз на случай…

***

- Последний только что прошёл под нами, кайя. Он держит девчонку за воротник.

Танди ничего не ответила. Про себя она перепроверила оценку дистанций, высчитывая правильное время для броска.

Шесть секунд. Она начала обратный отсчёт.

***

Сейчас. Берри выскользнула из жакета и рыбкой нырнула в проём вентиляции. В то же мгновение, как она оказалась внутри, настроение взмыло ввысь. Нет, это была не Земля, но она выросла в подземелье. Туннели и норы она воспринимала так же, как и любой мелкий зверёк - как убежище от хищников.

Она помчалась по вентиляции как мышь, удирающая от кошек.

***

- Долбаная сучка!

- Хватай её, идиот!

В то же мгновение, как она услышала эти вопли, Танди поняла, что произошло. И плюнула на обратный отсчёт.

Сейчас.

Она спрыгнула в проём, ухватившись за край обеими руками и сделав полу-кувырок, после которого бесшумно приземлилась на пол коридора на носки.

Авраам Темплтон и все его люди стояли к ней спиной, уставившись на открытый вентиляционный проём, рядом с которым стоял ящик для инструмента. Должно быть, именно им принцесса воспользовалась для побега. Несколько человек продолжали орать, но всех перекрывал гневный голос Авраама. Танди успела увидеть исчезающие в проёме ноги мужчины, очевидно отправленного в погоню.

"Благослови тебя Господь, девочка. Возможно, ты только что спасла мою жизнь".

Один, другой, третий бесшумный прыжок. Авраам Темплтон умер, даже не успев увидеть угрозу. Его затылок под кулаком Танди хрустнул как яйцо. Последовавший пинок отшвырнул труп прямо на его людей, повалив половину из них на пол.

Ближайший из остававшихся на ногах вскинул свой пистолет. Это был кощей, с быстрыми рефлексами и ухмылкой на лице. Ухмылка не поблекла, даже когда её кисть сомкнулась у него на запястье. Хорошо обученный кощей просто начал стандартный приём высвобождения.

Танди знала контрприём, но не видела нужды заморачиваться. Она просто впечатала кощея в стену, швырнув его за запястье так, словно он был грудным младенцем. После чего, практически походя, сломала ему то самое запястье.

Оглушённый кощей осел, его пистолет выпал из руки. Танди проигнорировала пульсер. Здесь и сейчас лучшим её оружием будут скорость и грубая сила.

Полтора прыжка, и она посреди столпившихся людей. Они всё ещё не пришли в себя, некоторые только поднимаются на ноги. Последний прыжок завершился ударом ноги, вмявшим грудную клетку. Удар локтем размозжил человеку лицо, и вдобавок сломал ему шею. Удар открытой ладонью сделал то же самое ещё с одним. Удар ногой с поворота сломал бедро; ещё один пинок выбил руку из плечевого сустава.

Теперь кощей, более быстрый и более сильный. В первый раз Танди пришлось блокировать удар. Сделал она это с такой силой, что сломала ему предплечье. Мгновение спустя кулак Танди раздробил противнику грудину, вогнав осколки кости в сердце. Умирающий кощей опрокинулся на спину с выражением

неимоверного изумления на лице. С выражением человека, который думал, что сошёлся в бою с женщиной, а вместо того встретил замаскированного монстра.

Она отпрыгнула назад и выпрямилась, готовая…

Но в этом не было нужды. Её девочки уже были здесь, а после Танди в целости остались только двое людей Темплтона. Тот факт, что оба были кощеями, ничуть им не помог. Скорее наоборот, поскольку у женщин было за что с ними посчитаться. Что они и сделали. Голыми руками и с такой жестокостью, что это едва не привело Танди в ужас.

Едва, но не привело.

Оставался ещё тот, который отправился в вентиляцию за принцессой. А также те трое, кого Танди вырубила, но не убила.

Она поколебалась, но только секунду-другую. Капитан Розак требовал смерти Темплтона и его помощников, но ясно дал понять, что ещё довольнее будет, если Танди покончит с ними со всеми. В конце концов, именно он оплачивает счета… и, кроме того, Танди не была до конца уверена, кто ещё из людей Темплтона мог быть посвящён в детали.

Так что смерть снова прошлась по коридору, гася жизни безжалостными ударами твёрдых как сталь каблуков. Это заняло не больше нескольких секунд.

Затем Танди заглянула в вентиляционный канал, в котором исчезли принцесса и её преследователь. Там она потеряет почти все свои преимущества, но…

Ничего не поделаешь. Это было частью сделки, которую она заключила с Виктором Каша. Им требовалась мантикорская принцесса - живой - чтобы продолжить построение своей ловушки. Работа Танди была почти закончена. Но она знала, что Виктор выуживает куда более крупную рыбу.

На губах её на мгновение появилась ехидная улыбка. "Сделка есть сделка. Когда ты на Эревоне, поступай как эревонцы. И в любом случае, я не думаю, что мне хочется злить Виктора Каша".

Её команда, увидев улыбку, оскалились в ответных. Что сделало их более обычного похожими на волчиц.

- Веди, большая кайя. Мы за тобой.

На этот раз в её словах не было даже намёка на усмешку. Вглядевшись в их лица, Танди поняла, что окончательно запечатлела их лояльность. Одно дело - тренировка. Даже сломанные кости срастаются достаточно быстро. Тогда как это…

Воистину, Большая Кайя. Смерть на двух ногах. Тот факт, что они время от времени видели эти самые две ноги обутыми в элегантные босоножки и выглядящими весьма женственно, только добавлял им убеждённости.

- Хотели нас сделать собственностью, а? - прорычала одна из женщин. Она зло уставилась на труп одного из кощеев; а затем, просто так, пнула его в лицо, превратив его в кровавую кашу.

Поскольку Танди не шёл в голову план битвы более сложный, чем "в погоню! за мной!", она ничего не сказала. Просто нагнулась, подобрала с пола пульсер и нырнула в вентиляционный канал.

***

И только когда она углубилась в канал метров на пять, ей в голову пришла очевидная проблема. Она нажала кнопку канала Каша, ощущая смутное недовольство тем, что тот всё-таки оказался прожектёром.

- Виктор, это не сработает. Темплтон - оба Темплтона, что Авраам, что Гидеон - наверняка поддерживали связь со своими людьми на "Фелисии III". Нельзя сказать, что мы единственные в галактике обладатели персональных коммуникаторов.

- Не волнуйся об этом, - последовал немедленный ответ. - Как у тебя дела?

- А. Э-э, забыла сказать. Всё нормально. Мы только что прикончили Авраама и его людей. Всех, за исключением одного, который полез в вентиляционные каналы после побега принцессы.

Она расслышала его смешок.

- И почему я не удивлён? Причём, могу добавить, сразу двумя обстоятельствами. Первое из них то, что ты настолько смертоносна, насколько и заявляла. Но, как ты и сказала: я не буду указывать тебе, как калечить людей, ты не будешь указывать мне, как плести махинации. Танди, я рассчитываю на то, что люди Темплтона на "Фелисии" будут знать, что всё пошло не так. Но главное, чтобы они не знали в точности что, как и почему. Могу ли я полагать, что ты не дала Аврааму времени передать связное сообщение?

Танди испытала одновременно смущение и радость. Смущение из-за собственных действий; радость от того, что мужчина, фантазии на чей счёт одолевали её всё чаще - одна из них, вообще-то, обрушилась на неё в этот самый момент - всё-таки оказался не прожектёром.

"А преследование на карачках отчаянного преступника по системе вентиляции - неподходящее время для фантазий.

Идиотка".

- Ладно, - резко произнесла она, маскируя смущение. - Что там за второе обстоятельство?

- Антон Зилвицкий не перестаёт преподносить сюрпризы. Вторая девушка - та, которую Темплтон оставил в игорном зале - пришла в себя. С ней ничего серьёзного, максимум лёгкое сотрясение. Но она в здравом уме, могу заверить. И получается так, что это она - мантикорская принцесса. Та же за которой ты гонишься - Берри Зилвицкая.

И снова она расслышала смешок Виктора.

- А я могу сказать - исходя из опыта - что девочки Зилвицкого в туннелях могут устроить чёрт знает что. Удачи, Танди.

Так что лейтенант Палэйн поползла дальше, решительная, непоколебимая, сжимающая пульсер в кулаке. Никто, глядя на неё, не мог бы предположить, что одновременно с этим она была погружена в настоящий каскад красочных фантазий.

***

Возможно, за исключением Виктора Каша - которому всё труднее становилось бороться с эффектами, которые меццо-сопрано оказывало на его нервную систему. Но в данный момент у него было то преимущество, что перед ним находилось нечто куда более живое, чем однообразный, выкрашенный в серый цвет вентиляционный канал.

Никто иная, как мантикорская принцесса. Причём в совершеннейшем бешенстве.

***

- И не пытайтесь сказать, что не могли остановить их! Я не идиотка, вы, как вас там, и если вы могли перебить всех тех ублюдков вокруг стола так, как вы это сделали - я, знаете ли, сидела под столом и видела, как они валились как кегли - и хватит уже намёков на сотрясение мозга! я просто слегка ударилась головой! - значит вы могли всех их упредить! Прежде, чем они убили моих людей! Прежде, чем они схватили Берри!

Следующая фраза прозвучала рыданием:

- Лучшую подругу, что у меня когда-либо была!

Виктор решил, что дипломатия тут бесполезна. Девушка практически подскакивала от ярости.

- Разумеется, мог. Но зачем мне это было делать? - спросил он в лоб. А затем высокомерно кивнул: - Пожалуй, мне следует представиться ещё раз. Поскольку вы, похоже, забыли…

- О.

Удивлённо открывшийся рот принцессы убрал с её лица гневное выражение.

- О. Вы - Виктор Каша. Я вас не узнала. Вы выглядите… изрядно по-другому, чем было у Штейна на, э-э, похоронах.

Впрочем, принцесса явно быстро справилась с удивлением. И гневное выражение вернулось.

- Точнее говоря, - рявкнула она, - вы казались куда более милым человеком. Чем теперь. Бесчувственный мерзавец!

К счастью для Виктора, в этот момент появилась Джинни. Исчезала она ненадолго для того, чтобы попытаться привести свой наряд по возможности в порядок. Тот, само собой разумеется, никак не был предназначен для использования на поле боя.

- Он всё тот же, - с улыбкой заявила она. - Просто он слегка страдает раздвоением личности. Есть Милашка Виктор, мягкий, как плюшевый медвежонок. А есть…

Улыбка исчезла, и Джинни окинула Виктора таким взглядом, словно тот и правда был бесчувственным мерзавцем.

- А есть и этот парень. Кошмар Макиавелли. Пятый Всадник Апокалипсиса. Каменное лицо и ледяное сердце.

Она пожала плечами. А затем, в своём неподражаемом стиле молниеносно сменив настроение, ласково улыбнулась и слегка пощекотала его пальцем.

- Что бы он без меня делал?

С той же ласковой улыбкой она повернулась к принцессе.

- Впрочем, вам возможно стоит говорить слегка потише. Бесчувственного мерзавца можете ругать сколько вашей душе угодно. Но если просочится, что девушка в руках у Темплтона на самом деле не вы…

- Боже! - ладонь принцессы Руфи взлетела ко рту. - Я идиотка. Капитан мне голову открутит. Если они узнают… они убьют Берри!

Виктор покачал головой.

- Расслабьтесь, ладно? Выше высочество или как там называют таких как вы. В приличном обществе, к которому я не принадлежу. У меня, знаете ли, всё-таки есть план - и пока что он, похоже, работает чертовски хорошо для того, что было

смётано на живую нитку в последнюю минуту. Кроме того, ваша подруга Берри больше не пленница, - он постучал по наушнику. - Мне только что сообщили. Она сбежала от Темплтона и его банды и скрылась в вентиляционных каналах. И преследует её из всей шайки только один, поскольку… э-э, ну, скажем так, с остальными разобрались.

- План? - Руфь вперила в него гневный взгляд, но всё-таки убавила громкость голоса. - Что за идиотский план может оправдать попустительство убийству моей охраны? Или дозволение этим кровожадным ублюдкам заполучить в свои лапы Берри? Бес…

- План, - Виктор перебил её шипение с твёрдой и бескомпромиссной уверенностью, - который вернёт вашу подругу Берри живой. И который покончит - раз и навсегда - с шайкой масадских террористов, которых ваша разведка не может поймать уже больше десятка лет. А ещё, - закончил он, глядя в её расширяющиеся от изумления глаза, - он нанесёт удар по "Рабсиле" и генетической работорговле в целом там, где это будет по-настоящему болезненно.

Расширившиеся глаза принцессы внезапно сузились, выдавая, что подозрительность и напряжённые раздумья потеснили гнев. Он его не вытеснили полностью, но хотя Виктор и надеялся на подобную реакцию, он был слегка захвачен врасплох её скоростью и силой. Он даже и не пытался понять, какие мысли кипят в мозгу принцессы, но момент, в который у неё всё внезапно сошлось, он всё-таки увидел.

Джинни, похоже, не была единственной женщиной в округе, способной мгновенно переходить от одного настроения к другому. Выражение на лице принцессы Руфи за долю секунды изменилось с гнева на глубочайшую заинтересованность.

- План? - повторила она совершенно другим тоном. - Хмм, - она снова на мгновение призадумалась, а потом резко кивнула. - Вы работаете с эревонцами, верно? Ну, разумеется. Как иначе вы смогли бы стоять по колено в трупах и не быть арестованным. Тогда это значит… - она поморщилась. - Если вы говорите об ущербе "Рабсиле", значит должны иметь в виду Конго. Пожалуй, я могу видеть пару возможностей. Но если вы хотите знать моё мнение…

Его она и принялась излагать - что заняло заметное время - хотя практически ничего о ситуации и не знала. С точки зрения Виктора хуже всего было то, насколько сверхъестественно близко она зачастую попадала, и каким подлинно квалифицированным зачастую оказывалось её мнение. Виктор был уверен, что тут сказалось влияние и подготовка Антона Зилвицкого.

"Замечательно. Вражеская - мантикорская - принцесса, жаждущая стать шпионом, и имеющая к этому неплохие предпосылки. Чего мне только и не хватало. Примерно как лишней дыры в голове.

С другой стороны…"

Это "с другой стороны" Виктор некоторое время обдумывал, пока Руфь продолжала говорить. Он обозвал бы её речь "щебетом", "лепетом" и "болтовнёй", вот только это было не так. Вообще-то, девушка подала ему несколько идей.

Окончательное решение он принял, когда охрана, собравшаяся у места боя, наконец начала впускать прессу. Мантикорская принцесса, похоже, когда хотела могла быть и прекрасной актрисой.

- О! - воскликнула она, практически всхлипывая перед голокамерами. - Это было ужасно! Они увели принцессу! - она вцепилась в руку Виктора. - И меня бы утащили, если бы не помощь этого джентльмена.

Вот теперь это были щебет, лепет и болтовня чистой воды. Как раз то, что требовалось по ситуации. Когда эревонская пресса, как обычно прекрасно вымуштрованная, наконец позволила себя вывести, Виктор прошептал Руфи на ухо.

- Что ж, ладно. Хочешь участвовать?

- Попробуй только меня удержать, бесчувственный мерзавец.

Глава 26

К Берри подкрадывалось отчаяние. Она была уверена, что сможет ускользнуть от похитителей, стоит ей только попасть в вентиляционные каналы. О системах воздухоснабжения крупных космических станций она знала очень немногое, а о специфических особенностях данной конкретной системы не знала вообще ничего, однако её приёмный отец прежде работал на верфи Флота Мантикоры. Поскольку Берри интересовалась всем подряд, она сумела несколько раз разговорить обычно молчаливого Антона Зилвицкого на эту тему. И, насколько она помнила слова отца, по замысловатости строения системы воздухоснабжения огромной космической станции уступали только сети энергоснабжения.

К сожалению, Берри обнаружила, что теоретические познания далеко не то же самое, что и личное знакомство. Она поняла, что слишком самонадеянно предположила, будто вентиляционная система "Цены греха" будет схожа с отлично знакомыми ей подземельями Чикаго. Разница была в том, что она знала подземелья и не знала вентиляцию станции.

Как результат, она потеряла время, колеблясь в выборе пути и - дважды! - попадая в тупики, после чего была вынуждена идти обратно по своим же следам. Точнее говоря, ползти по ним. И снова и снова испытывать разочарование от того, что вентиляционные решетки космической станции не проектировались с расчетом на лёгкость открытия изнутри каналов. Так что она раз за разом должна была проходить мимо манящих, но недоступных путей спасения, ведущих обратно в основные туннели станции.

Берри слышала шум, производимый не очень-то сильно отстающим преследователем. "По мне, так уродский проект", - раздражённо думала она. Им следовало предусмотреть, что рано или поздно по их трубам придётся ползать наряженной принцессой девушке, спасающейся от маньяка-работорговца.

Впрочем, комичность этой мысли подбодрила Берри. Она всё ещё сохраняла спокойствие и хладнокровие. На самом деле она не могла припомнить случая, когда они изменили бы ей. Берри мало походила по физическому развитию на Хелен и совершенно не обладала её знанием боевых искусств. Однако она помнила слова, которые Хелен однажды сказала ей: "Берри, если я когда-нибудь и встречала человека со стальными нервами, то это ты".

Может быть это и было правдой. Берри твердо знала только

то, что является экспертом в единственной из всех дисциплин вселенной - выживании - а впадение в истерику выживанию не способствует.

Поэтому она ползла вперёд, используя свои небольшие размеры, позволяющие более комфортно чувствовать себя в тесных проходах, чтобы компенсировать превосходство в рефлексах и живости движений своего - один раз она мельком увидела его - преследователя-кощея. Даже если Берри не могла спастись, она, похоже, могла сохранять дистанцию. И помнить кое-что ещё, что однажды сказал ей отец:

"Погоня - дело долгое".

***

Похоже, что при виде побоища, устроенного в трубе Эпсилон, пара представителей семьи Имбеси отчасти утратила обычное самообладание. Веснушки Наоми как никогда прежде выделялись на побледневшем лице. И даже у Вальтера, закалённого многими годами опыта, на лице была мрачная маска. Виктор не мог видеть лиц шести охранников в броне из спецназа космической станции - они наконец появились, слишком поздно для того, чтобы принести хоть какую-то пользу - однако, судя по их позам, они были потрясены ничуть не меньше всех остальных. Вкупе с ужасающей сценой в главном игорном зале, вид этой резни, наверное, оказался для них чересчур. Даже хорошо натасканные охранники не были готовы увидеть, что их обычное место работы превратилось в бойню.

У Веба Дю Гавела признаки потрясения были не так заметны, однако выглядел он подавлено. Веб примчался в игорный зал, когда Виктор и Имбези уже собирались направиться туда, где спецназ обнаружил труп Темплтона. Удостоверившись, что Руфь Винтон находится в безопасности, Дю Гавел настоял на том, что пойдёт с ними. Веб не только очень любил Берри, но и явно испытывал чувство вины за то, что отдыхал в номере, когда на неё напали. Хотя навряд ли его присутствие в зале хоть что-то бы изменило - за исключением того, что он скорее всего погиб бы и сам.

- О, Боже, - пробормотал Вальтер, - чем она их уделала? Кувалдой?

Виктор был в состоянии изучать место побоища с большей отстранённостью. Однако даже он был слегка потрясён. Может

быть это и было чуточку странно, поскольку в игорном зале кровищи и потрохов было намного больше. Однако после стрельбы из пульсеров кровища и потроха ожидаемы.

Виктор ещё раз посмотрел на лежащий на полу ничком труп Авраама Темплтона. Задняя часть головы была буквально вмята; затылок не просто пробит, но раздроблен - и затем осколки кости вбиты в мозг на сантиметр или ещё глубже.

- Всего лишь собственными руками, ногами и локтями, - негромко отозвался Виктор. - Мне кажется, Вальтер, вы действительно не понимаете, на что она способна.

- Она - монстр, - прошипела Наоми.

"С меня довольно!" - Виктор было хотел прорычать что-то такое в ответ, однако Вальтер перебил его.

- Заткнись, Наоми, - рявкнул её дядя. - Человек не может быть "монстром". Если не считать причуд природы, вроде мутантов. Однако они всего лишь объекты для жалости, которые всё равно почти всегда умирают ещё в детстве. А это… совсем другое. Виктор, объясните.

Виктор решил проигнорировать мрачную гримасу Наоми. Как бы притягательна она ни была для него раньше, с этим теперь всё равно покончено.

- Вальтер, ситуация такова, что если бы миры Мфекане оставались изолированными от человечества дольше - скажем, ещё десятка на два поколений - их обитатели наверное перестали бы принадлежать к нашему виду. По крайней мере, в точном биологическом смысле слова "вид".

Отпрыски правящих семейств Эревона получали прекрасное образование, так что Вальтер ухватил смысл слов Виктора моментально.

- Как часть того же самого генома, способного давать общее потомство? Изменения были настолько велики? За такое короткое время? Насколько я помню, их миры находились в изоляции всего лишь несколько столетий.

Как обычно, наличия интеллектуальной проблемы оказалось достаточно, чтобы привести Дю Гавела в норму.

- На самом деле, более тысячелетия, - произнёс он. - Их предки были почти такими же сумасшедшими, как и грейсонские первопоселенцы, хотя и по другим причинам, и отправились они примерно в одно и то же время, а конечная цель их путешествия находилась ближе.

Профессор, содрогаясь, окинул взглядом место побоища.

- Мистер Имбеси, естественный отбор на этих двух планетах был крайне суров. Так получилось, что я знаю о мирах Мфекане довольно много, поскольку это один из типовых экстремальных

примеров, используемых теоретиками при определении эффекта, оказываемого генетическими изменениями на политические процессы. Детская смертность у первых поколений достигала восьмидесяти процентов. А на Ндебеле, родине лейтенанта Палэйн, дела обстояли ещё хуже, поскольку условия на этой планете были наиболее экстремальными. Добавьте изолированность популяции и получите классические условия быстрого видообразования. Времени было более чем достаточно, даже если не учитывать генетические манипуляции первопоселенцев. По сути, если бы популяция состояла из животных, они, наверное, стали бы генетически отдельным видом. Однако когда дело касается разумных существ, всё обстоит сложнее. Намного сложнее. Мы… хм… - Он улыбнулся, пожалуй, с некоторым сожалением. - Последним шагом в образовании нового вида всегда является выработка особого ритуала спаривания, а с людьми это проделать очень трудно. Мы просто слишком умны, чтобы не догадаться что надо делать, чтобы потрахаться.

Дю Гавел снова осмотрел тело Темплтона.

- Так что, как ни крути, она всё ещё человек. Всё ещё часть того же самого генома - что блестяще доказала "Рабсила", включая в генотип разводимых ею рабов так много мфеканского материала. Кстати - уверен, вы слышали о герцогине Харрингтон.

Оба его слушателя кивнули, и Дю Гавел криво усмехнулся. "Саламандра" оставалась одной из немногих мантикорцев, имена которых не были в глазах эревонцев смешаны с грязью.

- Ну, она не настолько экстремальный экземпляр, как лейтенант Палэйн, но это, вероятно, только потому, что её предки существовали не в таком жестоком мире как Ндебеле.

Тут вклинился Виктор.

- Когда она попала в руки Флота - ещё до того, как сбежала с Цербера, подбив при этом Госбезопасности оба глаза - у нас был… стимул собрать о ней как можно больше информации. Именно тогда мы и узнали, что её предки участвовали в программе генетической модификации, имеющей много общего с модификациями предков Танди.

- Однако окружающая предков Танди среда сделала намного больше. К примеру, её кости намного плотнее, чем у большинства людей. Харрингтон, по-видимому, обожает плавать, но кому-то вроде Танди было бы трудновато делать это без дополнительных приспособлений, поскольку её тело не будет держаться на воде. Во всяком случае, проблематично было бы проплыть хоть какую-то дистанцию, хотя вообще-то Танди может развить скорость побольше, чем большинство нормальных людей. Однако

плотность её тела, даже с наполненными воздухом лёгкими, больше плотности воды. Её мышцы не просто плотнее и сильнее; они, как и у Харрингтон, имеют другую структуру. Более высокая доля быстрых волокон и…

Виктор остановился. Сейчас было не время читать пространные лекции о вариациях человеческой физиологии.

- Разумеется, в этом есть и плюсы и минусы. Всё как всегда. Выигрываете здесь, проигрываете там, чудес не бывает. Она может порвать большинство людей пополам, не исключая сильных мужчин… однако посадите её на голодный паёк в концентрационный лагерь вместе с кучей слабосильных задохликов, и она умрёт первой.

- Вы хотите сказать, что ей не хватает выносливости?

Виктор покачал головой.

- Нет, не так. Пока она сыта, её выносливость феноменальна. Намного выше вашей или моей.

Вальтер кивнул, окинул взглядом заваленную трупами трубу Эпсилон и перевел взгляд на Наоми. Лицо его племянницы всё ещё было искажено злобой.

- Крошка, в моей семье не будет барахтанья промеж собой, - произнёс он низким ледяным тоном. Затем снова повернулся к Виктору.

- Можно ли посодействовать эмиграции с этих миров? Я имею в виду, на Эревон. Если я не ошибаюсь в своих предположениях, то в ближайшие годы нас ожидают "интересные времена".

Виктор по-волчьи усмехнулся.

- Так уж вышло, что я как раз над этим думал. Разумеется, это будет зависеть от Баллрум, но если они получат собственную планету…

Дю Гавел встрепенулся. О далекоидущих планах Виктора он услышал впервые. Его интерес был явно огромен, однако он сумел сохранить молчание и просто слушать.

Усмешка Вальтера была ничуть не менее впечатляющей.

- У них будет два выхода. Остаться маленьким клубом для избранных - вернейший во Вселенной способ сгинуть как камень в воде - или превратить планету в маяк для всех изгоев и изгнанников Галактики. А до Эревона - со всеми его соблазнами - будет рукой подать.

Виктор начал хмуриться - точно так же, как и Дю Гавел - однако Вальтер продолжил.

- Нет, нет, я всё понимаю. У нас, эревонцев, есть свои недостатки, но мы совсем не паршивая Солнечная Лига, которая высасывает из колоний все соки. Так что, Виктор, никакой "утечки мозгов" не будет. Нам придётся основательно потратиться, чтобы

сделать Конго комфортным и привлекательным местом. Дать людям стимулы вернуться после того, как они получат образование здесь. Тем не менее…

Дю Гавел хмыкнул.

- Вальтер, это сработает. Во всяком случае, если вы поступите по-умному и в расчёте на долгосрочную перспективу, а не устремитесь тупо захапать всё прямо сейчас. И дело не ограничится одними мирами Мфекане. Есть ещё и расползшиеся по всей Галактике кощеи. Разумеется, большинство из них связано с Мезой, однако лейтенант Палэйн продемонстрировала, что некоторых из них можно вырвать из их клешней. Вот и ещё одна категория изгоев… а есть и другие. Во множестве. Галактика огромна.

Глава клана Имбеси повернул голову, искоса поглядывая на Виктора. Так, как обычно делает человек, старающийся всесторонне обдумать дело.

- Именно к этому вы и клоните, да?

Виктор пожал плечами.

- По большей части - и это не новость - я пытаюсь отколоть Эревон от Мантикоры. - Он фыркнул. - Судя то тому, что сказала принцесса Руфь, она уже прекрасно это поняла! И, конечно, я хочу, если это возможно, заложить основы для союза с моей звёздной нацией. Однако никто - особенно никто на Эревоне - не будет принимать подобное решение, основываясь всего лишь на болтовне секретного агента. Дело должно завершиться - обязано завершиться - созданием объективно устраивающей всех ситуации. Вальтер, вам нужно не просто вырванное из лап Мезы Конго. Вам нужно, чтобы это Конго удовлетворяло ещё трём условиям.

Он неспешно и задумчиво посмотрел на Дю Гавела.

- Мне было бы интересно услышать ваше мнение, профессор.

Затем Виктор начал загибать пальцы.

- Во-первых, было сильным. Или, как минимум, крепким орешком, который нелегко расколоть. Системой, которая зубами и когтями вцепится в любого потенциального завоевателя.

- Согласен, - произнёс Дю Гавел.

- Во-вторых, было богатым и стабильным само по себе - или от этой туннельной сети Эревону не будет никакого прока. Никому не нужен транспортный маршрут, проходящий через область, которая не просто поражена нищетой, но и, как это обычно в таких случаях и бывает, служит прибежищем для смутьянов и пиратов.

- Правильно, - согласился Дю Гавел. - Продолжайте, молодой человек.

- В третьих, - это вытекает из двух первых условий - Конго должно быть независимой звёздной нацией. Конечно, находящейся в тесных дружественных отношениях с Эревном и располагающей массой объективных причин для сохранения этой дружбы. Но не эревонской колонией или протекторатом. Это, кстати, даёт дополнительное преимущество, делая сеть Конго ещё менее привлекательным маршрутом для нападения на Эревон - поскольку любому врагу придётся нарушить нейтралитет Конго.

- Такое уже было в истории, - возразил Вальтер, - и довольно часто, - однако в его словах не чувствовалось большого убеждения. Он говорил скорее голосом человека, играющего роль адвоката дьявола.

Дю Гавел покачал головой.

- Нет, Каша рассуждает правильно. Разумеется, верно то, что маленькие нейтральные нации неоднократно были растоптаны. Бедная маленькая Бельгия, если припомнить пример из древней истории. Однако… - усмешка Дю Гавела казалась такой же волчьей, как и усмешка Виктора, - Бельгия была основана не Одюбон Баллрум, а значительную долю её населения не составляли иммигранты из мест вроде адских миров Мфекане или наследие украинских биолабораторий.

Имбези хмыкнул, признавая его правоту. В дрёвней истории он был подкован не хуже, чем в биологии.

- Получится больше похоже на Швейцарию. Нейтральную нацию с крепкими естественными границами - джунгли и болота Конго стоят гор Швейцарии, - из которой многие столетия выходили самые страшные наёмники Европы. Так что никто с ними не связывался, потому что результат не стоил трудов.

Виктор кивнул.

- Есть и другие примеры, да в любом случае исторические аналогии не могут подходить совершенно точно. Однако… да. Вот такая стоит задача, Вальтер, - он снова неспешно и задумчиво посмотрел на Дю Гавела. - И мне кажется, что и вам тоже пора начать раздумывать над этой проблемой.

Имбези чуть улыбнулся.

- Виктор, я не заправляю всем и вся на Эревоне.

- Если я не ошибаюсь, то довольно скоро будете. Во всяком случае, вернётесь в гущу событий. Однако это не имеет значения… и вы это знаете. Вальтер, если вы заключите сделку, а я справлюсь со своей частью работы, то правящие семьи не откажутся от вашего слова.

Настал идеальный момент для шпильки, и Виктор его не упустил.

- Несомненно, они слишком осторожны. Однако они всё же не барон Высокого Хребта, не Элен Декруа, и не графиня Нового Киева.

Вальтер помрачнел.

- Шайка негодяев. Сделка есть сделка, чёрт подери. Она налагает обязательство на всё семейство - на всех его членов до единого, - даже если заключивший её был сумасбродом и вам придётся устроить ему серьёзную выволочку частным порядком.

Они с Виктором мгновение изучали друг друга. Затем Вальтер протянул руку. Виктор пожал её и сделка была заключена.

Когда они разжали руки, Вальтер улыбнулся. Улыбка была сардонической.

- Разумеется, всё зависит от того, сможет ли ваша амазонка спасти… хм… не-принцессу. Это только моё предположение, но я вполне уверен, что от этого зависит весь ваш замысел.

Ответная улыбка Виктора смотрелась вымученной.

- На самом деле, больше чем просто мой замысел. Скорее всего, моя жизнь. Вы же знаете, что Антон Зилвицкий рано или поздно вернётся. И если он узнает, что я пожертвовал его дочерью в ходе политических игрищ…

Виктор покосился на размозжённый череп Авраама Темплтона и поморщился.

- Вы знаете, что рекорды Антона Зилвицкого на Мантикорских Играх практически во всех видах тяжёлой атлетики всё ещё не побиты - во всяком случае, в его весовой категории, чего более чем достаточно? Даже если забыть о том, что он три раза подряд на их играх становился чемпионом по борьбе.

Дю Гавел хихикнул. Смешок был скорее мрачный, чем весёлый.

- О, да, я тоже об этом подумал… учитывая, что Антон Зилвицкий будет очень недоволен и мной тоже. Не прошло и дня, как он оставил девочек на моё так называемое "попечение"… ха! Но вы позабыли кое-что упомянуть, мистер Каша. У него ещё и ум Макиавелли, и мстительный нрав грифонского горца. Если девочка погибнет - да пусть даже только сильно пострадает - нам хана.

***

Танди Палэйн сейчас ощущала себя скорее килькой в банке,

чем амазонкой. Да, вентиляционные трубы были достаточно велики, чтобы она могла - впритык - по ним ползти. Нет, от клаустрофобии она определённо не страдала. Однако всего этого вместе было достаточно, чтобы она чувствовала себя чрезвычайно несчастной.

Ползущие вслед женщины тоже, судя по их ворчанию.

- Заткнитесь, - прошипела она. - Кощей заметит, что мы его преследуем.

Едва слово сорвалось с её губ, Танди пожалела об этом. Во внезапно наставшей тишине позади себя она почувствовалв кроме повиновения еще и боль.

Танди вздохнула. Затем решила нарушить свою же команду.

- Ладно, прошу прощения, - затем, после паузы, прошипела: - Нет, не прошу прощения. Эта свинья - кощей и есть. Это не значит, что и вы кощеи, однако значит, что нам нужно придумать новое имя. Для вас, я имею в виду. Считать вас просто "моими амазонками" я тоже больше не могу.

Сзади донёсся голос Яны.

- А что вообще значит слово "амазонка"? Ты его уже как-то использовала.

Танди рассказала. Когда она закончила, то по трубе раскатились низкие грохочущие смешки, издаваемые несколькими глотками.

- Тогда "амазонки" подходит, - твёрдо заявила Яна.

Танди нахмурилась.

- Не уверена, - прошептала она. - Вы знаете, может быть, когда-нибудь появится приличный мужчина-кощей. Во всяком случае, достаточно приличный.

- Ну и что? - отозвалась Яна. - Никаких проблем. Он может быть амазоном.

- Амазониксом, - возразила Раиса.

- Амазончиком, - предложила Ольга.

Прокатившегося по трубе взрыва смеха было бы достаточно, чтобы поднять мёртвого, не то что насторожить кощея. Однако Танди поняла, что это действительно её больше ничуть не беспокоит.

"Да, супермен, всё верно. Суперсуки висят у тебя на хвосте. А значит, ты пойдёшь на корм собакам".

***

Действительно, Кощей услышал смех, однако он уже знал, что его кто-то преследует. У него был очень острый слух, и он уже какое-то время слышал за собой звуки ползущих по вентиляции людей. Поначалу он подумал, что это кто-то из их компании идёт ему на помощь. Однако в конечном итоге, по незначительным оттенкам в тихих звуках, которые он не мог бы описать сознательно, он понял, что преследователи были женщинами.

Это могло означать только одно - Авраам Темплтон каким-то образом потерпел поражение. И что бы за женщины его не преследовали, друзьями быть они никак не могли. А по самоуверенности - даже дикости, - сквозившей в последнем взрыве смеха, он уверился, что это его кровные враги.

Итак, он, продолжая преследовать принцессу, начал раздумывать, что же ему делать. Он был практически уверен, что смысла в погоне больше не было. Он не представлял, что планировали Темплтоны, когда готовили эту операцию - это редкостное фиаско - но, чтобы они ни замышляли, реализация пошла прахом.

Минуту или около того он размышлял, не бросить ли погоню и не попытаться ли просто спастись самому. Он был почти уверен, что у него это получится, по крайней мере в той части, что касалась возможности выломать вентиляционную решетку и выбраться в основные коридоры станции. Принцесса игнорировала их, поскольку ей не хватало сил выбить решетку. Однако он, со своими генетически усиленными мышцами, был уверен в своей способности сделать это.

Сумел ли бы он после этого выбраться со станции…

Наверное, нет. Однако он ощутил, что это его не беспокоит. Как и многие другие кощеи, тот, что пробирался по вентиляции "Цены греха", был не совсем нормален. Точнее, извращённая история его субкультуры наградила его стремлением к смерти, подобным тому, что было у древних скандинавских берсерков или упёртых нацистов. Лучше умереть героически, в славной последней битве, чем прозябать в забвении во вселенной, которой правят недочеловеки.

Особенно, если он сможет перед смертью продемонстрировать своё презрение к недочеловекам. Чёрт бы побрал Темплтона и его религиозные догмы. Перед своим концом кощей вернулся к собственной вере. Он и прежде насиловал женщин, но принцесс никогда. И в сложившихся обстоятельствах не видел никакого лучшего пути продемонстрировать подобающий неприличный жест с вершины своего погребального костра.

***

Впереди него, но уже не слишком далеко, Берри начала отчаиваться. Не волей, а просто телом. Да, она была молода, однако неестественные и непривычные усилия быстрого передвижения ползком по трубам её вымотали. Прошли годы с тех пор, как она, подобно мыши, носилась по тоннелям Чикаго… и, в отличие от своей сестры Хелен, Берри никогда особенно не увлекалась физическими упражнениями.

"Если я это переживу, - твёрдо пообещала она себе, - попрошу папу купить мне полный комплект тренажёров".

***

Зазвучал голос Виктора.

- Танди, он мне нужен живым. И не спорь. Это кощей, так что Темплтон не позволил бы ему знать больше необходимого минимума. И после тебя здесь осталось достаточно трупов, чтобы удовлетворить даже твоего драгоценного капитана.

Последние два слова произнесены немного другим тоном, отметила Танди. С настоящим чувством, а не обычным спокойным, расслабленным, уверенным в себе голосом Виктора.

Танди мгновение смаковала ощущение. Смаковала, потому что узнала это чувство. Она и сама недавно его испытывала.

"Боже, как увлекательно. Я и правда думаю, что Виктор слегка ревнует".

Это была радостная мысль. Также не слишком здравая, поскольку роман между офицером морской пехоты Лиги и разведчиком Хевена был бы замечательной иллюстрацией выражения "разделённые звёздами влюблённые", однако Танди она порадовала. А почему нет? Она вообще никогда не считала вселенную таким уж здравомыслящим местом.

- Конечно, Виктор. Однако тебе придётся уточнить, что значит "живым". Предупреждаю, моё определение этого слова довольно строгое.

Смех Виктора, как и его голос, звучал тенором. Ничего мальчишеского, кстати, просто тот же мелодичный звук мужского голоса, который за века вызывал дрожь у стольких женщин. В этом отношении Танди была одной из них. И вновь ей пришлось выбросить из головы очередную красочную фантазию.

- "Строгое" меня устроит, Танди. Лишь бы он мог говорить. Вообще-то, хотя бы хрипеть.

- Хрипеть будет.

***

Свернув за угол, Берри поняла, что всё кончено. На последнем перекрёстке ей пришлось выбирать куда свернуть, и она не угадала. Этот отросток трубы просто кончался вентиляционным отверстием. Решетку она выбить не смогла бы, даже если бы и не была так вымотана.

Так тому и быть. Сейчас ей хотелось только выбраться из трубы. Что бы ни случилось, она не хотела быть пойманной подобно мыши в норе. Оставшаяся позади Т-образная развилка, как и ещё несколько подобных встретившихся, была по сути дела комнатой. Да, небольшой, однако было бы лучше попасть в плен там, а не где-то ещё.

Собирая последние силы, она поползла назад так быстро, как только могла, и с облегчением выскользнула из трубы и упала на пол вентиляционной камеры. Это была крохотная комнатка, не больше трёх кубических метров - едва достаточно, чтобы разместить занимающие треть помещения вентиляторы и оставить достаточно места для работы обслуживающих их людей. Однако сейчас это место казалось Берри роскошно просторным.

***

Роскошно просторным оно показалось и кощею, который несколькими секундами спустя выскользнул из трубы и спустился к принцессе. Принцесса была симпатичной и казалась недурно сложенной - тем более, что её модное королевское одеяние было грязно и изодрано, а лицо красно и потно.

Похоть обычно легко овладевала кощеем, так случилось и сейчас. У него будет немного времени, но много и не надо. Ему даже не стоит раздеваться. Он усмехнулся лежащей девушке и расстегнул ширинку. Кощей уже был возбуждён.

Тут, услышав тихий звук позади, он начал оборачиваться. Однако голос девушки заставил его забыть об осторожности,

полосуя как распарывающее ткань лезвие.

- Ты хочешь изнасиловать меня этим? Ха! Я похожа на цыплёнка? Удачи тебе, кретин напыщенный! Может быть, ты и разыщешь тут пару щипчиков. Ещё тебе лупа понадобится, причиндал найти.

Ярость овладевала Кощеем ещё легче, чем похоть. Он шагнул вперёд, замахиваясь, чтобы оглушить принцессу.

На его запястье сомкнулись стальные клещи.

- Не выйдет, - прозвучал голос великанши.

Меццо-сопрано, как это ни странно.

Глава 27

Танди собиралась всего лишь прострелить кощею ногу. Но когда она высунулась из вентиляции и увидела, что тот хочет сделать, этот рациональный план отправился куда подальше. Она оставила пульсер в канале и легко и почти бесшумно спрыгнула на пол вентиляционной камеры.

Ей случалось подвергаться изнасилованию, ещё девочкой. Изнасилованию по сути, если и не по форме. И сейчас стоявший перед ней кощей был живым воплощением проведённого в рабстве детства.

***

Как только Берри заметила показавшийся позади кощея силуэт, её быстрый рассудок подсказал ей отвлечь его внимание насмешками. Она собиралась продолжить, но…

Высокая фигура, выросшая позади кощея, втекла в камеру словно воплощённый ужас, и этого было достаточно чтобы лишить дара речи кого угодно. Поняв, что это существо - женщина, Берри ощутила смутное изумление, настолько оно было похоже на демона. Выше кощея, столь же широкое в плечах… существо просто излучало ощущение мощи.

Словно великанша-людоедка, если не считать человеческой одежды. И если…

Великанша схватила кощея за запястье, что-то прошипела - Берри не разобрала слов - и швырнула его на металлический кожух вентиляторов. От силы удара на тонком кожухе образовалась настолько глубокая вмятина, что металл задел лопасти вентилятора. Дальнейшее происходило под аккомпанемент как визга рвущегося металла, так и воплей самого кощея.

"Если не считать, что с моей точки зрения она казалась бы в определённом смысле прекрасной, если бы не настолько искажённое яростью лицо".

Великанша сломала кощею локоть; затем другой. Примерно с той же лёгкостью, с которой человек отрывает куриные крылышки от тушки. Кощей выл от боли. Вой был оборван ударом, сломавшим ему ключицу и отшвырнувшим его на другую стену.

"А прекрасные великанши бывают?"

Великанша, поднимая сжатый кулак, шагнула вперёд, готовая нанести удар, который наверняка был бы смертельным. Размозжил бы кощею череп, или что ещё, смотря куда бы он пришёлся. Великанша явно была мастером рукопашного боя, но мастерство это едва ли было необходимым. Нужно ли великанше владеть приёмами? Кулак сам по себе - хотя Берри видела, что принадлежит он женщине - казался столь же огромным и смертоносным, как булава.

Однако великанша остановила удар. На взгляд Берри - едва-едва. Затем, секунду спустя, она встряхнулась, как вылезшая из воды собака. Избавляясь от гнева, удовлетворённая видом скорчившегося на полу без сознания кощея.

Когда она повернулась и взглянула на Берри, лицо её преобразилось. Горящие глаза поугасли, лицо смягчилось. Пропал румянец ярости со щёк, оставив коже естественный цвет - очень бледный, слегка розоватый, практически как у альбиноса. В сочетании с чертами лица, такой цвет кожи был до некоторой степени экзотикой.

За считанные секунды образ великанши-людоедки исчез. Исчез полностью. Осталась просто крупная женщина. Очень крупная и бесспорно самая сильная из всех, кого Берри когда-либо встречала в своей жизни. И - во всяком случае в данный момент - бесспорно самая прекрасная.

- Чёрт, - сказала Берри. - Спасена прекрасной принцессой. Не будь я гетеросексуальна - потребовала бы поцелуя, - она начала хихикать, слегка истерически. Затем, когда она взглянула на лохмотья, оставшиеся от её одежды, хихиканье стало громче. - К чёрту поцелуй. Была бы ты парнем, я бы сама содрала с себя то, что от этого осталось. Не сомневайся.

Женщина улыбнулась - став от улыбки ещё красивее - и наклонилась, протягивая Берри руку.

- Прости, нам обоим не повезло. У меня есть свои заскоки, но они относятся к мужчинам.

Она с лёгкостью подняла Берри на ноги, и пробормотала:

- К одному конкретному мужчине.

- К кому? - спросила Берри. - Я замолвлю за тебя словечко.

Губы женщины тронула неровная еле заметная улыбка. Она хотела было ответить какой-то колкостью, но остановилась. А затем, к вящему удивлению Берри, её лицо смягчилось ещё сильнее. Берри внезапно осознала, что на самом деле эта женщина не была так уж сильно старше её самой. Той, пожалуй, было около тридцати… и в данный момент она выглядела даже моложе.

- Правда? - тихо переспросила она. - Меня зовут Танди Палэйн. Я лейтенант морской пехоты Лиги и… - теперь она выглядела откровенно застенчивой. - И меня угораздило влюбиться - конкретно влюбиться - в шпиона. И даже не из Лиги. Я понятия не имею, что с этим делать.

- Посмотрим, что можно сделать.

Берри чувствовала себя всё лучше и лучше. К ней часто обращались за помощью, когда кому-то требовалось разобраться с проблемной личной ситуацией. Несмотря на её юность, люди, похоже, испытывали к ней - и к её мнению - некое естественное доверие, и она с удовольствием им помогала.

- Чей он шпион?

- Республики Хевен.

- О, - тут Берри бы отступилась, но проблема её зацепила. - Наверное, придётся держать это в секрете от моего отца, имей в виду. Какую бы помощь я тебе ни оказала. Если он узнает… Антон Зилвицкий терпеть не может хевов практически так же, как работорговцев… ой.

Она внезапно вспомнила, что должна изображать принцессу Руфь. Отцом той был Майкл Винтон.

Ухмылка лейтенанта Палэйн была столь же ослепительна, как и её улыбка.

- Твой секрет уже раскрыт, Берри. Во всяком случае, в определённых кругах.

Вместо облегчения Берри внезапно охватила тревога.

- О, чёрт… забыла. Как там Руфь? Она не…

- С ней всё в порядке. Возможно несколько синяков, но ничего более серьёзного.

Со стороны вентиляционного канала раздался голос.

- Долго ещё будешь трепаться, кайя? Здесь тесно.

Берри повернулась… и замерла. Да, лицо, выглядывавшее из вентиляционного канала принадлежало ещё одной женщине. Но Берри опознала достаточно характерные черты этого самого лица. Она видела их и раньше, прячась в катакомбах Чикаго.

Кощей!

Как-то раз Антон рассказал ей, что украинские биологи, составлявшие оригинальный генотип для так называемой "Последней Войны", были одержимы своей собственной версией фанатичного расизма. Разновидностью панславизма, который по сути своей ничем, кроме шаблона на который они ориентировались, не отличался от нордической одержимости банды Гитлера в предыдущем веке. Так что, помимо всего прочего, они отобрали черты внешности, соответствовавшие их представлению об "идеальном славянском типе". А затем, будучи

фанатиками, заложили этот образ в генетический код. Конечным результатом была популяция людей, принадлежность к которой и столетия спустя обычно можно было определить на глаз, если знать на что смотреть.

- Расслабься, - сказала Палэйн. - Она больше не кощей. Она… э-э… амазонка.

Кощей - бывший кощей, как бы то ни было - спрыгнула в камеру почти с той же лёгкостью и грацией, что и Палэйн до того. Амазонка упёрла руки в боки, радостно улыбнулась, взглянув сперва сверху вниз на окровавленного, избитого кощея, потом на Берри.

- Всё в порядке, так? Тогда, кайя, можно мы будем выбираться? Нас всех тошнит от этих жалких каналов.

***

На пути наружу, пока они карабкались по каналам и тащили за собой кощея, Берри - как обычно интересующаяся всем подряд - спросила одну из амазонок, что означает слово "кайя".

Это была Яна. Берри быстро запомнила все их имена, не прикладывая к этому осознанных усилий. У неё был дар сходиться с людьми, а этого просто нельзя добиться, если они остаются для тебя безымянными. Нет ничего грубее, чем обращаться к кому-то "эй, ты". Получив объяснение Яны, Берри его некоторое время переваривала. А затем сказала ей:

- Вам придётся придумать другие способы установления отношений. В смысле с другими людьми. Как бы на то не было похоже - и довольно часто, признаю - люди на самом деле не волки.

- Сложно сказать, в чём разница, - пробурчала Яна. - И вообще, почему эти идиоты не сделали решётки открывающимися изнутри? Но да, я знаю, что ты права. Мы все это знаем. Но… пока что наша кайя - единственный посторонний человек, которому мы доверяем. Для нас было достаточно сложно даже признать, что другие люди вообще на самом деле люди. Так что ещё нам было делать?

Мгновением позже, судя по всему, у лейтенанта Палэйн лопнуло терпение. До Берри по вентиляционному каналу донеслось её рычание.

- К чёрту этих идиотов. Дайте мне немного места. Пусть сами оплачивают ремонт, раз уж слишком глупы, чтобы изначально

сконструировать их правильно.

БАМ! За этим последовал дребезг вентиляционной решётки - без сомнения, пребывавшей в гораздо худшей форме - упавшей на пол основного коридора. Берри слегка поёжилась. Она без всякого труда представила себе ногу великанши, сминающую тонкий металл и вырывающую из него болты, словно это булавки.

- Кайя! - с глубоким одобрением фыркнула Яна.

- Сила бывает разной, - тихо произнесла Берри.

Яна снова фыркнула.

- Докажи.

***

- Виктор, я не представляю, где мы находимся. Может даже в трубе Эпсилон.

- Тогда ладно. Просто оставайся на месте, Танди. Мы привели охрану в чувство, и все трубы, до которых вы могли добраться, прочёсывают их команды. Они найдут вас в течение нескольких минут. Разве что вам нужна срочная медицинская помощь?..

- Ничего, что не могло бы подождать. Ссадины у всех, особенно у Берри… э-э, у принцессы. И кощей, разумеется, в отвратительном состоянии. Но от кровопотери он не помрёт, а что до всего остального - кого это волнует? Пусть ублюдок помучается.

- Для публики она всё ещё принцесса, Танди. И объясни это ей самой, ладно? Если ей нужно подтверждение от кого-то ещё - чему вряд ли стоит удивляться, поскольку Мантикора и Хевен формально по прежнему в состоянии войны - я могу дать ей Руфь Винтон, - он бросил быстрый взгляд на стоящую рядом с ним девушку. - Вообще-то она прямо здесь.

- Погоди секунду, - последовала короткая пауза. - Нет нужды. Берри… э-э, принцесса говорит, что твоя репутация бежит впереди тебя. Не уверена, заметь, что она имела в виду комплимент, но она не собирается спорить, и останется "принцессой".

- Хорошо. Поговорим позже. Прямо сейчас… - он увидел Вальтера Имбеси, входящего в дверь номера на космической станции, который они превратили в импровизированный командный центр. Не личный номер Имбеси - Вальтер счёл, что это будет неразумно - но один из роскошных номеров, зарезервированных для особых гостей "Цены греха". Определённо

достаточно роскошный, чтобы Виктор чувствовал себя в нём неуютно.

Вальтер показал ему большой палец.

- Ладно, Танди. Я должен идти. Мне только что сказали, что мезанцы и Флэйрти прибыли на станцию.

- Вот это я бы хотела видеть. Надеюсь, доберусь вовремя.

Виктор отключился, чувствуя внезапные печаль и пустоту. "А я надеюсь, что ты опоздаешь, Танди. Это будет… не то, каким бы я хотел, чтобы ты меня запомнила".

Но печаль быстро истаяла, оставив только пустоту. И холодную как лёд душу человека, который доведёт своё дело до конца, чего бы это ни стоило. Виктору был знаком этот холод, поскольку тот приходил к нему и раньше, и неоднократно. Как и раньше, он не был уверен, радоваться этому или пугаться.

- Отведите их в главный игорный зал, раз там по-прежнему нет публики, - отдал он приказ. И это был приказ, не просьба. К черту время, место и подобающие авторитеты. Здесь и сейчас распоряжался Виктор Каша.

Имбеси не выглядел хоть в малейшей степени склонным это оспаривать.

- Это твоё шоу.

Виктор не был по-настоящему удивлён. Ему самому трудно было это признавать, но он знал, насколько пугающе может выглядеть, надевая то, что считал маской.

И было ли это маской, временами задавал он себе вопрос. Не будучи до конца уверенным, что действительно хочет знать ответ.

Он поднялся.

- Принцесса, я был бы признателен, если бы вы с профессором Дю Гавелом остались здесь. Как мы и обсуждали, вам следует быть готовой к разговору с капитаном Оверстейгеном, как только тот прибудет.

Руфь кивнула. Виктор направился к двери, подобрав лежащий на столе пульсер.

- Пусть их привяжут к креслам, Вальтер, расставленным полукругом. Я хочу, чтобы они могли видеть друг друга.

- Это не является нормой для допроса, - но даже ещё не закончив фразу Вальтер отвёл взгляд. - Ладно, забудь, - тихо добавил он. - Как я и сказал, это твоё шоу, - он принялся бормотать приказы, используя ларингофон.

По дороге - игорный зал был не очень близко - Вальтер его предупредил.

- Три правящих семейства уже здесь, Виктор, и будут присутствовать. Причём прибыли не просто представители. Джек Фуэнтес, Алессандра Гавличек, Томас Холл - они поднялись сюда

собственным шаттлом.

Виктор проигнорировал подразумевающееся предостережение.

- Что там в новостях внизу, на планете?

- Самый крупный бум за последние несколько лет, разумеется. Принцесса Мантикоры похищена! "Рабсила" под подозрением! Бойня в игорных залах! Погоня на "Цене греха"! Чего и следовало ожидать.

- Прекрасно. Просто идеально… если только нет никаких неудобных конкретных деталей.

- Нет, ничего такого, - и добавил слегка оправдывающимся тоном: - У нас здесь пресса свободная, но "свободная" и "безответственная" не одно и то же.

Лицо Виктора исказила лёгкая гримаса. Он ещё помнил времена, когда Корделия Рэнсом, бывшая глава так называемого Комитета по открытой информации Народной Республики Хевен, могла бы сказать нечто достаточно похожее. Сейчас, пользуясь попустительством президента Причарт, хевенитская пресса начинала скатываться в откровенную "желтизну". По правде сказать, Виктор не был уверен, была ли новая пресса хоть сколько-нибудь более правдивой и точной, чем старая. Но, по крайней мере, она больше не плясала под одну дудку.

Ему припомнился один из любимых афоризмов его наставника Кевина Ушера. "Виктор, вселенная несовершенна, - говорил тот. - Это не избавляет нас от ответственности за то, чтобы сделать её лучше. Просто надо помнить, что она никогда не будет совершенной… и, если действовать неосторожно, попытка сделать её таковой всё только ухудшит".

- Я не критиковал, Вальтер, - тихо сказал он. - Правда не критиковал.

***

Если эревонская пресса на планете соблюдала некоторые ограничения, то ничего подобного не было наложено на послов что Мантикоры, что Хевена.

- Что вы хотите сказать… вы не знаете жива ли она ещё? Во имя Господа, она же племянница королевы Елизаветы! Если она погибнет… Болваны, да тут чёрт знает что будет! Дайте мне поговорить с Фуэнтесом, или Холлом, или Гавличек!

Поскольку это трио таинственным образом было вне

досягаемости, дальнейшие вопли и угрозы посла Мантикоры на Эревоне графини Фрейзер достались одной из менее значимых персон из правительства. Но он перенёс это довольно легко. Как и у всех эревонцев, у него уже поперёк горла стояли высокомерие и презрение, с которыми режим Высокого Хребта обращался со своими "союзниками".

Настолько поперёк горла, что он, в конце концов, просто оборвал разговор. Что было несложно, поскольку мантикорский посол даже не удостоила его любезности нанести личный визит. Просто позвонила, словно собираясь отчитать слугу.

- Тот факт, что она принцесса, не делает её бессмертной, - напрямик заявил он. - Что до остального, мы делаем всё что в наших силах. И могу вам напомнить - который это уже будет раз? - что пока Конго находится в руках Мезы вы можете ожидать самого худшего. До свидания.

***

Посол Республики Хевен всё-таки прибыл лично - и даже проявил достаточно здравого смысла, чтобы явиться в номера "Мыльца", где следовало искать подлинную верхушку власти Эревона, а не обращаться к орде чиновников в куда более скромно выглядевшем "Государственном Дворце". Но и его тоже завернул - столь же быстро, хоть и более вежливо - один из близких сотрудников Джека Фуэнтеса. Так уж вышло, что один из его приёмных братьев.

- Сожалею, но нам пока ничего не известно.

- Сожалею, но и президент Фуэнтес, и Алессандра Гавличек, и Томас Холл находятся вне досягаемости.

- Сожалею, но нам неизвестно, где они, - здесь последовало вежливое покашливание. - Гавличек и Холл, знаете ли, просто частные граждане, которые не обязаны отчитываться перед правительством о своём местонахождении. Эревон, в конце концов, всё-таки свободная звёздная нация.

- Сожалею. Да, я понимаю, что всё это очень неудобно.

- Сожалею.

Слова, слова, слова. Многострадальный приёмный брат отметил, что посол Хевена Гатри хоть и отличался меньшим высокомерием, чем графиня Фрейзер, был зато более многоречивым и склонным к бесцельному пустословию.

Впрочем, в конце концов, даже Гатри сумел добраться до

главного.

- Да, господин посол, я это понимаю. Каково бы ни могло быть участие неких граждан Хевена по именам Виктор Каша и Вирджиния Ушер - а всё что я о них знаю, как и вы, это то что было в прессе, что они, похоже, каким-то образом попали в эпицентр перестрелки на орбите - они являются частными лицами и их действия никоим образом не отражают - и даже не преломляют, если это сделает вас счастливее - позицию правительства Республики Хевен. А сейчас у нас по-прежнему кризис на руках. Так что до свидания.

***

На мостике КЕВ "Стальной кулак" капитан Майкл Оверстейген вёл с властями Эревона собственное сражение. Но в его случае обмен репликами был по крайней мере вежливым. Отчасти потому, что Оверстейген не был высокомерен и не вёл себя властно, но в основном потому, что - вежлив он был или нет - в непосредственном распоряжении у Оверстейгена была значительно большая мощь, чем у графини Фрейзер.

Вся мощь тяжёлого крейсера, если точнее. Причём крейсера, который хоть и безнадёжно терялся на фоне находящегося на орбите вокруг планеты эревонского флота, но имел в этой части галактики честно заслуженную репутацию смертоносности в бою. Да, из столкновения, в котором он заслужил эту репутацию, крейсер вышел триумфатором не без ужасных потерь со своей стороны. Но этот факт нисколько не успокаивал эревонцев, а только добавлял им осторожности. Майкл Оверстейген уже однажды доказал, что не отступит от того, что считает своим долгом просто из-за возможности кошмарных потерь.

- Я повторяю, сэр, - непоколебимо заявил Оверстейген, обращаясь к изображению эревонского адмирала на одном из экранов мостика, - что не подвергаю сомнению юрисдикцию Эревона в данном вопросе. Но будь я проклят, если собираюсь просто сидеть здесь и протирать штаны, - он холодно взглянул на другой дисплей, на котором отображалась тактическая ситуация в окрестностях "Цены греха". - Если этот так называемый "грузовик" хотя бы попытается прогреть импеллеры - я позабочусь, чтобы от него не осталось ничего крупнее молекулы. Будьте в этом уверены, сэр. Вы можете валять дурака сколько вам угодно, но я не собираюсь.

Адмирал хотел было что-то сказать, но Оверстейген - первый раз, когда он пошёл на грубость - предпочёл перебить его.

- Довольно, сэр. При всём должном уважении, вы знаете и я знаю - все кроме полных идиотов знают, а я всё-таки надеюсь, что идиотов вы из вашей так называемой "орбитальной стражи" увольняете - что этому "грузовику" здесь не место. Это часть заговора, в чём бы тот ни состоял. Но что точно, это что Мантикора в этом заговоре участия принимать не будет. Если принцесса погибнет, значит такова её судьба. Звёздное Королевство и Дом Винтонов будут горевать, но не падут и даже не покачнутся. На самом деле, сэр - а я знаю эту женщину лично, мы с ней родственники - королева Елизавета первой проклянёт меня, если я позволю использовать её семейство как заложника против её нации.

И опять адмирал хотел было что-то сказать, и опять его перебили - но на этот раз не Оверстейген. Некто - некто с впечатляющими полномочиями - просто перехватил канал связи у флота.

Оверстейген обнаружил себя лицом к лицу с человеком, которого он не знал. Что не обязательно должно было означать нечто особое, поскольку - он опять послал им беззвучное проклятие - правительство Высокого Хребта не сочло нужным предоставить ему подробный анализ политической ситуации, который он запросил, когда его отправили сюда.

К счастью, у Оверстейгена были прекрасные связисты и тактики.

- Сигнал идет непосредственно с космической станции, сэр, - доложила лейтенант Тереза Чени. Офицер-связист набрала запрос на своей консоли и пожала плечами. - Впрочем, протокол и шифрование соответствуют стандартным флотским, так что это определённо санкционировано правительством.

- Бетти его опознала, сэр, - вставил коммандер Блюменталь и кивнул своему помощнику.

- Это Вальтер Имбеси, сэр, - заявила лейтенант Гёр. - Он официально не состоит в правительстве, а является более или менее признанным главой оппозиции. Что, как я вам рассказывала, на Эревоне означает немного другое. А поскольку я вполне уверена, что и Фуэнтес, и Гавличек, и Холл были на шаттле, который не так давно состыковался со станцией, думаю вы можете считать, что он говорит от их лица. Они используют его как "промежуточное звено".

Всё это Оверстейген выслушал одним ухом, другим прислушиваясь к словам Имбеси. Тот, слава Богу, был краток и конкретен. Терпение Оверстейгена, и без того не слишком

прочное, сейчас было на пределе.

- Если я правильно понял ваше предложение, мистер Имбеси, вы хотите чтобы я - лично я, так? - явился на космическую станцию? Простите, сэр, но с моей стороны было бы небрежением долгом покинуть свой корабль в подобное время, когда - простите за прямоту - мы, быть может, находимся на грани развязывания боевых действий.

Имбеси вздохнул. А затем с лёгкой ироничной улыбкой сказал:

- Вижу, что репутация не преувеличивает вашей неуступчивости. Это, кстати, комплимент. Ладно, капитан Оверстейген. Вы можете быть уверены, что наш разговор не может быть перехвачен кем-либо с того грузовика? Или, если на то пошло, кем-либо ещё?

Глаза Оверстейгена сузились, и он взглянул на Чени, которая энергично закивала.

- Мы здесь используем технологию Альянса, мистер Имбеси. На обоих концах, - сказал Оверстейген, поворачиваясь обратно к коммуникатору… и предусмотрительно заменив "Мантикору" на "Альянс". Имбеси скорее всего отметит его выбор слов, но следовало быть вежливым. Особенно с союзником, которого твоё собственное правительство уже обозлило.

Взгляд капитана снова переместился на тактический дисплей. И на его губах тоже появилась лёгкая ироничная улыбка.

- Полагаю, у тех солли раздутое мнение насчёт их собственных технических возможностей - что вообще делает флотилия Лиги в этой системе? - но я могу вас заверить, что даже у них нет ни единого шанса подслушать эту беседу.

Имбеси кивнул.

- Что ж, ладно, - его улыбка стала шире и, как ни странно, ещё более ироничной. - Позвольте вас кое-кому представить.

Секунду спустя на экране появилось изображение девушки.

- Привет, Майкл, - сказала она, и Оверстейген нахмурился. Лицо на экране явно принадлежало Берри Зилвицкой, однако было что-то такое в голосе… что-то, что он не мог однозначно определить.

- Простите, миз Зилвицкая, - сказал он после короткой паузы, - но мы, кажется, не были должным образом представлены.

- Да, вы и Берри Зилвицкая не были, - согласился голос, сводящий с ума тем, что казался знакомым. - Но я не она. Я - Руфь Винтон, Майкл.

Оверстейген напрягся. Как дальний родственник королевы (которого во Дворце на Королевской горе принимали гораздо лучше, пока его родственник не стал премьер-министром) он был

одним из очень небольшой группы людей, которые встречались с принцессой-затворником. Которая вовсе не была похожа на девушку на его экране. Но вот голос… Капитан напряг память, и нахмурился ещё сильнее.

- Это… интересное заявление, "ваше высочество", - слегка растянуто произнёс он. - Однако с учётом обстоятельств, надеюсь, вы согласитесь, что мне приличествует убедиться, что вы и в самом деле та, кем себя заявили.

Девушка улыбнулась.

- Разумеется соглашусь. К сожалению, у меня нет никаких секретных кодовых слов, и… - её улыбка резко поблекла, - боюсь, никто из моей охраны не выжил и не может подтвердить мои слова, - она глубоко вдохнула и встряхнулась. - Всё что могу предложить, это воспоминание о том, что мы однажды были представлены, хотя ничего не могу припомнить о том событии, за исключением того, что оно было большим, официальным, и неимоверно скучным.

Воспоминания Оверстейгена о событии были лучше, что естественно, поскольку таких дальних родственников нечасто приглашают на собрания королевской семьи.

- Это было крещение вашего кузена Роберта, ваше высочество, - сказал он, и лицо на экране озарилось ещё одной ослепительной улыбкой.

- О, замечательно, Майкл! - поздравила она. - Это совершенно точно не было крещением Роберта - в тот день я лежала дома с гриппом. Но теперь, после того как вы помогли моей памяти, я припоминаю, что это было крещение, только моей кузины Джессики, верно?

Оверстейген почувствовал, что расслабляется, и прочистил горло.

- Так и было, ваше высочество. Я так понимаю, что сообщения о вашем похищении были, э-э, несколько преувеличены.

Принцесса покачала головой.

- Не так уж сильно, капитан. Им действительно удалось - да, это были масадские фанатики, в этой части всё правда - похитить Берри Зилвицкую, которую они приняли за принцессу.

Оверстейгену не нужна была лейтенант Гёр для того, чтобы объяснить ставшее очевидным, но ту это не остановило от того, чтобы пробормотать вполголоса:

- Зилвицкий! И его трюки! Должно быть, он поменял девушек местами и… о!

Капитан скрыл улыбку. Нечасто его помощник тактика отставала от него в таких рассуждениях.

- О, - повторила Гёр. - Королева должна была принимать

участие в обмане с самого начала. Мы здесь выходим в глубокие воды, сэр, если позволите так сказать.

- Воистину глубокие, - пробормотал Оверстейген.

Принцесса Руфь продолжала:

- Но дело в том, понимаете ли, что они на самом деле толком и её похитить не сумели. Поскольку - при помощи… ну, многих людей - она сбежала. В настоящий момент она вполне в безопасности. И сейчас…

Оверстейген заподозрил, что является свидетелем необычайного события. Принцесса Руфь, похоже, затруднялась в выборе слов. Капитан был практически уверен, что подобное случалось с девушкой крайне редко.

Поскольку военные формальности более не казались применимыми - а дипломатические тонкости благодаря Выскому Хребту и его команде были в полнейшем раздрае - Оверстейген решил прибегнуть к старомодному рыцарству.

- Хотите, чтобы я в таком случае нанёс вам личный визит, ваше высочество? - последовал быстрый взгляд на тактический дисплей. Грузовое судно вообще не подавало каких-либо признаков жизни. - Если только вы можете заверить меня…

У принцессы моментально нашлись слова. Решительно, даже царственно она произнесла:

- Да, капитан, могу. Могу также заверить вас, что не будет никакого - как вы это назвали? - "развязывания боевых действий". - Она выпятила подбородок. - Во всяком случае, в том виде, который вы имели в виду. Забудьте об этом судне, капитан. Об этом рабовладельце, следовало бы мне сказать, поскольку мы уверены, что на самом деле это он и есть.

Взгляд принцессы скользнул в сторону, словно она взглянула на нечто не попавшее на экран. Скулы её напряглись, и следующие слова она практически прошипела.

- Я буду крайне удивлена, капитан, если кто-либо с этого судна, на ком есть вина, долго проживёт. Если кто-то и останется в живых, они однозначно будут находиться в заключении… и вполне возможно будут жалеть, что не мертвы.

Теперь Оверстейген помимо облегчения чувствовал любопытство.

- Должно быть вы в последнее время встретились с интересными людьми, ваше высочество. Надеюсь, вы сочтёте возможным меня им представить. В любом случае, я буду у вас настолько скоро, насколько меня сумеет доставить бот. Будем считать это семейным визитом.

Он вопросительно поднял бровь.

- Брать ли мне оружие, ваше высочество? И военный эскорт?

Естественно, обычным при подобном визите было бы предстать перед вами без оружия и эскорта.

Улыбка принцессы Руфи теперь была само царственное благоволение.

- О, я не думаю, что оружие будет необходимо, капитан, за исключением вашего личного. Что до эскорта, я бы рекомендовала ограничиться вашим помощником тактика. Лейтенантом Гёр, если не ошибаюсь. Бетти Гёр. Мой… э-э, капитан Зилвицкий высоко о ней отзывался.

- Идёт, ваше высочество.

Картинка погасла, и Оверстейген посмотрел на Гёр. Лейтенант выглядела одновременно довольной и… очень, очень встревоженной.

- Я не знакома с Антоном Зилвицким, сэр! - запротестовала она. - Каким хреном… простите, вырвалось… откуда он может знать меня? - и практически взвыла: - Я всего лишь лейтенант!

По какой-то странной причине расстройство юного офицера неимоверно подняло Оверстейгену настроение.

- Воистину глубокие воды, лейтенант Гёр. Впрочем, говорят, знаете ли, - правда в основном бесчестные мошенники - что капитан Зилвицкий в этих водах самая хитроумная рыба.

Глава 28

Получилось так, что Танди всё-таки успела. Когда она вошла в главный игорный зал космической станции, ведя за собой Берри и своих амазонок - искалеченного кощея они сдали охранникам, получать медицинскую помощь - то увидела, что циклопический зал практически безлюден. За исключением пяти человек, сидевших за столом в отдалении, все остальные собрались в центре помещения. Два игорных стола были отодвинуты в сторону, чтобы расчистить площадку метров десяти в диаметре.

Танди не могла как следует разглядеть пятерых сидевших за столом. Это были трое мужчин и две женщины, но это было всё, что она сумела рассмотреть. Кроме освещённого софитами центра зал был погружён в темноту.

- Тут так темно, - прошептала Берри, бросив взгляд на высокий потолок. Танди не смогла бы сказать, насколько он высок, поскольку потолок принял угольно-чёрный цвет.

В центре зала в креслах сидели четверо мужчин. Точнее, они были прикованы к креслам: их лодыжки были пристегнуты к ножкам, а руки заведены за спинки кресел и скованы там. Кресла были расставлены по дуге примерно трети круга. Танди мгновенно поняла, что таким образом им была дана возможность без проблем видеть друг друга.

Она, разумеется, опознала этих мужчин. Их лица, в отличие от лиц людей, сидевших за дальним столом, были ярко освещены софитами.

Флэйрти, один из немногих уцелевших членов состоявшей из масадцев и кощеев команды Темплтона.

Унзер Дим, специалист по улаживанию конфликтов "Джессик Комбайн" - "Ха! - ухмыльнулась про себя Танди, - К вопросу о конфликтах!" - и, фактически, главный представитель Мезы в системе Эревон.

Хайчэн Рингсторфф, официально значившийся "консультантом по безопасности", но в реальности являвшийся специалистом Мезы в регионе по силовым акциям.

На нём взгляд внимательно прищуренных глаз Танди на какое-то время задержался. Насколько она знала, лейтенант-коммандер Ватанапонгсе подозревал, что Рингсторфф несёт ответственность за ряд совершённых за последнюю пару стандартных лет крупных преступлений, включая:

- предполагаемое убийство двух тысяч религиозных переселенцев, направлявшихся на планету Тиберия;

- общее нарастание активности пиратов в регионе Эревона;

- уничтожение посланного для расследования эревонского эсминца;

- и последовавшее нападение на мантикорский крейсер "Стальной кулак", отправленный расследовать исчезновение эсминца.

Последняя атака пошла наперекосяк, в основном благодаря капитану мантикорского крейсера, который доказал, что неизмеримо более компетентен в своём деле, чем напавшие на него пираты. Оставалось неясным, как именно пираты вообще умудрились заполучить флотские крейсера, но Танди слышала от Ватанапонгсе предположение, что скорее всего они получили корабли от корпорации "Технодайн Индастриз", базировавшейся в системе Йилдун.

Репутация "Технодайн" по части сомнительных сделок не дотягивала до "Джессик" или "Рабсилы", но сама по себе была довольно впечатляющей. Йилдун, звезда класса A1, находящаяся примерно в восьмидесяти трёх световых годах от Земли, оказалась прямо на границе между ультрацивилизованными центральными планетами, организовавшими Лигу, и системами заселёнными не настолько давно, у которых порядки в коммерческих (и временами военных) делах оставались куда более бесцеремонными, чем у погрязших в довольстве миров ближе к сердцу Лиги. Йилдун как звезда находился достаточно далеко от главной последовательности* [на диаграмме масса/светимость большинство звезд выстраиваются в близкую к линейной зависимость, получившую название "главной последовательности"], чтобы не иметь пригодных для обитания планет, но система была богата астероидами и в ней располагалась вторая по давности открытия туннельная сеть. Состоявшая всего из трёх терминалов, считая центральный узел, однако этого оказалось более чем достаточно, чтобы система превратилась в популярный перевалочный узел. Затем туда потянулась промышленность, эксплуатировавшая неимоверные по богатству ресурсы астероидных поясов системы, и за прошедшие века "Технодайн Индастриз" стала одним из главных поставщиков ФСЛ, а её подразделение НИОКР являлось предметом всеобщей зависти и уважения.

"Технодайн" была также одной из межзвёздных корпораций, громогласно протестовавших против технологического эмбарго, наложенного Лигой на воюющие стороны Мантикоро-Хевенитской войны. Что в свете привычки "Технодайн" то и дело избавляться от того или иного современного боевого корабля при вызывающих сомнения обстоятельствах выглядело интересно. По

слухам, на верфях Йилдуна регулярно строилось на пять-десять процентов корпусов больше, чем было заказано ФСЛ. Избыток либо вообще нигде не учитывался, либо "терялся" в груде бумаг, в дальнейшем рано или поздно всплывая в поистине странных местах. Доказанным же фактом - не слухом! - было то, что десятки кораблей, приобретенных "Технодайн" для "утилизации", оказались в руках третье- и четверостепенных флотов (а иногда и пиратов).

Разумеется, "утеря" четырёх практически новых кораблей типа "Гладиатор" в руки одного получателя была чем-то вроде рекорда, даже для "Технодайн". Но с учетом шепотков о том, что Меза и Йилдун находятся в куда более тесной связи чем кто-либо из них готов признать официально, "Технодайн" выглядел намного более вероятным источником кораблей, чем кто бы то ни было ещё.

Но, откуда бы ни взялись четыре пиратских крейсера, из их экипажей мало кто выжил. Впрочем, на поверхности планеты Приют системы Тиберия было захвачено достаточно пиратов для допросов. И допросы, по-видимому, показали, что Рингсторфф был в этом предприятии главным. К сожалению, свидетельств не было достаточно, чтобы выдвинуть против него какие бы то ни было обвинения. И поскольку Рингсторфф пользовался официальной поддержкой и защитой Мезы, обращаться с ним следовало со всей деликатностью, даже на Эревоне.

Танди подавила рвущийся наружу грубый смешок. Со всей деликатностью! Она заметила, что стоявший в центре расчищенного пространства человек - Виктор Каша, что ее не удивило - как раз натягивал перчатки. Но деликатностью там и не пахло. Перчатки были угольно-черного цвета, а медленный, аккуратный процесс их натягивания в исполнении Каша был почему-то невероятно зловещим. Она вспомнила вычитанный где-то факт, что палачи всегда носили перчатки при исполнении своих обязанностей.

Четвёртым прикованным к креслу мужчиной был Георг Литгоу, главный помощник Рингсторффа. Также подозревающийся в совершении тягчайших преступлений. И также пользующийся поддержкой и защитой Мезы.

Мысли Берри должно быть текли в том же направлении, что и у Танди. Девочка снова зашептала:

- Похоже, кредитный лимит Мезы только что исчерпался. Кто этот парень, стоящий в центре?

- Виктор Каша, - шёпотом же ответила Танди. - Он… ну, он с Хевена, хотя предположительно находится здесь всего лишь с частным визитом.

Челюсть Берри Зилвицкой отвисла.

- Но… я встречалась с ним. Этот парень не похож… о. Пожалуй, это он и есть. Но он точно не похож на себя самого во время похорон Штейна.

Девочка разглядывала Каша ещё какое-то мгновение, и добавила:

- Он смотрится сантиметров на пятнадцать выше, сантиметров на пятнадцать шире - не помню, чтобы его плечи были так широки - намного старше, и… о, Господи, - следующие слова она прошептала так тихо, что их едва можно было расслышать: - Мне по-настоящему жаль этих ребят.

- А мне нет, - прошипела Танди.

Их шёпот должно быть был громче, чем казалось Танди, поскольку Каша повернул голову и глянул на них. На его лице не было никакого выражения. Вообще-то, Танди сама с трудом его узнавала. Да, черты бледного лица в свете софитов были теми же самыми, но глаза теперь казались чёрными камешками, а само лицо казалось высеченным из мрамора.

Каша встретился с нею взглядом. На его лице по-прежнему не было никакого выражения, никакого признака узнавания, никакого признака чувств… ничего. Не было ничего. Это было всё равно что смотреть в глаза статуе - или голему.

Каша отвернулся, проведя взглядом по прикованным к креслам мужчинам. Несмотря на оковы, эти четверо попытались уклониться от этого пристального взгляда. Даже религиозный фанатик Флэйрти поник, словно сдувающийся воздушный шарик. Танди могла только воображать, насколько же страшен был взгляд этих чёрных глаз вблизи для того, кто был его целью.

- Он и правда довольно жуткий тип, верно? - прошептала Берри. - Помню, папа говорил мне как-то об этом, хотя… ну, он всё-таки спас жизнь Хелен. Мою наверное тоже. Это трудно понять.

На мгновение Танди показалось, что между нею и девочкой разверзается пропасть, и что из глубины этой пропасти поднимается бурлящая магма чистейшего гнева. Она понимала Виктора Каша настолько, насколько никогда не быть способной Берри Зилвицкой - и ни одной избалованной богатенькой сучке вообще - и…

Она подавила гнев и заставила пропасть закрыться. С усилием, и испытывая при этом глубокое раскаяние. Хоть Берри сейчас и была выряжена как принцесса и находилась в свите принцессы, Танди напомнила себе, что девочка не была рождена в мире привилегий. Ватанапонгсе обрисовал ей её биографию. Вообще-то, во многих отношениях жизнь Берри была даже

тяжелее, чем у самой Танди. Или у Виктора. Просто Берри каким-то образом умудрилась пройти через всё это, не заполучив, по-видимому, тех гнева и ненависти, которые сыграли столь значительную роль в формировании личности людей вроде Танди Палэйн и Виктора Каша. Как ей это удалось, для Танди было загадкой, однако в этот момент она осознала - и осознание это стало для неё шоком - насколько же необычной личностью на самом деле была девочка. Словно драгоценный камень, оставшийся в целости - даже не поцарапанным - во вселенной, полной жестокости и безразличия. Словно она специализировалась на здравомыслии так, как другие люди специализируются на своих умениях и талантах.

Она почувствовала, что Берри взяла ей за руку, и слегка сжала её ладонь.

- Я изрядно уверена, Берри, что происходящее будет довольно мерзким, - прошептала Танди. - Не хочешь, чтобы мы ушли?

- Нет, - последовал тихий ответ. - Бессмысленно бегать от этого. - Лицо девочки осветила легкая улыбка. - Кроме того, из тебя получается чертовски классная старшая сестра.

Танди почувствовала поднимающееся изнутри тепло. Это позволило ей расслабиться и продолжить изучение места действия. Виктор Каша был… Виктором Каша. Она справится с этим, или не справится, но что бы там ни было, это можно было отложить на потом.

Кроме Виктора и пленников в центре зала находились ещё восемь мужчин и три женщины. Они стояли немного позади, лицом к пленникам, но оставив пространство для Каша. Сочетание присутствующих было своеобразным.

Троих женщин она знала: это были Инга с Ларой, которых она оставила следить за Флэйрти, и Джинни Ушер.

На лице Инги не было никакого выражения, а вот Лара выглядела весьма довольной ситуацией. Танди не понимала почему, пока не заметила взгляд, брошенный Ларой на стоящего неподалёку от неё мужчину. Во взгляде смешались что-то вроде глубокой привязанности, не слишком прикрытой похоти и веселья. И он самую малость не заслуживал быть названным откровенно хищным.

Тот мужчина выглядел нервозным - изрядно нервозным после того, как заметил взгляд Лары - и Танди снова пришлось давить смех. Она знала, что у её амазонок было своё представление о подобающем ритуале ухаживания - обычно оборачивающееся изрядным потрясением для попавших им на прицел мужчин. Танди не особо это одобряла, но… трудно было не увидеть в этом некую высшую справедливость. В ходе своего обучения Танди

ознакомилась с древней мифологией и была вполне уверена, что тот парень чувствовал то же самое, что чувствовала бы Европа, если бы на её месте был мужчина по имени Европ, оказавшийся под прицелом похотливых глаз гигантской коровы Зевсы.

Поначалу её немного озадачил выбор Лары. Кем бы ни был этот человек, Танди была уверена, что он состоит в Одюбон Баллрум. Традиционно Баллрум и кощеи были заклятыми врагами. Но…

В своём роде, поняла она, это имело смысл. В субкультуре Лары, наследство которой было отброшено женщиной не до конца, всегда ценилась способность к насилию. И как бы кощеи не ненавидели Баллрум, они их ещё и боялись. Они могли презирать прочих "недочеловеков", но те, кто пришёл с самого дна, достаточно часто демонстрировали, что они - ровня любому кощею, когда дело доходит до кровопролития. Так что, возможно, это было не так уж странно, что как только Лара осознала необходимость искать мужчину не среди кощеев, она сочла закоренелого члена Баллрум… весьма привлекательным. Танди не удивило бы, если бы многие из её амазонок начали завязывать подобные связи.

Джинни Ушер, напротив, выглядела подавленно. Лицо её, бывшее столь выразительным, когда Танди видела её в прошлый раз, теперь было застывшим и холодным. Танди поначалу не понимала почему, поскольку бывшую рабыню "Рабсилы" вряд ли могло расстроить зрелище плохого конца четверки прикованных к креслам людей. Они были не просто "представителями" генетического рабовладения - они были непосредственными орудиями самого зла.

Но потом, обратив внимание на то, как Джинни уставилась на Виктора, Танди поняла. Джинни Ушер было наплевать на наймитов Мезы - хоть она и сумела, пусть и не до такой степени как Берри, оставить тот период своей жизни позади. Не наплевать, совсем не наплевать ей было на стоящего перед ними юношу. Вероятно, она задавалась вопросом - как иногда и Танди, имея в виду себя - насколько часто человек может принимать на себя роль, прежде чем роль сама станет сутью. Прежде чем мужчина, или женщина, обратится в сотворённого собственными руками монстра.

Восьмерых стоявших там мужчин Танди не знала. Но была практически уверена, что все они из Одюбон Баллрум. Внезапно она получила этому подтверждение. Должно быть Каша подал какой-то незаметный знак… или, возможно, просто заранее велел сделать это как только он закончит натягивать свои черные перчатки.

Все восемь - Джинни последовала примеру секундой позже - показали языки прикованным к креслам мужчинам. Сильно их высунув, демонстрируя генетические маркеры "Рабсилы".

Занавес поднят. Мысль Танди была скорее мрачной, чем весёлой. Начинаем с попавших в весьма отчаянную ситуацию злодеев. Большие шишки и наймиты "Рабсилы", скованные и беспомощные, окружённые своими жертвами. Восемь из которых - убийцы, посвятившие свою жизнь уничтожению таких, как они.

Виктор Каша извлёк пульсер из кобуры.

И весьма отчаянная ситуация разом стала хуже.

Намного, намного, намного, намного хуже.

***

Хайчэн Рингсторфф нисколько в этом не сомневался. Уставившиеся на него черные глаза - затем прошедшиеся взглядом по лицам Дима, Литгоу и Флэйрти - казались совершенно пустыми. Словно на него взглянула бездна. На бледном лице с резкими чертами не было какого-либо выражения, которое мог бы определить Рингсторфф. За исключением, пожалуй, некоей холодной отстранённости. Эти глаза принадлежали даже не палачу. Просто человеку, проводящему эксперимент, конечный результат которого был для него не важен. Позитивный или негативный, результат будет просто строчкой в лабораторном журнале.

Голос, когда он зазвучал, оказался таким же. Никаким. Просто слова, звучащие подобно хирургическим инструментам.

- Вот как всё будет. Мне от вас требуется некая информация. Она будет полезна, но не жизненно важна. С этой информацией я могу продолжать действовать по имеющемуся у меня плану. Без неё мне придётся разрабатывать другой.

Широкие плечи слегка шевельнулись; возможно, это было пожатие плечами.

- Я весьма хорош в разработке планов. Тем не менее, получение информации от вас избавит меня от работы и сэкономит мне некоторое время. Невеликое. Но, возможно, достаточное для того, чтобы оставить вас - некоторых из вас, или только одного из вас - в живых. Посмотрим. Не могу сказать, что меня волнует то, как всё закончится.

Рингсторфф мог видеть лицо Дима с той же лёгкостью, что и лица остальных. Лицо Литгоу выглядело застывшим - как

подозревал Рингсторфф, так же как и его собственное. Фанатик Флэйрти сверкал глазами, хотя это получалось у него неубедительно. Дим же очевидно находился на грани откровенной паники. Он скосил как мог глаза, вглядываясь в сидевшую в отдалении за затемнённым столом пятёрку. Рингсторфф и сам заметил этих людей, практически сразу как охранники втащили его в зал и усадили в кресло, хотя каких-либо черт лиц разглядеть так и не смог. После этого охрана удалилась, оставив приковывание их к креслам на террористов из Баллрум.

- Какого дьявола вы творите? - завопил Дим. - Чёрт подери, я знаю, что вы эревонцы, кто бы вы ни были! Имбеси - ты здесь? Почему ты позволяешь этому маньяку…

Раздался звук выстрела пульсера, и левая сторона головы Дима взорвалась ошмётками плоти. Рана была не смертельной - даже не выводящей из строя - но уха и доброго куска скальпа он лишился. Кровь потекла на плечо.

- Мне нужна информация, а не этот лепет.

Взгляд Рингсторффа рывком вернулся к человеку в чёрных перчатках. Тот опустил пульсер. На сантиметр-другой. Рука, держащая оружие, выглядела непоколебимой, как у статуи.

- Продолжишь, Унзер Дим, и ты труп.

Дим уставился на него, широко распахнув глаза, и на его лице читался откровенный шок. Если не считать кровотечения и обезображенного лица, рану нельзя было назвать серьёзной. Но Рингсторфф знал, что Дим не был знаком с насилием на личном уровне. В отличие от самого Рингсторффа - и Литгоу, и Флэйрти - Дим творил насилие чужими руками. И определённо никогда не испытывал увечий, нанесённых ему самому.

- Кто вы, черт побери? - прошептал он.

- Думай обо мне как о том, кто вскоре начнёт вас убивать, - пульсер в его руке сделал лёгкое круговое движение. - Тебе лучше хорошенько оглядеться по сторонам, чем задавать бессмысленные вопросы. Твоя жизнь закончится в этом месте, Дим. В настоящий момент я оцениваю вероятность такого исхода в девяносто процентов. Если ты не сможешь совладать со своей паникой, оценка поднимется до ста процентов. И оставшийся тебе срок сократится с минут до секунд.

Рингсторффа поразило полнейшее безразличие в голосе этого человека. Он всегда думал о себе как о "крутом", но… этот парень…

"Из какой преисподней они его вытащили?"

- Первым делом мне требуются коды безопасности "Фелисии III". Допускаю, что моя оценка неверна, и "Фелисия" не является судном работорговцев, работающим на "Джессик Комбайн". В

таком случае, разумеется, вы не будете знать кодов безопасности и будете бесполезны. Все вы тогда немедленно умрёте. После чего…

Он снова сделал то же минималистское движение плечами.

- Однако нет смысла тратить время на то, что может случиться "после". Скорее всего, нам это всё равно не понадобится.

Он сделал паузу и медленно обвёл их изучающим взглядом пустых глаз.

- У меня нет ни времени, ни желания использовать медикаментозный допрос или пытки. Ни одна из этих методик на самом деле не так уж надёжна, не вижу я в них и необходимости. Всё что мне необходимо, это внушить вам ясное понимание того, что у меня нет ни малейшего почтения к вашей жизни, что я убью любого из вас без каких-либо колебаний.

Он поднял пульсер, прицелился, выстрелил. Между глаз Флэйрти появилась дыра, а его затылок взорвался. Тело Флэйрти подёргалось в тяжелом кресле, а потом осело, удерживаемое оковами.

- Полагаю, теперь оно у вас есть, - в голосе по-прежнему не было никаких оттенков. - Но если нет…

Пульсер снова сдвинулся, нацелившись в голову Дима.

- Следует ли мне произвести ещё одну демонстрацию?

Внезапно в происходящее вмешался женский голос. Рингсторффа это напугало даже сильнее, чем убийство Флэйрти. Он забыл о том, что во вселенной есть ещё кто-то, кроме стоявшего перед ним жуткого монстра.

Голос принадлежал женщине-рабыне.

- Он точно сделает это. Даже не сомневайтесь. Он убьёт всех вас и даже глазом не моргнёт, - слова звучали жёстко и горько. - Боже, как же я ненавижу вас, ублюдков. За это больше, чем за что-либо ещё.

Рингсторфф ни на секунду не усомнился в её словах… и он не был религиозным фанатиком. Слова практически рванулись из его горла.

- У меня нет кодов, нет их и у Литгоу, но есть у Дима. - Он повернул голову и вперил взгляд в представителя "Джессик Комбайн". - Дай им коды, ты, долбаный идиот!

Но Дим уже говорил - захлёбываясь словами. Безымянному человеку фактически пришлось снова тихо пригрозить ему - лишь тогда Дим сумел замедлиться настолько, чтобы коды можно было разобрать. Затем он повторил их дважды, каждый раз всё медленнее, пока рабыня их записывала.

- Похоже, вы все останетесь в живых, - сказал этот мужчина.

Словно химик, сделавший запись о результате мелкого эксперимента. - На какое-то время. Мне потребуется дополнительная информация позже.

Он повернул голову и обратился к убийцам из Баллрум.

- Уведите их отсюда и заприте. Обработайте рану Дима, но ничего сверх минимума. Если кто-нибудь из них начнёт создавать хоть какие-то проблемы - убейте его. Дополнительная информация, которую они могут предоставить, будет полезна, но определённо не критически важна.

Несколько мгновений спустя грубые руки потащили Рингсторффа - по-прежнему скованного, хотя больше и не прикованного к креслу - к одному из выходов. Всё, на что хватало Рингсторффу сил, это не зайтись в истерическом смехе. Никогда в жизни, ни единого раза, не представлялось ему, что он может оказаться рад тому, что попал в руки Одюбон Баллрум. Но в этот момент он бы обрадовался самому Дьяволу, если бы тот просто унёс его прочь от этой холодной бездны, принявшей человеческое обличье. От этого монстра.

Убийца из Баллрум, тащивший Рингсторффа, был из них самым крупным. Огромный, нескладный громила, демонстрирующий все признаки раба, выращенного для тяжёлой работы. Рингсторфф чувствовал себя в его лапищах ребёнком.

Голос у него был соответствующий, низкий и грузный.

- Он - та ещё штучка, а? - последовавший смешок был ещё более низким. - А если ты продолжаешь раздумывать, не демон ли он - о, да, в самом деле, он наверняка демон и есть. Хотя могу сказать, что с прошлого раза он стал менее маниакальным. Последний раз, когда я видел его за этим занятием, он перебил дюжину вас, свиней.

- Как его имя? - выдавил Рингсторфф. По какой-то причине ему требовалось это знать.

Но ответа не прозвучало. Только ещё один низкий и грузный смешок. Так что у Рингсторффа, пока его тащили по коридору к ожидающей его судьбе, было достаточно времени для размышлений на ту тему, что попасть в руки Одюбон Баллрум было на самом деле не таким уж благом.

***

Когда пленников увели, и всё закончилось, Танди опустила взгляд на Берри. Лицо девочки по-прежнему выглядело

невозмутимым, хотя её маленькая ладонь довольно сильно сжимала ладонь Танди.

- Ты в порядке? - спросила она.

Лицо Берри слегка скривилось.

- Я определённо не получила удовольствия. Но да, я в порядке.

Она подняла взгляд навстречу Танди. Её зелёные глаза в тусклом освещении казались темнее. Танди с удивлением увидела в них нечто похожее на умиление.

- Не говори только, что это тот шпион, в которого ты втрескалась.

Танди не сказала ничего, но ответ, должно быть, был очевиден по выражению её лица. Берри выпустила воздух, затем слегка пожала плечами.

- Необычные у тебя вкусы. С другой стороны…

Девочка окинула Виктора Каша взглядом глаз, казавшихся заметно старше её семнадцати лет.

- С другой стороны… да. Если ты можешь ему доверять, я могу понять, что ты чувствуешь себя в безопасности рядом с ним, - она снова повернулась к Танди. - И, полагаю, для тебя это важно. Очень важно.

Ладонь Танди с силой сжалась в ответ. С силой вообще-то достаточной, чтобы заставить Берри поморщиться.

- Прости. Забываю о своей силе. Более того. Я ненавижу необходимость постоянно за собой следить. И да, Берри, ты права. Возможно это действительно необычно, не знаю. Дело даже не столько в том, что мне нужен мужчина, рядом с которым я буду чувствовать себя в безопасности, сколько в том, чтобы я знала, что он чувствует себя в безопасности рядом со мной. - Её темные глаза повернулись к Каша, продолжавшему молча и неподвижно стоять в центре зала, словно погрузившись в собственные мысли. - Даже женщина-монстр не станет пудрить мозги ему.

К изумлению Танди Берри выдернула свою ладонь из её. К ещё большему изумлению, затем Берри потянулась вверх и отвесила ей пощёчину.

- Не смей это повторять! - девочка была в подлинном гневе, Танди впервые видела её в состоянии отличном от спокойствия и невозмутимости. - Никто при мне не назовёт тебя монстром, даже ты сама. Это понятно?

И это было самым изумительным моментом изо всего. То, как такая маленькая девочка, уставившись снизу вверх на женщину вдвое её крупнее и во много раз сильнее, может добиться такого мгновенного послушания. Словно она была настоящей

принцессой.

- Да, мэм. Э-э, Берри.

Глава 29

Сидевший за тёмным столом Джек Фуэнтес проводил взглядом Виктора Каша, направившегося навстречу двум женщинам, которые ещё до начала недавних событий вошли с противоположной стороны игорного зала, получив тем самым удобную позицию для наблюдения. Должно быть это были офицер Лиги и спасённая ею девушка-мантикорка.

- Вальтер, всё это чертовски топорно, - нерешительно произнёс он. - Я не уверен…

К его удивлению, вмешалась Алессандра.

- Да плевать! По мне так сейчас самое время поиграть топором.

Джек и Томас Холл, повернувшись, уставились на неё. Томас казался поражённым ничуть не меньше Джека. Из их троицы Гавличек отличалась особенной осторожностью в подходах к проблеме Мезы и Конго. И ещё большей осторожностью в вопросах, касающихся Мантикоры.

Женщина, возглавлявшая мощный клан Гавличек и являвшаяся одним из триумвиров Эревона, хмурилась. Как ни странно, резкое выражение на лице заставляло её выглядеть привлекательнее обычного. Джек подумал, что это наверное потому, что наблюдать на лице Гавличек хоть какое-то выражение было огромной редкостью. Тем более что её лицо настолько часто перестраивалось биоскульпторами, что Фуэнтес считал его скорее даже не "лицом", а постоянно носимой маской.

Однако на сей раз никакой маски не было. Алессандра была искренне рассержена и полна решимости.

- Я знаю, что всё время призывала к осторожности. Однако так я поступала лишь потому, что не видела надёжного способа управиться с ними, не подвергая опасности нас самих. Разве вы не видите? Этот парнишка - тот самый. Прямиком из старых легенд. Lei varai barbu. Да, он не из наших - он хевенит. Но сейчас совсем не время барахтаться промежду собой.

Lei varai barbu. Джек Фуэнтес задумался над этим - на мгновение. Алессандра использовала термин из древнего сленга, причудливого говора их предков-гангстеров. Как и у большинства подобных выражений дословный его перевод был довольно бессмысленен - "подлинно бородатый" - однако смысл выражения был ясен чётко. Человек, за которым вы пойдёте, когда на кону стоит существование или честь клана. Человек, который может погибнуть в бою, нечего и говорить, потому что удача - штука

капризная. Но тот, который не дрогнет и не поколеблется ни на мгновение, не вскрикнет от боли или страха. Никогда. И тот, кто даже пав вселит такой ужас во врагов клана, что они никогда не забудут нанесённого им урона.

Джек видел, как изменилось выражение лица Томаса Холла, и знал, что дальше спорить бессмысленно. А в следующую секунду и сам ощутил ту же самую перемену в собственной душе.

"Алессандра права - и Вальтер тоже был с самого начала прав.

Плевать на всё. Теперь это вопрос чести. Позволь мы делам идти и дальше по-прежнему, и нам осталось бы только признать, что мы превратились в мантикорских холуёв. Собачонок, выпрашивающих на задних лапках подачку с хозяйского стола. Принимающих похлопывание по голове за жест уважения".

- Ладно, Вальтер, - пробурчал он. - По рукам. Прежде всего, сообщи нам, чем тебе помочь. Затем…

Они с Гавличек и Холлом быстро переглянулись. Было вполне очевидно, что остальные уступили инициативу ему.

- Затем изложи свои условия.

Вальтер Имбеси всегда был таков, подумал Джек. Его поведение всегда было слишком опрометчивым, он был слишком азартен, однако во всём остальном он был неизменно великодушен.

- Условия мы можем обсудить и потом, на досуге. Верите или нет, но я вовсе не испытываю потребности - во всяком случае прямо сейчас - в создании квадрумвирата. - Он глубоко кивнул, чуть ли не поклонился, и в свою очередь изрек древнюю фразу. - Maynes uverit, banc etenedu.

Томас одобрительно хмыкнул. "Руки свободны, стол широк". В вольном толковании это значило: "Давайте позаботимся о делах, а о делёжке прибыли станем беспокоиться потом. Хватит на всех".

- Сойдёт, - отозвался Джек. - И что сейчас?

Имбези ответил не сразу, он пристально смотрел на Каша. Тот уже подошёл к женщинам и о чём-то с ними разговаривал.

- Я не уверен, - ответил он. - Прежде всего, мы должны оставаться в тени. - Тут Имбеси подарил Алессандре взгляд, полный тайного одобрения. - Lei varai barbu, это точно… однако одной из задач такого человека, в конце концов, является спасение семьи ценой собственного падения. Разумеется, в случае необходимости, которой, как мы надеемся, не последует. Однако… кто знает?

- Помимо этого, полагаю, мы должны просто продолжать предоставлять Каша свободу действий. Он, знаете ли, лгал - во всяком случае сильно преувеличивал. На самом деле он не

планировщик. Иначе его замысел давным-давно развалился бы из-за собственной сложности. Он просто гений импровизации. Так что давайте позволим ему продолжать импровизировать.

Гавличек тоже одобрительно хмыкнула.

- Как я и сказала: lei varai barbu. Выбить дверь и посмотреть, куда она ведёт. Меня вполне устраивает. Даже если ничего большего из этого не выйдет, - мрачное выражение растаяло, сменившись жестокой ухмылкой, - он станет кошмаром для "Рабсилы", Мезы, Мантикоры и всех прочих, кто нам гадил. Можете быть уверены.

***

После того как Фуэнтес, Гавличек и Холл поднялись из-за стола и растворились в глубине всё ещё покрытого тьмой зала, Вальтер Имбеси повернулся, внимательно рассматривая племянницу. Мягко говоря, Наоми сейчас выглядела далеко не так беззаботно как обычно. Вообще-то, казалось что её вот-вот вывернет.

- Он больше не кажется милашкой?

Наоми чуть заметно кивнула, как будто опасаясь, что от более энергичного жеста её вырвет.

Вальтер не видел необходимости развивать тему. На самом деле он не был особо удивлён. Наоми вела намного более защищённый образ жизни, чем ей нравилось считать. Интрижка с "иностранным секретным агентом" - это было романтично, блестяще, дерзко и рискованно. Однако переспать с мужчиной с холодным взглядом змеи, который мог недрогнувшей рукой выбить мозги человеку, это было…

Нечто совсем другое.

Он мысленно пожал плечами. У людей есть свои пределы и Имбеси никогда не видел необходимости заставлять их за них выходить. Это обычно кончалось тем, что они просто ломались.

- Иди тогда домой.

Наоми исчезла молниеносно, если только такое определение можно было применить к чему-нибудь происходящему в этом огромном и мрачном зале.

***

Джинни, оставшись в одиночестве в центре зала, проследила за тем, как уходила Наоми. Она была удивлена не больше самого Вальтера. Однако намного менее снисходительна.

- Вали, сучка дешевая, - тихо прошипела она. - Прячься в свою конуру.

Она повернулась спиной к удаляющейся фигуре Наоми и стала разглядывать другую женщину.

"Вот эта, с другой стороны…"

***

- Итак, Виктор, что дальше? - поинтересовалась Танди. - Когда мне брать "Фелисию" на абордаж?

Его лицо всё ещё казалось вырезанным из мрамора. Она почти что удивилась, увидев, как шевельнулись губы.

- Ещё очень нескоро. По крайней мере часов через двенадцать, а то и восемнадцать.

Удивление Танди превзошло озабоченность.

- Почему так долго? Я-то думала, что ты будешь продолжать форсировать события.

- Чем продолжать форсировать, Танди? Да, ты наверное еще можешь продолжать действовать. Но всем остальным - и мне в том числе - нужен некоторый отдых. Кроме того, нам ещё много что нужно организовать. Мало проку нам будет, если мы захватим "Фелисию" до того, как сможем её использовать. Правда в данном случае заключается в том, что мы можем позволить себе паузу в несколько недель.

Танди попыталась понять, что он имеет в виду, но потерпела полнейшую неудачу.

- Что ты хочешь этим сказать? У тебя уже имеется требующийся инцидент. Мания Темплтона позаботилась об этом. Всё, что тебе остаётся сделать - это захватить "Фелисию" и получить возможность показать всей вселенной, что это на самом деле чёртов работорговец и…

Она замолчала. Лицо Виктора всё ещё было лишено всякого выражения, но в его тёмных глазах мерцало нечто.

Берри вмешалась.

- Ваши планы простираются дальше, верно?

- Было бы правильнее сказать, что дальше простираются мои импровизации. Но, да. Кое-что из сказанного принцессой - я имею

в виду Руфь, настоящую принцессу - позволяет мне собрать всю головоломку воедино. Именно поэтому я попросил её привести сюда того мантикорского капитана. Вскоре она должна с ним переговорить.

Какой бы взрослой ни казалось Бери иногда, сейчас она выглядела в точности на свои семнадцать. Она чуть ли не хлопала в ладоши.

- Как здорово! А я могу в этом поучаствовать?

Танди заметила разгорающийся в тёмных глазах огонёк, и её сердце упало.

- Виктор, ты же это не всерьёз. - И почти отчаянно: - Если потребуется, я могу захватить эту проклятую посудину в одиночку. С кодами-то. Я эксперт по действиям в открытом космосе, а это не военный корабль с сенсорами флотского стандарта. Им ни в жизнь не заметить моего приближения - я могу поспасть в судно через любой из… о, Боже, это торговое судно, у него должны быть десятки люков. А там - на этот раз я могу прихватить с собой оружие - меня встретят всего лишь полдюжины масадцев и кощеев и команда судна, которая сейчас, наверное, уже и так обделалась со страху. Это мясо, Виктор, и я поднесу его тебе на блюдечке. Выпотрошенным и разделанным.

- Они мне не нужны, - резко ответил Виктор. - Танди, нам нужно судно. Более того. Нам нужна видимость того, что оно остаётся под контролем масадцев - и это должно длиться неделями. Нет никакого смысла в троянском коне, когда вам некого в нём спрятать. А на это нужны недели. Боевики Баллрум рассеяны в окрестностях. Даже если забыть о том, что всё равно потребуется несколько дней, чтобы оговорить с мантикорцами и твоим драго… - хм, капитаном Розаком - их задачи.

Танди потрясла головой, пытаясь преодолеть замешательство.

- О чём ты говоришь? И что такое "троянский конь"?

Она встречала упоминание Трои в одной из прочитанных ею книг. Однако познания Танди в древней истории и мифологии были действительно чрезвычайно фрагментарны.

Впрочем, по-видимому, этот термин что-то значил для Берри. Глаза той широко распахнулись.

- Теперь я всё понимаю, - прошептала она. - Вы хотите, чтобы я продолжала изображать принцессу и попала на то судно… но затем… Да. Конечно же. Это очевидно.

Теперь и её глаза тоже горели. Сердце Танди опускалось всё глубже и глубже.

- Это великолепно! - Берри почти визжала. - У вас получится классический "позиционный тупик". Боже, у прессы будет просто

праздник! Они сбегутся, роняя слюнки, со всех окрестных планет. Хотя большинство фанатиков погибло при попытке захвата мантикорской принцессы, она остаётся их заложницей - да, это сработает. Трупы сделают правдоподобным что угодно, а после вас уж точно осталось множество валяющихся повсюду трупов… но как сюда вписывается капитан Оверстейген?.. О, точно!

Теперь она действительно захлопала в ладоши.

- Он совершенен! Как раз такой надменный мантикорский аристократ, который "Да будь я проклят, сэр!" если допустит, чтобы шайка паршивых работорговцев и пиратов содрала с Звёздного Королевства выкуп, однако - он же всё-таки мой дальний родич, в конце концов… ну, то есть, настоящей Руфи - на самом деле не желающий начинать пальбу. Так что…

Дойдя до этого места она немного заколебалась, но Танди могла видеть остальное. Может быть, она не обладала быстротой мысли Берри, но в военных делах действительно разбиралась намного лучше.

Брошенный Танди на Виктора взгляд был полон враждебности. Ей пришлось приложить усилие, чтобы не ударить его.

- Ты хладнокровный ублюдок. Ты хочешь использовать эту девочку - ей всего семнадцать, Виктор - только для того, чтобы выиграть время на то, чтобы набить судно твоими проклятыми убийцами из Баллрум, а затем - ура, сделка заключена - "Фелисии" наконец будет дозволено направиться на Конго, где "принцессу" может быть в конце концов освободят. Чёрт бы тебя побрал, Каша! Это же психи! Что с ней может за это время случиться? Ей придётся провести недели взаперти вместе с этими…

Глаза Каша больше не горели. Они просто казались… страдающими. А Берри фактически впилась в Танди свирепым взглядом.

- Ох, - произнесла Танди.

- Ох, - повторила она, чувствуя себя круглой идиоткой.

Но по крайней мере Берри перестала пронзать её взглядом.

- Всё в порядке, Танди, - сказала она, похлопав её по руке. Пусть это смахивало на котёнка, похлопавшего по лапе тигрицу, Танди тем не менее оценила жест.

Особенно увидев не ушедшую из глаз Виктора боль.

- Прости, - тихо произнесла она. - Я не подумала. Тебе надо только доставить Берри на судно, чтобы они её впустили. - Она поняла, как всё будет дальше происходить. - Именно поэтому ты и требовал, чтобы я оставила одного из кощеев живым, так? И одновременно сказал, что я могу измолотить его как моей душе

угодно. Камера шаттла покажет пиратам только то, что к ним летят принцесса и искалеченный, но всё ещё живой кощей. Возможно Берри сама, подлетая, сделает вызов, от отчаяния что находится одна на катере, которым не умеет управлять. Они впустят её - что ещё они могут сделать, когда мантикорский крейсер готов разнести их на атомы? - а пока их внимание будет отвлечено…

- Ты будешь уже там, - сказала Берри. - Именно как Виктор и планировал. Я уверена, что это с самого начала было частью его плана. Разве не так, Виктор?

Тот промолчал, однако Танди ничуть не сомневалась, что он планировал всё сделать именно так. Почему бы и нет? К настоящему моменту она знала, что Виктор гений в подобных делах.

Не было никаких причин оставлять пиратов в живых хоть секундой дольше того момента, как принцесса взойдёт на борт. Последующий многонедельный "тупик" мог быть с лёгкостью сыгран, при условии что Танди проберётся на судно тайком - о чём Виктор будет знать прежде, чем позволит Берри подняться на борт. За исключением посвящённых в тайну, никто бы не понял, что на судне нет никаких живых пиратов - и не было с того момента, как его палубы коснулась нога Берри.

Это было настолько очевидно… и было бы очевидно для неё, если бы не…

Если бы не воспоминание о мужчине с ледяными глазами, выстрелившем человеку в голову только для того, чтобы запугать трёх других и заставить их дать ему то, что он хочет. Том самом мужчине, который ради исполнения собственных планов мог безжалостно стоять и наблюдать, не вмешиваясь, как шайка Темплтона убивает порядка трёх десятков мантикорских солдат и штатских эревонцев.

Виктор кивнул, очень сухо.

- Вальтер Имбеси уже позаботился - по моей просьбе - о том, чтобы "Фелисия" продолжала получать скорректированную версию новостей о событиях на станции, в которой долгое преследование и отчаянная перестрелка закончились созданием тупикового положения в одном из туннелей. Это удержит "Фелисию" на месте, поскольку к настоящему моменту люди Темплтона должны уже установить над ней контроль. И они, конечно же, ничего не предпримут до тех пор, пока не выяснят, что случилось с их лидерами и прочими фанатиками. Это даст нам время, которое нужно нам прямо сейчас. Помимо этого у нас сейчас нет других дел, за исключением того, чтобы убедить капитана Оверстейгена сделать его часть работы. Для чего я, как

гражданин Хевена, едва ли подхожу. Будем надеяться, что принцесса Руфь справится с этим делом.

Он подарил Берри внимательный взгляд, намного более тёплый, чем брошенный на Танди.

- Я был бы очень признателен - и принцесса Руфь, как мне кажется, тоже - если бы вы оказали ей помощь. Все сходятся во мнении, что капитан Оверстейген крайне неподатливый человек. - Он кивнул в сторону Имбеси. - Вальтер может показать вам дорогу.

Его взгляд вернулся к Танди. Боль из взгляда ушла, сменившись ледяным холодом.

- А я пойду посплю. Предлагаю и вам сделать то же самое. Нам всем скорее всего стоит отдохнуть, день будет тяжёлый.

Виктор начал было поворачиваться, но остановился. Затем произнёс, очень тихо и не глядя на Танди.

- Я и вправду хладнокровен, лейтенант Палэйн. Я не извиняюсь за то, что я такой. Я не стал бы извиняться даже пред погибшими мантикорскими солдатами, не то что пред вами. Я сожалею об их гибели, однако - скажу прямо - у меня намного большее сожаление вызывает то, что в десятки раз большее число рабов "Рабсилы" умирает изо дня в день, из года в год, а вся вселенная стоит в сторонке, ахает, и не делает ровным счётом ничего для того, чтобы с этим покончить. Это не превращает меня в монстра, который может…

Казалось, у него на мгновение перехватило дыхание.

- Да, я рискну её жизнью. Однако ничуть не в большей степени, чем она - присмотритесь к ней - рискнула бы сама. Не в большей степени, чем те солдаты были готовы рискнуть своими жизнями, добровольно вступая в королевскую гвардию. Но считать, что я готов… готов… тащить её как жертву на алтарь и точить кинжалы для жрецов…

Больше он ничего не сказал. Просто повернулся и ушёл. Через несколько секунд его в зале уже не было.

- О, чёрт, - пробормотала Танди. Её сердце упало как никогда в жизни. - Я и правда всё испортила, да?

- Не глупи, - отчитала её Берри. - Это всего лишь ваша первая размолвка влюблённых. Ты заявила, что он жестокий злодей, и он чуточку обиделся. Невелика беда.

***

Затем Берри ушла, просить Вальтера Имбеси показать ей, где найти принцессу Руфь, профессора Дю Гавела и капитана Оверстейгена. Танди осталась одна. Сначала глядя в никуда. Затем на единственного, кроме неё, оставшегося в огромном зале человека. На Джинни Ушер, ответившую взглядом, казавшимся немногим менее враждебным, чем глаза Виктора.

На принятие решения Танди понадобилась минута.

Пятьдесят девять секунд колебаний из-за разочарований прошлой жизни, омерзительных компромиссов и рассыпавшихся надежд. И одна секунда на то, чтобы отбросить этот опыт.

Она шагнула к Джинни.

- Покажите, где его номер.

- Отлично, самое время. Я уже начала беспокоиться.

Когда Джинни договорила, она уже улыбалась и тащила Танди к выходу.

- Он будет очень взволнован, когда тебя увидит! Будет, ещё как! - Джинни строго погрозила ей пальцем. - Не позволяй этому дурацкому холодному взгляду одурачить тебя ни на мгновение, слышишь? Это всего лишь игра. Ну, вроде того. Однако внутри - ладно, глубоко внутри - он чахнет по тебе намного сильнее, чем по этой дрянной, прогнившей…

Глава 30

- … крайне сомнительно, принцесса. Признаю, что Конвенция Червелла даёт мне…

Говорящий прервался и перевёл взгляд на входящую в комнату Берри. Высокий, подтянутый офицер в форме капитана первого ранга Королевского Флота Мантикоры был потрясающе похож на молодую и куда более спортивную версию премьер-министра Мантикоры. Его конечности выдавали родство с семейством Жанвье с Высокого Хребта - каким-то образом выглядели слишком длинными относительно тела - и Берри упала было духом при первом же взгляде на него. Но тут она увидела его глаза. Да, такие же тёмные, но в остальном ничем не похожие на полуприкрытые, вечно расчетливые глаза, которыми премьер-министр взирал на остальной мир. Это были глаза человека, не готового принимать что-либо на веру, но при этом они были ясными и внимательными.

Уголок губ капитана приподнялся в сардонической улыбке.

- А это, как я понимаю, мнимая "принцесса Руфь".

Он поднялся и отвесил учтивый поклон, сделав это с лёгкостью и изяществом человека, родившегося и выросшего в высших кругах аристократии Звёздного Королевства.

- Капитан Майкл Оверстейген. Безмерно рад видеть, что вы не пострадали, миз Зилвицкая. Во всяком случае, вы не производите впечатления пострадавшей.

Услышав аристократический прононс и манерность речи этого человека, Берри порадовалась что потратила время на переодевание, прежде чем присоединиться к принцессе Руфи и капитану. Она сильно подозревала что при всей внешней обходительности Оверстейген подсознательно отнёсся бы к появившейся перед ним девушке в драных лохмотьях точно так же, как и типичный мантикорский дворянин, просто не приняв её всерьез - не обращая внимания ни на заоблачную цену материала лохмотьев, ни на уважительную причину такого состояния её одежды. Внешний вид есть внешний вид. Форма самого Оверстейгена была в безупречном состоянии.

Вместе с ним поднялась и лейтенант. Оверстейген повернулся к ней и вяло взмахнул рукой.

- Позвольте представить моего помощника тактика, лейтенанта Бетти Гёр.

Вместо поклона лейтенант Гёр достаточно резким движением протянула руку. Она вежливо улыбалась, но в глазах у неё таился

какой-то тревожный вопрос.

- Рада знакомству, - сказала она, а затем практически выпалила: - Но мне хотелось бы знать, откуда вашему отцу известно обо мне.

Глаза Берри расширились.

- Понятия не имею, лейтенант Гёр. Но полагаю это потому, что вы либо очень хороший, либо очень плохой разведчик. У папы пунктик насчет отслеживания подобных данных.

Оверстейген фыркнул. Хотя Берри звук напомнил скорее всхрап породистой лошади. Своего рода звонкое, резко оборвавшееся ржание.

- Тогда очень хороший, - заявил он. - Лейтенант точно не подходит под альтернативный вариант. - Он хитро улыбнулся Гёр. - Полагаю, вы можете расслабиться, лейтенант.

В глазах Гёр всё ещё стояло сомнение, но она больше не выглядела встревоженной.

- Чёртовы шпики, - буркнула она себе под нос.

Скорее всего эти слова не предназначались для окружающих, но у Берри был тонкий слух. Она широко улыбнулась и подтвердила:

- Ага. Тютелька в тютельку мой папа. Чёртов шпик.

Изображая уверенность, насколько только это получилось, Берри опустилась на диван рядом с Руфью.

- И не думайте, что мне ещё не приходилось задумываться что будет, когда у меня появится приятель. Ха. Мало того, что мой отец шпион - он ещё и очень умелый шпион.

Испытывая определённую гордость от того, что сумела сесть изящным движением - нелёгкая задача, в её-то вычурном наряде - Берри плавно перевела тему разговора.

- Но я, кажется, вас прервала. О чём вы говорили, капитан?

Оверстейген опустился в кресло. Но прежде чем продолжать перевёл взгляд на Руфь.

- Берри пользуется моим полным доверием, капитан. Как и профессор Дю Гавел, - принцесса кивнула в сторону сидевшего по другую сторону от неё человека. - Вы можете продолжать.

Оверстейген поколебался, прежде чем продолжить, но не более секунды.

- Замечательно. Как я говорил, принцесса, я считаю крайне сомнительным, чтобы посол Мантикоры дала добро в отношении вашего плана. Смогу ли я действовать без её одобрения или нет… - он пожал плечами. - Наверное смогу. Если буду убеждён, что действую правильно, я определённо так и поступлю. И будь что будет.

Руфь улыбнулась.

- Возможно, капитан, вас заинтересует замечание, недавно сделанное тётей Елизаветой, - она кивнула в сторону Берри. - Вообще-то сделано оно было в адрес её отца: "Полагаю, я могу доверять человеку, который не боится оказаться на мели, если придётся".

Ответная улыбка Оверстейгена была сардонической.

- Действительно. Понимаю вашу позицию, принцесса… но вам всё равно придётся убедить меня в том, что вы предлагаете здравые меры. В конце концов, королевы здесь нет, и какое бы решение я ни принял, оно должно быть принято быстро, или в этом не будет никакого смысла.

Руфь открыла было рот для ответа, но Оверстейген приподнял руку, предвосхищая её слова.

- Дело не в самой вашей идее, принцесса. По правде говоря, даже оставляя в стороне несомненную притягательность мысли о переходе Конго под управление бывших рабов, я могу видеть ещё как минимум два преимущества, которые это даст.

Он загнул первый палец.

- Во-первых, говоря непосредственно о выполняемых мною здесь задачах, это намного упростит борьбу с пиратством. Ни один находящийся в здравом рассудке пират - тем более работорговец - не станет болтаться в окрестностях звезды, где можно встретить вооруженных и ни чем в своих действиях не скованных бывших рабов. Особенно если - давайте не будем притворяться, что это не так, хорошо? - у этих бывших рабов в качестве организующей и направляющей силы в основном будет Одюбон Баллрум.

Оверстейген загнул второй палец.

- Сверх этого - при условии, что эта планета рабов останется политически нейтральной - она может оказаться очень полезным нейтральным портом в данном регионе, - и мрачно добавил: - Невозможно предсказать, какие вооруженные конфликты могут вспыхнуть в этом регионе в будущем, но пока Конго будет сохранять нейтралитет и оставаться в руках бывших рабов, по крайней мере никакие столкновения не приведут к обычному в таких случаях всплеску пиратства.

На лице Руфи уже проступала радость, но следующие слова Оверстейгена её стерли:

- Что приводит нас к моменту, вызывающему основное моё беспокойство, принцесса. К роли, играемой во всём этом хевенитским секретным агентом Виктором Каша.

Берри видела, что Руфь хотела было что-то сказать, но заколебалась. Она не сомневалась, что принцесса собиралась возразить, что Виктор Каша на самом деле не "секретный агент",

но…

К счастью, Руфи хватило здравого смысла не выдвигать это возражение. Понимая, насколько абсурдным оно будет в глазах настолько очевидно хорошо информированного человека как капитан Оверстейген.

Вместо этого Руфь только немного отрывисто произнесла:

- Развейте, пожалуйста, свою мысль.

- Я полагал, что это очевидно. Каша несомненно пытается использовать данный эпизод для продвижения интересов Республики Хевен в пространстве Эревона. Интересов, которые столь же несомненно прямо противоположны интересам Звёздного Королевства.

Руфь кивнула.

- Да. Разумеется именно этого он и добивается. Я совершенно уверена - как, полагаю, и вы - что в особенности он надеется использовать данный эпизод в качестве клина, которым можно было бы расколоть союз Эревона с нами. Возможно он даже надеется добиться их союза с Республикой Хевен. Что, как вы и сказали, прямо противоположно нашим собственным интересам. Как минимум, даже если идущие переговоры приведут к заключению мирного договора, Эревон может предоставить хевенитам почти все технологии, которые обеспечивают наше военное преимущество.

- Именно.

- И что с того, капитан? - требовательным тоном спросила Руфь. - Сможет Каша это провернуть или нет, как по-вашему мы сумеем помешать ему тем, что не участвуем в его проекте? Стоящая перед нами проблема, говоря без обиняков, состоит в том, что Каша фактически загнал нас в угол. Поставил нас между Сциллой и Харибдой.

Она на мгновение сжала зубы.

- Военный этикет не позволяет сказать это вслух вам, но не мне.

Настала очередь принцессы загибать пальцы.

- Сцилла. Благодаря идиотской внешней политике правительства Высокого Хребта репутация Мантикоры на Эревоне смешана с грязью.

Загнула второй палец:

- Харибда. Безотносительно возможных последствий, предложение Каша в отношении Конго не из тех, которым мы можем возразить исходя из их сути. Если мы так поступим, то просто станем выглядеть ещё хуже, чем выглядим ныне. Звёздное Королевство опять продемонстрирует эревонцам, что мы плюём на их интересы исходя из наших… и, что ещё хуже, что наши так

называемые интересы на самом деле плод наших собственных глупости и высокомерия.

Она опустила руку и практически - но не вполне - сердито взглянула на Оверстейгена.

- Короче говоря, капитан, если мы откажемся посодействовать эревонцам в реализации плана Каша, то рискуем ухудшением политической ситуации. Если же мы поможем Каша…

Она позволила словам повиснуть в воздухе. Мгновение спустя Оверстейген вздохнул.

- Да, я понимаю. Если же мы поможем Каша, то сможем по крайней мере минимизировать ущерб.

Тут Дю Гавел впервые вмешался в дискуссию.

- На самом деле даже больше. Не забывайте о необходимости думать о долгосрочных последствиях, капитан. Правительства Мантикоры приходят и уходят, что остаётся - так это династия. Будет уже немало, я полагаю, если вы как минимум здесь и сейчас продемонстрируете, что честь свою Дом Винтонов не нашёл на той же помойке, что барон Высокого Хребта своё беспринципное интриганство. Это может ничего не значить сегодня - или в следующем году - но историю следует мерить десятилетиями и веками. Как и премьер-министры, союзники тоже приходят и уходят.

Оверстейген склонил голову к плечу, а затем скосил взгляд на Руфь.

- А. Следует ли это понимать так, принцесса, что у вас есть планы непосредственного участия члена династии в этом деле? Как говорится, на передовой?

Руфь изо всех сил изобразила невинность, но…

"Как бы хороша она ни была, - подумала Берри, - ей всего лишь двадцать три года. Оверстейгена она не обманула ни на секунду".

- Как я и думал, - хрипло заявил капитан, выпрямляясь в кресле. Все следы аристократической неги пропали как не бывало. - Как бы там ни было, принцесса Руфь, я никак не могу согласиться с позволением члену королевского дома рисковать собой. Эта идея однозначно абсурдна. Начать с того…

Берри смирилась с тем, что вечер будет долгим.

***

Когда в номер вошла Джинни, ведя за собой Танди, Виктор

сидел в кресле у стола, уставившись на обзорный экран. На экране, занимавшем большую часть дальней стены, не было ничего, кроме вида на звёзды в направлении противоположном Эревону - вида достаточно величественного, но и столь же унылого, сколь и холодного.

Он не повернул головы, когда они вошли. Вообще-то, насколько могла судить Танди, он не обратил внимания на звук открывшейся и закрывшейся двери.

- Следовало ожидать, - буркнула Джинни. - Только Виктор Каша может усесться в самое неудобное кресло в роскошном номере.

Он по-прежнему не смотрел в их сторону.

- А почему мы вообще в этом треклятом номере? Я о таком не просил.

- Я просила, - веско заявила Джинни. - А у тебя гостья, так что хватит ворчать.

Танди осознала, что Виктор не понял, что вместе с Джинни зашёл кто-то ещё. Учитывая обычную для него чувствительность к окружению, одного этого было достаточно, чтобы ясно понять - он погружён в глубокую депрессию.

Виктор слегка повернулся. Когда его взгляд упал на Танди, его глаза слегка расширились. Затем сузились. А затем, не прошло и секунды, он снова уставился на экран.

- Что она здесь делает? - сказано это было тоном практически таким же холодным, как занимавшая экран межзвёздная пустота.

Танди почувствовала, что у неё оборвалось сердце, и начала разворачиваться. Но Джинни шлёпнула её по руке, словно мать ребёнка, остановив на полушаге. А затем - к полнейшему изумлению Танди - прошагала к Виктору и влепила ему настоящую материнскую оплеуху. Не ласковый шлепок, нет. Это был настоящий удар!

Виктор дёрнулся от удивления, его рука взлетела к щеке.

- Не веди себя как задница рядом со мной, - прорычала Джинни, с гневным лицом. - Она твоя гостья, потому что я сказала, что это так. Выставь меня лгуньей, Виктор, и можешь прощаться со своими ушами, поскольку я их тебе оборву.

Она повернулась к Танди - уже вся лучась радостью и одобрением, изменившись в своей молниеносной манере, уследить за которой Танди по-прежнему было сложно.

- Заходи же, - проворковала она. - Виктор весьма рад тебя видеть. Правда, Виктор?

Последняя фраза была произнесена всё с той же радостной улыбкой, но тон её по температуре не сильно отличался от абсолютного нуля.

- Э-э. Да, конечно. Заходите… э-э, лейтенант Палэйн.

Джинни подняла руку для ещё одной оплеухи. Виктор торопливо добавил:

- То есть Танди.

Танди нерешительно сделала несколько шагов вперед.

"Какого чёрта я здесь делаю? Это безумие! Он зол на меня - не могу сказать что всерьёз его за это виню - и мне бы следовало просто…"

- Тогда я пошла, - радостно объявила Джинни. - Раз уж у вас всё так хорошо начинается.

Дела у неё не расходились со словами, так что она прошла мимо Танди и скрылась за дверью - закрыв её за собой - прежде чем Танди успела хотя бы подумать о том, чтобы возразить.

Танди уставилась на Виктора. Тот в ответ уставился на неё. Секунды через две или три такого разглядывания Танди рывком заставила себя решиться.

"К чёрту всё. К чёрту его, если на то пошло. Гордость и собственное достоинство, девочка. Ну… хотя бы собственное достоинство".

- Я уже извинилась, Виктор. И не собираюсь делать этого снова. Поступай как знаешь.

Какое-то мгновение его лицо оставалось застывшим, сохранявшим всё то же унылое выражение, что было на нём когда они вошли в комнату. Затем выражение изменилось, став простой меланхолией, и он отвёл взгляд.

- Не обращай внимания, Танди. Извинения приняты… и мне самому следует извиниться за то, что повёл себя как последний болван. Прости. Просто я…

Она почувствовала, что её теплое отношение к нему возвращается. Можно даже сказать начинает её заполнять.

- Да, я понимаю. Просто ты задаёшься тем же вопросом, - она подошла и взгромоздилась на широкий подлокотник стоявшего неподалёку от него кресла. - Думаешь, я этого не делаю? Чтобы добраться до того места, что я занимаю сейчас - и которое в любом случае не так уж прекрасно на самом-то деле - мне пришлось совершить множество вещей, которым я не рада. От некоторых воспоминаний меня до сих пор поташнивает, а всё в целом заставляет задуматься о том, что же я такое. Временами это накатывает очень даже всерьёз.

Он кивнул. По-прежнему меланхолично. До Танди дошло, что каковы бы ни были его сильные стороны, Виктору Каша не очень удавалось справляться с собственной неуверенностью в себе. В основном он не обращал на неё внимания или делал вид что ничего такого не существует, но когда это не срабатывало - его

определённо накрывало с головой.

Понимание согрело её ещё сильнее. Вообще-то намного сильнее. В своём постоянном самокопании Танди удалось разом понять две вещи. Во-первых, что она была серьёзно влюблена в Виктора Каша. Серьёзно. Серьёзнее чем всё, что она чувствовала после первого своего приятеля, много лет назад. Во-вторых, она сочла что наконец-то поняла причину его притягательности.

Эта мысль вызвала у неё гортанный смешок. Тот самый смешок. Тот, который наряду с той самой улыбкой оказывал весьма дезориентирующее воздействие на мужчин.

Виктор исключением не был. Он снова уставился на неё, но на этот раз с выражением, которое мало напоминало пустоту космического пространства.

- Только я могла хранить себя для дьявола с золотым сердцем, - прошептала она. - Извращенка, извращенка, извращенка.

Она практически ленивым движением поднялась с кресла и начала расстёгивать жакет.

- Почему бы тебе не дать своим демонам отдохнуть, Виктор? Демоны, знаешь ли, есть у всех у нас. Что делает нас людьми - так это то, как мы с ними управляемся.

Она принялась избавляться от одежды, двигаясь так быстро, как могла всегда, когда этого хотела. Голос её был охрипшим, гортанным… она приняла решение и позволила жару заполнить себя.

- Так как насчет того, чтобы в остаток этой ночи помочь мне с моими демонами? Готова спорить, в этом номере гигантская кровать. Она нам пригодится.

Глаза у Виктора расширились до предела. Голова его была полуотвёрнута, словно он пытался не глазеть, но… не мог отвести глаз, заживших своей жизнью.

Тем не менее, он попытался пошутить:

- Полагаю, сопротивление будет бесполезно, а? Как я могу не дать тебе мной овладеть?

Танди чувствовала себя так, словно её заполняет магма; ей наконец удалось избавиться от ботинок и остатков одежды. Её смех был ещё более хриплым и гортанным.

- Так уж вышло, Виктор, что мои намерения прямо противоположны.

Она была полностью обнажена. Два шага и она подхватила его из кресла на руки, как ребёнка. Затем отнесла в спальню, бросила на кровать и более-менее скользнула туда же рядом с ним.

- Прости инверсию ролей, - выдохнула она, протягивая к нему

руки. Помогать ему освободиться от одежды нужды не было, поскольку Виктор уже делал это почти так же быстро, как могла бы делать она.

- Тебе никогда не приходило в голову, что женщина-штангистка может от этого устать? - прошептала она, лаская и целуя его. Он разделся всего за несколько секунд. Тело его было твёрдым и мускулистым. Не настолько твёрдым как её, в любой другой момент кроме этого. Но в данную секунду, наконец-то, она чувствовала себя совсем мягкой; больше чем ей удавалось почувствовать себя так за всю жизнь. Она купалась в этом ощущении мягкости и открытости.

Рука её скользнула вниз и обнаружила, к восхищению Танди, что тело Виктора в каждой его части было полной противоположностью.

- О, Боже, да, - прошептала она. - Просто возьми меня.

Глава 31

К тому времени как Оверстейген ушёл, лицо Руфи стало измученным и осунувшимся. Посторонний человек, не знавший принцессу настолько хорошо как Берри, мог бы предположить, что горечь порождена категоричным отказом Оверстейгена согласиться с предложениями Руфи.

Однако Берри действительно прекрасно знала свою подругу - и ничуть не удивилась, когда та разрыдалась, стоило только двери закрыться за уходящим капитаном. Дю Гавел явно был поражён, но Берри чего-то такого ожидала.

Руфь относилась к тем людям, первой реакцией которых в любой ситуации было действие, именно то действие, которое было необходимо немедленно. В сложной ситуации это было ценное качество - Берри и сама им обладала, хотя и не в такой высокой степени как Руфь, - однако в конечном итоге оно обходилось дорого, поскольку решительные немедленные действия слишком часто требовали забыть об эмоциях. Человек способен это сделать… на какое-то время. Но не навсегда. В конечном итоге цену решительности следовало заплатить, и цена эта могла оказаться высока. Особенно для человека вроде Руфи, не обладающей способностью Берри к самоанализу.

Берри крепко обняла принцессу.

- Всё хорошо, Руфь.

- Нет, не хорошо, - Руфь всхлипывала. - Я чувствую себя такой предательницей.

Слово "предательница", похоже, прорвало плотину. Руфь разрыдалась навзрыд и обхватила Берри, плотно, почти отчаянно к ней прижавшись.

Берри краем глаза увидела лицо Дю Гавела. Выражение лица профессора сначала изменилось от удивления к пониманию - "ну, конечно же; запоздавшая реакция на зрелище кошмарной бойни", - а затем снова сменилось удивлением и непониманием:

"Предательницей"? Что она такое несёт?"

Берри слегка разозлилась на Дю Гавела, но не слишком. Честно говоря, Руфь отличалась таким множеством странностей, что Берри не думала, чтобы кто-то кроме неё самой мог по-настоящему понять, какие чувства она сейчас испытывала.

Ну… может быть, за исключением ещё одного человека. Теперь, после того как их дружба стала такой близкой, Берри знала многое о жизни Руфи. И об истории её семьи.

- Твоя мама поступила бы точно так же, - прошептала она, -

Не думай, что она не сделала бы этого, Руфь.

Принцесса продолжала всхлипывать.

- Мне нравился Ахмед Григгс, - выдавила она. - Сразу… сразу… после того как он сумел преодолеть свою чопорность. И… и…

Следующие слова вырвались практически воплем:

- И я по-настоящему любила Лауру и Кристину! Не могу поверить, что их больше нет!

Берри и самой очень нравились сержанты Хофшульте и Буланчик. Лейтенант Григгс казался Берри слишком твердокаменным для того, чтобы испытывать к нему тёплые чувства, хотя она ничуть не сомневалась в его преданности долгу. Однако у Кристины Буланчик был дружелюбный характер - как и у Лауры Хофшульте, у которой вдобавок имелось и чувство юмора, столь же живое и острое как и её рефлексы, позволившие ей драться до конца, после того как она позаботилась о безопасности Руфи.

Воспоминания самой Берри о яростной и беспощадной перестрелке состояли в основном из ощущений странного замешательства и внезапного ужаса. Однако она твёрдо знала, что всегда будет помнить последние секунды жизни Лауры Хофшульте, которые она наблюдала, скорчившись под игорным столом.

Сначала, вид опустившейся на одно колено Хофшульте, что-то неуловимое в её позе, ясно говорящее, что выстрелы её пульсера находят свои цели. Затем её падение и страшный вид безжизненно глядящих на Берри глаз рухнувшей на пол Лауры - и валящийся рядом с её телом последний из врагов.

- Этот ублюдок, - наполовину прошипела, наполовину всхлипнула Руфь, - Этот долбаный вонючий убийца. Не могу поверить, что я… и я даже ни мгновения не колебалась!

По выражению лица Дю Гавела было очевидно, что он совершенно ничего не может понять. Берри удивилась, как такой умный человек может оказаться настолько непонятливым.

Однако удивление это долго не продлилось. У Берри имелись личные впечатления о жизни в качестве парии и изгоя Вселенной. Такое существование неизбежно имело для человека определённые последствия, в том числе прививало ему очень упрощённый моральный кодекс и крайне слабую приверженность "нежным чувствам".

- Он не "убийца", Руфь, - тихо произнесла она. - Это и несправедливо, и неточно, и ты ничуть не хуже меня это знаешь.

- Он мог их остановить! Паршивый ублюдок!

Берри не ответила ничего. Во-первых, возразить было нечего -

Каша мог предотвратить эти кошмарные смерти. Во всяком случае, большую их часть. Его предупреждения могло быть вполне достаточно для предотвращения потерь среди королевских гвардейцев.

Однако в основном Берри промолчала потому, что знала - Руфь на самом деле расстроена не из-за этого. Действительно, принцесса оплакивала погибших и была охвачена гневом на человека, который позволил им погибнуть. Однако сокрушило её совсем не это. А то, что она после этого без всяких колебаний сделалась союзником Каша.

Берри увидела, что лицо Дю Гавела прояснилось. Он, наконец, всё понял.

- Ох.

"Ага, Веб, - мрачно подумала она. - "Ох". Руфь может быть истинной дочерью своей матери, однако она принцесса от рождения. Как ПО-ВАШЕМУ она должна реагировать, когда на неё навалилось всё вот это?"

- Ох, - повторил Дю Гавел, и, вздыхая, провёл рукой по своей короткой шевелюре. - Руфь…

Принцесса подняла на него заплаканные глаза. Дю Гавел снова вздохнул, ещё тяжелее. Он умоляюще посмотрел на Берри, но та только покачала головой. Это была работа Дю Гавела. Делом Берри сейчас было обеспечить комфорт и уют.

- Я бы действительно на вашем месте не обвинял себя настолько сурово, - мягко произнёс Веб. - Учитывая ваше происхождение, Руфь, настолько эмоциональная реакция на случившееся делает вам честь. Но вам также делает честь - по крайней мере с моей точки зрения - и ваша первая реакция. Сразу после случившегося.

Теперь ничего не понимала Руфь.

- А?

Обычно доброе лицо Веба было жёстким.

- Послушайте, принцесса, я буду говорить начистоту. Я понимаю людей вроде Виктора Каша намного лучше вашего. Я вовсе ничего не имел против лейтенанта Григгса и его солдат - на самом деле мне и самому сержант Хофшульте была довольно симпатична - однако я также ничего не имел и за них.

Он снова посмотрел на Берри.

- Так относится к Короне отец Берри. Он не винит королеву Мантикоры за все глупости, которые творят её министры от её имени, однако ни он, ни Кэти Монтень не ставят ей это и в заслугу.

Руфь отёрла слёзы и подняла голову с плеча Берри. Берри, откровенно говоря, было практически смешно. Немедленная

реакция на любой вызов была как раз в характере Руфь Винтон. Будь вы прокляты, эмоции - вы можете подождать!

- Поподробнее, пожалуйста, - скомандовала принцесса, почти что выстреливая слова. - Я слышала как капитан Зилвицкий говорил Берри это же самое в день нашей встречи, но я не понимаю, как это относится к тому, о чем вы говорили.

Веб пожал плечами.

- Почему я, или Виктор Каша обязаны ставить жизнь мантикорского солдата - или жизнь состоятельного эревонского туриста - выше жизни раба?

Его лицо теперь было твёрже камня.

- И почему, кстати, так поступаете вы? Учтите, что лейтенант Григгс - и сержанты Хофшульте и Буланчик - по крайней мере имели право выбрать свою потенциально опасную работу добровольно. Поинтересуйтесь у любого из рабов "Рабсилы" - вроде тех тысяч и тысяч рабов на Конго, работа которых почти наверняка заберёт их жизнь в ближайшие несколько лет - предоставлял ли им кто-либо когда-либо такое право вообще? - Он кивнул на Берри. - Или спросите её, предлагали ли ей, когда она родилась, добровольно пожить в катакомбах Земли? Или спросите свою мать, предлагал ли ей кто-либо добровольно стать масадским движимым имуществом женского пола?

Веб насмешливо фыркнул.

- Боже, как я люблю "чистую мораль" сильных и богатых. Вы немедленно готовы лить слёзы по людям своего круга. А после этого даже не взглянете второй раз на тех, кто ниже вас, пусть даже они умирают каждый день, изо дня в день, из года в год. Такие люди не стоят даже вашего пренебрежения, не правда ли?

Руфь высвободилась из объятий Берри и выпрямилась, сердито и быстро утирая последние слёзы.

- Веб, это несправедливо!

Дю Гавел пристально посмотрел на неё.

- Да, на самом деле это несправедливо - по отношению к вам. По сути, весьма несправедливо. И я уверен в этом из-за того, как вы отреагировали, когда поняли, что Каша что-то задумал.

Руфь уставилась на него. Каменное лицо Веба внезапно было расколото доброй улыбкой.

- Имейте это в виду, принцесса Мантикоры. Тот самый поступок, за который вы сейчас клеймите себя "предательницей", по сути дела именно то, что заставляет бывшего раба "Рабсилы" ощутить стремление доверять принцессе. А я не так часто испытываю подобные ощущения, могу вас заверить. Я обычно доверяю высокопоставленным людям ничуть не больше, чем мог бы доверять змее. В этом отношении - у рабов много горьких

воспоминаний - я, если как следует разобраться, на самом деле мало чем отличаюсь от Джереми Экса.

Руфь повернула голову и уставилась на Берри. Та улыбнулась и пожала плечами.

- Он правду говорит. И я действительно думаю что тебе, когда выпадет случай, следует поговорить об этом со своей матерью.

Руфь скривила губы.

- Моей матерью. Той самой, которую мой отец называет единственным примерно за пятьсот лет представителем династии, кто способен поучить Дом Винтонов тому, что на самом деле означает слово "хладнокровие"?

- Ага, с твоей матерью, убийцей.

- И пиратом тоже, насколько я знаю, - бодро дополнил Дю Гавел.

Руфь переводила взгляд с Веба на Берри и обратно.

- Мне всё это всё равно пока что не по душе. И Каша всё равно ублюдок.

- Никто не просит, чтобы это было вам "по душе", принцесса, - заметил Дю Гавел. - Как я уже сказал, учитывая ваше происхождение эмоциональная реакция неизбежна. Хм. По сути дела, я бы, наверное, слегка испугался, если бы у вас её не было. Однако не позволяйте этой реакции заслонить действительность. Неважно, "ублюдок" Виктор Каша или нет. Честно говоря, я недостаточно хорошо с ним знаком, чтобы что-то определённое говорить о его характере.

Он наклонился вперёд в кресле, обхватив колени.

- Но вот что я действительно знаю. В то время как все остальные годами плачут и стенают об ужасах Конго - не предпринимая по этому поводу абсолютно ничего - Каша собирается прихлопнуть этот вонючий бизнес. Так что меня и правда не слишком волнует чистота его рук. Учитывая, насколько слабо я впечатлён белыми перчатками на руках у всех остальных.

- И вы думаете, профессор, что он делает всё это из-за своих прекрасных высоких принципов и идеалов? - напала Руфь в ответ. - Это хевенитский агент, профессор. Хевенитский агент. Агент нации, с которой Мантикора, уж так получилось, всё ещё находится в состоянии войны, - принцесса смело посмотрела Вебу в глаза. - Он вполне может желать "прихлопнуть этот вонючий бизнес", однако я сомневаюсь что вы настолько наивны, чтобы поверить будто он прилетел на Эревон именно за этим! - она горько фыркнула. - А если вы действительно настолько наивны, то я-то уж точно нет, уверяю вас!

- Нет, я так не думаю, - признал Дю Гавел. - Однако разве это меняет практические последствия его появления?

- С моей точки зрения, несомненно меняет, - категорично ответила Руфь. - Не поймите меня неправильно, профессор. Я ненавижу рабство так, как только может ненавидеть его человек, который сам никогда рабом не был. Как вы и говорили, моя мать была отчасти знакома с рабством, и она ничего не скрывала, когда рассказывала мне о своей жизни. И да, Каша хочет что-то сделать с Конго, что говорит в его пользу. Но вы слышали, о чем мы с Оверстейгеном только что спорили. И что если опасения капитана верны? Что если Каша действительно оторвёт Эревон от Звёздного Королевства и толкнёт его в объятия Хевена? И дело кончится возобновлением боевых действий? И Эревон передаст Хевену все технологии, которые позволили нам выиграть предыдущий этап войны? Вы представляете себе, сколько тысяч - сотен тысяч или даже миллионов - мантикорцев могут в конечном итоге погибнуть? Сколько грейсонцев? И пока вы, профессор, тут так высокоморально рассказываете мне, насколько права я была, поддержав крестовый поход Каша против Конго, не забывайте, что я не имею никакой особой, личной ответственности перед Конго. Или перед вами, если на то пошло.

Её взгляд был теперь непреклонен и Дю Гавел напомни себе, что она, несмотря на своё происхождение, была принцессой Дома Винтонов. И что Дом Винтонов, в отличие от слишком многих известных по истории королевских династий, всё ещё относился к своим обязанностям так же серьёзно, как и к привилегиям.

- Перед кем я действительно несу ответственность, так это перед мантикорцами, - продолжила принцесса, - также как и перед лейтенантом Григгсом и Лаурой с Кристиной. Прямую, личную ответственность. И если бы я делала то, к чему обязывает эта ответственность, я бы всеми возможными способами препятствовала бы всему, чего пытается достичь Каша, не поддерживая его и не оказывая помощи ублюдку, который позволил перебить моих охранников - моих охранников, профессор, людей, за которых я несу личную ответственность - хотя и мог это предотвратить. И не смейте говорить, что он не мог этого сделать или указывать, что я должна поставить его благородные антирабовладельческие принципы выше долга перед моими погибшими людьми!

Дю Гавел открыл было рот, затем остановился и склонил голову к плечу. Какое-то время он задумчиво разглядывал принцессу, и за это время уголок его сознания отметил её гнев и пришёл к выводу, что это намного более здравая реакция, чем отчаяние до того. Однако паузу он сделал не поэтому. Нет, он остановился потому, что понял, что она права.

- Тогда почему вы сразу не выступили против? - произнёс он

вместо того, что намеревался сказать первоначально. Тут Руфь вздохнула.

- Потому что не смогла, - произнесла она голосом, в котором горечь смешивалось с чем-то ещё. Она опустила глаза, разглядывая свои руки так, словно они принадлежат незнакомцу. - Как я уже говорила Оверстейгену, учитывая действия Каша и ущерб, который идиот Высокий Хребет уже нанёс нашим отношениям с Эревоном, лучшее, что я могу сделать для минимизации последствий того, что затеял Каша - это сотрудничать с ним. Я определённо не могу его остановить, и если я попытаюсь это сделать, то только усугублю разрыв. Так что единственным доступным мне рациональным ответом осталось помочь ему, а не мешать. Заработав тем самым благодарность за признание моральной ответственности Звёздного Королевства - или, по крайней мере, моего семейства - сделать всё, что в наших силах, для разрешения проблемы Конго.

- Исключительно ради Realpolitik и прагматизма, Ваше Высочество? - тихо поинтересовался Дю Гавел и она немедленно вскинула на него взгляд. Действительно, было странно видеть у такого тучного мужчины такой пронзительный орлиный взгляд.

- Это всё, что вами движет? - надавил Дю Гавел. - Политический расчёт? О, да, вы, разумеется, правы. Мои собственные аналитические выводы почти полностью совпадают с вашими, хотя, я уверен, вы намного лучше знакомы с политическими, дипломатическими и военными составляющими текущего положения дел здесь. Но разве это единственная причина того, что вы так быстро согласились поддержать Каша?

Принцесса в течение нескольких секунд твёрдо смотрела в глаза профессора, а затем покачала головой.

- Нет, - тихо произнесла она. - Мне практически жаль, что я не могу так сказать, но это не так. - Руфь глубоко вздохнула. - Как вы и сказали, каковы бы ни были прочие его цели, он готов что-то сделать для Конго. И если он сможет это сделать, то последствия для "Рабсилы" и самой идеи генетического рабства…

Она снова покачала головой.

- Мои люди уже мертвы, - произнесла она ещё тише. - Я не могу воскресить их. Но если Каша сможет осуществить свой замысел, то может быть я смогу сделать так, чтобы их смерти не были напрасными.

- Именно, - отозвался Дю Гавел. - Таково и моё мнение. С которым вы уже полностью согласны - по крайней мере, разумом. Я даже признаю правоту всех остальных ваших аргументов, правомерность всех ваших прочих обязательств. Однако истина заключается в том, что ради них здесь и сейчас вы не можете

сделать ничего. Хотя можете кое-что сделать для выполнения одного из более общих обязательств. Тех, которые имеются у всех - вроде обязательства делать всё возможное для борьбы с вещами вроде рабства.

Он резко фыркнул, и выражение его лица стало жёстким.

- Это точка зрения бывшего раба, Ваше Высочество. Обязательства и ответственность сплетаются в запутанные сети и ваша сеть ничуть не менее запутана, чем обычно бывает. Однако, как и для прочих гордиевых узлов, наступает момент, когда единственным выходом остается рассечь все эти клубки, узлы и переплетения. И в данном случае меч, наносящий удар, предельно прост. Вам остается только заглянуть в себя и понять, хватит ли у вас мужества - и честности - на то, чтобы подобрать его и нанести удар.

- Так что мы будем делать, принцесса? Вы собираетесь терзать сами себя за якобы "предательство" своей "этики" или станете одним из редких людей высшего общества не испугавшимся запачкать руки? Лично я надеюсь, что вы продолжите доверять своим инстинктам.

Руфь снова посмотрела вниз на свои руки, которые теперь лежали на коленях.

- Из вас двоих получились бы препаршивейшие психотерапевты, - высказалась она. - Разве вы не должны демонстрировать… ну сами знаете. По крайней мере некоторое сочувствие?

На взгляд Берри ответ Веба был крайне неделикатен.

- Почему? - спросил тот. Сама она уже снова сжимала Руфь в нежных объятиях.

- Не будьте ублюдком, Веб, - прорычала она, ещё теснее прижимая Руфь.

- Это почему? Я и есть ублюдок, - он высунул язык, демонстрируя генетические маркеры и тыча в них коротким указательным пальцем. - Вивифе. Нихахих хотителей.

Он убрал язык.

- Никаких. Ни отец, ни мать не записаны, чтобы дать мне приличное свидетельство о рождении. Просто "J-16b-79-2/3". Это я и есть. Ублюдком рождённый и воспитанный.

Руфь издала нечто вроде смешка.

- Вы не должны до такой степени щеголять этим обстоятельством.

- Определённо не должны, - решительно поддержала её Берри. Теперь она обняла Руфь за плечи. Берри достаточно хорошо понимала позицию Веба - как и позицию Каша, если на то пошло. Она даже до известной степени разделяла её сама. Однако

она также считала, что оба они имели склонность перебарщивать; склонность, которая, получив возможность зайти слишком далеко, могла стать ничуть не менее уродливой, чем черствое безразличие богатых и могущественных.

- Это всё наша сумасшедшая вселенная, - прошептала она на ухо Руфи. - Мы можем только делать всё, на что способны, вот и всё.

Руфь снова начала всхлипывать; по крайней мере попыталась сдержать рыдания. Однако Берри почувствовала, как она кивнула. Вообще-то, кивнула очень решительно.

Берри нашла это обнадёживающим симптомом. Особенно в сочетании со всхипываниями.

- Я правда тебя очень люблю, - прошептала она. - И Лаура с Кристиной тоже любили. Однажды они сказали мне…

Руфь больше не сдерживала рыданий. Да и не следовало их сдерживать. Берри просто баюкала Руфь в объятиях, кинув Вебу многозначительный взгляд.

Веб не ошибся в значении этого взгляда: "Хорошо, ублюдок. Ты сделал своё дело. Через несколько часов с ней всё будет в порядке. А теперь вали отсюда".

Он немедленно вскочил и направился к двери. Никакой профессор, даже Дю Гавел, не мог быть настолько рассеянным.

Глава 32

Коммандер Уотсон поприветствовала Оверстейгена, поднявшегося на мостик "Стального кулака".

- Простите что потревожила, сэр, - сказала старпом, - но я полагаю, что вам следует это увидеть, - указала она взмахом руки на экран.

- Что там? - подошёл ближе Оверстейген.

Старпом нажала кнопку, и изображение на экране ожило.

- Это запись обращения, сделанного графиней Фрейзер менее часа назад. Первое официальное заявление нашего посла по случаю похищения.

Оверстейген стиснул зубы. Судя по выражению лица Уотсон ему не понравится то, что он сейчас увидит.

***

Под конец записи Оверстейген пришел практически в откровенное бешенство. Первые две трети заявления Фрейзер он мог бы принять, более или менее, как пустопорожнюю дипломатическую болтовню. Но посол Мантикоры этим не удовлетворилась. Вместо того она в конце речи возложила всю ответственность на Эревон.

- … возмутительно, что охрана принцессы погибла, находясь прямо посреди сил безопасности Эревона…

- Она в курсе, что более двух десятков эревонских охранников тоже погибли от рук банды Темплтона, нет? - проскрежетал Оверстейген. Старпом, понимая что вопрос риторический - и видя стоящий за ним гнев - промолчала.

- … ответственность несёт исключительно Эревон, и Звездное Королевство Мантикора возлагает ответственность за благополучие принцессы на его представителей. Более того…

В этот момент длинный палец Оверстейгена прервал воспроизведение. В его движении была некая окончательность, словно у нажавшего на красную кнопку палача.

- Дайте мне связь с мантикорским посольством, - сказал он. - Я буду разговаривать из своей каюты.

Не прошло и нескольких секунд после того, как Оверстейген вошёл в свою каюту, как у него на экране был чиновник

посольства. Некто по имени Джозеф Гатри, по видимому гордый обладатель звания третьего помощника консула или какого-то иного в том же духе.

- Боюсь, посол сейчас недоступна, капитан. Если есть что-то, чем я…

- Скажите Деборе, что если она не будет "доступна" через… - губы капитана растянулись в улыбке, ничем не отличающейся от оскала, -… одну минуту ровно, то вам всем не поздоровится.

Третий помощник как-его-там уставился на него.

- Но, э-э, капитан…

Оверстейген уставился на часы.

- Пятьдесят пять секунд. Это, кстати, заодно то время, что осталось у твоей карьеры. Дай сюда Дебору, болван!

***

Графиня Фрейзер появилась меньше чем за десять секунд до конца назначенного Оверстейгеном срока. И довольной она не выглядела.

- Что такое, капитан Оверстейген? Я была бы вам признательна, если бы вы соблюдали подобающие формальности.

- Завянь, Дебора. Ты одна из множества моих кузин - Бог, должно быть, проявил здесь рассеянность - и ты ровно настолько же некомпетентна, насколько обычно проявляет себя ваша ветвь нашей семьи. Во имя Господа, ты думаешь что творишь? Наши отношения с Эревоном и так плохи, без того, чтобы ты совершенно добровольно добавила ко всему этому публичное оскорбление.

Она гневно отшатнулась.

- Ты не можешь!..

- Так с тобой говорить? Черта с два не могу. И отвечай на мой вопрос!

Губы графини сжались. А затем у неё на лице внезапно появилось нечто вроде лукавого выражения.

- А, понимаю. Ты встречался с ней только один раз, насколько я припоминаю, так что скорее всего плохо её помнишь.

- О чем ты говоришь?

Это точно было лукавое выражение.

- Ха! Тебя обвели вокруг пальца, Майкл. Эревонцы держат нас за дураков. Точнее пытаются держать, но я их разоблачила. Эта так называемая "похищенная принцесса" - никакая не принцесса.

Я встречалась с принцессою Руфью, и видела передачу, в которой она болтала о своём путешествии. Они, вероятно, использовали нанороботов для изменения её внешности, но голос её выдал. Девчонка, которую схватили эти психи, это вторая из парочки - Зилвицкая.

Оверстейген помотал головой. Не в жесте несогласия, а просто чтобы прийти в себя. Мыслительные процессы посла были непостижимы.

- Не вижу, какое это имеет отношение к делу… считая даже что это правда, с чем я не буду спорить. В любом случае, какая разница? Вне зависимости от того, какая из девушек подверглась нападению Темплтона и его психов, нам никак не следовало оскорблять из-за этого эревонцев.

Теперь Фрейзер умудрилась изобразить одновременно лукавство и изнеможение.

- Ради всего святого, Майкл. Своё заявление я делала не для того, чтобы уязвить твоих любимых эревонцев. Я его сделала просто для того, чтобы вытащить нас - точнее говоря тебя - из безвыходной ситуации. Если бы в руках у Темплтона была принцесса Руфь, нам бы пришлось её вытаскивать во что бы то ни стало. А так…

Она пожала плечами.

- Будем надеяться, разумеется, что Зилвицкая не пострадает. Но нельзя сказать, чтобы это имело какое-то реальное значение для Звездного Королевства, верно? И что бы ни случилось - благодаря моему заявлению - вина за это падёт на эревонцев, а не на нас.

Оверстейген секунд пять разглядывал её. Его гнев под конец ушёл, и сменило его нечто вроде усталости.

- Я оставлю в стороне то незначительное соображение, что мы говорим о жизни девушки-подростка. Я понимаю, что ты не опускаешься до подобных мелочей. Просто воспользуюсь возможностью, раз уж, кажется, не сделал этого раньше, на одном из собраний семейства - в смысле не сделал этого настолько прямо - чтобы сказать тебе, Дебора, насколько же ты безмозгла. Совершенно безмозгла. Не просто глупа. Без-мозг-ла. Чтобы было понятнее: с мозгами как у морковки.

- Ты не можешь!..

- Идиотка! Прежде всего, вся населённая галактика совершенно точно будет считать нас ответственными за наши действия - или бездействие - в этом эпизоде. Но на самом деле это не важно, Дебора. Во всяком случае, определённо не будет важно для тебя. Поскольку если Антон Зилвицкий решит, что ты виновата в смерти его дочери, могу тебя заверить, что его меньше

всего впечатлит твой официальный отказ от ответственности. Он довольно печально знаменит, ты не знала? Практически полным, насколько я понимаю, отсутствием почтения перед вышестоящими.

Он потянулся к панели управления.

- Разговор закончен, поскольку он, очевидно, с самого начала был бессмысленным. Напоминаю вам, госпожа посол, что как старший офицер флота в системе я обязан "согласовывать" с вами свои действия, но ни в каком смысле не нахожусь под вашим командованием. Так что, Дебора, считай, что мы "согласовали" позиции - ты кретинка, и я тебе это сказал - и я займусь делами королевства.

Он нажал на кнопку и экран потемнел. Затем, поразмыслив секунд примерно пять, Оверстейген вызвал связиста.

- Лейтенант Чени, будьте так добры, соедините меня с Берри Зилвицкой. Вы сможете найти её через центральный коммутатор станции. Перенаправьте, пожалуйста, канал связи сюда.

Не прошло и минуты, как на экране появилась Руфь Винтон.

- Да, капитан?

Оверстейген прочистил горло.

- А, миз Зилвицкая. Очень рад снова вас видеть. Я только хотел дать вам знать, что передумал. Можете свободно применять ваши, э-э, специальные навыки в той задаче, которую мы обсуждали, и обращаться ко мне когда сочтёте это необходимым. Доброго вечера.

***

Руфь сумела - едва-едва - сдержать ликующий вопль. Энергичный хлопок дверью спальни Берри по-видимому должен был компенсировать это вынужденное самоограничение. Очевидно, сдержанно подумала Берри, принцесса полностью совладала со всеми демонами, которых могло разбудить её решение поддержать действия Каша.

- Идём! - воскликнула Руфь. - Оверстейген передумал! Мы в деле!

К счастью Берри как раз закончила переодеваться в повседневную одежду. Так что Руфь никак не повредила прочную, практичную ткань, когда потащила свою компаньонку через весь номер к двери, ведущей в коридор.

- Ладно, ладно! - запротестовала Берри. - Я иду, - она бросила

взгляд на дверь спальни Дю Гавела. - А что насчет профессора?

- Пусть спит, - принцесса вытащила её в коридор. Как только Берри закрыла за собой дверь, Руфь её отпустила и рысью припустила по коридору.

- Что случилось? - спросила Берри.

- Черт его знает. Впрочем, судя по выражению лица капитана, кто-то его здорово разозлил, - принцесса повернулась к Берри с радостной улыбкой. - Не думаю, чтобы мне особо хотелось видеть Оверстейгена обозлившемся на меня, это уж точно. Он, знаешь ли, осколок прошлого. Ходят слухи, что в нём воплотился дух его прадеда - по материнской линии - Орвилля Судербуша. Тот дрался на четырнадцати дуэлях или около того. Все кроме трёх закончились смертью. На нём самом - ни царапинки.

Она завернула за угол и влетела в лифт.

- Куда мы идём? - у Берри появилась лёгкая одышка, и она снова про себя поклялась заняться своей физической формой.

- Поговорить с Каша и Палэйн, куда ещё? Именно они будут заправлять спектаклем ближайшие несколько дней.

Лифт выпустил их в смотрящийся слегка менее роскошно коридор.

- Каша, кажется, в номере "Клондайк-45", - пробормотала Руфь. - Должно быть за этим поворотом…

***

Её предположение было правильным. Но доказательство этого вогнало обоих девушек на какое-то время в ступор. На полу коридора, прямо перед дверью в номер, разлеглась Джинни Ушер. По всей видимости она спала.

- Хм, - буркнула Руфь.

- Точно, "хм", - прошептала Берри. - Думаю, нам следует…

Что она думает осталось непроизнесённым, поскольку в этот момент Джинни открыла глаза. Пронзила их острым взглядом, а потом, по-видимому убедившись, что они не создают проблем, потянулась и села. Напомнив Берри холёную кошку.

- Что такое? - зевнула Джинни.

- Нам надо поговорить с Виктором, - ответила Руфь.

Джинни мотнула головой.

- Не выйдет. Ему нужно немного, э-э, отдохнуть. Именно поэтому я расположилась здесь: чтобы гарантировать, что его никто не потревожит.

Произнесено это было довольно мирным тоном, но Берри было очевидно, что Джинни не переубедить.

Руфь, по всей видимости, пришла к такому же выводу.

- О'кей, ладно. Наверное, для начала мы можем обойтись лейтенантом Палэйн. Не знаете, где мы можем её найти?

- Знаю, - Джинни ткнула большим пальцем через плечо. - Она там, вместе с Виктором. Отдыхает. В широком смысле этого слова, если понимаете о чём я.

Руфь и Берри уставились на неё, и Джинни ухмыльнулась.

- Так что скорее Ад замерзнет, чем я впущу вас. Забудьте. Меня не колышет, даже если вы собираетесь спасать галактику. Галактике придётся подождать.

Руфь и Берри переглянулись.

- О, - только и произнесла Руфь.

Берри была чуть менее лаконична:

- Ага.

Руфь вздохнула и прислонилась к стене коридора. Потом вздохнула ещё более тяжко и сползла по стене, оказавшись в конце концов в неуклюжей позе на полу.

- Чёрт.

Берри присела рядом с ней.

- Посмотри на это со светлой стороны. По крайней мере утром они будут в лучшем настроении, чем были ещё недавно. Ну, во всяком случае я на это надеюсь.

Через дверь до них донёсся звук. Слов было не разобрать, но у Берри перед глазами встал образ распалённой тигрицы, завывающей о своей страсти меццо-сопрано.

- О, - повторилась Руфь.

- В существенно лучшем настроении, - уверенно заявила Берри.

Руфь мотнула головой.

- Да, конечно, но… Чёрт побери, мы же должны начать составлять план.

Джинни недоумённо на них взглянула.

- Какой план? - и тут же махнула рукой. - Не важно. Могу догадаться. Безумная идея Виктора Каша. В таком случае, зачем вам дожидаться безумца? Уверена, что вы двое сумеете составить сумасшедший план и самостоятельно.

Руфь и Берри уставились на неё. Джинни снова ухмыльнулась.

- Отправляйтесь в суперлюкс "Лесопилка Саттера-57", - предложила она. - На два этажа ниже. Там коротает ночь большая часть банды Танди. Они скорее всего смогут помочь вам с отработкой идей. А если не смогут, уверена, с этим справятся

маньяки из Баллрум. Подозреваю, что к настоящему моменту большинство из них находится там же.

Руфь вскочила на ноги.

- Великолепная идея!

Берри тоже поднялась, но с меньшим энтузиазмом.

- Э-э…

- Да не волнуйся, - сказала Джинни. - Это громадные апартаменты со множеством комнат и центральным залом размером примерно с теннисный корт. Большая часть оргии будет происходить в спальнях. Уверена, что вы сможете найти хоть кого-то, кто станет с вами разговаривать.

Энтузиазм Берри только уменьшился.

- Э…

Но Руфь ухватила её за ворот и потащила по коридору.

- Не будь ханжой, - заявила она. - Во Дворце на Королевской горе постоянно устраиваются оргии.

Челюсть Берри отвисла.

- Ну, - на лице Руфи была уверенность того типа, которую испытывает подросток, собирающийся категорично высказаться по вопросу, о котором абсолютно ничего не знает. - Не моей тётей, разумеется. Но уж слугами-то точно.

***

- Готова спорить, что не такие, - буркнула себе под нос Берри, когда одна из амазонок Танди, Яна, впустила их в номер. Девочки прошли за ней в центральный зал, изо всех сил стараясь игнорировать тот факт, что Яна была нагишом, но совершенно не выглядела этим смущённой.

- Тут кое-кто хочет вас видеть, - лениво произнесла Яна, обращаясь к лежавшей на диване парочке. - Во всяком случае, мне кажется, что им следует говорить с вами. Чертовски точно не со мной, поскольку Дональд уже должен был восстановиться.

Яна с улыбкой направилась к ближайшей двери. Со странной улыбкой, в которой смешались беззаботность и предвкушение. Когда она открыла дверь и скользнула в комнату, Берри успела заметить крупного мужчину, поднимавшего голову с подушки. Ей пришлось подавить смешок. Выражение на лице мужчины было неописуемым. Предвкушение в смеси с… чем-то не слишком отличным от откровенного ужаса.

- Что случилось, девочки? - поинтересовалась у них Лара,

также нагая и лежавшая более или менее развалившись на мужчине. Берри не была уверена, но кажется это был тот, кого называли Сабуро Экс. Одежды на нем было ровно столько же, сколько и на Ларе, но безразличия ко всему этому он демонстрировал гораздо меньше.

Берри не находила слов. К счастью - или к несчастью - к Руфи это не относилось. Хотя от Берри не укрылось то, что принцесса не отводила взгляда от противоположной стены пока тараторила, излагая суть миссии, с которой они пришли.

Когда она закончила, Лара подняла голову и повернулась к Сабуро.

- Хочешь этим заняться или нет?

Берри, оценив его улыбку, заподозрила мужчину во врождённой язвительности.

- Восхитительно. Ты действительно спрашиваешь меня о чём-то?

Лара ухмыльнулась.

- На что тебе жаловаться? Просто подумай о том, сколько я тебе сэкономила сил, которые ушли бы на интриги и заговоры.

- Достаточно справедливо, - Сабуро провёл рукой по её коротким волосам, а затем очень тихо произнёс, очевидно адресуя слова только Ларе, хотя Берри их и расслышала: - Не уверен, получится ли у нас что-то, но… если получится, то это будет потому, что мы оставили друг другу достаточно свободы. Согласна?

Ответом Лары было мурлыкание, за которым последовало нежное поглаживание бедра Сабуро.

- Недочеловек ты или нет, я и правда могу к тебе привязаться. Да. Согласна.

Она немедленно поднялась и поскакала к ещё одной из дверей.

- Тогда нам лучше одеться. Предпочтёшь свои шмотки, или удовлетворишься одним из роскошных гостиничных халатов?

- Халат пойдёт. - Сабуро повернулся к Берри и Руфи. - Дайте нам минутку, хорошо? Лара скорее всего и так бы справилась - будучи суперженщиной и всё такое - но я просто не готов плести первоклассные интриги и заговоры в чём мать родила.

- Нет проблем, - решительно заявила Руфь, не сильно испортив, на взгляд Берри, величественность момента немного сорвавшимся голосом.

Сама Берри не сказала ничего. По её мнению молчания было достаточно. В конце концов, она не была членом королевской семьи, впёршимся посреди дикой оргии с участием недочеловеков-террористов и маньячек-суперженщин. Она была

просто…

- Папа меня убьёт, - прошипела она. - Я - труп. Труп-труп-труп.

- Он ничего не узнает, - шёпотом ответила Руфь.

- Узнает. Антон Зилвицкий узнаёт всё.

***

- Это должно сработать, - заявил лейтенант-коммандер Ватанапонгсе. Флотский офицер Лиги откинулся в кресле в центральном узле связи космической станции и поднял глаза на Вальтера Имбеси. - Но последнее слово, разумеется, за вами.

Имбеси какое-то время рассматривал его; затем, более долгое время, разглядывал панель управления. Он испытывал искушение - могучее искушение - спросить, как так вышло, что у Ватанапонгсе нашлось достаточно записей голоса Авраама Темплтона, чтобы смонтировать то обращение, которое он подготовил. Меньше чем через два часа после прибытия на "Цену греха".

Если на то пошло, Имбеси также испытывал искушение спросить, как Ватанапонгсе умудрился добраться до станции так быстро. Практически единственным вариантом настолько быстрого появления на космической станции для лейтенант-коммандера было стоять наготове рядом с шаттлом внизу, в Мэйтаге.

Вальтер подозревал, что так оно фактически и было. Но…

"Эти вопросы лучше не задавать. Не видеть зла, не слышать зла, и так далее, и так далее. Если я получу результат, который мне нужен, то остальному позволю остаться за кадром".

- Действуйте, - отдал он команду. - Отправляйте запись.

Ватанапонгсе кивнул и нажал на тумблер.

- Отправится по одному из каналов масадцев. Которые - ха! - они продолжают считать надёжными.

Вальтер внимательно слушал запись, которая параллельно воспроизводилась через динамики центра.

Говорил Авраам Темплтон - так во всяком случае заявил офицер Лиги; сам Вальтер никогда не слышал масадца - и голос его звучал прерывисто и напряжённо. Словно произносящий слова человек был серьёзно ранен и изможден.

- Осия, Соломон, кто бы там ни был. /Звук резко втянутого воздуха, словно из-за приступа боли./ Гидеон… мёртв.

Большинство из нас мертвы. Мне недолго осталось. Сучка у нас. /Долгая пауза, неясный звук булькающего дыхания. Возможно из-за проникающего ранения в грудь./ Здесь патовая ситуация. Они не могут достать нас не… /Ещё раз звук резко втянутого воздуха, сопровождаемый тихим стоном./ Убив шлюшку. Сказал им, что так и сделаю. Они отступили. /Ещё одна пауза, более короткая. Следующие слова произносятся с напряжением, словно у говорящего заканчиваются силы./ Держитесь. Двенадцать часов или около того. Мы сторгуемся. Позволят нам уйти, если сохраним жизнь сучке. /Внезапный тихий вскрик, словно Темплтон борется с болью./ Просто держитесь. Двенадцать часов или около того. Мы придём.

Ватанапонгсе перекинул тумблер и голос прервался.

- Вот и всё. Этого должно хватить самого по себе. Но я продолжу следить за каналом, и смонтирую ещё что-нибудь, если покажется что это нужно.

Он откинулся в кресле с довольным и расслабленным видом.

- Проще простого. Всё что вам и мне теперь осталось сделать, это позволить… э-э, как там это называется? "Специалистам по мокрым делам", так кажется? Позволить им делать своё дело. Ещё восемнадцать часов - скорее меньше - и всё кроме ожидания закончится.

Вальтер кивнул.

- Заметьте, это будет непросто. Я имею в виду удержать нечто вроде этого в секрете несколько недель.

Ватанапонгсе был достаточно вежлив, чтобы удержаться от откровенно насмешливой ухмылки.

- С такой ручной прессой как у вас? Проще простого.

Имбеси нахмурился.

- Не пресса меня беспокоит. Знаете ли, рано или поздно Антон Зилвицкий услышит об этом и вернётся. И тогда…

- Привлеките его на нашу сторону. Задействуйте его в интриге.

- Ну, да. Таков план. Но что, если он не будет склонен привлечься?

Ватанапонгсе не ответил ничего. Но Имбеси порадовало исчезновение с его лица самодовольного выражения.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

1/28/2010